

ЛЕНИН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

31

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX СЪЕЗДА РКП(б)
и II СЪЕЗДА СОВЕТОВ
СССР

ИНСТИТУТ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б)

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

Издание четвертое

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1950

В. И. ЛЕНИН

ТОМ

31

Апрель — декабрь 1920

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тридцать первый том содержит произведения, написанные В. И. Лениным с апреля по декабрь 1920 года, в период окончательного разгрома основных сил интервенции, войны с последними ставленниками Антанты — белополяками и Врангелем.

Основное содержание тома составляют произведения, посвященные обороне Советской республики, задачам социалистического строительства и вопросам международного коммунистического движения.

В том входит книга «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», в которой Ленин на основе опыта истории большевизма, трех русских революций и первых лет существования Советского государства развил дальше теорию пролетарской революции и диктатуры пролетариата, стратегию и тактику ленинизма; раскрыл международное значение Великой Октябрьской социалистической революции и революционного опыта большевистской партии. Ленин показал, что международный оппортунизм является главным врагом внутри рабочего движения и заклеймил лидеров II Интернационала как соучастников империалистического бандитизма; подверг исчерпывающей критике антимарксистскую сектантскую тактику «левых» коммунистов в международном рабочем движении.

Большое место в томе занимают документы, относящиеся к подготовке Второго конгресса Коммунистического Интернационала, а также доклады и речи на конгрессе. К ним относятся: «Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам», «Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу»,

«Тезисы об основных задачах Второго конгресса Коммунистического Интернационала», «Условия приема в Коммунистический Интернационал», «Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала» 19 июля 1920 г. и другие. В этих документах обоснованы программные, организационные и тактические принципы международного коммунистического движения.

Документы: «Письмо к австрийским коммунистам», «Письмо к немецким и французским рабочим. По поводу прений о Втором конгрессе Коммунистического Интернационала», «О борьбе внутри Итальянской социалистической партии» отражают борьбу Ленина за проведение основных решений Коминтерна в международном рабочем движении.

В речах о международном и внутреннем положении Советской республики на IX Всероссийской конференции РКП(б), Московской губернской конференции и на съездах профессиональных союзов Ленин разоблачает новый план Антанты — при помощи буржуазно-помещичьей Польши и Врангеля задуть Советскую Россию; призывает рабочий класс и трудящиеся массы к напряжению всех сил для организации победы над интервентами; подводит итоги успехам Красной Армии в разгроме военных сил буржуазно-помещичьей Польши и Врангеля.

Группа документов: «Доклад о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов» 21 декабря 1920 г., «Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров» 22 декабря 1920 г., «Проект резолюции VIII съезда Советов по докладу об электрификации» и другие посвящены вопросам государственного и хозяйственного строительства: обоснованию значения электрификации в деле восстановления и социалистического развития народного хозяйства страны.

В проекте резолюции для съезда Пролеткульта «О пролетарской культуре» и в «Речи на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г.» Ленин подвергает критике извращения Пролеткультом линии партии в области культуры; раскрывает роль партии и пролетарского государства в строительстве социалистической культуры, показывает отношение марксизма к лучшим завоеваниям человеческой мысли и культуры, определяет задачи про-

свещения и искусства в борьбе за укрепление диктатуры пролетариата.

В речи «Задачи союзов молодежи», произнесенной на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г., Ленин выдвигает основные задачи Коммунистического союза молодежи — коммунистическое образование и воспитание молодого поколения; показывает неразрывную связь коммунистического образования с борьбой пролетариата и всех трудящихся за построение коммунистического общества; обосновывает принципы коммунистической морали.

В том включен 21 документ, не входившие ранее в Сочинения В. И. Ленина. В речи к красноармейцам, отправляющимся на польский фронт, 5 мая 1920 г. и в выступлении на широкой рабоче-красноармейской конференции в Рогожско-Симоновском районе 13 мая 1920 г. Ленин призывает рабочих и красноармейцев напяречь все силы для разгрома белополяков.

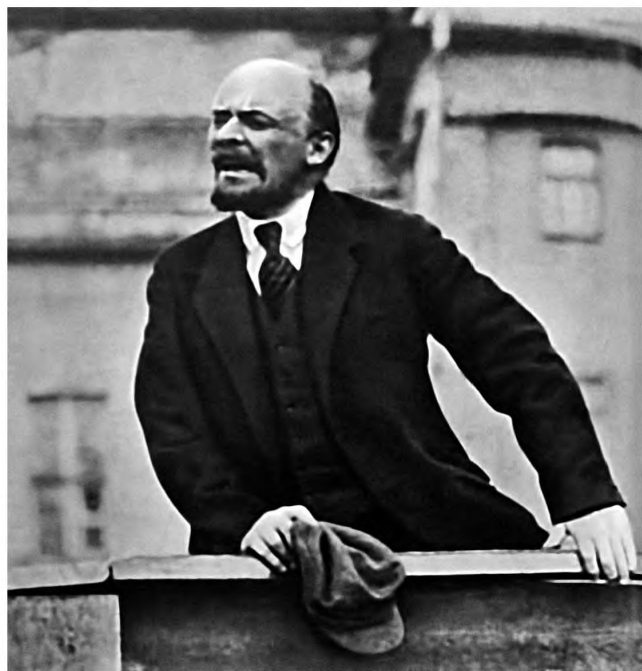
Документы: «Индийской революционной ассоциации», «Ответ на письмо Соединенного временного комитета по образованию Коммунистической партии Великобритании», «Двадцатый пункт условий приема в Коммунистический Интернационал» посвящены вопросам международного коммунистического движения.

В том входит группа документов, которые показывают совместную деятельность и тесное содружество В. И. Ленина и И. В. Сталина по руководству обороной страны и по укреплению Советского государства. К ним относятся: «Телеграмма И. В. Сталину» 17 июля 1920 г., «Телеграмма И. В. Сталину» 2 августа 1920 г., «Телеграмма И. В. Сталину» 4 августа 1920 г., «Телеграмма И. В. Сталину» 11 августа 1920 г., «Телеграмма И. В. Сталину» 29 октября 1920 г., «Телеграмма И. В. Сталину» 13 ноября 1920 г., «Из переговоров по прямому проводу между В. И. Лениным и И. В. Сталиным».

В ряде документов: «Речь на митинге, посвященном закладке памятника освобожденному труду, 1 мая 1920 г.», «К незаможным селянам Украины», «Телеграмма Советскому правительству Украины и штабу Южного фронта», «Речь на собрании секретарей ячеек московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 г.», заключительное слово по докладу на общем собрании коммунистов Замоскворечья

29 ноября 1920 г., «Телеграмма председателю Революционного военного комитета Армении» В. И. Ленин намечает задачи по восстановлению и строительству народного хозяйства.

В числе документов, включенных в Сочинения В. И. Ленина, впервые публикуются: «Телефонограмма И. В. Сталину» 12 или 13 июля 1920 г. по вопросу о мире с Польшей, «Проект резолюции «Задачи профессиональных союзов и методы их осуществления», «Речь на Московской губернской конференции РКП(б) по выборам в МК 21 ноября 1920 г.». Эти произведения посвящены задачам партийного и профессионального строительства и внешней политике Советского правительства.

**ДЕТСКАЯ БОЛЕЗНЬ «ЛЕВИЗНЫ»
В КОММУНИЗМЕ¹**

Написано в апреле — мае 1920 г.

*Напечатано в июне 1920 г.
отдельной книгой*

*Печатается по тексту книги,
сверенному с рукописью*

I

В КАКОМ СМЫСЛЕ МОЖНО ГОВОРИТЬ О МЕЖДУНАРОДНОМ ЗНАЧЕНИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ?

Первые месяцы после завоевания пролетариатом политической власти в России (25. X — 7. XI 1917) могло казаться, что громадные отличия отсталой России от передовых западноевропейских стран сделают революцию пролетариата в этих последних очень мало похожей на нашу. Теперь мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение. И я говорю здесь о международном значении не в широком смысле слова: не некоторые, а все основные и многие второстепенные черты нашей революции имеют международное значение в смысле воздействия ее на все страны. Нет, в самом узком смысле слова, т. е. понимая под международным значением международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас, приходится признать такое значение за некоторыми основными чертами нашей революции.

Конечно, было бы величайшей ошибкой преувеличить эту истину, распространить ее не только на некоторые из основных черт нашей революции. Точно так же было бы ошибочно упустить из виду, что после победы пролетарской революции хотя бы в одной из передовых стран наступит, по всей вероятности, крутой перелом, именно: Россия сделается вскоре после этого не образцовой, а опять отсталой (в «советском» и в социалистическом смысле) страной.

Но в данный исторический момент дело обстоит именно так, что русский образец показывает всем странам кое-что,

и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего. Передовые рабочие во всех странах давно поняли это, — а еще чаще не столько поняли, сколько инстинктом революционного класса схватили, почували это. Отсюда международное «значение» (в узком смысле слова) Советской власти, а также основ большевистской теории и тактики. Этого не поняли «революционные» вожди II Интернационала, вроде Каутского в Германии, Отто Бауэра и Фридриха Адлера в Австрии, которые и оказались поэтому реакционерами, защитниками худшего оппортунизма и социал-предательства. Между прочим, анонимная брошюра «Всемирная революция» («Weltrevolution»), вышедшая в 1919 году в Вене (Sozialistische Bücherei, Heft 11; Ignaz Brand*), показывает особенно наглядно весь ход мысли и весь круг мысли, вернее, всю бездну недомыслия, педантизма, подлости и предательства интересов рабочего класса — и притом под соусом «защиты» идеи «всемирной революции».

Но остановиться подробнее на этой брошюре придется когда-либо в другой раз. Здесь же отметим только еще одно: в давно-давно прошедшие времена, когда Каутский был еще марксистом, а не ренегатом, он, подходя к вопросу, как историк, предвидел возможность наступления такой ситуации, при которой революционность русского пролетариата станет образцом для Западной Европы. Это было в 1902 году, когда Каутский писал в революционной «Искре» статью: «Славяне и революция». Вот что он писал в этой статье:

«В настоящее же время» (в противоположность 1848 году) «можно думать, что не только славяне вступили в ряды революционных народов, но что и центр тяжести революционной мысли и революционного дела все более и более передвигается к славянам. Революционный центр передвигается с запада на восток. В первой половине XIX века он лежал во Франции, временами в Англии. В 1848 году и Германия вступила в ряды революционных наций... Новое столетие начинается такими событиями, которые наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению революционного центра, именно: передвижению его в Россию... Россия, воспринявшая столько революционной инициативы с Запада, теперь, быть может, сама готова послужить для него источником революционной энергии. Разгорающееся русское революционное движение окажется, быть может, самым могучим средством для того, чтобы вытравить тот дух дряблого филистерства и трезвенного политиканства, который

* — Социалистическая библиотека, выпуск 11; Игнац Бранд. *Ред.*

начинает распространяться в наших рядах, и заставит снова вспыхнуть ярким пламенем жажду борьбы и страстную преданность нашим великим идеалам. Россия давно уже перестала быть для Западной Европы простым оплотом реакции и абсолютизма. Дело обстоит теперь, пожалуй, как раз наоборот. Западная Европа становится оплотом реакции и абсолютизма в России... С царем русские революционеры, быть может, давно справились бы, если бы им не приходилось одновременно вести борьбу и против его союзника, — европейского капитала. Будем надеяться, что на этот раз им удастся справиться с обоими врагами, и что новый «священный союз» рухнет скорее, нежели его предшественники. Но, как бы ни окончилась теперешняя борьба в России, кровь и счастье мучеников, которых она породит, к сожалению, более чем достаточно, не пропадут даром. Они оплодотворят всходы социального переворота во всем цивилизованном мире, заставят их расти пышнее и быстрее. В 1848 году славяне были трескучим морозом, который побил цветы народной весны. Быть может, теперь им суждено быть той бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо принесет с собой новую, счастливую весну для народов». (*Карл Каутский, «Славяне и революция», статья в «Искре», русской с.-д. революционной газете, 1902 г., № 18, 10 марта 1902 года.*)

Хорошо писал 18 лет тому назад Карл Каутский!

II

ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ УСЛОВИЙ УСПЕХА БОЛЬШЕВИКОВ

Наверное, теперь уже почти всякий видит, что большевики не продержались бы у власти не то что $2\frac{1}{2}$ года, но и $2\frac{1}{2}$ месяца без строжайшей, поистине железной дисциплины в нашей партии, без самой полной и беззаветной поддержки ее всей массой рабочего класса, т. е. всем, что есть в нем мыслящего, честного, самоотверженного, влиятельного, способного вести за собой или увлечь отсталые слои.

Диктатура пролетариата есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против *более могущественного* врага, против буржуазии, сопротивление которой *удесятерено* ее свержением (хотя бы в одной стране) и могущество которой состоит не только в силе международного капитала, в силе и прочности международных связей буржуазии, но и в *силе привычки*, в силе *мелкого производства*. Ибо мелкого производства осталось еще на спете, к сожалению, очень и очень много, а мелкое производство *рождает* капитализм и буржуазию постоянно,

ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе. По всем этим причинам диктатура пролетариата необходима, и победа над буржуазией невозможна без долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть, — войны, требующей выдержки, дисциплины, твердости, непреклонности и единства воли.

Повторяю, опыт победоносной диктатуры пролетариата в России показал наглядно тем, кто не умеет думать или кому не приходилось размышлять о данном вопросе, что безусловная централизация и строжайшая дисциплина пролетариата являются одним из основных условий для победы над буржуазией.

На этом часто останавливаются. Но далеко недостаточно размышляют о том, что это значит? при каких условиях это возможно? Не следует ли возгласы приветствия по адресу Советской власти и большевиков *почаще* сопровождать *серьезнейшим анализом* причин того, *почему* большевики могли выработать необходимую для революционного пролетариата дисциплину?

Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года. Только история большевизма за *весь* период его существования может удовлетворительно объяснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата.

И, прежде всего, является вопрос: чем держится дисциплина революционной партии пролетариата? чем она проверяется? чем подкрепляется? Во-первых, сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью революции, его выдержкой, самопожертвованием, героизмом. Во-вторых, его умением связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, *но также и с непролетарской* трудящейся массой. В-третьих, правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы *собственным опытом* убедились в этой правильности. Без этих условий дисциплина в революционной партии, действительно способной быть партией передового класса, имеющего свергнуть буржуазию и преобразовать всю

общество, неосуществима. Без этих условий попытки создать дисциплину неминуемо превращаются в пустышку, в фразу, в кривлянье. А эти условия, с другой стороны, не могут возникнуть сразу. Они вырабатываются лишь долгим трудом, тяжелым опытом; их выработка облегчается правильной революционной теорией, которая, в свою очередь, не является догмой, а окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения.

Если большевизм мог выработать и успешно осуществить в 1917—1920 годах, при невиданно тяжелых условиях, самую строгую централизацию и железную дисциплину, то причина тому заключается просто-напросто в ряде исторических особенностей России.

С одной стороны, большевизм возник в 1903 году на самой прочной базе теории марксизма. А правильность этой — и только этой — революционной теории доказал не только всемирный опыт всего XIX века, но и в особенности опыт блужданий и шатаний, ошибок и разочаровавший революционной мысли в России. В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы. Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине, революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире.

С другой стороны, возникший на этой гранитной теоретической базе большевизм проделал пятнадцатилетнюю (1903—1917) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете. Ибо ни в одной

стране за эти 15 лет не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического. Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы *всех* классов современного общества, притом борьбы, которая, в силу отсталости страны и тяжести гнета царизма, особенно быстро созревала, особенно жадно и успешно усваивала себе соответствующее «последнее слово» американского и европейского политического опыта.

III

ГЛАВНЫЕ ЭТАПЫ В ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИЗМА

Годы подготовки революции (1903—1905). Везде чувствуется приближение великой бури. Во всех классах брожение и подготовка. За границей эмигрантская пресса ставит теоретически *все* основные вопросы революции. Представители трех основных классов, трех главных политических течений, либерально-буржуазного, мелкобуржуазно-демократического (прикрытого вывесками «социал-демократического» и «социал-революционного» направлений) и пролетарско-революционного ожесточеннейшей борьбой программных и тактических взглядов предвосхищают и готовят грядущую открытую борьбу классов. *Все* вопросы, из-за которых шла вооруженная борьба масс в 1905—1907 и в 1917—1920 годах, можно (и должно) проследить, в зародышевой форме, по тогдашней печати. А между тремя главными направлениями, разумеется, есть сколько угодно промежуточных, переходных, половинчатых образований. Вернее: в борьбе органов печати, партий, фракций, групп выкристаллизовываются те идейно-политические направления, которые являются действительно классовыми; классы выковывают себе надлежащее идейно-политическое оружие для грядущих битв.

Годы революции (1905—1907). Все классы выступают открыто. Все программные и тактические взгляды про-

вероятся действием масс. Невиданная в мире широта и острота стачечной борьбы. Перерастание экономической стачки в политическую и политической в восстание. Практическая проверка соотношений между руководящим пролетариатом и руководимым, колеблющимся, шатким, крестьянством. Рождение, в стихийном развитии борьбы, советской формы организации. Тогдашние споры о значении Советов предвосхищают великую борьбу 1917—1920 годов. Смена парламентских форм борьбы и непарламентских, тактики бойкота парламентаризма с тактикой участия в парламентаризме, легальных форм борьбы и нелегальных, а равно их взаимоотношения и связи — все это отличается удивительным богатством содержания. Каждый месяц этого периода равнялся, в смысле обучения основам политической науки — и масс и вождей, и классов и партий — году «мирного» «конституционного» развития. Без «генеральной репетиции» 1905 года победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна.

Годы реакции (1907—1910). Царизм победил. Все революционные и оппозиционные партии разбиты. Упадок, деморализация, расколы, разброд, ренегатство, порнография на место политики. Усиление тяги к философскому идеализму; мистицизм, как облачение контрреволюционных настроений. Но в то же время именно великое поражение дает революционным партиям и революционному классу настоящий и полезнейший урок, урок исторической диалектики, урок понимания, умения и искусства вести политическую борьбу. Друзья познаются в несчастье. Разбитые армии хорошо учатся.

Победивший царизм вынужден ускоренно разрушать остатки добуржуазного, патриархального быта в России. Буржуазное развитие ее шагает вперед замечательно быстро. Внеклассовые, надклассовые иллюзии, иллюзии насчет возможности избежать капитализма разлетаются прахом. Классовая борьба выступает совсем по-новому в тем более отчетливо.

Революционные партии должны доучиваться. Они учились наступать. Теперь приходится понять, что эту науку необходимо дополнить наукой, как правильнее отступать. Приходится понять, — и революционный класс на собственном горьком опыте учится понимать, — что

нельзя победить, не научившись правильному наступлению и правильному отступлению. Из всех разбитых оппозиционных и революционных партий большевики отступили в наибольшем порядке, с наименьшим ущербом для их «армии», с наибольшим сохранением ядра ее, с наименьшими (по глубине и неизлечимости) расколами, с наименьшей деморализацией, с наибольшей способностью возобновить работу наиболее широко, правильно и энергично. И достигли этого большевики только потому, что беспощадно разоблачили и выгнали вон революционеров фразы, которые не хотели понять, что надо отступить, что надо уметь отступить, что надо обязательно научиться легально работать в самых реакционных парламентах, в самых реакционных профессиональных, кооперативных, страховых и подобных организациях.

Годы подъема (1910—1914). Сначала подъем был невероятно медленный, потом, после ленинских событий 1912 года, несколько более быстрый. Преодолевая неслыханные трудности, большевики оттеснили меньшевиков, роль которых, как буржуазных агентов в рабочем движении, превосходно была понята всей буржуазией после 1905 года и которых поэтому на тысячи ладов поддерживала против большевиков вся буржуазия. Но большевикам никогда не удалось бы достичь этого, если бы они не провели правильной тактики соединения нелегальной работы с обязательным использованием «легальных возможностей». В реакционнейшей Думе большевики завоевали себе всю рабочую курию.

Первая всемирная империалистская война (1914—1917). Легальный парламентаризм, при условиях крайней реакционности «парламента», служит полезнейшую службу партии революционного пролетариата, большевикам. Большевики депутаты идут в Сибирь. В эмигрантской прессе все оттенки взглядов социал-империализма, социал-шовинизма, социал-патриотизма, непоследовательного и последовательного интернационализма, пацифизма и революционного отрицания пацифистских иллюзий находят у нас свое полное выражение. Ученые дураки и старые бабы II Интернационала, которые пренебрежительно и высокомерно морщили нос по поводу обилия «фракций» в русском социализме и ожесточенности борьбы между ними, не сумели, когда война отняла хваленую «легальность»

во *всех* передовых странах, организовать даже приблизительно такого свободного (нелегального) обмена взглядов и такой свободной (нелегальной) выработки правильных взглядов, какие организовали русские революционеры в Швейцарии и в ряде других стран. Именно поэтому и прямые социал-патриоты и «каутскианцы» всех стран оказались худшими предателями пролетариата. А если большевизм сумел победить в 1917—1920 годах, то одной из основных причин этой победы является то, что большевизм еще с конца 1914 года беспощадно разоблачал гнусность, мерзость и подлость социал-шовинизма и «каутскианства» (которому соответствует лонгетизм² во Франции, взгляды вождей Нез. раб. партии³ и фабианцев⁴ в Англии, Турати в Италии и т. д.), массы же потом на собственном опыте убеждались все более и более в правильности взглядов большевиков.

Вторая революция в России (с февраля по октябрь 1917 г.). Невероятная застарелость и устарелость царизма создала (при помощи ударов и тяжестей мучительнейшей войны) невероятную силу разрушения, направленную против него. В несколько дней Россия превратилась в демократическую буржуазную республику, более свободную — в обстановке войны, — чем любая страна в мире. Правительство стали создавать вожди оппозиционных и революционных партий — как в наиболее «строго-парламентарных» республиках, причём звание вождя оппозиционной партии в парламенте, хотя и самое что ни на есть реакционное, *облегчало* последующую роль такого вождя в революции.

Меньшевики и «социалисты-революционеры» в несколько недель великолепно усвоили себе все приемы и манеры, доводы и софизмы европейских героев II Интернационала, министриалистов и прочей оппортунистической швали. Все, что мы читаем теперь о Шейдеманах и Носке, Каутском и Гильфердинге, о Реннере и Аустерлице, Отто Бауэре и Фрице Адлере, о Турати и Лонге, о фабианцах и вождях Незав. раб. партии в Англии, все это кажется нам (и на деле является) скучным повторением, переживом знакомого и старого мотива. Все это у меньшевиков мы уже видали. История сыграла шутку и заставила оппортунистов отсталой страны предвосхитить оппортунистов ряда передовых стран.

Если все герои II Интернационала потерпели банкротство, осрамялись на вопросе о значении и роли Советов и Советской власти, если особенно «ярко» осрамялись и запутались на этом вопросе вожди вышедших ныне из II Интернационала трех очень важных партий (именно немецкой независимой с.-д. партии⁶, французской лонгетистской и английской независимой рабочей партии), если все они оказались рабами предрассудков мелкобуржуазной демократии (совсем в духе мелких буржуа 1848 года, звавших себя «социал-демократами»), то мы *уже* на примере меньшевиков видели *все это*. История сыграла такую шутку, что в России в 1905 году родились Советы, что их фальсифицировали в феврале — октябре 1917 года меньшевики, обанкротившиеся вследствие неумения понять их роль и значение, и что теперь *во всем мире* родилась идея Советской власти, с невиданной быстротой распространяющаяся среди пролетариата всех стран, причем старые герои II Интернационала *повсюду* так же банкротятся благодаря их неумению понять роль и значение Советов, как наши меньшевики. Опыт доказал, что в некоторых весьма существенных вопросах пролетарской революции *всем* странам неизбежно предстоит проделать то, что проделала Россия.

Свою победоносную борьбу против парламентарной (фактически) буржуазной республики и против меньшевиков большевики начали очень осторожно и подготавливали вовсе не просто — вопреки тем взглядам, которые нередко встречаются теперь в Европе и Америке. Мы *не* призывали в начале указанного периода к свержению правительства, а разъясняли невозможность его свержения *без* предварительных изменений в составе и настроении Советов. Мы не провозглашали бойкота буржуазного парламента, учредилки, а говорили — с Апрельской (1917) конференции нашей партии говорили официально от имени партии, что буржуазная республика с учредилкой лучше такой же республики без учредилки, а «рабоче-крестьянская», советская, республика лучше всякой буржуазно-демократической, парламентарной, республики. Без такой осторожной, обстоятельной, осмотрительной и длительной подготовки мы не могли бы ни одержать победы в октябре 1917 года, ни удержать этой победы.

IV

В БОРЬБЕ С КАКИМИ ВРАГАМИ ВНУТРИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ВЫРОС, ОКРЕП И ЗАКАЛИЛСЯ БОЛЬШЕВИЗМ?

Во-первых и главным образом в борьбе против оппортунизма, который в 1914 году окончательно перерос в социал-шовинизм, окончательно перешел на сторону буржуазии против пролетариата. Это был, естественно, главный враг большевизма внутри рабочего движения. Этот враг и остается главным в международном масштабе. Этому врагу большевизм уделял и уделяет больше всего внимания. Эта сторона деятельности большевиков теперь уже довольно хорошо известна и за границей.

Иное приходится сказать о другом враге большевизма внутри рабочего движения. За границей еще слишком недостаточно знают, что большевизм вырос, сложился и закалился в долголетней борьбе против *мелкобуржуазной революционности*, которая смахивает на анархизм или кое-что от него заимствует, которая отступает в чем бы то ни было существенном от условий и потребностей выдержанной пролетарской классовой борьбы. Теоретически для марксистов вполне установлено, — и опытом всех европейских революций и революционных движений вполне подтверждено, — что мелкий собственник, мелкий хозяйчик (социальный тип, во многих европейских странах имеющий очень широкое, массовое представительство), испытывая при капитализме постоянно угнетение и очень часто невероятно резкое и быстрое ухудшение жизни и разорение, легко переходит к крайней революционности, но не способен проявить выдержки, организованности, дисциплины, стойкости. «Взбесившийся» от ужасов капитализма мелкий буржуа, это — социальное явление, свойственное, как и анархизм, всем капиталистическим странам. Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным «модным» течением, — все это общеизвестно. Но теоретическое, абстрактное, признание этих истин несколько еще не избавляет революционных партий от старых ошибок, которые выступают всегда по неожиданному поводу, в немножко новой форме, в невиданном

раньше облачении или окружении, в оригинальной — более или менее оригинальной — обстановке.

Анархизм нередко являлся своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения. Обе уродливости взаимно пополнили друг друга. И если в России, несмотря на более мелкобуржуазный состав ее населения по сравнению с европейскими странами, анархизм пользовался в период обеих революций (1905 и 1917) и во время подготовки к ним сравнительно ничтожным влиянием, то это, несомненно, следует поставить отчасти в заслугу большевизму, который вел всегда самую беспощадную и непримиримую борьбу против оппортунизма. Говорю: «отчасти», ибо еще более важную роль в деле ослабления анархизма в России сыграло то, что он имел возможность в прошлом (70-ые годы XIX века) развиться необыкновенно пышно и обнаружить до конца свою неверность, свою непригодность, как руководящей теории для революционного класса.

Большевизм воспринял при своем возникновении в 1903 году традицию беспощадной борьбы с мелкобуржуазной, полуанархической (или способной заигрывать с анархизмом) революционностью, каковая традиция имелась всегда у революционной социал-демократии и особенно упрочилась у нас в 1900—1903 годах, когда закладывались основы массовой партии революционного пролетариата в России. Большевизм воспринял и продолжал борьбу с партией, всего более выражавшей тенденции мелкобуржуазной революционности, именно с партией «социалистов-революционеров», по трем главным пунктам. Во-первых, эта партия, отрицавшая марксизм, упорно не хотела (вернее, пожалуй, будет сказать: не могла) понять необходимость строго объективного учета классовых сил и их взаимоотношения перед всяким политическим действием. Во-вторых, эта партия видела свою особую «революционность» или «левизну» в признании ею индивидуального террора, покушений, что мы, марксисты, решительно отвергали. Разумеется, мы отвергали индивидуальный террор только по причинам целесообразности, а людей, которые способны были бы «принципиально» осуждать террор великой французской революции или вообще террор со стороны победившей революционной партии, осаждаемой буржуазией всего

мира, таких людей еще Плеханов в 1900—1903 годах, когда Плеханов был марксистом и революционером, подвергал осмеянию и оплеванию. В-третьих, «социалисты-революционеры» видели «левизну» в том, чтобы хихикать над небольшими сравнительно оппортунистическими грехами немецкой социал-демократии наряду с подражанием крайним оппортунистам этой же партии в вопросе, напр., аграрном или в вопросе о диктатуре пролетариата.

История, мимоходом сказать, дала теперь в крупном, всемирно-историческом масштабе подтверждение того мнения, которое мы всегда отстаивали, именно, что *революционная* немецкая социал-демократия (заметьте, что еще Плеханов в 1900—1903 годах требовал исключения Бернштейна из партии, а большевики, продолжая всегда эту традицию, в 1913 году разоблачали всю низость, подлость и предательство Легина), — что революционная немецкая социал-демократия *ближе всего* была к такой партии, которая нужна революционному пролетариату, чтобы он мог победить. Теперь, в 1920 году, после всех позорных крахов и кризисов эпохи войны и первых лет после войны, видно ясно, что из всех западных партий именно немецкая революционная социал-демократия дала лучших вождей, а также оправилась, вылечилась, окрепла вновь раньше других. Это видно и на партии спартаковцев⁶ и на левом, пролетарском крыле «Независимой с.-д. партии Германии», которое ведет неуклонную борьбу с оппортунизмом и бесхарактерностью Каутских, Гильфердингов, Ледбуров, Криспинов. Если бросить теперь общий взгляд на вполне законченный исторический период, именно: от Парижской Коммуны до первой Социалистической Советской Республики, то совершенно определенный и бесспорный абрис принимает вообще отношение марксизма к анархизму. Марксизм оказался правым в конце концов, и если анархисты справедливо указывали на оппортунистичность господствующих среди большинства социалистических партий взглядов на государство, то, во-первых, эта оппортунистичность была связана с искажением и даже прямым сокрытием взглядов Маркса на государство (в своей книге «Государство и революция» я отметил, что Бебель 36 лет, с 1875 до 1911, держал над спудом письмо Энгельса, особенно рельефно, ~~раз~~ прямо, ясно

разоблачившее оппортунизм ходячих социал-демократических воззрений на государство); во-вторых, исправление этих оппортунистических взглядов, признание Советской власти и ее превосходства над буржуазной парламентарной демократией, все это шло наиболее быстро и широко именно из недр наиболее марксистских течений в среде европейских и американских социалистических партий.

В двух случаях борьба большевизма с уклонами «влево» его собственной партии приняла особенно большие размеры: в 1908 году из-за вопроса об участии в реакционнейшем «парламенте» и в обставленных реакционнейшими законами легальных рабочих обществах и в 1918 году (Брестский мир) из-за вопроса о допустимости того или иного «компромисса».

В 1908 году «левые» большевики были исключены из нашей партии за упорное нежелание понять необходимость участия в реакционнейшем «парламенте». «Левые» — из числа которых было много превосходных революционеров, которые впоследствии с честью были (и продолжают быть) членами коммунистической партии — опирались особенно на удачный опыт с бойкотом в 1905 году. Когда царь в августе 1905 года объявил созыв совещательного «парламента», большевики объявили бойкот его — против всех оппозиционных партий и против меньшевиков — и октябрьская революция 1905 года действительно смела его. Тогда бойкот оказался правильным не потому, что правильно вообще неучастие в реакционных парламентах, а потому, что верно было учтено объективное положение, ведущее к быстрому превращению массовых стачек в политическую, затем в революционную стачку и затем в восстание. Притом борьба шла тогда из-за того, оставить ли в руках царя созыв первого представительного учреждения или попытаться вырвать этот созыв из рук старой власти. Поскольку не было и не могло быть уверенности в наличии аналогичного объективного положения, а равно в одинаковом направлении и темпе его развития, постольку бойкот переставал быть правильным.

Большевистский бойкот «парламента» в 1905 году обогатил революционный пролетариат чрезвычайно ценным политическим опытом, показав, что при сочетании легальных и нелегальных, парламентских и внепарламентских форм борьбы иногда полезно и даже обязательно уметь

отказаться от парламентских. Но слепое, подражательное, некритическое перенесение этого опыта на *иные* условия, в *иную* обстановку является величайшей ошибкой. Ошибкой, хотя и небольшой, легко поправимой*, был уже бойкот большевиками «Думы» в 1906 году. Ошибкой серьезнейшей и трудно поправимой был бойкот в 1907, 1908 и следующих годах, когда, с одной стороны, пельзя было ждать очень быстрого подъема революционной волны и перехода ее в восстание, и когда, с другой стороны, необходимость сочетания легальной и нелегальной работы вытекала из всей исторической обстановки обновляемой буржуазной монархии. Теперь, когда глядишь назад на вполне законченный исторический период, связь которого с последующими периодами вполне уже обнаружилась, — становится особенно ясным, что большевики *не могли бы* удержать (не говорю уже: укрепить, развить, усилить) прочного ядра революционной партии пролетариата в 1908—1914 годах, если бы они не отстояли в самой суровой борьбе *обязательности* соединения с нелегальными формами борьбы форм легальных, с *обязательным* участием в реакционнейшем парламенте и в ряде других, обставленных реакционными законами, учреждений (страховые кассы и проч.).

В 1918 году дело не дошло до раскола. «Левые» коммунисты образовали тогда только особую группу или «фракцию» внутри нашей партии и притом не надолго. В том же 1918 году виднейшие представители «левого коммунизма», напр., тт. Радек и Бухарин, открыто признали свою ошибку. Им казалось, что Брестский мир был недопустимым принципиально и вредным для партии революционного пролетариата компромиссом с империалистами. Это был действительно компромисс с империалистами, но как раз такой и в такой обстановке, который был *обязателен*.

В настоящее время, когда я слышу нападки на нашу тактику при подписании Брестского мира со стороны, напр., «социалистов-революционеров», или когда я слышу замечание товарища Лэнсбери, сделанное им в разговоре со мной: «наши английские вожди тред-юнионов говорят,

* К политике и партиям применимо — с соответственными изменениями — то, что относится к отдельным людям. Умен не тот, кто не делает ошибок. Таких людей нет и быть не может. Умен тот, кто делает ошибки не очень существенные, и кто умеет легко и быстро исправлять их.

что компромиссы допустимы и для них, если они были допустимы для большевизма», я отвечаю обыкновенно прежде всего простым и «популярным» сравнением:

Представьте себе, что ваш автомобиль остановили вооруженные бандиты. Вы даёте им деньги, паспорт, револьвер, автомобиль. Вы получаете избавление от приятного соседства с бандитами. Компромисс налицо, несомненно. «Do ut des» («даю» тебе деньги, оружие, автомобиль, «чтобы ты дал» мне возможность уйти по добру по здорову). Но трудно найти не сошедшего с ума человека, который объявил бы подобный компромисс «принципиально недопустимым» или объявил лицо, заключившее такой компромисс, соучастником бандитов (хотя бандиты, сев на автомобиль, могли использовать его и оружие для новых разбоев). Наш компромисс с бандитами германского империализма был подобен такому компромиссу.

А вот когда меньшевики и эсеры в России, шейдемановцы (и в значительной мере каутскианцы) в Германии, Отто Бауэр и Фридрих Адлер (не говоря уже о гг. Реннерах и К^о) в Австрии, Ренодели и Лонге с К^о во Франции, фабианцы, «независимцы» и «трудовики» («лабуристы»⁷) в Англии заключали в 1914—1918 и в 1918—1920 годах *компромиссы* с бандитами своей собственной, а иногда и «союзной» буржуазии *против* революционного пролетариата своей страны, вот тогда все эти господа поступали как *соучастники бандитизма*.

Вывод ясен: отрицать компромиссы «принципиально», отрицать всякую допустимость компромиссов вообще, каких бы то ни было, есть ребячество, которое трудно даже взять всерьез. Политик, желающий быть полезным революционному пролетариату, должен уметь выделить *конкретные* случаи именно таких компромиссов, которые недопустимы, в которых выражается оппортунизм и *предательство*, и направить всю сплу критики, все острое беспощадного разоблачения и непримиримой войны *против этих конкретных* компромиссов, не позволяя многоодытным «деляческим» социалистам и парламентским иезуитам увертываться и увиливать от ответственности посредством рассуждений о «компромиссах вообще». Господа английские «вожди» тред-юнионов, а равно фабианского общества и «независимой» рабочей партии именно так увертываются от ответственности *за совершенное*

ими предательство, за совершенный ими такой компромисс, который действительно означает наихудший оппортунизм, измену и предательство.

Есть компромиссы и компромиссы. Надо уметь анализировать обстановку и конкретные условия каждого компромисса или каждой разновидности компромиссов. Надо учиться отличать человека, который дал бандитам деньги и оружие, чтобы уменьшить приносимое бандитами зло и облегчить дело поимки и расстрела бандитов, от человека, который дает бандитам деньги и оружие, чтобы участвовать в дележе бандитской добычи. В политике это далеко не всегда так легко, как в детски-простом примерчике. Но тот, кто захотел бы выдумать для рабочих такой рецепт, который бы давал заранее готовые решения на все случаи жизни, или который обещал бы, что в политике революционного пролетариата не будет никаких трудностей и никаких запутанных положений, тот был бы просто шарлатаном.

Чтобы не оставлять места кривотолкам, попытаюсь наметить, хотя бы совсем кратко, несколько основных положений для анализа конкретных компромиссов.

Партия, заключившая компромисс с германскими империалистами, который состоял в подписании Брестского мира, вырабатывала свой интернационализм на деле с конца 1914 года. Она не боялась провозгласить поражение царской монархии и клеймить «защиту отечества» в войне между двумя империалистскими хищниками. Депутаты-парламентарии этой партии пошли в Сибирь, вместо дорожки, ведущей к министерским портфелям в буржуазном правительстве. Революция, свергнувшая царизм и создавшая демократическую республику, дала новую и величайшую проверку этой партии: она не пошла ни на какие соглашения со «своими» империалистами, а подготовила свержение их и свергла их. Взяв политическую власть, эта партия не оставила камня на камне ни из помещичьей, ни из капиталистической собственности. Опубликовав и расторгнув тайные договоры империалистов, эта партия предложила мир *всем* народам и подчинилась насилию брестских хищников лишь после того, как англо-французские империалисты мир сорвали, а большевиками было сделано все человечески возможное для ускорения революции в Германии и в иных странах.

Полнейшая правильность такого компромисса, заключенного такой партией при такой обстановке, с каждым днем становится яснее и очевиднее для всех.

Меньшевики и эсеры в России (как и все вожди II Интернационала во всем мире в 1914—1920 годах) начали с предательства, оправдывая прямо или косвенно «защиту отечества», т. е. защиту *своей* грабительской буржуазии. Они продолжили предательство, вступая в коалицию с буржуазией *своей* страны и борясь вместе со *своей* буржуазией против революционного пролетариата *своей* страны. Их блок сначала с Керенским и кадетами, потом с Колчаком и Деникиным в России, как и блок их заграничных единомышленников с буржуазией *их* стран, был переходом на сторону буржуазии против пролетариата. *Их* компромисс с бандитами империализма состоял от начала до конца в том, что они делали себя *соучастниками* империалистского бандитизма.

V

«ЛЕВЫЙ» КОММУНИЗМ В ГЕРМАНИИ. ВОЖДИ — ПАРТИЯ — КЛАСС — МАССА

Германские коммунисты, о которых мы должны говорить теперь, называют себя не «левыми», а — если я не ошибаюсь — «принципиальной оппозицией». Но что они вполне подходят под признаки «детской болезни левизны», это видно будет из дальнейшего изложения.

Стоящая на точке зрения этой оппозиции брошюрка «Раскол Коммунистической партии Германии (союза спартаковцев)», изданная «местной группой во Франкфурте на Майне», в высшей степени рельефно, точно, ясно, кратко излагает сущность взглядов этой оппозиции. Несколько цитат будет достаточно для ознакомления читателей с этой сущностью:

«Коммунистическая партия есть партия самой решительной классовой борьбы...»

«...Политически это переходное время (между капитализмом и социализмом) «является периодом пролетарской диктатуры...»

«...Возникает вопрос: кто должен быть носителем диктатуры: коммунистическая партия или пролетарский класс?... Принципиально следует стремиться к диктатуре коммунистической партии или к диктатуре пролетарского класса?»...

(Курсив везде в цитате взят из оригинала.)

Далее «Цека» Комм. П. Германии обвиняется автором брошюры в том, что этот «Цека» ищет пути к *коалиции с Незав. с.-д. партией Германии*, что «*вопрос о принципиальном признании всех политических средств*» борьбы, в том числе парламентаризма, выдвинут этим «Цека» лишь для прикрытия его настоящих и главных стремлений к коалиции с независимцами. И брошюра продолжает:

«Оппозиция выбрала иной путь. Она держится того мнения, что вопрос о господстве коммунистической партии и о диктатуре партии есть лишь вопрос тактики. Во всяком случае господство коммунистической партии есть последняя форма всякого господства партии. *Принципиально* надо стремиться к диктатуре пролетарского класса. И все мероприятия партии, ее организации, ее форма борьбы, ее стратегия и тактика должны быть приурочены к этому. Сообразно этому со всей решительностью следует отвергнуть всякий компромисс с другими партиями, всякое возвращение к исторически и политически изжитым формам борьбы парламентаризма, всякую политику лавирования и соглашательства». «Специфически пролетарские методы революционной борьбы должны быть усиленно подчеркнуты. А для включения самых широких пролетарских кругов и слоев, которые должны выступать в революционной борьбе под руководством коммунистической партии, должны быть созданы новые организационные формы на самой широкой основе и с самыми широкими рамками. Это место сбора всех революционных элементов есть *рабочий союз*, построенный на базе фабричных организаций. В нем должны соединиться все рабочие, которые последовали лозунгу: вон из профсоюзов! Здесь формируется борющийся пролетариат в самых широких боевых рядах. Признание классовой борьбы, советской системы и диктатуры достаточно для вступления. Все дальнейшее политическое воспитание борющихся масс и политическая ориентировка в борьбе есть задача коммунистической партии, которая стоит вне рабочего союза...»

«...Две коммунистические партии стоят теперь, следовательно, друг против друга:

Одна — партия вождей, которая стремится организовать революционную борьбу и управлять ею *сверху*, идя на компромиссы и на парламентаризм, чтобы создать такие ситуации, которые позволили бы им вступить в коалиционное правительство, в руках которого находилась бы диктатура.

Другая — массовая партия, которая ожидает подъема революционной борьбы *снизу*, зная и применяя для этой борьбы лишь один ясно ведущий к цели метод, отклоняя всякие парламентарные и оппортунистические методы; этот единственный метод есть метод безоговорочного *свержения буржуазии*, чтобы затем учредить пролетарскую классовую диктатуру для осуществления социализма...»

«...Там диктатура вождей — здесь диктатура масс! таков наш лозунг».

Таковы наиболее существенные положения, характеризующие взгляды оппозиции в немецкой коммунистической партии.

Всякий большевик, который сознательно проделал или близко наблюдал развитие большевизма с 1903 года, скажет сразу, прочитав эти рассуждения: «какой это старый, давно знакомый хлам! Какое это «левое» ребячество!»

Но присмотримся к приведенным рассуждениям поближе.

Одна уже постановка вопроса: «диктатура партии или диктатура класса? диктатура (партия) вождей или диктатура (партия) масс?» свидетельствует о самой невероятной и безысходной путанице мысли. Люди тщатся придумать нечто совсем особенное и в своем усердии мудрствования становятся смешными. Всем известно, что массы делятся на классы; — что противопоставлять массы и классы можно, лишь противопоставляя громадное большинство вообще, не расчлененное по положению в общественном строе производства, категориям, занимающим особое положение в общественном строе производства; — что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии; — что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями. Все это азбука. Все это просто и ясно. К чему понадобилась вместо этого какая-то тарбарщина? какой-то новый волапук? С одной стороны, повидимому, люди запутались, попав в тяжелое положение, когда быстрая смена легального и нелегального положения партии нарушает обычное, нормальное, простое отношение между вождями, партиями и классами. В Германии, как и в других европейских странах, чересчур привыкли к легальности, к свободному и правильному выбору «вождей» регулярными съездами партий, к удобной проверке классового состава партий выборами в парламент, митингами, прессой, настроениями профсоюзов и других союзов и т. п. Когда от этого обычного пришлось, в силу бурного хода революции и развития гражданской войны, переходить быстро к смене легальности и нелегальности, к соединению их, к «неудобным», «недемократич-

ным» приемам выделения или образования или сохранения «групп вожаков», — люди растерялись и начали выдумывать сверхъестественный вздор. Вероятно, голландские «трибунисты»⁸, которые имели несчастье родиться в маленькой стране, с традицией и условиями особенно привилегированного и особенно устойчивого легального положения, люди, совсем не выдавшие смены легального и нелегального положения, запутались и растерялись сами, помогли нелепым выдумкам.

С другой стороны, заметно просто непродуманное, бессвязное употребление «модных», по нашему времени, словечек о «массе» и о «вождях». Люди много слышали и твердо заучили нападки на «вождей», противопоставление их «массе», но подумать, что к чему, выяснить себе дело не сумели.

Расхождение «вождей» и «масс» особенно ясно и резко сказалось в конце империалистской войны и после нее, во всех странах. Основную причину этого явления разъясняли много раз Маркс и Энгельс в 1852—1892 годах на примере Англии. Монопольное положение Англии выделяло «рабочую аристократию», полумещанскую, оппортунистическую, из «массы». Вожди этой рабочей аристократии переходили постоянно на сторону буржуазии, были — прямо или косвенно — на содержании у нее. Маркс завоевал себе почетную ненависть этой сволочи за то, что открыто клеймил их предателями. Новейший (XX века) империализм создал монопольно-привилегированное положение для нескольких передовых стран, и на этой почве везде во II Интернационале обрисовался тип вождей-предателей, оппортунистов, социал-шовинистов, отстаивающих интересы своего цеха, своей прослойки рабочей аристократии. Создалась оторванность оппортунистических партий от «масс», т. е. от наиболее широких слоев трудящихся, от большинства их, от наилучше оплачиваемых рабочих. Победа революционного пролетариата невозможна без борьбы с этим злом, без разоблачения, опозорения и изгнания оппортунистических, социал-предательских вождей; такую политику и повел III Интернационал.

Договориться по этому поводу до противоположения вообще диктатуры масс диктатуре вождей есть смехотворная нелепость и глупость. Особенно забавно, что на

деле-то вместо старых вождей, которые держатся общечеловеческих взглядов на простые вещи, на деле выдвигают (под прикрытием лозунга: «долгой вождей») *новых вождей*, которые говорят сверхъестественную чепуху и путаницу. Таковы в Германии Лауфенберг, Вольфгейм, Хорнер⁹, Карл Шредер, Фридрих Вендель, Карл Эрлер*. Попытки этого последнего «углубить» вопрос и объявить вообще ненужность и «буржуазность» политических партий есть уже такие геркулесовы столпы нелепости, что остается только руками развести. Вот уже поистине: из маленькой ошибки всегда можно сделать чудовищно-большую, если на ошибке настаивать, если ее углубленно обосновывать, если ее «доводить до конца».

Отрицание партийности и партийной дисциплины — вот что *получилось* у оппозиции. А это равносильно полному разоружению пролетариата *в пользу буржуазии*. Это равносильно именно той мелкобуржуазной распыленности, неустойчивости, неспособности к выдержке, к объединению, к стройному действию, которая неминуемо всякое пролетарское революционное движение погубит, если дать ей потачку. Отрицать партийность с точки зрения коммунизма значит делать прыжок от кануна краха капитализма (в Германии) не к низшей и не к средней, а к высшей фазе коммунизма. Мы в России переживаем (третий год после свержения буржуазии) первые шаги перехода от капитализма к социализму или к низшей стадии коммунизма. Классы остались и останутся *годами* повсюду *после* завоевания власти пролетариатом. Разве, может быть, в Англии, где нет крестьян (но все же есть мелкие хозяйчики!), срок этот будет меньше. Уничтожить классы значит не только прогнать помещиков и капиталистов — это мы сравнительно легко сделали — это значит также

* «Комм. Раб. Газета»¹⁰ (Гамбургская от 7. II. 1920, № 32: статья «Роспуск партии Карла Эрлера»: «Раб. класс не может разрушить буржуазного государства без уничтожения буржуазной демократии, и он не может уничтожить буржуазной демократии без разрушения партий».

Наиболее путаные головы из романских синдикалистов и анархистов могут получить «удовлетворение»: солидные немцы, видимо считающие себя марксистами (К. Эрлер и К. Хорнер своими статьями в названной газете особенно солидно доказывают, что они считают себя солидными марксистами, и особенно смешно говорят невероятный вздор, обнаруживая непонимание абунки марксизма), договариваются до вещей совсем не подходящих. Одно признание марксизма еще не избавляет от ошибок. Русские это особенно хорошо знают, ибо у нас марксизм особенно часто бывал «модой».

уничтожить мелких товаропроизводителей, а их нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой. Они окружают пролетариат со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывают его ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию. Нужна строжайшая централизация и дисциплина внутри политической партии пролетариата, чтобы этому противостоять, чтобы организаторскую роль пролетариата (а это его главная роль) проводить правильно, успешно, победоносно. Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила. Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно. Победить крупную централизованную буржуазию в тысячу раз легче, чем «победить» миллионы и миллионы мелких хозяйчиков, а они своей повседневной, будничной, невидной, неуловимой, разлагающей деятельностью осуществляют те самые результаты, которые нужны буржуазии, которые реставрируют буржуазию. Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата.

Рядом с вопросом о вождах — партии — классе — массе следует поставить вопрос о «реакционных» профсоюзах. Но сначала я позволю себе еще пару заключительных замечаний на основании опыта нашей партии. Нападки на «диктатуру вождей» в нашей партии были всегда: первый раз я вспоминаю такие нападки в 1895 году, когда формально еще не было партии, но центральная группа в Питере начала складываться и должна была брать на себя руководство районными группами. На 9-ом съезде нашей партии (IV. 1920) была небольшая оппозиция,

тоже говорившая против «диктатуры вождей», «олигархии» и т. п. Ничего удивительного поэтому, ничего нового, ничего страшного в «детской болезни» «левого коммунизма» у немцев нет. Эта болезнь проходит безопасно, и организм после нее становится даже крепче. С другой стороны, быстрая смена легальной и нелегальной работы, связанная с необходимостью особенно «прятать», особенно конспирировать именно главный штаб, именно вождей, приводила у нас иногда к глубоко опасным явлениям. Худшим было то, что в 1912 году в ЦК большевиков вошел провокатор, Малиновский. Он провалил десятки и десятки лучших и преданнейших товарищей, подведя их под каторгу и ускорив смерть многих из них. Если он не причинил еще большего зла, то потому, что у нас было правильно поставлено соотношение легальной и нелегальной работы. Чтобы снизить доверие у нас, Малиновский, как член Цека партии и депутат Думы, должен был помогать нам ставить легальные ежедневные газеты, которые умели и при царизме вести борьбу против оппортунизма меньшевиков, проповедывать основы большевизма в надлежащем образом прикрытой форме. Одной рукой отправляя на каторгу и на смерть десятки и десятки лучших деятелей большевизма, Малиновский должен был другой рукой помогать воспитанию десятков и десятков тысяч новых большевиков через легальную прессу. Над этим фактом не мешает хорошенечко подумать тем немецким (а также английским и американским, французским и итальянским) товарищам, которые стоят перед задачей научиться вести революционную работу в реакционных профсоюзах*.

Во многих странах, и в том числе наиболее передовых, буржуазия несомненно посылает теперь и будет посылать провокаторов в коммунистические партии. Одно из средств борьбы с этой опасностью — умелое сочетание нелегальной и легальной работы.

* Малиновский был в плену в Германии. Когда он вернулся в Россию при власти большевиков, он был тотчас предан суду и расстрелян нашими рабочими. Меньшевики особенно зло нападали на нас за нашу ошибку, состоявшую в том, что провокатор был в Цекэ нашей партии. Но когда мы, при Керенском, требовали ареста председателя Думы Родзянко и суда над ним, ибо Родзянко узнал еще до войны о провокаторстве Малиновского и не сообщил этого другим трудовикам и рабочим, то ни меньшевики, ни эсеры, участвовавшие в правительстве вместе с Керенским, не поддержали нашего требования, и Родзянко остался на свободе, свободно ушел к Децикину.

VI

СЛЕДУЕТ ЛИ РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ РАБОТАТЬ
В РЕАКЦИОННЫХ ПРОФСОЮЗАХ?

Немецкие «левые» считают для себя решенным безусловно отрицательный ответ на этот вопрос. По их мнению, декламаций и гневных восклицаний против «реакционных» и «контрреволюционных» профсоюзов достаточно (особенно «солидно» и особенно глупо выходит это у К. Хорнера), чтобы «доказать» ненадобность и даже невозможность работы революционеров, коммунистов в желтых, социал-шовинистских, соглашательских, легионских, контрреволюционных профсоюзах.

Но, как ни уверены немецкие «левые» в революционности такой тактики, на самом деле она в корне ошибочна и ничего кроме пустых фраз в себе не содержит.

Чтобы пояснить это, я начну с нашего опыта — сообразно общему плану настоящей статьи, имеющей целью применить к Западной Европе то, что есть общеприменимого, общезначимого, общеобязательного в истории и современной тактике большевизма.

Соотношение вождей — партии — класса — масс, а вместе с тем отношение диктатуры пролетариата и его партии к профсоюзам представляется у нас теперь конкретно в следующем виде. Диктатуру осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков, имеющая по данным последнего партийного съезда (IV. 1920) 611 тыс. членов. Число членов колебалось и до Октябрьской революции и после нее очень сильно и прежде было значительно меньше, даже в 1918 и 1919 годах¹¹. Мы боимся чрезмерного расширения партии, ибо к правительственной партии неминуемо стремятся примазаться карьеристы и проходимцы, которые заслуживают только того, чтобы их расстреливать. Последний раз мы широко открыли двери партии — только для рабочих и крестьян — в те дни (зима 1919 г.), когда Юденич был в нескольких верстах от Питера, а Деникин в Орле (ок. 350 верст от Москвы), т. е. когда Советской республике угрожала отчаянная, смертельная опасность и когда авантюристы, карьеристы, проходимцы и вообще не стойкие люди никоим образом не могли рассчитывать на выгодную карьеру (а скорее

могли ожидать виселпцы и пыток) от присоединения к коммунистам. Партией, собирающей ежегодные съезды (последний: 1 делегат от 1 000 членов), руководит выбранный на съезде Центральный Комитет из 19 человек, причем текущую работу в Москве приходится вести еще более узким коллегиям, именно так называемым «Оргбюро» (Организационному бюро) и «Политбюро» (Политическому бюро), которые избираются на пленарных заседаниях Цека в составе пяти членов Цека в каждое бюро. Выходит, следовательно, самая настоящая «олигархия». Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии.

Партия непосредственно опирается в своей работе на *профессиональные союзы*, которые насчитывают теперь, по данным последнего (IV. 1920) съезда, свыше 4 миллионов членов, будучи формально *беспартийными*. Фактически все руководящие учреждения громадного большинства союзов и в первую голову, конечно, общепрофессионального всероссийского центра или бюро (ВЦСПС — Всероссийский центральный совет профессиональных союзов) состоят из коммунистов и проводят все директивы партии. Получается, в общем и целом, формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский аппарат, посредством которого партия связана тесно с *классом* и с *массой* и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется *диктатура класса*. Управлять страной и осуществлять диктатуру без теснейшей связи с профсоюзами, без горячей поддержки их, без самоотверженнейшей работы их не только в хозяйственном, но и в военном строительстве мы, разумеется, не смогли бы не только в течение 2¹/₂ лет, но и 2¹/₂ месяцев. Понятно, что эта теснейшая связь на практике означает очень сложную и разнообразную работу пропаганды, агитации, своевременных и частых совещаний не только с руководящими, но и вообще влиятельными деятелями профсоюзов, решительной борьбы с меньшевиками, которые до сих пор имеют известное, хотя и совсем небольшое, число приверженцев, которых и учат всевозможным контрреволюционным проделкам, начиная от идейной защиты (*буржуазной*) демократии, от проповеди «независимости» профсоюзов (независимость — от про-

летарской государственной власти!) до саботажа пролетарской дисциплины и т. д. и т. п.

Связь с «массами» через профсоюзы мы признаем недостаточной. Практика создала у нас, в ходе революции, и мы стараемся всецело поддержать, развить, расширить такое учреждение, как *беспартийные рабочие и крестьянские конференции*, чтобы следить за настроением масс, сближаться с ними, отвечать на их запросы, выдвигать из чих лучших работников на государственные должности и т. д. В одном из последних декретов о преобразовании Народного комиссариата государственного контроля в «Рабоче-крестьянскую инспекцию» беспартийным конференциям этого рода предоставлено выбирать членов Государственного контроля для разного рода ревизий и т. д.

Затем, разумеется, вся работа партии идет через Советы, которые объединяют трудящиеся массы без различия профессий. Уездные съезды Советов являются таким *демократическим* учреждением, которого еще не видывали самые лучшие из демократических республик буржуазного мира, и через эти съезды (за которыми партия старается следить как можно внимательнее), а равно и через постоянные командировки сознательных рабочих на всякие должности в деревне, осуществляется руководящая роль пролетариата по отношению к крестьянству, осуществляется диктатура городского пролетариата, систематическая борьба с богатым, буржуазным, эксплуататорским и спекулирующим крестьянством и т. д.

Таков общий механизм пролетарской государственной власти, рассмотренный «сверху», с точки зрения практики осуществления диктатуры. Читатель поймет, можно надеяться, почему русскому большевику, знакомому с этим механизмом и наблюдавшему, как выросал этот механизм из маленьких, нелегальных, подпольных кружков в течение 25 лет, все разговоры о том, «сверху» или «снизу», диктатура вождей или диктатура массы и т. п., не могут не казаться смешным ребяческим вздором, чем-то вроде спора о том, полезнее ли человеку левая нога или правая рука.

Таким же смешным ребяческим вздором не могут не казаться нам и важные, совсем ученые и ужасно революционные разговоры немецких левых на тему о том, что

коммунисты не могут и не должны работать в реакционных профсоюзах, что позволительно отказываться от этой работы, что надо выходить из профсоюзов и создавать обязательно совсем новенький, совсем чистенький, весьма милыми (и большей частью, вероятно, весьма юными) коммунистами придуманный «рабочий союз» и т. д. и т. п.

Капитализм неизбежно оставляет в наследство социализму, с одной стороны, старые, веками сложившиеся, профессиональные и ремесленные различия между рабочими, с другой стороны, профсоюзы, которые лишь очень медленно, годами и годами, могут развиваться и будут развиваться в более широкие, менее цеховые, производственные союзы (охватывающие целые производства, а не только цехи, ремесла и профессии) и затем, через эти производственные союзы, переходить к уничтожению разделения труда между людьми, к воспитанию, обучению и подготовке *всесторонне развитых и всесторонне подготовленных* людей, людей, которые *умеют все делать*. К этому коммунизм идет, должен идти и *придет*, но только через долгий ряд лет. Пытаться сегодня практически предвосхитить этот грядущий результат вполне развитого, вполне упрочившегося и сложившегося, вполне развернутого и созревшего коммунизма, это все равно, что четырехлетнего ребенка учить высшей математике.

Мы можем (и должны) начать строить социализм не из фантастического и не из специально нами созданного человеческого материала, а из того, который оставлен нам в наследство капитализмом. Это очень «трудно», слов нет, но всякий иной подход к задаче так не серьезен, что о нем не стоит и говорить.

Профсоюзы были гигантским прогрессом рабочего класса в начале развития капитализма, как переход от распыленности и беспомощности рабочих к *начаткам* классового объединения. Когда стала вырастать *высшая* форма классового объединения пролетариев, *революционная партия пролетариата* (которая не будет заслуживать своего названия, пока не научится связывать вождей с классом и с массами в одно целое, в нечто неразрывное), тогда профсоюзы стали неминуемо обнаруживать *некоторые* реакционные черты, некоторую цеховую узость, некоторую склонность к аполитицизму, некоторую косность и т. д. Но иначе как через профсоюзы, через взаимодействие их

с партией рабочего класса нигде в мире развитие пролетариата не шло и идти не могло. Завоевание политической власти пролетариатом есть гигантский шаг вперед пролетариата, как класса, и партии приходится еще более и по-новому, а не только по-старому, воспитывать профсоюзы, руководить ими, вместе с тем однако не забывая, что они остаются и долго останутся необходимой «школой коммунизма» и подготовительной школой для осуществления пролетариями их диктатуры, необходимым объединением рабочих для постепенного перехода в руки рабочего класса (а не отдельных профессий), и затем всех трудящихся, управления всем хозяйством страны.

Некоторая «реакционность» профсоюзов, в указанном смысле, неизбежна при диктатуре пролетариата. Непонимание этого есть полное непонимание основных условий перехода от капитализма к социализму. Бояться этой «реакционности», пытаться обойтись без нее, перепрыгнуть через нее есть величайшая глупость, ибо это значит бояться той роли пролетарского авангарда, которая состоит в обучении, просвещении, воспитании, вовлечения в новую жизнь наиболее отсталых слоев и масс рабочего класса и крестьянства. С другой стороны, откладывать осуществление диктатуры пролетариата до тех пор, когда не останется ни одного профессионалистски узкого рабочего, ни одного рабочего, в котором не было бы цеховых и тред-юнионистских предрассудков, было бы ошибкой еще более глубокой. Искусство политика (и правильное понимание коммунистом своих задач) в том и состоит, чтобы верно учесть условия и момент, когда авангард пролетариата может успешно взять власть, когда он сумеет при этом и после этого получить достаточную поддержку достаточно широких слоев рабочего класса и непролетарских трудящихся масс, когда он сумеет после этого поддерживать, укреплять, расширять свое господство, поспитывая, обучая, привлекая все более и более широкие массы трудящихся.

Далее. В более передовых странах, чем Россия, некоторая реакционность профсоюзов сказалась и должна была сказаться, несомненно, гораздо сильнее, чем у нас. У нас меньшевики имели (частью в очень немногих профсоюзах и сейчас имеют) опору в профсоюзах именно благодаря

пеховой узости, профессиональному эгоизму и оппортунизму. На Западе тамошние меньшевики гораздо прочнее «засели» в профсоюзах, там выделился гораздо более сильный слой *профессионалистской, узкой, себялюбивой, черствой, корыстной, мещанской, империалистски настроенной и империализмом подкупленной, империализмом развращенной «рабочей аристократии»*, чем у нас. Это бесспорно. Борьба с Гомперсами, господами Жуо, Гендерсонами, Мергеймами, Легпнамп и К^о в Западной Европе гораздо труднее, чем борьба с нашими меньшевиками, которые представляют *совершенно однородный*, социальный и политический, тип. Эту борьбу надо вести беспощадно и обязательно довести ее, как довели ее мы, до полного опозорения и изгнания из профсоюзов всех неисправных вождей оппортунизма и социал-шовинизма. Нельзя завоевать политическую власть (и не следует пробовать брать политическую власть), пока эта борьба не доведена до известной степени, причем в разных странах и при различных условиях эта «известная степень» не одинакова, и правильно учесть ее могут лишь вдумчивые, опытные и сведущие политические руководители пролетариата в каждой отдельной стране. (У нас мерилом успеха в этой борьбе явились, между прочим, выборы в Учредительное собрание в ноябре 1917 года, несколько дней спустя после пролетарского переворота 25. X. 1917, причем на этих выборах меньшевики были разбиты наголову, получив 0,7 милл. голосов — 1,4 милл. с добавлением Закавказья — против 9 милл. голосов, собранных большевиками: см. мою статью «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата»¹² в № 7—8 «Коммун. Интернационала».)

Но борьбу с «рабочей аристократией» мы ведем от имени рабочей массы и для привлечения ее на свою сторону; борьбу с оппортунистическими и социал-шовинистскими вождями мы ведем для привлечения рабочего класса на свою сторону. Забывать эту элементарнейшую и самоочевиднейшую истину было бы глупо. И именно такую глупость делают «левые» немецкие коммунисты, которые от реакционности и контрреволюционности *верхушки* профсоюзов умозаключают к... выходу из профсоюзов!! к отказу от работы в них!! к созданию новых, *выдуманных*, форм рабочей организации!! Это — такая непро-

стительная глупость, которая равносильна наибольшей услуге, оказываемой коммунистами буржуазии. Ибо наши меньшевики, как и все оппортунистические, социал-шовинистские, каутскианские вожди профсоюзов, суть не что иное как «агенты буржуазии в рабочем движении» (как говорили мы всегда против меньшевиков) или «рабочие приказчики класса капиталистов» (*labor lieutenants of the capitalist class*), по прекрасному и глубоко верному выражению последователей Даниеля де-Леоне в Америке. Не работать внутри реакционных профсоюзов, это значит оставить недостаточно развитые или отсталые рабочие массы под влиянием реакционных вождей, агентов буржуазии, рабочих аристократов или «обуржуазившихся рабочих» (ср. Энгельс в 1858 г. в письме к Марксу об английских рабочих¹³).

Как раз нелепая «теория» неучастия коммунистов в реакционных профсоюзах показывает наиболее наглядно, как легкомысленно эти «левые» коммунисты относятся к вопросу о влиянии на «массы», как злоупотребляют они своими выкриками насчет «массы». Чтобы уметь помочь «массе» и завоевать симпатии, сочувствие, поддержку «массы», надо не бояться трудностей, не бояться придинок, подножек, оскорблений, преследований со стороны «вождей» (которые, будучи оппортунистами и социал-шовинистами, в большинстве случаев прямо или косвенно связаны с буржуазией и с полицией) и обязательно *работать там, где есть масса*. Надо уметь приносить всякие жертвы, преодолевать величайшие препятствия, чтобы систематически, упорно, настойчиво, терпеливо пропагандировать и агитировать как раз в тех учреждениях, обществах, союзах, хотя бы самых что ни на есть реакционных, где только есть пролетарская или полупролетарская масса. А профсоюзы и рабочие кооперативы (эти последние иногда, по крайней мере), это именно такие организации, где есть масса. В Англии, по данным шведской газеты «*Folkets Dagblad Politiken*»* (от 10. III. 1920), число членов тред-юнионов с конца 1917 года до конца 1918 поднялось с 5,5 милл. до 6,6 милл., т. е. увеличилось на 19%. К концу 1919 года считают до 7¹/₂ милл. У меня нет под рукой соответствующих данных о Франции

* — «Народный Политический Ежедневник». Ред.

я Германии, но совершенно бесспорны и общеизвестны факты, свидетельствующие о большом росте числа членов профсоюзов и в этих странах.

Эти факты яснее ясного говорят о том, что подтверждается также тысячами иных указаний: рост сознательности и стремления к организации именно в пролетарских массах, в «низах», среди отсталых. Миллионы рабочих в Англии, Франции, Германии *впервые* переходят от полной неорганизованности к элементарной, низшей, простейшей, наиболее доступной (для тех, кто еще насквозь пропитан буржуазно-демократическими предрассудками) форме организации, именно к профсоюзам, — а революционные, но неразумные, левые коммунисты стоят рядом, кричат «масса», «масса!» — и *отказываются работать внутри профсоюзов!!* отказываются под предлогом их «реакционности»!! выдумывают новенький, чистенький, неповинный в буржуазно-демократических предрассудках, негрешный цеховыми и узко-профессионалистскими грехами «рабочий союз», который будто бы будет (будет!) широким и для участия в котором требуется только (только!) «признание советской системы и диктатуры» (смотри цитату выше)!!

Большого неразумия, большого вреда для революции, приносимого «левыми» революционерами, нельзя себе и представить! Да если бы мы сейчас в России, после 2½ лет невиданных побед над буржуазией России и Антанты, поставили для профсоюзов условием вступления «признание диктатуры», мы бы сделали глупость, испортили бы свое влияние на массы, помогли меньшевикам. Ибо вся задача коммунистов — уметь *убедить* отсталых, уметь работать *среди* них, а не *отгораживаться* от них выдуманными ребячески-«левыми» лозунгами.

Нет сомнения, господа Гомперсы, Гендерсоны, Жуо, Легины очень благодарны таким «левым» революционерам, которые, подобно немецкой «принципиальной» оппозиции (упаси нас боже от такой «принципиальности»!) или некоторым революционерам из числа американских «Промышленных рабочих мира»¹⁴, проповедуют выход из реакционных профсоюзов и отказ от работы в них. Нет сомнения, господа «вожди» оппортунизма прибегнут ко всяческим проделкам буржуазной дипломатии, к помощи буржуазных правительств, попов, полиции, судов, чтобы

не допустить коммунистов в профсоюзы, всячески вытеснить их оттуда, сделать им работу внутри профсоюзов возможно более неприятной, оскорблять, травить, преследовать их. Надо уметь противостоять всему этому, пойти на все и всякие жертвы, даже — в случае надобности — пойти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды, лишь бы проникнуть в профсоюзы, остаться в них, вести в них во что бы то ни стало коммунистическую работу. При царизме до 1905 года у нас не было никаких «легальных возможностей», но когда Зубатов, охранник, устраивал черносотенные рабочие собрания и рабочие общества для ловли революционеров и для борьбы с ними, мы посылали на эти собрания и в эти общества членов нашей партии (я лично помню из числа их тов. Бабушкина, выдающегося питерского рабочего, расстрелянного царскими генералами в 1906 году), которые устанавливали связь с массой, изловчались вести свою агитацию и вырывали рабочих из-под влияния зубатовцев*. Конечно, в Западной Европе, особенно пропитанной особенно закоренелыми легалистскими, конституционными, буржуазно-демократическими предрассудками, такую вещь проделать труднее. Но ее можно и должно проделать и проделывать систематически.

Исполком III Интернационала должен, на мой лично взгляд, прямо осудить и предложить следующему съезду Коммунистического Интернационала осудить как вообще политику неучастия в реакционных профсоюзах (с подробной мотивировкой неразумности такого неучастия и крайней вредности его для дела пролетарской революции), так и в частности линию поведения некоторых членов голландской коммунистической партии, которые — все равно, прямо или косвенно, открыто или прикрито, целиком или отчасти — эту неправильную политику поддерживали. III Интернационал должен порвать с тактикой II и больших вопросов не обходить, не затушевывать, а ставить их ребром. Вся правду в лицо сказали «независимцам» (Независимой с.-д. партии Германии), всю правду в лицо надо сказать и «левым» коммунистам.

* Гомперсы, Гендерсоны, Жуо, Лемини — не что иное как Зубатовы, отличающиеся от нашего Зубатова европейским костюмом, лоском, цивилизованно, утопично, демократически прилизанными приемами проведения их подлой политики.

VII

УЧАСТВОВАТЬ ЛИ В БУРЖУАЗНЫХ ПАРЛАМЕНТАХ?

Немецкие «левые» коммунисты с величайшим пренебрежением — и с величайшим легкомыслием — отвечают на этот вопрос отрицательно. Их доводы? В приведенной выше цитате мы видели:

«...со всей решительностью отклонить всякое возвращение к исторически и политически изжитым формам борьбы парламентаризма...»

Это сказано претенциозно до смешного и явно неверно. «Возвращение» к парламентаризму! Может быть, в Германии уже существует советская республика? Как будто бы нет! Как же можно говорить тогда о «возвращении»? Разве это не пустая фраза?

«Исторически изжит» парламентаризм. Это верно в смысле пропаганды. Но всякий знает, что от этого до *практического* преодоления еще очень далеко. Капитализм уже много десятилетий тому назад можно было, и с полным правом, объявить «исторически изжитым», но это несколько не устраняет необходимости очень долгой и очень упорной борьбы *на почве* капитализма. «Исторически изжит» парламентаризм в смысле *всемирно-историческом*, т. е. *эпоха* буржуазного парламентаризма кончена, *эпоха* диктатуры пролетариата началась. Это бесспорно. Но всемирно-исторический масштаб считает десятилетиями. На 10—20 лет раньше или позже, это с точки зрения всемирно-исторического масштаба безразлично, это — с точки зрения всемирной истории — мелочь, которую нельзя даже приблизительно учесть. Но именно поэтому в вопросе практической политики ссылаться на всемирно-исторический масштаб есть теоретическая неверность самая вопиющая.

«Политически изжит» парламентаризм? Вот это другое дело. Если бы это было верно, позиция у «левых» была бы прочная. Но это надо доказать серьезнейшим анализом, а «левые» не умеют даже и подступиться к нему. В «тезисах о парламентаризме», напечатанных в № 1 «Бюллетеня Временного Амстердамского Бюро Коммунистического Интернационала» («Bulletin of the Provisional Bureau in Amsterdam of the Communist International»,

February* 1920) и явно выражающих голландски-левое или лево-голландское устремление, анализ тоже, как увидим, из рук вон плох.

Во-первых. Немецкие «левые», как известно, еще в январе 1919 года считали парламентаризм «политически изжитым», вопреки мнению таких выдающихся политических руководителей, как Роза Люксембург и Карл Либкнехт. Известно, что «левые» ошиблись. Одно уже это сразу и в корень разрушает положение, будто парламентаризм «политически изжит». На «левых» падает обязанность доказать, почему их тогдашняя беспорная ошибка теперь перестала быть ошибкой. Ни тени доказательства они не приводят и привести не могут. Отношение политической партии к ее ошибкам есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности партии и исполнения ею *на деле* ее обязанностей к своему *классу* и к трудящимся *массам*. Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку — вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это — воспитание и обучение *класса*, а затем и *массы*. Не выполняя этой своей обязанности, не относясь с чрезвычайным вниманием, тщательностью, осторожностью к изучению своей явной ошибки, «левые» в Германии (и в Голландии) как раз этим доказывают, что они не *партия класса*, а кружок, не *партия масс*, а группа интеллигентов и повторяющих худшие стороны интеллигентщины немногочисленных рабочих.

Во-вторых. В той же брошюре франкфуртской группы «левых», из которой мы привели подробные цитаты выше, мы читаем:

«...миллионы рабочих, идущих еще за политикой центра» (католической партии «центра»), «контрреволюционны. Сельские пролетарии выставляют легионы контрреволюционных войск» (стр. 3 вышеназванной брошюры).

По всему видно, что это сказано чересчур размахисто и преувеличено. Но основной факт, изложенный здесь, бесспорен, и признание его «левыми» особенно наглядно свидетельствует об их ошибке. Как же это можно говорить,

* — февраль. Ред.

будто «парламентаризм изжит политически», если «миллионы» и «легионы» *пролетариев* стоят еще не только за парламентаризм вообще, но и прямо «контрреволюционные»? Явно, что парламентаризм в Германии *еще не изжит политически*. Явно, что «левые» в Германии приняли *свое пожелание*, свое идейно-политическое отношение за объективную действительность. Это — самая опасная ошибка для революционеров. В России, где сугубо дикий и свирепый гнет царизма особенно долго и в особенно разнообразных формах порождал революционеров разных толков, революционеров удивительной преданности, энтузиазма, героизма, силы воли, в России эту ошибку революционеров мы особенно близко наблюдали, особенно внимательно изучали, особенно хорошо знаем и потому нам она особенно ясно видна и на других. Для коммунистов в Германии парламентаризм, конечно, «изжит политически», но дело как раз в том, чтобы *не* принять изжитого *для нас* за изжитое *для класса*, за изжитое *для масс*. Как раз тут мы опять видим, что «левые» не умеют рассуждать, не умеют вести себя как партия *класса*, как партия *масс*. Вы обязаны не опускаться до уровня масс, до уровня отсталых слоев класса. Это бесспорно. Вы обязаны говорить им горькую правду. Вы обязаны называть их буржуазно-демократические и парламентарные предрассудки предрассудками. Но вместе с тем вы обязаны *трезво* следить за *действительным* состоянием сознательности и подготовленности именно всего класса (а не только его коммунистического авангарда), именно всей трудящейся *массы* (а не только ее передовых людей).

Если не только «миллионы» и «легионы», но хотя бы просто довольно значительное *меньшинство* промышленных рабочих идет за католическими попами, — сельских рабочих за помещиками и кулаками (Grossbauern), — то отсюда уже *с несомненностью* вытекает, что парламентаризм в Германии *еще не изжит политически*, что участие в парламентских выборах и в борьбе на парламентской трибуне *обязательно* для партии революционного пролетариата *именно* в целях воспитания отсталых слоев *своего класса*, *именно* в целях пробуждения и просвещения неразвитой, забытой, темной деревенской *массы*. Пока вы не в силах разогнать буржуазного парламента и каких угодно

реакционных учреждений иного типа, вы *обязаны* работать внутри них *именно* потому, что там есть еще рабочие, одуроченные попами и деревенскими захолустьями, иначе вы рискуете стать просто болтунами.

В-третьих. «Левые» коммунисты очень много хорошего говорят про нас, большевиков. Иногда хочется сказать: поменьше бы нас хвалили, побольше бы вникали в тактику большевиков, побольше бы знакомились с ней! Мы участвовали в выборах в российский буржуазный парламент, в Учредительное собрание, в сентябре — ноябре 1917 года. Верна была наша тактика или нет? Если нет, надо ясно сказать и доказать это: это необходимо для выработки правильной тактики международным коммунизмом. Если да, надо сделать отсюда известные выводы. Разумеется, о приравнивании условий России к условиям Западной Европы не может быть и речи. Но по вопросу специально о том, что значит понятие: «парламентаризм политически изжит», обязательно точно учесть наш опыт, ибо без учета конкретного опыта подобные понятия слишком легко превращаются в пустые фразы. Не имели ли мы, русские большевики, в сентябре — ноябре 1917 года, *больше*, чем какие угодно западные коммунисты, права считать, что в России парламентаризм политически изжит? Конечно, имели, ибо не в том, ведь, дело, давно или недавно существуют буржуазные парламенты, а в том, насколько *готовы* (идейно, политически, практически) широкие массы трудящихся принять советский строй и разогнать (или допустить разгон) буржуазно-демократический парламент. Что в России в сентябре — ноябре 1917 года рабочий класс городов, солдаты и крестьяне были, в силу ряда специальных условий, на редкость подготовлены к принятию советского строя и к разгону самого демократического буржуазного парламента, это совершенно бесспорный и вполне установленный исторический факт. И тем не менее большевики *не* бойкотировали Учредительного собрания, а участвовали в выборах и до и *после* завоевания пролетариатом политической власти. Что эти выборы дали чрезвычайно ценные (и для пролетариата в высокой степени полезные) политические результаты, это я, смею надеяться, доказал в названной выше статье, подробно разобравшей данные о выборах в Учредительное собрание в России.

Вывод отсюда совершенно бесспорный: доказано, что даже за несколько недель до победы Советской республики, даже *после* такой победы, участие в буржуазно-демократическом парламенте не только не вредит революционному пролетариату, а облегчает ему возможность *доказать* остальным массам, почему такие парламенты заслуживают разгона, *облегчает* успех их разгона, *облегчает* «политическое изживание» буржуазного парламентаризма. Не считаться с этим опытом и претендовать в то же время на принадлежность к Коммунистическому Интернационалу, который должен *интернационально* вырабатывать свою тактику (не как узко или односторонне национальную, а именно как интернациональную тактику), значит делать глубочайшую ошибку и как раз отступать от интернационализма на деле, при признании его на словах.

Взглянем теперь на «голландски-левые» доводы в пользу неучастия в парламентах. Вот перевод (с английского) важнейшего из названных выше «голландских» тезисов, тезиса 4-го:

«Когда капиталистическая система производства сломлена и общество находится в состоянии революции, парламентская деятельность постепенно теряет значение по сравнению с действиями самих масс. Когда, при таких условиях, парламент становится центром и органом контрреволюции, а, с другой стороны, рабочий класс строит орудия своей власти в виде Советов, — может оказаться даже необходимым отказаться от всякого и какого бы то ни было участия в парламентской деятельности».

Первая фраза явно неверна, ибо действие масс — напр., крупная стачка — важнее парламентской деятельности *всегда*, а вовсе не только во время революции или при революционной ситуации. Этот явно несостоятельный, исторически и политически неверный, довод показывает только с особенной наглядностью, что авторы абсолютно не учитывают ни общеевропейского (французского перед революциями 1848, 1870 годов; германского 1878—1890 годов и т. п.) ни русского (см. выше) опыта относительно важности *соединения* легальной и нелегальной борьбы. Этот вопрос имеет громаднейшее значение как вообще, так и специально потому, что во *всех* цивилизованных и передовых странах быстро приближается время, когда такое соединение все более и более становится — частью уже стало — обязательным для партии революционного про-

летариата в силу нарастания и приближения гражданской войны пролетариата с буржуазией, в силу бешеных преследований коммунистов республиканскими и вообще буржуазными правительствами, идущими на всяческие нарушения легальности (чего стоит один пример Америки) и т. д. Этот важнейший вопрос голландцами и левыми вообще совершенно не понят.

Вторая фраза, во-первых, неверна исторически. Мы, большевики, участвовали в самых контрреволюционных парламентах, и опыт показал, что такое участие было не только полезно, но и необходимо для партии революционного пролетариата как раз после 1-ой буржуазной революции в России (1905) для подготовки 2-ой буржуазной (II. 1917) и затем социалистической (X. 1917) революции. Во-вторых, эта фраза поразительно нелогична. Из того, что парламент становится органом и «центром» (на деле «центром» он никогда не бывал и быть не может, но это мимоходом) контрреволюции, а рабочие создают орудия своей власти в виде Советов, из этого вытекает, что рабочим надо подготовляться — подготовляться идейно, политически, технически — к борьбе Советов против парламента, к разгону парламента Советами. Но из этого вовсе не вытекает, что такой разгон затрудняется или не облегчается присутствием советской оппозиции *внутри* контрреволюционного парламента. Мы ни разу не замечали во время своей победоносной борьбы с Деникиным и Колчаком, чтобы существование у них советской, пролетарской, оппозиции было безразлично для наших побед. Мы прекрасно знаем, что разгон нами учредилки 5. I. 1918 был не затруднен, а облегчен тем, что внутри разгоняемой контрреволюционной учредилки была как последовательная, большевистская, так и непоследовательная, лево-эсерская, советская оппозиция. Авторы тезиса совершенно запутались и забыли опыт целого ряда, если не всех, революций, свидетельствующий о том, как особенно полезно во время революций *соединение* массового действия извне реакционного парламента с сочувствующей революцию (а еще лучше: прямо поддерживающей революцию) оппозицией внутри этого парламента. Голландцы и «левые» вообще рассуждают здесь как доктринеры революции, никогда в настоящей революции не участвовавшие или в историю революций не вдумавшиеся

или наивно принимающие субъективное «отрицание» известного реакционного учреждения за действительное его разрушение совместными силами целого ряда объективных факторов. Самое верное средство дискредитировать новую политическую (и не только политическую) идею и повредить ей состоит в том, чтобы, во имя защиты ее, довести ее до абсурда. Ибо всякую истину, если ее сделать «чрезмерной» (как говорил Дицген-отец), если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд. Именно такую медвежью услугу оказывают голландские и немецкие левые новой истине о превосходстве Советской власти над буржуазно-демократическими парламентами. Разумеется, кто стал бы говорить по-старому и вообще, что отказ от участия в буржуазных парламентах ни при каких условиях недопустим, тот был бы не прав. Попытаться дать здесь формулировку условий, при которых бойкот полезен, я не могу, ибо задача этой статьи гораздо более скромная: учесть русский опыт в связи с некоторыми злободневными вопросами интернациональной коммунистической тактики. Русский опыт дал нам одно удачное и правильное (1905), другое ошибочное (1906) применение бойкота большевиками. Анализируя первый случай, мы видим: удалось *не допустить созыва* реакционной властью реакционного парламента в обстановке, когда с исключительной быстротой нарастало внепарламентское (в частности стачечное) революционное действие масс, когда никакой поддержки ни единый слой пролетариата и крестьянства реакционной власти оказывать не мог, когда влияние на широкие, отсталые массы революционный пролетариат обеспечивал себе стачечной борьбой и аграрным движением. Совершенно очевидно, что к европейским современным условиям *этот* опыт неприменим. Совершенно очевидно также, — на основании изложенных выше доводов, — что защита, хотя бы условная, отказа от участия в парламентах голландцами и «левыми» в корве неправильна и вредна для дела революционного пролетариата.

В Западной Европе и Америке парламент сделался особенно ненавистным передовикам-революционерам из рабочего класса. Это бесспорно. Это вполне понятно, ибо

трудно себе представить нечто более гнусное, подлое, изменническое, чем поведение гигантского большинства социалистических и соц.-дем. депутатов в парламенте за время войны и после нее. Но было бы не только неразумно, а прямо преступно поддаваться этому настроению при решении вопроса, как следует бороться с общепризнанным злом. Во многих странах Западной Европы революционное настроение является теперь, можно сказать, «новинкой» или «редкостью», которой слишком долго, тщетно, нетерпеливо ждали, и может быть поэтому так легко уступают настроению. Конечно, без революционного настроения в массах, без условий, способствующих росту такого настроения, революционной тактике не претвориться в действие, но мы в России слишком долгим, тяжелым, кровавым опытом убедились в той истине, что на одном революционном настроении строить революционной тактики нельзя. Тактика должна быть построена на трезвом, строго объективном учете *всех* классовых сил данного государства (и окружающих его государств, и всех государств, в мировом масштабе), а также на учете опыта революционных движений. Проявить свою «революционность» одной только бранью по адресу парламентского оппортунизма, одним только отрицанием участия в парламентах очень легко, но именно потому, что это слишком легко, это — не решение трудной и труднейшей задачи. Создать действительно революционную парламентскую фракцию в европейских парламентах — гораздо труднее, чем в России. Конечно. Но это есть лишь частное выражение той общей истины, что России в конкретной, исторически чрезвычайно оригинальной ситуации 1917 года было легко *начать* социалистическую революцию, тогда как *продолжать* ее и довести ее до конца России будет труднее, чем европейским странам. Мне еще в начале 1918 года пришлось указывать на это обстоятельство, и двухлетний опыт после того вполне подтвердил правильность такого соображения. Таких специфических условий, как: 1) возможность соединить советский переворот с окончанием, благодаря ему, империалистской войны, невероятно измучившей рабочих и крестьян; 2) возможность использовать на известное время смертельную борьбу двух всемирно могущественных групп империалистских хищников, каковые группы не могли соединиться против

советского врага; 3) возможность выдержать сравнительно долгую гражданскую войну, отчасти благодаря гигантским размерам страны и худым средствам сообщения; 4) наличность такого глубокого буржуазно-демократического революционного движения в крестьянстве, что партия пролетариата взяла революционные требования у партии крестьян (с.-р., партии, резко враждебной, в большинстве своем, большевизму) и сразу осуществила их благодаря завоеванию политической власти пролетариатом; — таких специфических условий в Западной Европе теперь нет и повторение таких или подобных условий не слишком легко. Вот почему, между прочим, — помимо ряда других причин, — *начать* социалистическую революцию Западной Европе труднее, чем нам. Пытаться «обойти» эту трудность, «перескочив» через трудное дело использования в революционных целях реакционных парламентов, есть чистейшее ребячество. Вы хотите создать новое общество? и вы боитесь трудностей при создании хорошей парламентской фракции из убежденных, преданных, героических коммунистов в реакционном парламенте! Разве же это не ребячество? Если Карл Либкнехт в Германии и Э. Хеглунд в Швеции умели даже без массовой поддержки снизу дать образцы действительно революционного использования реакционных парламентов, то как же это быстро растущая массовая революционная партия, в обстановке послевоенного разочарования и озлобления масс, не в силах *выковать* себе коммунистической фракции в худших парламентах?! Именно потому, что отсталые массы рабочих и — еще более — мелких крестьян в Западной Европе гораздо сильнее, чем в России, пропитаны буржуазно-демократическими и парламентскими предрассудками, именно поэтому *только* изнутри таких учреждений, как буржуазные парламенты, могут (и должны) коммунисты вести длительную, упорную, ни перед какими трудностями не останавливающуюся борьбу разоблачения, рассеяния, преодоления этих предрассудков.

Немецкие «левые» жалуются на плохих «вождей» их партии и впадают в отчаяние, договариваясь до смешного «отрицания» «вождей». Но в условиях, когда часто приходится прятать «вождей» в подполье, *выработка* хороших, надежных, испытанных, авторитетных «вождей» дело осо-

бенно трудное, и успешно преодолеть этих трудностей *нельзя* без соединения легальной и нелегальной работы, без испытания «вождей», между прочим, и на парламентской арене. Критику — и самую резкую, беспощадную, непримиримую критику — следует направлять не против парламентаризма или парламентской деятельности, а против тех вождей, которые не умеют — и еще более тех, кои *не хотят* — использовать парламентских выборов и парламентской трибуны по-революционному, по-коммунистически. Только такая критика — соединенная, конечно, с изгнанием вождей негодных и с заменой их пригодными, — будет полезной и плодотворной революционной работой, воспитывающей одновременно и «вождей», чтобы они были достойны рабочего класса и трудящихся масс, — и массы, чтобы они научились разбираться правильно в политическом положении и понимать нередко очень сложные и запутанные задачи, которые из этого положения вытекают*.

VIII

НИКАКИХ КОМПРОМИССОВ?

Мы видели, в цитате из франкфуртской брошюры, с какой решительностью выдвигают «левые» этот лозунг. Печально видеть, как люди, несомненно считающие себя

* Я имел слишком мало возможности ознакомиться с «левым» коммунизмом в Италии. Несомненно, тов. Бордига и его фракция «коммунистов-бойкотистов» (Comunista astensionista) неправ, защищая неучастие в парламенте. Но в одном пункте он, мне кажется, прав — насколько можно судить по двум номерам его газеты «Совет» («Il Soviet», №№ 3 и 4, 18. I и 1. II, 1920), по четырем книжкам прекрасного журнала т-ща Серрати: «Коммунизм» («Comunismo», №№ 1—4, 1. X—30. XI. 1919) и по отрывочным номерам итальянских буржуазных газет, с которыми мне удалось ознакомиться. Именно, тов. Бордига и его фракция правы в нападениях на Турати и его единомышленников, которые остаются в партии, признавшей Советскую власть и диктатуру пролетариата, остаются членами парламента и продолжают свою вредившую, старую, оппортунистическую политику. Конечно, терпя это, тов. Серрати и вся Итальянская социалистическая партия¹⁵ делают ошибку, которая грозит таким же глубоким вредом и опасностью, как в Венгрии, где венгерские господа Турати саботировали изнутри и партию, и Советскую власть. Такое ошибочное, непоследовательное или бесхарактерное, отношение к оппортунистам-парламентариям, с одной стороны, порождает «левый» коммунизм, с другой стороны, до известной степени оправдывает его существование. Тов. Серрати явно неправ, обвиняя в «непоследовательности» депутата Турати («Comunismo», № 3), тогда как непоследовательна именно Итальянская социалистическая партия, терпя таких оппортунистов-парламентариев, как Турати и Ко.

марксистами и желающие быть марксистами, забыли основные истины марксизма. Вот что писал в 1874 году против манифеста 33-х коммунаров-бланкистов Энгельс, принадлежащий, подобно Марксу, к тем редким и редчайшим писателям, у которых в каждой фразе каждой крупной их работы есть замечательная глубина содержания:

«... Мы — коммунисты» (писали в своем манифесте коммунары-бланкисты) «потому, что хотим достигнуть своей цели, не останавливаясь на промежуточных станциях, не идя на компромиссы, которые только отдалают день победы и удлиняют период рабства».

Немецкие коммунисты являются коммунистами потому, что они через все промежуточные станции и компромиссы, созданные не ими, а ходом исторического развития, ясно видят и постоянно преследуют конечную цель: уничтожение классов и создание такого общественного строя, при котором не будет более места частной собственности на землю и на все средства производства. 33 бланкиста являются коммунистами потому, что они воображают, что раз они хотят перескочить через промежуточные станции и компромиссы, то и дело в шляпе, и что если — в чем они твердо уверены, — на этих днях «начнется», и власть очутится в их руках, то послезавтра «коммунизм будет введен». Следовательно, если этого нельзя сделать сейчас же, то и они не коммунисты.

Что за детская наивность — выставлять собственное нетерпение в качестве теоретического аргумента!» (Фр. Энгельс, «Программа коммунаров-бланкистов»¹⁶, из немецкой с.-д. газеты «Volksstaat»*, 1874, № 73, в сборнике: «Статьи 1871—1875 гг.», русск. пер., Петр. 1919, стр. 52—53).

Энгельс в той же статье выражает свое глубокое уважение к Вальяну и говорит о «неоспоримой заслуге» Вальяна (который был, подобно Геду, крупнейшим вождем международного социализма, до их измены социализму в августе 1914 года). Но явную ошибку Энгельс не оставляет без подробного разбора. Конечно, революционерам очень молодым и неопытным, а равно мелкобуржуазным революционерам даже очень почтенного возраста и очель

* — «Народное Государство». Ред.

опытным, кажется чрезвычайно «опасным», непонятым, неправильным «разрешать компромиссы». И многие софисты рассуждают (будучи сверх или чересчур «опытными» политиканами) именно так, как упомянутые т-щем Лэнсбери английские вожди оппортунизма: «если большевикам разрешается такой-то компромисс, то почему же нам не разрешить любые компромиссы?». Но пролетарии, воспитанные на многократных стачках (чтобы взять одно только это проявление классовой борьбы), обыкновенно прекрасно усваивают глубочайшую (философскую, историческую, политическую, психологическую) истину, изложенную Энгельсом. Каждый пролетарий переживал стачку, переживал «компромиссы» с ненавистными угнетателями и эксплуататорами, когда рабочим приходилось браться за работу, либо ничего не достигнув, либо соглашаясь на частичное удовлетворение их требований. Каждый пролетарий, благодаря той обстановке массовой борьбы и резкого обострения классовых противоположностей, в которой он живет, наблюдает разницу между компромиссом, вынужденным объективными условиями (у стачечников бедна касса, нет поддержки со стороны, они изголодались и измучились до невозможности), — компромиссом, несколько не уменьшающим революционной преданности и готовности к дальнейшей борьбе рабочих, заключавших такой компромисс, — и, с другой стороны, компромиссом предателей, которые сваливают на объективные причины свое шкурничество (штрейк-брехеры тоже заключают «компромиссы!»), свою трусость, свое желание подслужиться капиталистам, свою податливость запугиваниям, иногда уговорам, иногда подачкам, иногда лести со стороны капиталистов (таких компромиссов предателей особенно много дает история английского рабочего движения со стороны вождей английских тред-юнионов, но в той или иной форме почти все рабочие во всех странах наблюдали аналогичное явление).

Разумеется, бывают единичные случаи исключительно трудные и сложные, когда лишь с величайшими усилиями удается правильно определить действительный характер того или иного «компромисса», — как бывают случаи убийства, когда очень нелегко решить, было ли это вполне справедливое и даже обязательное убийство (напр., необходимая оборона) или непростительная небрежность или

даже тонко проведенный коварный план. Разумеется, в политике, где дело идет иногда о крайне сложных — национальных и интернациональных — взаимоотношениях между классами и партиями, очень много случаев будет гораздо более трудных, чем вопрос о законном «компромиссе» при стачке или о предательском «компромиссе» штрейкбрехера, изменника вождя и т. п. Сочинить такой рецепт или такое общее правило («никаких компромиссов!»), которое бы годилось на все случаи, есть нелепость. Надо иметь собственную голову на плечах, чтобы в каждом отдельном случае уметь разобраться. В том-то и состоит, между прочим, значение партийной организации и партийных вождей, заслуживающих этого звания, чтобы длительной, упорной, разнообразной, всесторонней работой всех мыслящих представителей данного класса* вырабатывать необходимые знания, необходимый опыт, необходимое — кроме знания и опыта — политическое чутье, для быстрого и правильного решения сложных политических вопросов.

Наивные и совсем неопытные люди воображают, что достаточно признать допустимость компромиссов вообще, — и будет стерта всякая грань между оппортунизмом, с которым мы ведем и должны вести непримиримую борьбу, — и революционным марксизмом или коммунизмом. Но таким людям, если они еще не знают, что все грани и в природе и в обществе подвижны и до известной степени условны, нельзя ничем помочь кроме длительного обучения, воспитания, просвещения, политического и житейского опыта. В практических вопросах политики каждого отдельного или специфического исторического момента важно уметь выделить те, в которых проявляется главнейший вид недопустимых, предательских, воплощающих губительный для революционного класса оппортунизм, компромиссов и на разъяснение их, на борьбу с ними направить все усилия. Во время империалистской войны 1914—1918 годов между двумя группами одинаково разбой-

* В каждом классе, даже в условиях наиболее просвещенной страны, даже в самом передовом и обстоятельствами момента поставленном в положение исключительно высокого подъема всех душевных сил, всегда есть — и, пока существуют классы, пока полностью не укрепилось, не упрочилось, не равнилось на своей собственной основе бесклассовое общество, неизбежно *будут* — представители класса не мыслящие и мыслить не способные. Капитализм не был бы угнетающим массы капитализмом, если бы это не было так.

нических и хищнических стран таким главнейшим, основным видом оппортунизма был социал-шовинизм, т. е. поддержка «защиты отечества», которая на деле равнялась в *такой* войне защите грабительских интересов «своей» буржуазии. После войны — защита грабительской «Лиги наций»; защита прямых или косвенных союзов с буржуазией своей страны против революционного пролетариата и «советского» движения; защита буржуазной демократии и буржуазного парламентаризма против «Советской власти»; — таковы были главнейшие проявления тех недопустимых и предательских компромиссов, которые, в сумме своей, давали губительный для революционного пролетариата и для его дела оппортунизм.

«...Со всей решительностью отклонить всякий компромисс с другими партиями... всякую политику лавирования и соглашательства» —

пишут германские левые в франкфуртской брошюре.

Удивительно, что при таких взглядах эти левые не выносят решительного осуждения большевизму! Не может же быть, чтобы германские левые не знали, что вся история большевизма, и до и после Октябрьской революции, *полна* случаями лавирования, соглашательства, компромиссов с другими и в том числе с буржуазными партиями!

Вести войну за овержение международной буржуазии, войну во сто раз более трудную, длительную, сложную, чем самая упорная из обыкновенных войн между государствами, и наперед отказываться при этом от лавирования, от использования противоречия интересов (хотя бы временного) между врагами, от соглашательства и компромиссов с возможными (хотя бы временными, непрочными, шаткими, условными) союзниками, разве это не безгранично смешная вещь? Разве это не похоже на то, как если бы при трудном восхождении на неисследованную еще и неприступную донныне гору мы заранее отказались от того, чтобы идти иногда зигзагом, возвращаться иногда назад, отказываться от выбранного раз направления и пробовать различные направления? И людей, которые до такой степени малосознательны и неопытны (хорошо еще, если это объясняется их молодостью: молодежи сам бог велел говорить в течение известного времени подобные глупости), могли поддерживать — все равно, прямо или

косвенно, открыто или прикрыто, целиком или отчасти, — некоторые члены голландской коммунистической партии!!

После первой социалистической революции пролетариата, после свержения буржуазии в одной стране, пролетариат этой страны *надолго* остается *слабее*, чем буржуазия, просто уже в силу ее громадных интернациональных связей, а затем в силу стихийного и постоянного восстановления, возрождения капитализма и буржуазии мелкими товаропроизводителями свергнувшей буржуазию страны. Победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил и при *обязательном*, самом тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, «трещины» между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран, между разными группами или видами буржуазии внутри отдельных стран, — так и всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного. Кто этого не понял, тот не понял ни грана в марксизме и в научном, современном, социализме *вообще*. Кто не доказал *практически*, на довольно значительном промежутке времени и в довольно разнообразных политических положениях, своего умения применять эту истину на деле, тот не научился еще помогать революционному классу в его борьбе за освобождение всего трудящегося человечества от эксплуататоров. И сказанное относится одинаково к периоду *до* и *после* завоевания политической власти пролетариатом.

Наша теория не догма, а *руководство к действию* — говорили Маркс и Энгельс¹⁷, и величайшей ошибкой, величайшим преступлением таких «патентованных» марксистов, как Карл Каутский, Отто Бауэр и т. п., является то, что они этого не поняли, не сумели применить в самые важные моменты революции пролетариата. «Политическая деятельность — не тротуар Невского проспекта» (чистый, широкий, ровный тротуар совершенно прямой главной улицы Петербурга), говаривал еще русский великий социалист до-марковского периода Н. Г. Чернышевский¹⁸. Русские революционеры, со времен Чернышевского, неисчислимыми жертвами заплатили за игнорирование или забвение этой истины. Надо добиться во что бы то ни стало,

чтобы левые коммунисты и преданные рабочему классу революционеры Зап. Европы и Америки *не так дорого* заплатили за усвоение этой истины, как отсталые россияне.

Русские революционные социал-демократы до падения царизма неоднократно пользовались услугами буржуазных либералов, т. е. заключали с ними массу практических компромиссов, а в 1901—1902 годах, еще до возникновения большевизма, старая редакция «Искры» (в эту редакцию входили: Плеханов, Аксельрод, Засулич, Мартов, Потресов и я) заключала (правда, не надолго) формальный политический союз со Струве, политическим вождем буржуазного либерализма, умея в то же время вести, не прекращая, самую беспощадную идейную и политическую борьбу против буржуазного либерализма и против малейших проявлений его влияния изнутри рабочего движения. Большевики продолжали всегда ту же политику. С 1905 года они систематически отстаивали союз рабочего класса с крестьянством против либеральной буржуазии и царизма, никогда не отказываясь в то же время от поддержки буржуазии против царизма (напр., на 2-ой стадии выборов или на перебаллотировках) и не прекращая самой непримиримой идейной и политической борьбы против буржуазно-революционной крестьянской партии, «социалистов-революционеров», разоблачая их, как мелкобуржуазных демократов, фальшиво причисляющих себя к социалистам. В 1907 году большевики заключили, на короткое время, формальный политический блок на выборах в Думу с «соц.-революционерами». С меньшевиками мы в 1903—1912 годах бывали по несколько лет формально в единой с.-д. партии, *никогда не прекращая* идейной и политической борьбы с ними, как с проводниками буржуазного влияния на пролетариат и оппортунистами. Во время войны мы заключали некоторый компромисс с «каутскианцами», левыми меньшевиками (Мартов) и частью «соц.-революционеров» (Чернов, Натансон), заседая вместе с ними в Циммервальде и Кинтале и выпуская общие манифесты, но мы не прекращали и не ослабляли никогда идейно-политической борьбы с «каутскианцами», Мартовым и Черновым (Натансон умер в 1919 г., будучи вполне близким к нам, почти солидарным с нами «революционным коммунистом»-народником). В самый

момент Октябрьского переворота мы заключили не формальный, но очень важный (и очень успешный) политический блок с мелкобуржуазным крестьянством, приняв целиком, без едного изменения, эсеровскую аграрную программу, т. е. заключили несомненный компромисс, чтобы доказать крестьянам, что мы хотим не майоризирования их, а соглашения с ними. Одновременно мы предложили (и вскоре осуществили) формальный политический блок, с участием в правительстве, «левым эсерам», которые расторгли этот блок после заключения Брестского мира с нами и затем дошли до вооруженного восстания против нас в июле 1918 года и впоследствии до вооруженной борьбы против нас.

Понятно поэтому, что нападки немецких левых на Цема партии коммунистов в Германии за допущение им мысли о блоке с «независимцами» («Незав. с.-д. партия Германии», каутскианцы) кажутся нам совершенно несерьезными и наглядно доказывающими *неправоту* «левых». У нас в России тоже были меньшевики правые (входившие в правительство Керенского), соответствующие немецким Шейдеманам, и меньшевики левые (Мартов), бывшие в оппозиции к правым меньшевикам и соответствующие немецким каутскианцам. Постепенный переход рабочих масс от меньшевиков к большевикам мы наблюдали ясно в 1917 году: на I Всероссийском съезде Советов, в июне 1917 г. мы имели всего 13%. Большинство было у эсеров и меньшевиков. На Втором съезде Советов (25. X. 1917 ст. ст.) мы имели 51% голосов. Почему в Германии *такая же*, вполне *однородная* тяга рабочих справа налево привела к усилению не сразу коммунистов, а сначала промежуточной партии «независимцев», хотя никаких самостоятельных политических идей, никакой самостоятельной политики эта партия никогда не имела, а только колебалась между Шейдеманами и коммунистами?

Очевидно, одной из причин была *ошибочная* тактика немецких коммунистов, которые должны безбоязненно и честно эту ошибку признать и научиться ее исправить. Ошибка состояла в отрицании участия в реакционном, буржуазном, парламенте и в реакционных профсоюзах, ошибка состояла в многочисленных проявлениях той «левой» детской болезни, которая теперь вышла наружу

и тем лучше, тем скорее, с тем большей пользой для организма будет излечена.

Немецкая «Независимая с.-д. партия» явно неоднородна внутри: наряду со старыми оппортунистическими вождями (Каутский, Гильфердинг, в значительной мере, видимо, Криспин, Ледебур и др.), которые доказали свою неспособность понять значение Советской власти и диктатуры пролетариата, свою неспособность руководить его революционной борьбой, в этой партии образовалось и замечательно быстро растет левое, пролетарское крыло. Сотни тысяч членов этой партии (имеющей, кажется, до $\frac{3}{4}$ миллиона членов) — пролетарии, уходящие от Шейдемана и быстро идущие к коммунизму. Это пролетарское крыло уже предлагало на Лейпцигском (1919) съезде независимцев немедленное и безусловное присоединение к III Интернационалу. Бояться «компромисса» с этим крылом партии — прямо смешно. Напротив, *обязательно* для коммунистов искать и *найти* подходящую форму компромисса с ними, такого компромисса, который бы, с одной стороны, облегчал и ускорял необходимое полное слияние с этим крылом, а с другой стороны, ни в чем не стеснял коммунистов в их идейно-политической борьбе против оппортунистического правого крыла «независимцев». Вероятно, выработать подходящую форму компромисса будет нелегко, но только шарлатан мог бы обещать немецким рабочим и немецким коммунистам «легкий» путь к победе.

Капитализм не был бы капитализмом, если бы «чистый» пролетариат не был окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов от пролетария к полупролетарию (тому, кто наполовину спискивает себе средства к жизни продажей рабочей силы), от полупролетария к мелкому крестьянину (и мелкому ремесленнику, кустарю, хозяйчику вообще), от мелкого крестьянина к среднему и т. д.; — если бы внутри самого пролетариата не было делений на более и менее развитые слои, делений земляческих, профессиональных, иногда религиозных и т. п. А из всего этого необходимость — и безусловная необходимость для авангарда пролетариата, для его сознательной части, для коммунистической партии прибегать к лавированию, соглашательству, компромиссам с разными группами пролетариев, с разными партиями рабочих и мелких хозяйчиков вытекает с абсолютной необходимостью. Все дело

в том, чтобы уметь применять эту тактику в целях *повышения*, а не понижения, *общего* уровня пролетарской сознательности, революционности, способности к борьбе и к победе. Надо заметить, между прочим, что победа большевиков над меньшевиками требовала не только до Октябрьской революции 1917 года, но и после нее, применения тактики лавирования, соглашательства, компромиссов, разумеется, такого и таких, которое облегчало, ускоряло, упрочивало, усиливало большевиков насчет меньшевиков. Мелкобуржуазные демократы (а в том числе и меньшевики) неизбежно колеблются между буржуазией и пролетариатом, между буржуазной демократией и советским строем, между реформизмом и революционностью, между рабочелюбием и боязнью пролетарской диктатуры и т. д. Правильная тактика коммунистов должна состоять в *использовании* этих колебаний, отнюдь не в игнорировании их; использование требует уступок тем элементам, тогда и постольку, какие, когда и поскольку поворачивают к пролетариату — наряду с борьбой против тех, кои поворачивают к буржуазии. В результате применения правильной тактики меньшевизм все более распадался и распадается у нас, изолируя упорно оппортунистических вождей и переводя в наш лагерь лучших рабочих, лучшие элементы от мелкобуржуазной демократии. Это — длительный процесс, и скоропалительным «решением»: «никаких компромиссов, никакого лавирования» можно только повредить делу усиления влияния революционного пролетариата и увеличения его сил.

Наконец, одной из несомненных ошибок «левых» в Германии является их прямолинейное настаивание на непризнании Версальского мира. Чем «солиднее» и «важнее», чем «решительнее» и безапелляционнее формулирует этот взгляд, напр., К. Хорнер, тем менее умно это выходит. Недостаточно отречься от вопиющих нелепостей «национального большевизма» (Лауфенберга и др.), который договорился до блока с немецкой буржуазией для войны против Антанты, при современных условиях международной пролетарской революции. Надо понять, что в корне ошибочна тактика, не допускающая обязательности для советской Германии (если бы вскоре возникла советская германская республика) признать на известное время Версальский мир и подчиниться ему. Из этого не следует,

что «независимцы» были правы, выдвигая, когда в правительстве сидели Шейдеманы, когда еще не была свергнута Советская власть в Венгрии, когда еще не исключена была возможность помощи со стороны советской революции в Вене для поддержки Советской Венгрии, — выдвигая *при тогдашних условиях* требование подписать Версальский мир. Тогда «независимцы» лавировали и маневрировали очень плохо, ибо брали на себя большую или меньшую ответственность за предателей Шейдеманов, скатывались более или менее с точки зрения беспощадной (и хладнокровнейшей) классовой войны с Шейдеманами на точку зрения «бесклассовую» или «надклассовую».

Но теперь положение явно такое, что коммунисты Германии не должны связывать себе рук и обещать обязательное и неперемное отвержение Версальского мира в случае победы коммунизма. Это глупо. Надо сказать: Шейдеманы и каутскианцы совершили ряд предательств, затруднивших (частью: прямо погубивших) дело союза с Советской Россией, с Советской Венгрией. Мы, коммунисты, будем всеми средствами *облегчать* и *подготавливать* такой союз, причем Версальского мира мы вовсе не обязаны непременно отвергать и притом немедленно. Возможность успешно отвергнуть его зависит не только от немецких, но и от международных успехов советского движения. Этому движению Шейдеманы и каутскианцы мешали, мы ему помогаем. Вот в чем суть дела, вот в чем коренная разница. И если наши классовые враги, эксплуататоры, их лакеи, Шейдеманы и каутскианцы, упустили целый ряд возможностей усилить и германское и международное советское движение, усилить и германскую и международную советскую революцию, то вина падает на них. Советская революция в Германии усилит международное советское движение, которое есть сильнейший оплот (и единственный надежный, непобедимый, всемирно-могучий оплот) против Версальского мира, против международного империализма вообще. Ставить освобождение от Версальского мира обязательно и непременно и немедленно на первое место *перед вопросом* об освобождении *других* угнетенных империализмом стран от гнета империализма есть мещанский национализм (достойный Каутских, Гильфердингов, Отто Бауэров и К^о), а не революционный интернационализм. Свержение буржуазии в любой из

крупных европейских стран, в том числе и в Германии, есть такой плюс международной революции, что ради него можно и должно пойти — если это будет нужно — на *более продолжительное существование Версальского мира*. Если Россия одна могла, с пользой для революции, вынести несколько месяцев Брестского мира, то нет ничего невозможного в том, что Советская Германия, в союзе с Советской Россией, вынесет с пользой для революции более долгое существование Версальского мира.

Империалисты Франции, Англии и т. д. провоцируют немецких коммунистов, ставят им ловушку: «скажите, что вы не подпишете Версальского мира». А левые коммунисты, как дети, попадают в расставленную им ловушку вместо того, чтобы умело маневрировать против коварного и в *данный момент* более сильного врага, вместо того, чтобы сказать ему: «теперь мы Версальский мир подпишем». Связывать себе наперед руки, говорить открыто врагу, который сейчас вооружен лучше нас, будем ли мы воевать с ним и когда, есть глупость, а не революционность. Принимать бой, когда это заведомо выгодно неприятелю, а не нам, есть преступление, и никуда не годны такие политики революционного класса, которые не сумеют проделывать «лавирование, соглашательство, компромиссы», чтобы уклониться от заведомо невыгодного сражения.

IX

«ЛЕВЫЙ» КОММУНИЗМ В АНГЛИИ

В Англии нет еще коммунистической партии, но есть свежее, широкое, могучее, быстро растущее, дающее право питать самые радужные надежды коммунистическое движение среди рабочих; есть несколько политических партий и организаций («Британская социалистическая партия»¹⁹, «Социалистическая рабочая партия», «Южно-Уэльское социалистическое общество», «Рабочая социалистическая федерация»²⁰), желающих создать коммунистическую партию и ведущих уже между собой переговоры об этом. В газете «Дредноут Рабочих» (том VI, № 48, от 21. II. 1920), еженедельном органе последней из названных организаций, редактируемом тов. Сильвией Панкхерст, помещена ее статья: «К коммунистической партии». Статья излагает ход переговоров между четырьмя названными

организациями об образовании единой коммунистической партии, на основе присоединения к III Интернационалу, признания советской системы, вместо парламентаризма, и диктатуры пролетариата. Оказывается, одним из главных препятствий к немедленному созданию единой коммунистической партии являются разногласия по вопросу об участии в парламенте и о присоединении новой коммунистической партии к старой, профессионалистской, составленной преимущественно из тред-юнионов, оппортунистической и социал-шовинистской «Рабочей партии». «Рабочая социалистическая федерация» — равно как и «Социалистическая рабочая партия»* — высказываются против участия в парламентских выборах и в парламенте, против присоединения к «Рабочей партии», расходясь в этом отношении со всеми или с большинством членов Брит. соц. партии, которая, в их глазах, является «правым крылом коммунистических партий» в Англии (стр. 5, назв. статья Сильвии Панкхерст).

Итак, основное деление получается то же, как и в Германии, — несмотря на громадные различия по форме проявления разногласий (в Германии эта форма гораздо более близка к «русской», чем в Англии) и по целому ряду других обстоятельств. Посмотрим же на доводы «левых».

По вопросу об участии в парламенте т. Сильвия Панкхерст ссылается на помещенную в том же номере статью т-ща В. Галлахера (W. Gallacher), который пишет от имени «Шотландского рабочего совета» в Глазго:

«Этот совет — пишет он — определенно антипарламентаристский, и за ним стоит левое крыло различных политических организаций. Мы представляем революционное движение в Шотландии, стремящееся к созданию революционной организации в производствах (в разных отраслях производства) и коммунистической партии, основанной на социальных комитетах, во всей стране. Долгое время мы ссорились с официальными парламентариями. Мы не считали необходимым объявить открытую войну им, а они *боятся* открыть атаку на нас.

Но такое положение вещей не может продолжаться долго. Мы побеждаем по всей линии.

Массовые члены Неванисимой рабочей партии в Шотландии все больше и больше получают отвращение при мысли о парламенте, и

* Кажется, эта партия против присоединения к «Раб. партии», но не все против участия в парламенте.

почти все местные группы стоят за Советы (употреблено русское слово в английской транскрипции) или рабочие Советы. Разумеется, это имеет весьма серьезное значение для тех господ, которые смотрят на политику как на средство заработка (как на профессию), и они пускают в ход все и всякие средства, чтобы убедить своих членов вернуться назад на лоно парламентаризма. Революционные товарищи *не должны* (курсив везде автора) поддерживать этой банды. Наша борьба здесь будет очень трудной. Одной из худших ее черт будет измена тех, для кого личные интересы являются побудителем более сильным, чем их интерес к революции. Всякая поддержка парламентаризма есть просто помощь тому, чтобы власть попала в руки наших британских Шейдеманов и Носке. Гендерсон, Кляйнс (Clunes) и К^о безнадежно реакционны. Официальная Независ. раб. партия все больше подпадает под власть буржуазных либералов, которые нашли себе духовный приют в лагере господ Макдональда, Сноудена и К^о. Официальная Незав. раб. партия жестоко враждебна III Интернационалу, а масса за него. Поддерживать каким бы то ни было способом парламентариев-оппортунистов значит просто играть наруку вышеназванным господам. Брит. соц. партия здесь не имеет никакого значения... Здесь нужна здоровая революционная производственная (индустриальная) организация и коммунистическая партия, действующая согласно ясным, точно определенным, научным основаниям. Если наши товарищи могут помочь нам в создании той и другой, мы охотно примем их помощь; если не могут, — пусть, бога ради, повсе не вмешиваются, если они не хотят предать Революцию посредством оказания поддержки реакционерам, которые так усердно добиваются парламентского «почетного» (? — знак вопроса автора) звания и которые горят желанием доказать, что они *могут управлять* так же успешно, как и сами «хозяева», классовые политики».

Это письмо в редакцию выражает, на мой взгляд, великолепно настроения и точку зрения молодых коммунистов или массовиков-рабочих, которые только-только начали приходить к коммунизму. Настроение это в высочайшей степени отрадное и ценное; его надо уметь ценить и поддерживать, ибо без него победа революции пролетариата в Англии — да и во всякой другой стране — была бы безнадежна. Людей, которые умеют выражать такое настроение масс, умеют вызывать у масс (очень часто дремлющее, не осознанное, не пробужденное) подобное настроение, надо беречь и заботливо оказывать им всяческую помощь. Но в то же время надо прямо, открыто говорить им, что *одного* настроения недостаточно для руководства массами в великой революционной борьбе, и что такие-то и такие-то ошибки, которые готовы сделать или делают преданнейшие делу революции люди, суть ошибки, способные принести вред делу революции. Письмо

в редакцию т-ща Галлахера показывает с несомненностью зародыши *всех* тех ошибок, которые делают немецкие «левые» коммунисты и которые были делаемы русскими «левыми» большевиками в 1908 и 1918 годах.

Автор письма полон благороднейшей пролетарской (понятной и близкой, однако, не только для пролетариев, но и для всех трудящихся, для всех «маленьких людей», если употребить немецкое выражение) ненависти к буржуазным «классовым политикам». Эта ненависть представителя угнетенных и эксплуатируемых масс есть поистине «начало всякой премудрости», основа всякого социалистического и коммунистического движения и его успехов. Но автор, видимо, не учитывает того, что политика есть наука и искусство, которое с неба не сваливается, даром не дается, и что пролетариат, если он хочет победить буржуазию, должен выработать себе *своих*, пролетарских, «классовых политиков», и таких, чтобы они были не хуже политиков буржуазных.

Автор письма превосходно понял, что не парламент, а только рабочие Советы могут быть орудием достижения целей пролетариата, и, конечно, те, кто не понял этого до сих пор, суть злейшие реакционеры, будь то самый ученый человек, самый опытный политик, самый искренний социалист, самый начитанный марксист, самый честный гражданин и семьянин. Но автор письма не ставит даже вопроса, не помышляет о необходимости поставить вопрос о том, можно ли привести Советы к победе над парламентом, не вводя «советских» политиков *внутри* парламента? не разлагая парламентаризма *изнутри*? не подготовляя изнутри парламента успеха Советов в предстоящей им задаче разогнать парламент? А между тем автор письма высказывает совершенно правильную мысль, что коммунистическая партия в Англии должна действовать на *научных* основаниях. Наука требует, во-первых, учета опыта других стран, особенно, если другие, тоже капиталистические, страны переживают или недавно переживали весьма сходный опыт; во-вторых, учета *всех* сил, групп, партий, классов, масс, действующих внутри данной страны, отнюдь не определения политики на основании только желаний и взглядов, степени сознательности и готовности к борьбе одной только группы или партии.

Что Гендерсоны, Кляйнсы, Макдональды, Споудены безнадежно реакционны, это верно. Так же верно то, что они хотят взять власть в свои руки (предпочтая, впрочем, коалицию с буржуазией), что они хотят «управлять» по тем же стародавним буржуазным правилам, что они неминуемо будут вести себя, когда будут у власти, подобно Шейдеманам и Носке. Все это так. Но отсюда вытекает вовсе не то, что поддержка их есть измена революции, а то, что в интересах революции революционеры рабочего класса должны оказать этим господам известную парламентскую поддержку. Для пояснения этой мысли возьму два современных английских политических документа: 1) речь премьера Ллойд-Джорджа 18. III. 1920 (по изложению в «The Manchester Guardian»* от 19. III. 1920) и 2) рассуждения «левой» коммунистки, тов. Сильвии Панкхерст, в вышеуказанной ее статье.

Ллойд-Джордж в своей речи полемизировал с Асквтом (который был специально приглашен на собрание, но отказался придти) и теми либералами, которые хотят не коалиции с консерваторами, а сближения с Рабочей партией. (Из письма в редакцию тов. Галлахера мы видели тоже указание на факт перехода либералов в Нез. раб. партию.) Ллойд-Джордж доказывал, что необходима коалиция либералов с консерваторами и *тесная*, ибо иначе может победить Рабочая партия, которую Ллойд-Джордж «предпочитает называть» социалистической и которая стремится к «коллективной собственности» на средства производства. «Во Франции это называлось коммунизмом» — популярно пояснял вождь английской буржуазии своим слушателям, членам парламентской либеральной партии, которые, вероятно, до сих пор этого не знали, — «в Германии это называлось социализмом; в России это называется большевизмом». Для либералов это принципиально неприемлемо, разъяснял Ллойд-Джордж, ибо либералы принципиально за частную собственность. «Цивилизация в опасности», заявлял оратор, и потому либералы и консерваторы должны объединиться...

«...Если вы пойдете в земледельческие округа, — говорил Ллойд-Джордж, — я согласен, что вы увидите там старые партийные делегации, сохранившиеся попрежнему. Там опасность далека. Там опас-

* — «Страж Манчестера». Ред.

ности нет. Но когда дело дойдет до сельских округов, опасность будет там так же велика, как она велика теперь в некоторых промышленных округах. Четыре пятых нашей страны заняты промышленностью и торговлей; едва ли одна пятая — земледелием. Это — одно из обстоятельств, которое постоянно имею в виду, когда я размышляю об опасностях, которые несет нам будущее. Во Франции население земледельческое, и вы имеете солидную базу определенных взглядов, которая не двигается очень-то быстро и которую не очень-то легко возбудить революционным движением. В нашей стране дело обстоит иначе. Нашу страну легче опрокинуть, чем какую бы то ни было другую страну в свете, и если она начнет шататься, то крах будет здесь по указанным причинам более сильным, чем в других странах.

Читатель видит отсюда, что г. Ллойд-Джордж не только человек очень умный, но и многому научившийся от марксистов. Не грех и нам поучиться у Ллойд-Джорджа.

Интересно еще отметить следующий эпизод из дискуссии, которая состоялась после речи Ллойд-Джорджа:

«Г. Воллэс (Wallace): Я бы хотел спросить, как смотрит премьер-министр на результаты его политики в промышленных округах по отношению к промышленным рабочим, из которых очень многие являются либералами в настоящее время и от которых мы получаем так много поддержки. Не будет ли возможный результат тот, что вызовет громадное увеличение силы Рабочей партии со стороны рабочих, которые в настоящее время являются нашими искренними помощниками?»

Премьер-министр: Я держусь совершенно иного взгляда. Тот факт, что либералы между собой борются, несомненно, толкает очень значительное число либералов, с отчаяния, к Рабочей партии, где вы имеете уже значительное число либералов, очень способных людей, занятых теперь дискредитированием правительства. Результат, несомненно, тот, что значительно укрепляется общественное настроение в пользу Рабочей партии. Общественное мнение поворачивает не к либералам, стоящим вне Рабочей партии, а к Рабочей партии, это показывают частичные перевыборы».

Мимоходом сказать, это рассуждение показывает особенно, как умнейшие люди буржуазии запутались и не могут не делать непоправимых глупостей. На этом буржуазия и погибнет. А наши люди могут даже делать глупости (правда, при условии, что это глупости не очень большие, и что они будут своевременно исправлены) и тем не менее окажутся в конце концов победителями.

Другой политический документ — следующие рассуждения «левой» коммунистки, тов. Сильвии Панкхерст:

«...Тов. Инкпин (секретарь Брит. соц. партии) называет Рабочую партию «главной организацией движения рабочего класса». Другой

товарищ из Британской социалистической партии на конференции III Интернационала выразил взгляд Британской социалистической партии еще рельефнее. Он сказал: «Мы смотрим на Рабочую партию, как на организованный рабочий класс».

Мы не разделяем этого взгляда на Рабочую партию. Рабочая партия очень велика численно, хотя члены ее в очень значительной доле бездеятельны и апатичны; это — рабочие и работницы, вступившие в тред-юнион, потому что их товарищи по мастерской тред-юнионисты и потому что они хотят получать пособия.

Но мы признаем, что многочисленность Рабочей партии вызвана также тем фактом, что она есть создание той школы мысли, за пределы которой большинство британского рабочего класса еще не пошло, хотя великие изменения подготавливаются в умах народа, который скоро изменит это положение...».

«...Британская Рабочая партия, подобно социал-патриотическим организациям других стран, неизбежно, в ходе естественного развития общества, придет к власти. Дело коммунистов — строить силы, которые низвергнут социал-патриотов, и мы не должны в нашей стране ни затягивать этой деятельности, ни колебаться.

Мы не должны разбрасывать нашу энергию, увеличивая силу Рабочей партии; ее подъем к власти неизбежен. Мы должны сосредоточить свои силы на создании коммунистического движения, которое победит ее. Рабочая партия скоро составит правительство; революционная оппозиция должна быть готова, чтобы напасть на него...».

Итак, либеральная буржуазия отказывается от исторически освященной вековым опытом — и необычайно выгодной для эксплуататоров — системы «двух партий» (эксплуататоров), считая необходимым объединение их сил для борьбы с Рабочей партией. Часть либералов, как крысы с тонущего корабля, перебегают к Рабочей партии. Левые коммунисты считают переход власти к Рабочей партии неизбежным и признают, что сейчас за ней большинство рабочих. Они делают отсюда тот странный вывод, который т. Сильвия Панкхерст формулирует так:

«Коммунистическая партия не должна заключать компромиссов... Она должна сохранить свою доктрину чистой, свою независимость от реформизма незапятнанной; ее миссия — идти впереди, не останавливаясь и не сворачивая с пути, идти прямой дорогой к коммунистической революции».

Напротив, из того, что большинство рабочих в Англии еще идет за английскими Керенскими или Шейдеманами, что оно еще не сделало опыта с правительством из этих людей, каковой опыт понадобился и России и Германии для массового перехода рабочих к коммунизму, из этого вытекает с несомненностью, что английские коммунисты *должны* участвовать в парламентаризме, должны *изнутри*

парламента помочь рабочей массе увидеть на деле результаты гендерсоновского и сноуденовского правительства, должны помочь Гендерсонам и Сноуденам победить объединенных Ллойд-Джорджа и Черчилля. Поступить иначе, значит затруднить дело революции, ибо без перемены взглядов большинства рабочего класса революция невозможна, а эта перемена создается политическим опытом масс, никогда не одной только пропагандой. «Без компромиссов вперед, не сворачивая с пути», если это говорит заведомо бессильное меньшинство рабочих, которое знает (или во всяком случае должно знать), что большинство через короткий промежуток времени, при условии победы Гендерсона и Сноудена над Ллойд-Джорджем и Черчиллем, разочаруется в своих вождях и перейдет к поддержке коммунизма (или во всяком случае к нейтралитету и большей частью благожелательному нейтралитету по отношению к коммунистам), — такой лозунг явно ошибочен. Это все равно, как если бы 10 000 солдат бросились в бой против 50 000 неприятеля, когда следует «остановиться», «свернуть с дороги», даже заключить «компромисс», лишь бы дожидаться имеющих подойти 100 000 подкрепления, которые сразу выступить не в состоянии. Это — интеллигентское ребячество, а не серьезная тактика революционного класса.

Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и в частности всеми тремя русскими революциями в XX веке, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда «низы» не хотят старого и когда «верхи» не могут по-старому, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса. Значит, для революции надо, во-первых, добиться, чтобы большинство рабочих (или во всяком случае большинство сознательных, мыслящих, политически активных рабочих) вполне поняло необходимость переворота и готово было идти на смерть ради него; во-вторых, чтобы правящие классы переживали правительственный кризис, который втягивает в политику

даже самые отсталые массы (признак всякой настоящей революции: быстрое удесятерение или даже увеличение во сто раз количества способных на политическую борьбу представителей трудящейся и угнетенной массы, доселе апатичной), обессиливает правительство и делает возможным для революционеров быстрое свержение его.

В Англии, как видно, между прочим, именно из речи Ллойд-Джорджа, явно нарастают оба условия успешной пролетарской революции. И ошибки со стороны левых коммунистов опасны теперь сугубо именно потому, что у некоторых революционеров наблюдается недостаточно вдумчивое, недостаточно внимательное, недостаточно сознательное, недостаточно расчетливое отношение к каждому из этих условий. Если мы — не революционная группа, а партия революционного класса, если мы хотим увлечь за собой массы (а без этого мы рискуем остаться просто говорунами), мы должны, во-первых, помочь Гендерсону или Сноудену побить Ллойд-Джорджа и Черчилля (вернее даже: заставить первых побить вторых, ибо первые боятся своей победы!); во-вторых, помочь большинству рабочего класса на своем опыте убедиться в нашей правоте, т. е. в полной негодности Гендерсонов и Сноуденов, в их мелкобуржуазной и предательской натуре, в неизбежности их банкротства; в-третьих, приблизить момент, когда на почве разочарования Гендерсонами большинства рабочих можно будет с серьезными шансами на успех сразу скинуть правительство Гендерсонов, которое будет еще более растерянно метаться, если даже умнейший и солиднейший, не мелкобуржуазный, а крупнобуржуазный, Ллойд-Джордж проявляет полную растерянность и обессиливает себя (и всю буржуазию) все больше и больше, вчера своими «трениями» с Черчиллем, сегодня своими «трениями» с Асквитом.

Буду говорить конкретнее. Английские коммунисты должны, на мой взгляд, соединить все свои четыре (все очень слабые, некоторые — совсем и совсем слабые) партии и группы в одну коммунистическую партию на почве принципов III Интернационала и обязательного участия в парламенте. Коммунистическая партия предлагает Гендерсонам и Сноуденам «компромисс», избирательное соглашение: идем вместе против союза Ллойд-Джорджа и консерваторов, делим парламентские места по числу го-

лосов, поданных рабочими за Рабочую партию или за коммунистов (не на выборах, а по особому голосованию), сохраняем *полнейшую свободу* агитации, пропаганды, политической деятельности. Без этого последнего условия, конечно, на блок идти нельзя, ибо это будет изменой: полнейшую свободу разоблачения Гендерсонов и Сноуденов английские коммунисты так же абсолютно должны отстаивать и отстаивать, как отстаивали ее (*пятнадцать лет, 1903—1917*) и отстаивали русские большевики по отношению к русским Гендерсонам и Сноуденам, т. е. меньшевикам.

Если Гендерсоны и Сноудены примут блок на этих условиях, мы выиграли, ибо нам вовсе не важно число мест в парламенте, мы за этим не гонимся, мы по этому пункту будем уступчивы (а Гендерсоны и особенно их новые друзья — или их новые господа — либералы, перешедшие в Нез. рабочую партию, за этим больше всего гонятся). Мы выиграли, ибо повесем *свою* агитацию в *массы* в такой момент, когда их «раззадорил» сам Ллойд-Джордж, и поможем не только Рабочей партии скорее составить свое правительство, но и массам скорее понять всю нашу коммунистическую пропаганду, которую мы будем вести против Гендерсонов без всяких урезок, без всяких умолчаний.

Если Гендерсоны и Сноудены отвергнут блок с нами на этих условиях, мы еще больше выиграли. Ибо мы сразу показали *массам* (заметьте, что даже внутри чисто меньшевистской, вполне оппортунистической Нез. рабочей партии *масса* за Советы), что Гендерсоны предпочитают *свою* близость капиталистам объединению всех рабочих. Мы сразу выиграли перед *массой*, которая особенно после блестящих и высокоправильных, высокополезных (для коммунизма) разъяснений Ллойд-Джорджа будет сочувствовать объединению всех рабочих против союза Ллойд-Джорджа с консерваторами. Мы сразу выиграли, ибо продемонстрировали перед массами, что Гендерсоны и Сноудены боятся победить Ллойд-Джорджа, боятся взять власть одни, стремятся *тайком* получить поддержку Ллойд-Джорджа, который *открыто* протягивает руку консерваторам против Рабочей партии. Надо заметить, что у нас в России после революции 27. II. 1917 (ст. ст.) пропаганда большевиков против

меньшевиков и эсеров (т. е. русских Гендерсонов и Сноуденов) выигрывала именно в силу такого же обстоятельства. Мы говорили меньшевикам и эсерам: берите всю власть без буржуазии, ибо у вас большинство в Советах (на I Всероссийском съезде Советов большевики имели в июне 1917 года всего 13% голосов). Но русские Гендерсоны и Сноудены боялись взять власть без буржуазии, и когда буржуазия оттягивала выборы в Учредительное собрание, прекрасно зная, что оно даст большинство эсерам и меньшевикам* (те и другие шли в теснейшем политическом блоке, представляли на деле *одну* мелкобуржуазную демократию), то эсеры и меньшевики были не в силах энергично и до конца бороться против этих оттяжек.

При отказе Гендерсонов и Сноуденов от блока с коммунистами, коммунисты выиграли бы сразу в деле завоевания симпатий масс и дискредитирования Гендерсонов и Сноуденов, а если бы мы от этого потеряли несколько парламентских мест, так это нам совсем не важно. Мы выставили бы своих кандидатов только в самом ничтожном числе абсолютно надежных округов, т. е. где выставление наших кандидатов не провело бы либерала против лабуриста (члена Рабочей партии). Мы вели бы избирательную агитацию, распространяя листки в пользу коммунизма и предлагая во *всех* округах, где нет нашего кандидата, *голосовать за лабуриста против буржуа*. Ошибаются гг. Сильвия Панкхерст и Галлахер, если видят в этом измену коммунизму или отказ от борьбы с социал-предателями. Напротив, от этого дело коммунистической революции, несомненно, выиграло бы.

Английским коммунистам очень часто трудно бывает теперь даже подойти к массе, даже заставить себя выслушать. Если я выступаю, как коммунист, и заявляю, что приглашаю голосовать за Гендерсона против Ллойд-Джорджа, меня наверно будут слушать. И я смогу популярно объяснить, не только почему Советы лучше парламента и диктатура пролетариата лучше диктатуры Черчилля

* Выборы в Учр. собр. в России, в ноябре 1917 г., по сведениям, охватывающим свыше 36 миллионов избирателей, дали 25% голосов большевикам, 13% разным партиям помещиков и буржуазии, 62% мелкобуржуазной демократии, т. е. эсерам и меньшевикам вместе с небольшими родственными им группами.

(прикрываемой вывеской буржуазной «демократии»), но также и то, что я хотел бы поддержать Гендерсона своим голосованием точно так же, как веревка поддерживает повешенного; — что приближение Гендерсонов к их собственному правительству так же докажет мою правоту, так же привлечет массы на мою сторону, так же ускорит политическую смерть Гендерсонов и Сноуденов, как это было с их единомышленниками в России и в Германии.

И если мне возразят: это слишком «хитрая» или сложная тактика, ее не поймут массы, она разбросает, раздробит наши силы, помешает сосредоточить их на советской революции и т. п., то я отвечу «левым» возражателям: — не сваливайте своего доктринерства на массы! Наверное, в России массы не более, а менее культурны, чем в Англии. И однако массы поняли большевиков; и большевикам не помешало, а помогло то обстоятельство, что они накануне советской революции, в сентябре 1917 года, составляли списки своих кандидатов в буржуазный парламент (Учр. собрание), а на другой день после советской революции, в ноябре 1917 года, выбирали в то самое Учр. собрание, которое 5. I. 1918 было ими разогнано.

Я не могу здесь останавливаться на втором разногласии между английскими коммунистами, состоящем в том, присоединяться ли к Рабочей партии или нет. У меня слишком мало материалов по этому вопросу, который является особенно сложным ввиду чрезвычайной оригинальности британской «Рабочей партии», слишком не похожей на обычные на континенте Европы политические партии по самому своему строению. Несомненно только, во-первых, что и по этому вопросу неизбежно впадет в ошибку тот, кто вздумает выводить тактику революционного пролетариата из принципов вроде: «комм. партия должна сохранять свою доктрину в чистоте и свою независимость от реформизма незапятнанной; ее призвание — идти впереди, не останавливаясь и не сворачивая с дороги, идти прямым путем к комм. революции». Ибо подобные принципы лишь повторяют ошибку французских коммунаров-бланкистов, провозглашавших в 1874 году «отрицание» всяких компромиссов и всяких промежуточных станций. Во-вторых, несомненно, что задача состоит и здесь, как всегда, в том, чтобы уметь приложить общие и основные

принципы коммунизма к тому *своеобразию* отношений между классами и партиями, к тому *своеобразию* в объективном развитии к коммунизму, которое свойственно каждой отдельной стране и которое надо уметь изучить, найти, угадать.

Но об этом приходится говорить в связи не с одним только английским коммунизмом, а с общими выводами, касающимися развития коммунизма во всех капиталистических странах. К этой теме мы и переходим.

Х

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Российская буржуазная революция 1905 года обнаружила один чрезвычайно оригинальный поворот всемирной истории: в одной из самых отсталых капиталистических стран впервые в мире достигнута была невиданная широта и сила стачечного движения. За *один первый месяц* 1905 года число стачечников вдесятеро превысило среднее *годовое* число стачечников за предыдущие 10 лет (1895—1904), а от января к октябрю 1905 года стачки росли непрерывно и в огромных размерах. Отсталая Россия, под влиянием ряда совершенно своеобразных исторических условий, первая показала миру не только скачкообразный рост самодеятельности угнетенных масс во время революции (это бывало во всех великих революциях), но и значение пролетариата, бесконечно более высокое, чем его доля в населении, сочетание экономической и политической стачки, с превращением последней в вооруженное восстание, рождение новой формы массовой борьбы и массовой организации угнетенных капитализмом классов, Советов.

Февральская и Октябрьская революции 1917-го года довели Советы до всестороннего развития в национальном масштабе, затем до их победы в пролетарском, социалистическом перевороте. И менее чем через два года обнаружился интернациональный характер Советов, распространение этой формы борьбы и организации на всемирное рабочее движение, историческое призвание Советов быть могильщиком, наследником, преемником буржуазного парламентаризма, буржуазной демократии вообще.

Мало того. История рабочего движения показывает теперь, что во всех странах предстоит ему (и оно уже начало) пережить борьбу нарождающегося, крепнущего, идущего к победе коммунизма прежде всего и главным образом со *своим* (для каждой страны) «меньшевизмом», т. е. оппортунизмом и социал-шовинизмом; во-вторых — и в виде, так сказать, дополнения — с «левым» коммунизмом. Первая борьба развернулась во всех странах без единого, повидимому, изъятия, как борьба II (ныне уже фактически убитого) и III Интернационала. Вторая борьба наблюдается и в Германии, и в Англии, и в Италии, и в Америке (по крайней мере, известная *часть* «Промышленных рабочих мира» и анархо-синдикалистских течений отстаивает ошибки левого коммунизма наряду с почти всеобщим, почти безраздельным признанием советской системы), и во Франции (отношение части бывших синдикалистов к политической партии и к парламентаризму, опять-таки наряду с признанием советской системы), т. е., несомненно, в масштабе не только интернациональном, но и всемирном.

Но, проделывая везде однородную, по сути дела, подготовительную школу к победе над буржуазией, рабочее движение каждой страны совершает это развитие *по-своему*. Притом крупные, передовые капиталистические страны идут по этой дороге *гораздо более быстро*, чем большевизм, получивший от истории пятнадцатилетний срок на подготовку его, как организованного политического течения, к победе. III Интернационал за такой короткий срок, как один год, уже одержал решительную победу, разбил II, желтый, социал-шовинистский Интернационал, который всего несколько месяцев тому назад был несравненно сильнее III, казался прочным и могучим, пользовался все-сторонней — прямой и косвенной, материальной (министерские местечки, паспорта, пресса) и идейной помощью всемирной буржуазии.

Все дело теперь в том, чтобы коммунисты каждой страны вполне сознательно учли как основные принципиальные задачи борьбы с оппортунизмом и «левым» доктринерством, так и *конкретные особенности*, которые эта борьба принимает и неизбежно должна принимать в каждой отдельной стране, согласно оригинальным чертам ее экономики, политики, культуры, ее национального состава

(Ирландия и т. п.), ее колоний, ее религиозных делений и т. д. и т. п. Повсеместно чувствуется, ширится и растет недовольство II Интернационалом и за его оппортунизм и за его неумение или неспособность создать действительно централизованный, действительно руководящий центр, способный направлять международную тактику революционного пролетариата в его борьбе за всемирную советскую республику. Необходимо дать себе ясный отчет в том, что такой руководящий центр ни в коем случае нельзя построить на шаблонизированном, на механическом выравнивании, отождествлении тактических правил борьбы. Пока существуют национальные и государственные различия между народами и странами — а эти различия будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе — единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий (это — вздорная мечта для настоящего момента), а такого применения *основных* принципов коммунизма (Советская власть и диктатура пролетариата), которое бы *правильно видоизменяло* эти принципы *в частностях*, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям. Исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в *конкретных* подходах каждой страны к разрешению *единой* интернациональной задачи, к победе над оппортунизмом и левым доктринерством внутри рабочего движения, к свержению буржуазии, к учреждению Советской республики и пролетарской диктатуры — вот в чем главная задача переживаемого всеми передовыми (и не только передовыми) странами исторического момента. Главное — конечно, еще далеко, далеко не все, но главное — уже сделано в привлечении авангарда рабочего класса, в переходе его на сторону Советской власти против парламентаризма, на сторону диктатуры пролетариата против буржуазной демократии. Теперь надо все силы, все внимание сосредоточить на *следующем* шаге, который кажется — и, с известной точки зрения, действительно является — менее основным, но который зато более практически близок к практическому решению задачи, именно:

на отыскании формы *перехода* или *подхода* к пролетарской революции.

Пролетарский авангард идейно завоеван. Это главное. Без этого нельзя сделать и первого шага к победе. Но от этого еще довольно далеко до победы. С одним авангардом победить нельзя. Бросить один только авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо, по крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему и полной неспособности поддерживать его противника, было бы не только глупостью, но и преступлением. А для того, чтобы действительно весь класс, чтобы действительно широкие массы трудящихся и угнетенных капиталом дошли до такой позиции, для этого одной пропаганды, одной агитации мало. Для этого нужен собственный политический опыт этих масс. Таков — основной закон всех великих революций, подтвержденный теперь с поразительной силой и рельефностью не только Россией, но и Германией. Не только некультурным, часто безграмотным массам России, но и высоко культурным, поголовно грамотным массам Германии потребовалось испытать на собственной шкуре все бессилие, всю бесхарактерность, всю беспомощность, все лакейство перед буржуазией, всю подлость правительства рыцарей II Интернационала, всю неизбежность диктатуры крайних реакционеров (Корнилов в России, Капп и К^о в Германии), как единственной альтернативы по отношению к диктатуре пролетариата, чтобы решительно повернуть к коммунизму.

Очередная задача сознательного авангарда в международном рабочем движении, т. е. коммунистических партий, групп, течений — уметь *подвести* широкие (теперь еще в большинстве случаев спящие, апатичные, рутинные, косные, не пробужденные) массы к этому новому их положению или, вернее, уметь руководить *не только* своей партией, но и этими массами в течение их подхода, перехода на новую позицию. Если первой исторической задачи (привлечь сознательный авангард пролетариата на сторону Советской власти и диктатуры рабочего класса) нельзя было решить без полной, идейной и политической победы над оппортунизмом и социал-шовинизмом, то второй задачей, которая ныне становится очередной и которая

состоит в умении подвести массы на новую позицию, способную обеспечить победу авангарда в революции, этой очередной задачи нельзя выполнить без ликвидации левого доктринерства, без полного преодоления его ошибок, без избавления от них.

Пока речь шла (и поскольку речь еще идет) о привлечении на сторону коммунизма авангарда пролетариата, до тех пор и постольку на первое место выдвигается пропаганда; даже кружки, имеющие все слабости кружковщины, тут полезны и дают плодотворные результаты. Когда речь идет о практическом действии масс, о размещении — если позволительно так выразиться — миллионных армий, о расстановке *всех* классовых сил данного общества *для последнего и решительного боя*, тут уже с одними только пропагандистскими навыками, с одним только повторением истин «чистого» коммунизма ничего не поделаешь. Тут надо считать не до тысяч, как в сущности считает пропагандист, член маленькой группы, не руководившей еще массами; тут надо считать миллионами и десятками миллионов. Тут надо спросить себя не только о том, убедили ли мы авангард революционного класса, — а еще и о том, размещены ли исторически действенные силы *всех* классов, обязательно всех без изъятия классов данного общества, таким образом, чтобы решительное сражение было уже вполне назревшим, — таким образом, чтобы (1) все враждебные нам классовые силы достаточно запутались, достаточно передрались друг с другом, достаточно обессилили себя борьбой, которая им не по силам; чтобы (2) все колеблющиеся, шаткие, неустойчивые, промежуточные элементы, т. е. мелкая буржуазия, мелкобуржуазная демократия в отличие от буржуазии, достаточно разоблачили себя перед народом, достаточно опозорились своим практическим банкротством; чтобы (3) в пролетариате началось и стало могуче подниматься массовое настроение в пользу поддержки самых решительных, беззаветно смелых, революционных действий против буржуазии. Вот тогда революция назрела, вот тогда наша победа, если мы верно учли все намеченные выше, кратко обрисованные выше условия и верно выбрали момент, наша победа обеспечена.

Расхождения между Черчиллями и Ллойд-Джорджами — эти политические типы есть во *всех* странах, с ничтожными

национальными различиями, — с одной стороны; затем, между Гендерсонами и Ллойд-Джорджами, с другой, совершенно неважны и мелки с точки зрения чистого, т. е. абстрактного, т. е. незрелого еще до практического, массового, политического действия, коммунизма. Но с точки зрения этого практического действия масс, эти различия крайне, крайне важны. В их учете, в определении момента полного назревания неизбежных между этими «друзьями» конфликтов, которые ослабляют и обессиливают *всех «друзей», вместе взятых*, — все дело, вся задача коммуниста, желающего быть не только сознательным, убежденным, идейным пропагандистом, но и практическим руководителем *масс* в революции. Надо соединить строжайшую преданность идеям коммунизма с умением пойти на все необходимые практические компромиссы, лавирования, соглашательства, зигзаги, отступления и тому подобное, чтобы ускорить осуществление и изживание политической власти Гендерсонов (героев II Интернационала, если говорить не именами отдельных лиц, представителей мелкобуржуазной демократии, называющих себя социалистами); ускорить их неизбежное банкротство на практике, просвещающее массы именно в нашем духе, именно в направлении к коммунизму; ускорить неизбежные трения, ссоры, конфликты, полный распад между Гендерсонами — Ллойд-Джорджами — Черчиллями (меньшевиками и эсерами — кадетами — монархистами; Шейдеманами — буржуазией — капповцами и т. п.); и правильно выбрать такой момент максимального распада между всеми этими «опорами священной частной собственности», чтобы решительным наступлением пролетариата разбить всех их и завоевать политическую власть.

История вообще, история революций в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Это и понятно, ибо самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революцию осуществляют, в моменты особого подъема и напряжения всех человеческих способностей, сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов. Отсюда вытекают два очень

важных практических вывода: первый, что революционный класс, для осуществления своей задачи, должен уметь овладеть *всеми*, без малейшего изъятия, формами или сторонами общественной деятельности (доделывая после завоевания политической власти, иногда с большим риском и огромной опасностью, то, что он не доделал до этого завоевания); второй, что революционный класс должен быть готов к самой быстрой и неожиданной смене одной формы другою.

Всякий согласится, что неразумно или даже преступно поведение той армии, которая не готовится овладеть всеми видами оружия, всеми средствами и приемами борьбы, которые есть или могут быть у неприятеля. Но к политике это еще более относится, чем к военному делу. В политике еще меньше можно знать наперед, какое средство борьбы окажется при тех или иных будущих условиях применимым и выгодным для нас. Не владея всеми средствами борьбы, мы можем потерпеть громадное — иногда даже решающее — поражение, если независимые от нашей воли перемены в положении других классов выдвинут на очередь для такую форму деятельности, в которой мы особенно слабы. Владея всеми средствами борьбы, мы побеждаем наверняка, раз мы представляем интересы действительно передового, действительно революционного класса, даже если обстоятельства не позволят нам пустить в ход оружие, наиболее для неприятеля опасное, оружие, всего быстрее наносящее смертельные удары. Неопытные революционеры часто думают, что легальные средства борьбы оппортунистичны, ибо буржуазия на этом поприще особенно часто (наипаче в «мирные», не революционные времена) обманывала и дурачила рабочих; — нелегальные же средства борьбы революционны. Но это неверно. Верно то, что оппортунистами и предателями рабочего класса являются партии и вожди, не умеющие или не желающие (не говори: не могу, говори: не хочу) применять нелегальные средства борьбы в таких, напр., условиях, как во время империалистской войны 1914—1918 годов, когда буржуазия самых свободных демократических стран с неслыханной наглостью и свирепостью обманывала рабочих, запрещая говорить правду про грабительский характер войны. Но революционеры, не умеющие соединять

нелегальные формы борьбы со *всеми* легальными, являются весьма плохими революционерами. Нетрудно быть революционером тогда, когда революция уже вспыхнула и разгорелась, когда примыкают к революции все и всякие, из простого увлечения, из моды, даже иногда из интересов личной карьеры. «Освобождение» от таких горе-революционеров стоит пролетариату потом, после его победы, трудов самых тяжких, мучки, можно сказать, мученской. Гораздо труднее — и гораздо ценнее — уметь быть революционером, когда *еще нет* условий для прямой, открытой, действительно массовой, действительно революционной борьбы, уметь отстаивать интересы революции (пропагандистски, агитационно, организационно) в неревolutionных учреждениях, а зачастую и прямо реакционных, в неревolutionной обстановке, среди массы, неспособной немедленно понять необходимость революционного метода действий. Уметь найти, нащупать, верно определить конкретный путь или особый поворот событий, *подводящий* массы к настоящей, решительной, последней, великой революционной борьбе, — в этом главная задача современного коммунизма в Зап. Европе и Америке.

Пример: Англия. Мы не можем знать — и никто не в состоянии наперед определить, — как скоро разгорится там настоящая пролетарская революция и *какой повод* более всего разбудит, разожжет, подвигнет на борьбу очень широкие, ныне еще спящие, массы. Мы обязаны поэтому вести всю подготовительную нашу работу так, чтобы быть подкованными (как любил говорить покойный Плеханов, когда он был марксистом и революционером) на все четыре ноги. Возможно, что «прорвет», что «сломает лед» парламентский кризис; возможно, что кризис, вытекающий из безнадежно запутанных, все более и более болезненно складывающихся и обостряющихся колониальных и империалистских противоречий; возможно что-либо третье и т. п. Мы говорим не о том, какая борьба *решит* судьбу пролетарской революции в Англии (этот вопрос ни в ком из коммунистов сомнений не возбуждает, этот вопрос для всех нас решен и решен твердо), мы говорим о том *поводе*, который побудит ныне еще спящие пролетарские массы прийти в движение и подведет их вплотную к революции. Не забудем, что, напр., в буржуазной французской республике,

в обстановке, которая и со стороны международной и со стороны внутренней во сто раз менее была революционна, чем теперь, достаточно оказалось такого «неожиданного» и такого «мелкого» повода, как одна из тысяч и тысяч бесчестных проделок реакционной военщины (дело Дрейфуса), чтобы вплотную подвести народ к гражданской войне!

Коммунисты должны в Англии использовать непрерывно, неослабно, неуклонно и парламентские выборы и все перипетии ирландской, колониальной, всемирно-империалистской политики британского правительства и все прочие области, сферы, стороны общественной жизни, во всех работах по-новому, по-коммунистически, в духе не II, а III Интернационала. Я не имею здесь времени и места для описания приемов «русского», «большевистского» участия в парламентских выборах и в парламентской борьбе, но могу уверить заграничных коммунистов, что это было вовсе не похоже на обычные западноевропейские парламентские кампании. Из этого часто делают вывод: «ну, то у вас, в России, а у нас парламентаризм иной». Вывод неверный. На то и существуют на свете коммунисты, сторонники III Интернационала во всех странах, чтобы *переделать* по всей линии, во всех областях жизни, старую социалистическую, тред-юнионистскую, синдикалистскую, парламентскую работу в *новую*, коммунистическую. Оппортунистического и чисто-буржуазного, деляческого, мошеннически-капиталистического на наших выборах тоже бывало всегда очень и очень достаточно. Коммунисты в Западной Европе и в Америке должны научиться создать новый, необычный, неоппортунистический, некарьеристский парламентаризм: чтобы партия коммунистов давала свои лозунги, чтобы настоящие пролетарии при помощи неорганизованной и совсем забитой бедноты разбрасывали и разносили листки, объезжали и обходили квартиры рабочих, хижины сельских пролетариев и захолустных (в Европе, к счастью, во много раз меньше деревенских захолустий, чем у нас, а в Англии их совсем мало) крестьян, забирались в самые протонародные кабаки, втирались в самые протонародные союзы, общества, случайные собрания, говорили с народом не по-ученому (и не очень по-парламентски), не гонялись ни капельки за «местечком» в парламенте, а везде будили мысль, втягивали массу,

ловляли буржуазию на слове, использовали ею созданный аппарат, ею назначенные выборы, ею сделанные призывы ко всему народу, знакомили народ с большевизмом так, как никогда не удавалось знакомить (при господстве буржуазии) вне обстановки выборов (не считая, конечно, момента больших стачек, когда *такой же* аппарат всенародной агитации работал у нас еще интенсивнее). Сделать это в Западной Европе и Америке очень трудно, очень и очень трудно, но это сделать можно и должно, ибо без труда задачи коммунизма вообще решить нельзя, а трудиться надо над решением *практических* задач, все более разнообразных, все более связанных со всеми отраслями общественной жизни, все более *отвоевывающих* одну отрасль, одну область за другой у *буржуазии*.

В той же Англии так же по-новому (не по-социалистически, а по-коммунистически, не реформистски, а революционно) надо поставить работу пропаганды, агитации, организации в войске и среди угнетенных и неполноправных национальностей *«своего»* государства (Ирландия, колонии). Ибо все эти области общественной жизни в эпоху империализма вообще, а теперь после войны, измучившей народы и открывающей быстро глаза на правду (именно: что десятки миллионов убиты и искалечены только ради решения вопроса, английские или немецкие хищники будут грабить больше стран), — все эти области общественной жизни особенно наполняются горючим материалом и создают особенно много поводов к конфликтам, кризисам, обострению классовой борьбы. Мы не знаем и не можем знать, какая искра — из той бездны искр, которые отовсюду сыпятся теперь во всех странах, под влиянием экономического и политического всемирного кризиса, — окажется в состоянии зажечь пожар, в смысле особого пробуждения масс, и мы обязаны поэтому с нашими новыми, коммунистическими принципами приняться за «обработку» всех и всяких, даже наиболее старых, затхлых и повидимому безнадежных попрощ, ибо иначе мы не будем на высоте задачи, не будем всесторонни, не овладеем всеми видами оружия, не подготовимся ни к победе над буржуазией (которая все стороны общественной жизни устроила, — а теперь и расстроила — по-буржуазному), ни к предстоящей

коммунистической реорганизации всей жизни после этой победы.

После пролетарской революции в России и неожиданных, для буржуазии и филистеров, побед этой революции в международном масштабе, весь мир стал теперь иным, буржуазия повсюду стала тоже иной. Она запугана «большевизмом», озлоблена на него почти до умопомрачения, и именно поэтому она, с одной стороны, ускоряет развитие событий, а с другой стороны, сосредоточивает внимание на насильственном подавлении большевизма, ослабляя этим свою позицию на целом ряде других поприщ. Оба эти обстоятельства коммунисты всех передовых стран должны учесть в своей тактике.

Когда русские кадеты и Керенский подняли бешеную травлю против большевиков — особенно с апреля 1917 года и еще более в июне и июле 1917 года, — они «пересолили». Миллионы экземпляров буржуазных газет, на все лады кричащие против большевиков, помогли втянуть массы в оценку большевизма, а ведь кроме газет вся общественная жизнь именно благодаря «усердию» буржуазии пропитывалась спорами о большевизме. Теперь в международном масштабе миллионеры всех стран ведут себя так, что мы должны им быть от души благодарны. Они травят большевизм с таким же усердием, с каким травил его Керенский и К^о; они так же «пересаливают» при этом и так же *помогают* нам, как Керенский. Когда французская буржуазия делает из большевизма центральный пункт выборной агитации, ругая за большевизм сравнительно умеренных или колеблющихся социалистов; — когда американская буржуазия, совершенно потеряв голову, хватается тысячи и тысячи людей по подозрению в большевизме и создает атмосферу паники, разнося повсюду вести о большевистских заговорах; — когда английская «солиднейшая» в мире буржуазия, при всем ее уме и опытности, делает невероятные глупости, основывает богатейшие «общества для борьбы с большевизмом», создает специальную литературу о большевизме, нанимает для борьбы с большевизмом добавочное количество ученых, агитаторов, попов, — мы должны кланяться и благодарить господ капиталистов. Они работают на нас. Они помогают нам заинтересовать массы вопросом о сущности и значении большевизма. И они не могут

поступать иначе, ибо «замолчать», задуть большевизм им *уже* не удалось.

Но вместе с тем буржуазия видит в большевизме почти только одну его сторону: восстание, насилие, террор; буржуазия старается поэтому подготовиться в особенности к отпору и сопротивлению на *этом* поприще. Возможно, что в отдельных случаях, в отдельных странах, на те или иные короткие промежутки времени, ей это удастся: с такой возможностью надо считаться, и ровно ничего страшного для нас нет в том, что это ей удастся. Коммунизм «вырастает» решительно из всех сторон общественной жизни, ростки его есть решительно повсюду, «зараза» (если употребить излюбленное буржуазией и буржуазной полицией и самое «приятное» для нее сравнение) проникла в организм очень прочно и пропитала собой весь организм целиком. Если с особым тщанием «заткнуть» один из выходов, — «зараза» найдет себе другой выход, иногда самый неожиданный. Жизнь возьмет свое. Пусть буржуазия мечется, злобствует до умопомрачения, пересаливает, делает глупости, заранее мстит большевикам и старается перебить (в Индии, в Венгрии, в Германии и т. д.) лишние сотни, тысячи, сотни тысяч завтрашних или вчерашних большевиков: поступая так, буржуазия поступает, как поступали все осужденные историей на гибель классы. Коммунисты должны знать, что будущее во всяком случае принадлежит им, и потому мы можем (и должны) соединять величайшую страстность в великой революционной борьбе с наиболее хладнокровным и трезвым учетом бешеных метаний буржуазии. Русскую революцию разбили жестоко в 1905 году; русских большевиков разбили в июле 1917 года; немецких коммунистов перебили свыше 15 000 посредством искусной провокации и ловких маневров Шейдемана и Носке совместно с буржуазией и монархистами-генералами; в Финляндии и в Венгрии неистовствует белый террор. Но во всех случаях и во всех странах коммунизм закаляется и растет; корни его так глубоки, что преследования не ослабляют, не обессиливают, а усиливают его. Недостает только одного, чтобы мы пошли к победе увереннее и тверже, именно: повсеместного и до конца продуманного сознания всеми коммунистами всех стран необходимости быть максимально *гибкими* в своей тактике. Великолелно растущему коммунизму

особенно в передовых странах недостает теперь этого сознания и умения применить это сознание на практике.

Полезным уроком могло бы (и должно было бы) быть то, что произошло с такими высоко учеными марксистами и преданными социализму вождями II Интернационала, как Каутский, Отто Бауэр и др. Они вполне сознавали необходимость гибкой тактики, они учились и других учили марксовской диалектике (и многое из того, что ими было в этом отношении сделано, останется навсегда ценным приобретением социалистической литературы), но они в применении этой диалектики сделали такую ошибку или оказались на практике такими не диалектиками, оказались людьми до того не сумевшими учесть быстрой перемены форм и быстрого наполнения старых форм новым содержанием, что судьба их немногим завиднее судьбы Гайндмана, Геда и Плеханова. Основная причина их банкротства состояла в том, что они «загляделись» на одну определенную форму роста рабочего движения и социализма, забыли про ее односторонность, побоялись увидеть ту крутую ломку, которая в силу объективных условий стала неизбежной, и продолжали твердить простые, заученные, на первый взгляд бесспорные истины: три больше двух. Но политика больше похожа на алгебру, чем на арифметику, и еще больше на высшую математику, чем на низшую. В действительности все старые формы социалистического движения наполнились новым содержанием, перед цифрами появился поэтому новый знак: «минус», а наши мудрецы упрямо продолжали (и продолжают) уверять себя и других, что «минус три» больше «минус двух».

Надо постараться, чтобы с коммунистами не повторилась та же ошибка, только с другой стороны, или, вернее, — чтобы была поскорее исправлена и быстрее, безболезненнее для организма изжита та же ошибка, только с другой стороны, делаемая «левыми» коммунистами. Левое доктринерство есть тоже ошибка, не только правое доктринерство. Конечно, ошибка левого доктринерства в коммунизме является, в настоящий момент, в тысячу раз менее опасной и менее значительной, чем ошибка правого доктринерства (т. е. социал-шовинизма и каутскианства), но ведь это только потому так, что левый коммунизм течение совсем

молодое, только-только зарождающееся. Только поэтому болезнь, при известных условиях, может быть легко излечена, и необходимо приняться за ее излечение с максимальной энергией.

Старые формы лопнули, ибо оказалось, что новое содержание в них — содержание антипролетарское, реакционное — достигло непомерного развития. У нас есть теперь, с точки зрения развития международного коммунизма, такое прочное, такое сильное, такое могучее содержание работы (за Советскую власть, за диктатуру пролетариата), что оно может и *должно* проявить себя в любой форме, и новой и старой, может и должно переродить, победить, подчинить себе все формы, не только новые, но и старые, — не для того, чтобы со старым помириться, а для того, чтобы уметь все и всяческие, новые и старые формы сделать орудием полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы коммунизма.

Коммунисты должны приложить все усилия, чтобы направить рабочее движение и общественное развитие вообще самым прямым и самым быстрым путем к всемирной победе Советской власти и диктатуре пролетариата. Это бесспорная истина. Но стоит сделать маленький шаг дальше — казалось бы, шаг в том же направлении — и истина превратится в ошибку. Стоит сказать, как говорят немецкие и английские левые коммунисты, что мы признаем только один, только прямой путь, что мы не допускаем лавирования, соглашения, компромиссов, и это уже будет ошибкой, которая способна принести, частью уже принесла и приносит, серьезнейший вред коммунизму. Правое доктринерство уперлось на признании одних только старых форм и обанкротилось до конца, не заметив нового содержания. Левое доктринерство упирается на безусловном отрицании определенных старых форм, не видя, что новое содержание пробивает себе дорогу через все и всяческие формы, что наша обязанность, как коммунистов, всеми формами овладеть, научиться с максимальной быстротой дополнять одну форму другой, заменять одну другой, приспособлять свою тактику ко всякой такой смене, вызываемой не нашим классом или не нашими усилиями.

Всемирная революция так могуче подтолкнута и ускорепа ужасами, гнусностями, мерзостями всемирной

империалистской войны, безвыходностью созданного ею положения, — эта революция развивается вширь и вглубь с такой превосходной быстротой, с таким великолепным богатством сменяющихся форм, с таким назидательным практическим опровержением всякого доктринерства, что имеются все основания надеяться на быстрое и полное излечение международного коммунистического движения от детской болезни «левого» коммунизма.

27. IV. 1920.

ДОБАВЛЕНИЕ

Пока издательства в нашей стране, — которую ограбили империалисты всего мира, мстя за пролетарскую революцию, и продолжают грабить и блокировать, несмотря ни на какие обещания своим рабочим, — пока наши издательства сладили с задачей издания моей брошюры, получился из-за границы дополнительный материал. Отнюдь не претендуя в своей брошюре на что-либо большее, чем беглые заметки публициста, я коснусь вкратце некоторых пунктов.

I

РАСКОЛ ГЕРМАНСКИХ КОММУНИСТОВ

Раскол коммунистов в Германии стал фактом. «Левые» или «принципиальная оппозиция» образовали особую «Коммунистическую рабочую партию» в отличие от «Коммунистической партии». В Италии дело, повидимому, тоже идет к расколу — говорю, повидимому, ибо имею лишь добавочные номера (№№ 7 и 8) левой газеты «Совет» («Il Soviet»), где обсуждается открыто возможность и необходимость раскола, причем речь идет также о съезде фракции «абстемпционистов» (или бойкотистов, т. е. противников участия в парламенте), каковая фракция до сих пор входит в Итальянскую социалистическую партию.

Можно опасаться, что раскол с «левыми», антипарламентариями (частью также антиполитиками, противниками политической партии и работы в профсоюзах) станет явлением интернациональным, подобно расколу с «центровиками» (или каутскианцами, лонгетистами, «независимцами» и т. п.). Пусть будет так. Раскол все же лучше, чем путаница, мешающая и идейному, теоретическому, революционному росту, созреванию партии и ее дружной, действительно организованной, действительно подготовляющей диктатуру пролетариата, практической работе.

Пусть «левые» испытают себя на деле, в национальном и интернациональном масштабе, пусть попробуют готовить (а затем и осуществлять) диктатуру пролетариата без строго централизованной, имеющей железную дисциплину, партии, без умения овладевать всеми поприщами, отраслями, разновидностями политической и культурной работы. Практический опыт быстро обучит их.

Надо приложить только все усилия к тому, чтобы раскол с «левыми» не затруднил или возможно меньше затруднил неизбежно предстоящее в недалеком будущем и необходимое слияние в единую партию всех участников рабочего движения, стоящих искренно и добросовестно за Советскую власть и за диктатуру пролетариата. В России особым счастьем большевиков было то, что они имели 15 лет для систематической и до конца доведенной борьбы как против меньшевиков (т. е. оппортунистов и «центровиков»), так и против «левых» еще задолго до непосредственной массовой борьбы за диктатуру пролетариата. В Европе и Америке приходится теперь проделывать эту же работу «форсированными маршами». Отдельные личности, особенно из числа неудачных претендентов в вожди, могут (если у них нехватит пролетарской дисциплинированности и «честности с собой») надолго упереться в своих ошибках, но рабочие массы легко и быстро, когда назреет момент, объединяются сами и объединят всех искренних коммунистов в единую партию, способную осуществить советский строй и диктатуру пролетариата*.

II

КОММУНИСТЫ И НЕЗАВИСИМЦЫ В ГЕРМАНИИ

Я высказал в брошюре мнение, что компромисс между коммунистами и левым крылом независимцев необходим и полезен для коммунизма, но что осуществить его будет

* К вопросу о будущем слиянии «левых» коммунистов, антипарламентариев, с коммунистами вообще, отмечу еще следующее. Насколько мне удалось познакомиться с газетами «левых» коммунистов и коммунистов вообще в Германии, у первых есть то преимущество, что они лучше умеют агитировать в массах, чем вторые. Нечто аналогичное я наблюдал неоднократно — только в меньших размерах и в отдельных местных организациях, а не в общегосударственном масштабе — в истории большевистской партии. Например, в 1907—1908 годах «левые» большевики иногда и кое-где успешнее, чем мы, агитировали в массах. Это отчасти объясняется тем, что легче подойти к массе в революционный момент или при живых воспоминаниях о революции с тактикой «простого» отрицания. Это однако еще не довод за правильность такой тактики. Во всяком случае не подлежит ни малейшему сомнению, что коммунистическая партия, которая хочет быть на деле авангардом, передовым отрядом революционного класса, пролетариата, и которая, сверх того, хочет научиться руководить широкой массой не только пролетарской, но и непролетарской, массой трудящихся и эксплуатируемых, обязана уметь и пропагандировать и организовать и агитировать наиболее доступно, наиболее понятно, наиболее ясно и живо как для городской, фабричной «улицы», так и для деревни.

не легко. Полученные мною после того номера газет подтвердили и то и другое. В № 32 «Красного Знамени», органа Цека Коммунистической партии Германии («Die Rote Fahne», Zentralorgan der Kommun. Partei Deutschlands, Spartacusbund*, от 26. III. 1920), помещено «заявление» этого Цека по вопросу о военном «путше» (заговоре, авантюре) Каппа — Лютвица и о «социалистическом правительстве». Это заявление совершенно правильно и с точки зрения основной посылки, и с точки зрения практического вывода. Основная посылка сводится к тому, что «объективной основы» для диктатуры пролетариата в данный момент нет, ибо «большинство городских рабочих» стоит за независимцев. Вывод: обещание «лояльной оппозиции» (т. е. отказ от подготовки к «насильственному свержению») правительству «социалистическому при исключении буржуазно-капиталистических партий».

Тактика, несомненно, в основе правильная. Но, если не следует останавливаться на мелких неточностях формулировки, все же так нельзя пройти молчалием, что нельзя называть «социалистическим» (в официальном заявлении комм. партии) правительство социал-предателей, что нельзя говорить об исключении «буржуазно-капиталистических партий», когда партии и Шейдеманов и гг. Каутских-Криспинов являются мелкобуржуазно-демократическими, нельзя писать таких вещей, как параграф 4-ый заявления, который гласит:

«...Для дальнейшего завоевания пролетарских масс на сторону коммунизма громадную важность имеет, с точки зрения развития пролетарской диктатуры, такое состояние, когда политическая свобода могла бы быть использована неограниченно и когда буржуазная демократия не могла бы выступать как диктатура капитала...»

Такое состояние невозможно. Мелкобуржуазные вожди, немецкие Гендерсоны (Шейдемань) и Сноудены (Криспины), не выходят и не могут выйти за рамки буржуазной демократии, которая, в свою очередь, не может не быть диктатурой капитала. Этих принципиально неверных и политически вредных вещей вовсе и не надо было писать с точки зрения достижения практического результата, которого совершенно правильно добивался Цек комм. партии. Для этого достаточно было сказать (если хочешь быть

* — Союз Спартака. Ред.

парламентски вежливым): пока большинство городских рабочих идет за независимцами, мы, коммунисты, не можем мешать этим рабочим изжить свои последние мещански-демократические (т. е. тоже «буржуазно-капиталистические») иллюзии на опыте «их» правительства. Этого довольно для обоснования компромисса, который действительно необходим и который должен состоять в отказе на известное время от попыток насильственного свержения правительства, коему доверяет большинство городских рабочих. А в повседневной, массовой агитации, не связанной рамками официальной, парламентской вежливости, можно бы, конечно, добавить: пускай такие негодяи как Шейдеманы, и такие филистеры как Каутские-Криспины разоблачат на деле, насколько они одурачены сами и одурачивают рабочих; их «чистое» правительство «чище всего» сделает эту работу «очистку» авгиевых конюшен социализма, социал-демократизма и прочих видов социал-предательства.

Настоящая природа теперешних вождей «Независимой с.-д. партии Германии» (тех вождей, о которых говорят неправду, будто они уже потеряли всякое влияние и которые на деле еще опаснее для пролетариата, чем венгерские социал-демократы, назвавшие себя коммунистами и обещавшие «поддержку» диктатуре пролетариата) еще и еще раз обнаружилась во время немецкой корниловщины, т. е. переворота гг. Каппа и Лютвица*. Маленькую, но наглядную иллюстрацию дают статейки Карла Каутского: «Решающие минуты» («Entscheidende Stunden») в «Freiheit» (орган независимцев, «Свобода») от 30. III. 1920 и Артура Криспина: «К политической ситуации» (14. IV. 1920, там же). Эти господа абсолютно не умеют мыслить и рассуждать, как революционеры. Это — плаксивые мещанские демократы, которые в тысячу раз опаснее для пролетариата, если они объявляют себя сторонниками Советской власти и диктатуры пролетариата, ибо на деле в каждую трудную и опасную минуту они неизбежно будут совершать предательство... пребывая в «искреннейшем»

* Чрезвычайно ясно, кратко и точно, по-марксистски, освещено это, между прочим, в превосходной газете австрийской комм. партии «Красное Знамя» от 28 и 30 марта 1920 г. («Die Rote Fahne», Wien 1920, №№ 266 и 267; L. L.: «Ein neuer Abschnitt der deutschen Revolution») — Л. Л.: «Новый этап немецкой революции». Ред.).

убеждении, что они помогают пролетариату! Ведь и венгерские социал-демократы, перекрестившиеся в коммунистов, хотели «помочь» пролетариату, когда по трусости и бесхарактерности сочли положение Советской власти в Венгрии безнадежным и захныкали перед агентами антантовских капиталистов и антантовских палачей.

III

ТУРАТИ И К^о В ИТАЛИИ

Те номера итальянской газеты «Сонет», которые указаны выше, вполне подтверждают сказанное мной в брошюре об ошибке Итальянской социалистической партии, которая терпит в своих рядах таких членов и даже такую группу парламентариев. Еще более подтверждает это такой свидетель со стороны, как римский корреспондент английской буржуазно-либеральной газеты «The Manchester Guardian», который в № от 12. III. 1920 поместил свое интервью с Турати.

«...Синьор Турати — пишет этот корреспондент — полагает, что революционная опасность не такова, чтобы вызывать неосновательные опасения в Италии. Максималисты играют огнем советских теорий только для того, чтобы держать массы приподнятыми и возбужденными. Эти теории, однако, являются чисто легендарными понятиями, незрелыми программами, которые непригодны для практического употребления. Они годятся только на то, чтобы держать работающие классы в состоянии ожидания. Те самые люди, которые употребляют их как приманку, чтобы ослеплять пролетарские очи, видят себя вынужденными вести повседневную борьбу ради завоевания некоторых часто ничтожных экономических улучшений, так, чтобы оттянуть момент, когда рабочие классы потеряют свои иллюзии и веру в свои любимые мифы. Отсюда — длинная полоса стачек всяческих размеров и по всяческим поводам вплоть до последних стачек в почтовом и железнодорожном ведомствах, — стачек, которые делают и без того тяжелое положение страны еще более тяжелым. Страна раздражена вследствие трудностей, связанных с ее адриатической проблемой, подавлена ее внешним долгом, ее непомерным выпуском бумажных денег, и все-таки страна далеко не совнает еще необходимости усвоения той дисциплины в труде, которая одна может восстановить порядок и благосостояние...»

Ясно, как день, что английский корреспондент проболтал правду, которую, вероятно, прикрывает и прикрашивает и сам Турати и его буржуазные защитники, пособники, инспираторы в Италии. Правда эта та, что идеи и политическая работа господ Турати, Тревеса, Модильяни,

Дугони и К^о действительно такова и именно такова, как ее рисует английский корреспондент. Это — сплошное социал-предательство. Чего стоит одна защита порядка и дисциплины для рабочих, состоящих в наемном рабстве, работающих для наживы капиталистов! И как знакомы нам, русским, все эти меньшевистские речи! Как ценно признание, что массы *за Советскую власть!* Как тупоумно и пошло-буржуазно непонимание революционной роли стихийно разрастающихся стачек! Да, да, английский корреспондент буржуазно-либеральной газеты оказал медвежью услугу господам Турати и К^о и превосходно подтвердил правильность требования товарища Бордига и его друзей из газеты «Совет», требующих, чтобы Итальянская социалистическая партия, если она хочет быть на деле *за III Интернационал*, с позором выгнала из своих рядов господ Турати и К^о и стала коммунистической партией как по названию, так и по делам своим.

IV

НЕПРАВИЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ ИЗ ВЕРНЫХ ПОСЫЛОК

Но тов. Бордига и его «левые» друзья делают из своей правильной критики господ Турати и К^о тот неправильный вывод, что вредно вообще участие в парламенте. Ни тени серьезных доводов в защиту этого взгляда итальянские «левые» привести не могут. Они просто не знают (или стараются забыть) интернациональные образцы действительно революционного и коммунистического, бесспорно полезного для подготовки пролетарской революции использования буржуазных парламентов. Они просто не представляют себе «нового» и кричат, повторяясь бесконечно, о «старом», небольшевистском, использовании парламентаризма.

В этом-то и состоит их коренная ошибка. Не только на парламентском, но и на *всех* поприщах деятельности коммунизм *должен внести* (и без долгого, настойчивого, упорного труда он *не сумеет* внести) принципиально новое, коренным образом порывающее с традициями II Интернационала (при одновременном сохранении и развитии того, что он дал хорошего).

Возьмем хотя бы журналистскую работу. Газеты, брошюры, прокламации выполняют необходимую работу

пропаганды, агитации, организации. Без журналистического аппарата ни одно массовое движение обойтись не может в сколько-нибудь цивилизованной стране. И никакие вопли против «вождей», никакие клятвенные обещания сохранить чистоту масс от влияния вождей не избавят от необходимости пользоваться для этой работы выходцами из буржуазно-интеллигентской среды, не избавят от буржуазно-демократической, «собственнической» атмосферы и обстановки, в которой совершается эта работа при капитализме. Даже два с половиной года спустя после свержения буржуазии, после завоевания политической власти пролетариатом, мы видим вокруг себя эту атмосферу, эту обстановку массовых (крестьянских, ремесленных) буржуазно-демократических, собственнических отношений.

Парламентаризм есть одна форма работы, журналистика — другая. Содержание может быть коммунистическим в обеих и должно быть коммунистическим, если работники той и другой области являются действительными коммунистами, действительно членами пролетарской, массовой партии. Но и в той и в другой — *и в любой сфере работы* при капитализме и при переходе от капитализма к социализму — нельзя избежать тех трудностей, тех своеобразных задач, которые должен преодолеть и решить пролетариат для использования в своих целях выходцев из буржуазной среды, для победы над буржуазно-интеллигентскими предрассудками и влияниями, для ослабления сопротивления (а в дальнейшем и для полной переделки) мелкобуржуазной обстановки.

До войны 1914—1918 годов разве мы не видели во всех странах чрезвычайное обилие примеров, когда очень «левые» анархисты, спидкалисты и прочие громилы парламентаризм, издевались над буржуазно-опошлывшимися парламентариями-социалистами, бичевали карьеризм их и т. д. и т. п., — а сами *через журналистику, через работу в синдикатах (профсоюзах)* проделывали *такую же* буржуазную карьеру? Разве примеры господ Жуо и Мергеймов, если ограничиться Францией, не типичны?

В том-то и состоит ребячество «отрицания» участия в парламентаризме, что таким «простым», «легким», якобы революционным способом думают *«решить»* трудную задачу борьбы с буржуазно-демократическими влияниями *внутри* рабочего движения, а на деле только бегут от своей

собственной тени, только закрывают глаза на трудность, только словами отделяются от нее. Бесстыднейший карьеризм, буржуазное использование парламентских местечек, вопиющее реформистское извращение парламентской работы, пошлая мещанская рутинка — нет сомнения, что все это — обычные и преобладающие характерные черты, которые порождает капитализм всюду и не только вне, но и внутри рабочего движения. Но он, капитализм, и создаваемая им буржуазная обстановка (исчезающая даже после свержения буржуазии очень медленно, ибо крестьянство постоянно возрождает буржуазию) решительно во всех областях работы и жизни порождают такой же по существу, ничтожными вариантами отличный по форме буржуазный карьеризм, национальный шовинизм, мещанское опошление и т. д.

Вы кажетесь себе самим «ужасно революционными», милые бойкотисты и антипарламентаристы, но на самом деле *вы испугались* сравнительно небольших трудностей борьбы против буржуазных влияний изнутри рабочего движения, тогда как ваша победа, т. е. свержение буржуазии и завоевание политической власти пролетариатом, создаст *эти самые* трудности в еще большем, в неизмеримо большем размере. Вы по-детски испугались маленькой трудности, которая предстоит вам сегодня, не понимая, что завтра и послезавтра вам придется все же научиться, доучиться преодолевать те же самые трудности в размерах, неизмеримо более значительных.

При Советской власти в вашу и в нашу, пролетарскую, партию полезет еще больше буржуазно-интеллигентских выходцев. Они пролезут и в Советы, и в суды, и в администрацию, ибо нельзя, не из чего, строить коммунизм иначе, как из человеческого материала, созданного капитализмом, ибо нельзя изгнать и уничтожить буржуазную интеллигенцию, надо победить, переделать, переварить, перевоспитать ее — как перевоспитать надо в длительной борьбе, на почве диктатуры пролетариата, и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божией матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями. При Советской власти те самые задачи, которые теперь так горделиво, так

высокомерно, так легкомысленно, так ребячески отбрасывает от себя антипарламентарий одним движением руки, — *те самые* задачи возрождаются *внутри* Советов, внутри советской администрации, внутри советских «правозащитников» (мы разрушили в России, и правильно сделали, что разрушили, буржуазную адвокатуру, но она возрождается у нас под прикрытием «советских» «правозащитников»²¹). Внутри советских инженеров, внутри советских учителей, внутри привилегированных, т. е. наиболее квалифицированных и наилучше поставленных, *рабочих* на советских фабриках мы видим постоянное возрождение решительно *всех* тех отрицательных черт, которые свойственны буржуазному парламентаризму, и только повторной, неустанной, длительной, упорной борьбой пролетарской организованности и дисциплины мы побеждаем — постепенно — это зло.

Конечно, при господстве буржуазии очень «трудно» победить буржуазные привычки в собственной, т. е. рабочей, партии: «трудно» выгнать из партии привычных, безнадежно испорченных буржуазными предрассудками вождей-парламентариев, «трудно» подчинить абсолютно необходимое (в известном, хотя бы очень ограниченном, количестве) число выходцев из буржуазии пролетарской дисциплине, «трудно» создать вполне достойную рабочего класса коммунистическую фракцию в буржуазном парламенте, «трудно» добиться, чтобы коммунистические парламентарии не играли в буржуазно-парламентские бирюльки, а занимались насущнейшей работой пропаганды, агитации, организации в массах. Все это «трудно», слов нет, трудно было в России, еще несравненно труднее в Западной Европе и Америке, где гораздо сильнее буржуазия, сильнее буржуазно-демократическая традиция и прочее.

Но все эти «трудности» — прямо-таки детские трудности по сравнению с задачами совершенно *такого же* рода, которые все равно пролетариату неизбежно придется решать и для своей победы и во время пролетарской революции и после взятия власти пролетариатом. По сравнению с *этими*, поистине гигантскими, задачами, когда придется при диктатуре пролетариата перевоспитывать миллионы крестьян и мелких хозяйчиков, сотни тысяч служащих, чиновников, буржуазных интеллигентов, подчинять их всех пролетарскому государству и пролетарскому

руководству, побеждать в них буржуазные привычки и традиции, — по сравнению с этими гигантскими задачами является делом ребячески легким создать при господстве буржуазии, в буржуазном парламенте, действительно коммунистическую фракцию настоящей пролетарской партии.

Если товарищи «левые» и антипарламентарии не научатся преодолевать теперь даже такой маленькой трудности, то можно сказать наверняка, что они либо окажутся не в состоянии осуществить диктатуру пролетариата, не смогут в широком масштабе подчинить себе и переделать буржуазных интеллигентов и буржуазные учреждения, либо должны будут *наспех доучиваться* и такой спешкой принесут громадный вред делу пролетариата, наделают ошибок больше обычного, проявят слабости и неумения больше среднего и так далее и тому подобное.

Пока буржуазия не свергнута и затем пока не исчезло совершенно мелкое хозяйство и мелкое товарное производство, до тех пор буржуазная обстановка, собственные привычки, мещанские традиции будут портить пролетарскую работу как извне, так и изнутри рабочего движения, не в одной только сфере деятельности, парламентской, а неизбежно во всех и всяческих областях общественной деятельности, на всех, без исключения, культурных и политических поприщах. И глубочайшей ошибкой, за которую неминуемо придется потом расплачиваться, является попытка отмахнуться, отгородиться от *одной* из «неприятных» задач или трудностей в одной области работы. Надо учиться и научиться овладеть всеми без изъятия областями работы и деятельности, побеждать все трудности и все буржуазные навыки, традиции, привычки везде и повсюду. Иная постановка вопроса просто не серьезна, просто ребячество.

12. V. 1920.

V

В русском издании этой книги я несколько неправильно осветил поведение голландской коммунистической партии в целом в области международной революционной политики. Поэтому я пользуюсь настоящим случаем, чтобы опубликовать приводимое ниже письмо наших голландских

товарищей по этому вопросу и затем исправить выражение «голландские трибунисты», которое я употребил в русском тексте, заменив его словами «некоторые члены голландской коммунистической партии».

Н. Ленин

ПИСЬМО ВАЙНКОПА

Москва, 30 июня 1920 г.

Дорогой товарищ Ленин,

Благодаря Вашей любезности мы, члены голландской делегации на II конгресс Коминтерна, имели возможность просмотреть Вашу книгу: «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» до ее опубликования в переводе на западноевропейские языки. В этой Вашей книге Вы несколько раз подчеркиваете свое неодобрение по поводу той роли, которую играли некоторые члены голландской коммунистической партии в международной политике.

Мы, тем не менее, должны протестовать против того, что Вы возлагаете на коммунистическую партию ответственность за их поступки. Это крайне несправедливо. Более того, это несправедливо, так как эти члены голландской коммунистической партии очень мало или совсем не участвуют в текущей работе нашей партии; они пытаются также прямо или косвенно проводить в коммунистической партии оппозиционные лозунги, против которых голландская компартия и все ее органы вели и ведут вплоть до сегодняшнего дня самую энергичную борьбу.

С братским приветом
(от имени голландской делегации)

Д. И. Вайнкоп

РЕЧЬ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ РАБОЧИХ СТЕКЛО-ФАРФОРОВОГО ПРОИЗВОДСТВА 29 АПРЕЛЯ 1920 г.

Вчерашний день принес нам две новости: первая из них весьма печальная — это весть об обращении главы польского правительства Пилсудского. Текста этого обращения я еще не видал, о нем мне передавали по телефону, но несомненно одно, что оно равносильно объявлению Польшей войны Украине. Очевидно, влияние империалистов Франции взяло верх в правительственных сферах Польши. Свою последнюю политику лавирования вокруг переговоров с нами о мире польское правительство решило бросить и открыть военные действия на более широком фронте. Польша взяла уже Житомир и идет на Киев. Это требует от нас самой решительной и незамедлительной защиты интересов пролетариата. Мы не сомневаемся, что мы сумеем защитить эти интересы, мы не сомневаемся, что эта новая попытка со стороны империалистов Антанты задушить Советскую Россию потерпит такой же крах, как денкинская и колчаковская авантюра. Очевидно, что военную поддержку Польша получает целиком от Франции, Англии и всей Антанты. В этом отношении весьма характерно, что в последней стадии переговоров с нами о Крыме английское правительство значительно изменило свое первоначальное благожелательное отношение. В ответ на предложение Англии проявить гуманность к прижатым к морю бойцам Деникина, мы ответили, что готовы даровать жизнь крымским белогвардейцам, если с своей стороны Антанта проявит гуманность по отношению к побежденным венгерским коммунистам, пропустив их в Советскую Россию. Нам не нужна кровь этих крымских белогвардейцев, у нас нет чувства мстительности. Но ответа на нашу ноту мы

не получили со стороны английского правительства, которое, видимо, в связи с выступлением Польши, с этим ответом не торопится. Но мы уверены, что у английских рабочих, даже наиболее оппортунистически настроенных, все найдется сторонников интервенции.

Мы имеем сведения, что даже в Польше польская социалистическая партия, которая преследовала в Польше коммунистов, в своем печатном органе заявляет, что нельзя срывать мирные переговоры с Советской Россией предъявлением ультимативного требования со стороны Польши вести эти переговоры в Борисове. Эта газета считает такой образ действий со стороны польского правительства преступлением. Поляки предложили нам вести мирные переговоры в Борисове, не прекращая военных действий, тогда как ведение переговоров именно в этом пункте лишило бы нас возможности продолжать во время переговоров военные действия, предоставляя в то же время Польше полную свободу в этом отношении. Конечно, вести мирные переговоры в таких условиях мы не могли и предложили перенести место этих переговоров, по взаимному соглашению с Польшей, в Париж, Ревель, Варшаву, Москву или в какой-нибудь другой город. Ответом на это предложение явилось широкое наступление польских войск по всему фронту. У нас нет сомнения, что польское правительство начало эту наступательную войну против воли своих рабочих. Вот почему мы к этой новой аванюре относимся вполне спокойно; мы знаем, что выйдем из нее победителями, но вы знаете, товарищи, что всякая война сопряжена с громадными трудностями, для преодоления которых мы не раз обращались к рабочим массам за поддержкой. Война с Польшей нам навязана, ни малейших замыслов против независимости Польши мы не имеем, как не имеем их против независимости Литвы и Белоруссии, но, несмотря на всю нашу уступчивость, нам все-таки навязывают войну, а раз так, мы все должны подняться как один, чтобы защитить и себя, и Украину от натиска польских империалистов. (Громкие аплодисменты.) Для этого нам нужно снова произвести некоторый перелом. Как бы ни было нам желательно возможно скорее приступить и как можно шире развернуть мирное строительство, но раз нам война навязана, мы должны все подчинить интересам этой войны для достижения наиболее успешных для

нас и быстрых результатов. Мы должны разъяснить всем рабочим и крестьянам, почему подстрекаемая Аптантой Польша начала с нами войну. Мы должны разъяснить, что это сделано для того, чтобы увеличить барьер, углубить ту пропасть, которая отделяет пролетариат Германии от нас.

С другой стороны, вчера же нами была получена весть из Баку, которая указывает, что положение Советской России направляется к лучшему; мы знаем, что наша промышленность стоит без топлива, и вот мы получили весть, что бакинский пролетариат взял власть в свои руки и сверг азербайджанское правительство. Это означает, что мы имеем теперь такую экономическую базу, которая может оживить всю нашу промышленность. В Баку имеется миллион пудов нефти, для которой до последнего времени не было сбыта, вследствие чего даже нефтепромышленник Нобель пытался начать с нами переговоры о доставке этой нефти в Советскую Россию. Таким образом наш транспорт и промышленность от бакинских нефтяных промыслов получают весьма существенную помощь.

Сегодня Народный комиссар по продовольствию тов. Цюрупа сообщил мне, что в Кубанской области и на Кавказе имеется громадное количество запасов хлеба, которые мы можем рассчитывать сюда получить. Значит, у нас будет топливо для промышленности и хлеб для людей. Напрягая все усилия на восстановление транспорта, мы добьемся хлеба и нефти, которые послужат правильной экономической основой для взаимоотношений рабочих и крестьян. Мы говорим, что крестьянин должен давать рабочим свои излишки хлеба потому, что продавать эти излишки в условиях настоящего времени было бы преступлением, и потому, как только мы восстановим нашу промышленность, употребим все усилия, чтобы удовлетворить крестьян в готовых фабрикатах города.

Очертив этими несколькими словами, насколько позволяет мне сейчас время, перед вами общее положение республики в настоящий момент, я позволю себе закончить их выражением уверенности, что четыре миллиона рабочих, организованных в профессиональные союзы, через которых мы вели советскую политику, опираясь на широкие слои крестьян, не замыкаясь в узкие рамки своей профессиональной жизни как и прежде, так и в настоящий

момент, в новой стадии наших отношений к Польше, когда для нас уже открыты и кубанский хлеб и бакинская нефть, окажут всемерную поддержку дальнейшему успеху и развитию общепролетарского дела. Мы знаем, что только сознательность рабочих, их объединенность, полная сплоченность профсоюзов являются такой силой, которая давала блестящие победы нашей Красной Армии, армии, которая была лучшим проводником сознательности в ряды крестьян, научив их выкидывать из своих рядов шкурников, чтобы удержать власть в руках рабочих. Нам нужны и сейчас эта сознательность, объединенность и полная сплоченность профсоюзов в войне с Польшей и в деле восстановления промышленности. Сейчас требуется продолжение и усиление той дисциплины, которая нам нужна во всех производствах. Сознательные рабочие знают, что если бы вы, рабочие, не проявили этой дисциплины до сих пор, то нас могла бы ожидать участь Венгрии. Пусть товарищи это помнят и добьются у себя на местах полного подчинения всех одной основной задаче: надо изжить, надо как можно скорее кончить с этим проклятым лозунгом: каждый — за себя, один бог за всех. Надо пролетарскую трудовую дисциплину довести до самой высокой степени напряжения, и тогда мы будем непобедимы. Мы докажем, что Советскую республику нельзя склнуть и что мы сумеем привлечь к себе в помощь все остальные республики мира. (Речь товарища Ленина была покрыта дружными, долго не смолкаемыми аплодисментами всех членов съезда и возгласами: «Да здравствует наш вождь, товарищ Ленин!».)

ОТ ПЕРВОГО СУББОТНИКА НА МОСКОВСКО-КАЗАНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ КО ВСЕРОССИЙСКОМУ СУББОТНИКУ-МАЕВКЕ

Расстояние, указанное в заголовке, пройдено в один год. Расстояние громадное. Как ни слабы еще все наши субботники, как ни велика обнаруживаемая всяким субботником бездна недостатков налаженности, организованности, дисциплинированности, а все же главное сделано. Тяжеловеснейшая машина сдвинута с места, а в этом-то вся суть и есть.

Мы несколько не обманываем себя насчет того, как мало еще сделано и как бесконечно много предстоит еще сделать; но только злостные враги трудящихся, злостные сторонники буржуазии в состоянии пренебрежительно относиться к первомайскому субботнику, только самые презренные и бесповоротно продавшиеся капиталистам люди способны осуждать использование великого первомайского праздника для массовой попытки введения коммунистического труда.

После свержения царей, помещиков и капиталистов впервые только очищается поле для настоящей стройки социализма, для выработки новой общественной связи, новой дисциплины общего труда, нового всемирно-исторического уклада всего народного (а затем и международного) хозяйства. Это дело переработки самих нравов, надолго загаженных, испорченных проклятой частной собственностью на средства производства, а вместе с ней всей той атмосферой грызни, недоверия, вражды, раздробленности, взаимоподсживания, которая неминуемо порождается — и постоянно возрождается вновь — мелким обособленным хозяйством, хозяйством собственников при «вольном» обмене между ними. Свобода торговли, свобода обмена

была сотни лет для миллионов людей величайшим заветом экономической мудрости, была самой прочной привычкой сотен и сотен миллионов людей. Эта свобода так же лжива насквозь, так же служит прикрытием капиталистического обмана, насилия, эксплуатация, как другие «свободы», провозглашенные и осуществленные буржуазией, вроде «свободы труда» (читай: свободы умирать с голоду) и т. п.

С этой «свободой» собственника быть собственником, с этой «свободой» эксплуатация труда капиталом мы разорвали и рвем бесповоротно и боремся беспощадно и беззаветно.

Долой старые общественные связи, старые экономические отношения, старую «свободу» (*подчиненного капиталу*) труда, старые законы, старые привычки!

Будем строить новое общество!

Нас не пугали поражения в ходе великой революционной войны против царизма, против буржуазии, против всемирно-могущественных империалистских держав.

Нас не испугают гигантские трудности и неизбежные в начале труднейшего дела ошибки, ибо дело переработки всех трудовых навыков и нравов — дело десятилетий. И мы даем друг другу торжественное и твердое обещание, что мы готовы на всякие жертвы, что мы устоим и выдержим в этой самой трудной борьбе, — борьбе с силой привычки, — что мы будем работать годы и десятилетия не покладая рук. Мы будем работать, чтобы вытравить проклятое правило: «каждый за себя, один бог за всех», чтобы вытравить привычку считать труд только повинностью и правомерным только оплаченный по известной норме труд. Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: «все за одного и один за всех», правило: «каждый по своим способностям, каждому по его потребностям», чтобы вводить постепенно, но неуклонно коммунистическую дисциплину и коммунистический труд.

Мы сдвинули с места глыбу неслыханной тяжести, глыбу косности, невежества, упорства в отстаивании привычек «свободной торговли» и «свободной» купли-продажи человеческой рабочей силы, как любого другого товара. Мы начали колебать и разрушать самые закоренелые предрассудки, самые твердые, вековые, заскоружные привычки. Наши субботники за один год сделали громадный шаг

вперед. Они еще бесконечно слабы. Нас этим не запугаешь. Мы видели, как «бесконечно слабая» Советская власть на наших глазах, нашими усилиями окрепла и стала превращаться в бесконечно могучую всемирную силу. Мы будем годы и десятилетия работать над применением субботников, их развитием, распространением, улучшением, пнедрением в нравы. Мы придем к победе коммунистического труда!

*«Первомайский Субботник»,
2 мая 1920 г.
Подпись: Н. Ленин*

*Печатается по тексту
газеты «Первомайский Субботник»*

**РЕЧЬ НА МИТИНГЕ, ПОСВЯЩЕННОМ ЗАКЛАДКЕ
ПАМЯТНИКА ОСВОБОЖДЕННОМУ ТРУДУ,
1 МАЯ 1920 г.**

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

(При дружных аплодисментах всех присутствующих на трибуне появляется товарищ Ленин.) Товарищи! На этом месте прежде стоял памятник царю, а теперь мы совершаем здесь закладку памятника освобожденному труду. Капиталисты называли труд свободным, когда крестьяне и рабочие были принуждены продавать им свой труд и в результате были свободны умирать с голоду. Мы называем такой труд наемным рабством. Мы знаем, что нелегко как следует организовать свободный труд и работать в условиях переживаемого тяжелого времени. Сегодняшний субботник является первым шагом на этом пути, но, так идя далее, мы создадим действительно свободный труд. (Продолжительные, дружные аплодисменты.)

«И правда» № 94, 4 мая 1920 г.

Печатается по тексту
газеты «И правда»

РЕЧЬ К КРАСНОАРМЕЙЦАМ, ОТПРАВЛЯЮЩИМСЯ НА ПОЛЬСКИЙ ФРОНТ, 5 МАЯ 1920 г.²³

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Товарищи! Вы знаете, что польские помещики и капиталисты, подстрекаемые Антантой, навязали нам новую войну. Помните, товарищи, что с польскими крестьянами и рабочими у нас нет ссор, мы польскую независимость и польскую народную республику признавали и признаем. Мы предлагали Польше мир на условии неприкосновенности ее границ, хотя эти границы простирались гораздо дальше, чем чисто-польское население. Мы шли на все уступки и пусть каждый из вас помнит это на фронте. Пусть ваше поведение по отношению к полякам там докажет, что вы — солдаты рабоче-крестьянской республики, что вы идете к ним не как угнетатели, а как освободители. Теперь, когда польские паны, вопреки нашим стремлениям, заключили союз с Петлюрой, когда они перешли в наступление, когда они подходят к Киеву, и в заграничной прессе пускают слухи о том, что они взяли уже Киев, — эту чистейшую ложь, так как я вчера еще разговаривал с находящимся в Киеве Ф. Коном по прямому проводу, — мы говорим теперь: товарищи, мы сумели дать отпор врагу более страшному, мы сумели победить помещиков и капиталистов своих, — мы победим помещиков и капиталистов польских! Мы все должны сегодня здесь дать клятву, дать торжественное обещание в том, что мы все будем стоять как один человек за то, чтобы не допустить победы польских панов и капиталистов. Да здравствуют крестьяне и рабочие свободной независимой польской республики! Долой польских панов, помещиков и капиталистов! Да здравствует наша Красная рабоче-крестьянская армия! (Мощные звуки «Интернационала» и возгласы «ура» покрывают последние слова товарища Ленина.)

**РЕЧЬ НА СОЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ
ВЦИК, МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ,
КРЕСТЬЯНСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ
ДЕПУТАТОВ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ
И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ
5 МАЯ 1920 г.²³**

(Аплодисменты.) Товарищи, мне хотелось бы обратить ваше внимание на одну сторону, отличающую настоящую войну с международной точки зрения или, вернее, с точки зрения международного положения России от войн предыдущих. Конечно, никто из вас не сомневается и нельзя сомневаться в том, что эта война представляет собой одно из звеньев длинной цепи событий, означающих бешеное сопротивление международной буржуазии по отношению к победоносному пролетариату, бешеную попытку международной буржуазии задушить Советскую Россию, свергнуть первую Советскую власть во что бы то ни стало, какими бы то ни было средствами. Конечно, нет ни малейшего сомнения, что связь между этими явлениями, между прежними попытками международной буржуазии и настоящей войной, безусловно имеется. Но в то же время мы видим, какая громадная разница между этой войной и предыдущими с точки зрения нашего международного положения, какой гигантский толчок дала наша борьба международному рабочему движению, как мировой пролетариат относится к победам Советской России, как развивается и укрепляется мировая пролетарская борьба и какая гигантская работа проделана за два с небольшим года, как существует Советская республика.

Вы помните, как самые ответственные, самые могущественнейшие министры самых могущественнейших, всемирно не знающих себе соперников, капиталистических держав объявляли не очень давно о том, что ими изготовлен союз 14 держав против России; вы знаете, как этот союз

под давлением бессильных капиталистов Франции и Англии спланировал Юденича, Колчака и Деникина и как он построил действительно грандиозный в военном отношении и всеохватывающий план. И если мы этот план разрушили, то это случилось потому, что все единство империалистов было только кажущимся и силы международной буржуазии не выдерживают и одного испытания, когда речь идет о том, чтобы действительно жертвовать собой. Оказалось, что после четырех лет империалистской бойни трудящиеся массы не признают справедливость войны с нами, и мы имеем в их лице великого союзника. План Антанты был действительно разрушительный, но он разрушился благодаря тому, что капиталистические державы, несмотря на свой могущественнейший союз, не смогли осуществить его: оказались бессильны провести его в жизнь. Ни одна из держав, из коих каждая могла иметь перевес над нами, не могла проявить единства, потому что организованный пролетариат его не поддерживает; ни одна армия — ни французская, ни английская — не могла выдержать того, чтобы ее солдаты на русской почве способны были сражаться против Советской республики.

Если мы мысленно проследим, в каких отчаянных положениях бывала наша республика, когда она, действительно, стояла против всего мира, против держав, неизмеримо более могущественных, и вспомним, как мы вышли вполне победоносно из всех этих тяжелых испытаний, то эти воспоминания дадут нам отчетливое представление о том, что мы имеем сейчас перед собой. Мы имеем здесь план не новый, но вместе с тем ничего похожего не имеющий с тем действительно всеобъемлющим единым планом, который мы имели полгода тому назад. Мы имеем обломки старого плана, и это больше всего дает нам гарантию с точки зрения международного соотношения сил относительно безнадежности теперешней попытки. В старом плане мы имели попытку со стороны всех империалистских держав в союзе со всеми мелкими окраинными государствами бывшей Российской империи, которые раньше были бесстыдно и безобразно угнетаемы царским и капиталистическим правительством Великобритании, задушить рабоче-крестьянскую республику; теперь же некоторые державы в союзе с одним из пограничных государств пытаются сделать то, что не удалось сделать всем империалистским державам

в союзе со всеми пограничными государствами, и что ими было предпринято год и полгода тому назад в союзе с Колчаком, Деникиным и пр. Мы видим теперь обломки империалистского плана. Империалистские планы отличаются тем, что буржуазия здесь особенно проявляет свою цепкость. Она знает, что борется за власть у себя дома, что здесь решается вопрос не русский или польский, а вопрос ее собственного существования. Поэтому надо ждать, что из всякого обломка плана она будет стараться воссоздать старый, провалившийся план.

Для всех нас ясно разногласие интересов империалистских государств. Несмотря на все заявления их империалистов о мирном улаживании спорных вопросов, на самом деле империалистские державы не могут сделать ни одного серьезного шага в политических вопросах, чтобы не разойтись. Французам нужна сильная Польша и сильная Россия царского типа, и они готовы для этой цели принести все жертвы. Англия же, исходя из своего географического положения, стремится к другому — к раздроблению России, к ослаблению Польши, чтобы между Францией и Германией было равновесие, которое обеспечивало бы победившим империалистам управление колониями, которыми они завладели в результате мировой войны, ограбив Германию. Тут рознь интересов вопиющая, и как бы ни уверяли нас представители империалистских держав в Сан-Ремо²⁴, что между союзниками царит полное единомыслие, мы знаем, что между ними никакого согласия нет.

Мы знаем, что наступление Польши, это — обломки старого плана, некогда объединявшего всю международную буржуазию, и если тогда не удался этот грандиозный план, обеспечивавший с точки зрения чисто военной безусловный успех, то теперь даже и с этой точки зрения план безнадежен. Кроме того, мы знаем, что империалистские державы, заключившие союз с польской буржуазией, и польское правительство запутались, как никогда. Польская буржуазия с каждым шагом своей политики за последние месяцы, недели и дни разоблачает себя перед собственными трудовыми массами, ссорится с своими собственными союзниками и не может сделать в своей политике последовательно ни одного шага. То объявляя о своем непримиримом отношении к Советской России и

невозможности вступить с ней в какие-либо разговоры, то снимая с нее блокаду и торжественно заявляя об этом от имени якобы существующего союза, якобы существующей Лиги наций, то снова начиная политику колебаний, — империалисты тем самым давали и дают нам возможность доказать свою мирную политику, доказать, что наша международная политика не имеет ничего общего ни с царской, ни с политикой русских капиталистов или русской буржуазии, хотя бы и демократической. Мы доказали перед всем миром, что наша внешняя политика не имеет ничего общего с той, которую нам постоянно приписывают все буржуазные газеты. Таким образом, в политике Польши не осталось ни одного обмана, который они сами не разоблачили бы. Из опыта трех русских революций мы знаем, как эти революции подготавливались и как на почве каждой из них развивалась дальше внутренняя и международная политика. Этот опыт показывает, что вернейшим нашим помощником в деле подготовки революции являются те господствующие классы, которые, претендуя на всевозможные коалиции, учредилки и пр., претендуя на выражение, якобы, народной воли, на деле собственной политикой в каждый серьезный, трудный и ответственный момент национальной жизни показывают корысть дерущихся между собой буржуазных групп, не способных помириться, конкурирующих между собой групп капиталистов, которые во сто раз больше, чем коммунистическая пропаганда, разоблачают самих себя. Ни в одной стране, ни в одном государстве рабочий класс, хотя бы он был наиболее революционным, никогда не мог бы быть революционизируемым никакой пропагандой и агитацией, если бы эту агитацию не подтверждали своим практическим поведением господствующие классы его собственной страны.

То, что сейчас происходит во всех капиталистических странах, и чем дальше, тем сильнее, особенно в такой стране, как Польша, дает нам уверенность в том, что если мы вышли победителями из несомненно более тяжелой войны, если мы правильно учли разнь и невозможность примирения между буржуазией разных групп и партий в моменты, когда это объединение им особенно нужно, — то теперь улучшение нашего международного положения громадно. Это дает нам уверенность не только с точки зрения внутреннего соотношения сил, но и с точки зрения

международной. Если мы возьмем всю систему всех современных империалистских государств, все их стремления, — а мы знаем, что их стремления неискоренимы в том, чтобы использовать каждый момент для нападения на Россию, — и оценим совершенно объективно, с точки зрения неопровержимых фактов истории последних лет и особенно последнего полугодия, то это нам покажет, что международный враг слабеет, что всякие пощтыки объединения между империалистами все более и более безнадежны и что с этой стороны наша победа обеспечена.

Но, товарищи, когда мы стоим сейчас, занятые хозяйственной задачей, сосредоточив все внимание на мирном хозяйственном строительстве, перед надвигающейся новой войной, для нас существенно необходимо быстро перестроить свои ряды. Вся наша армия, которая в последнее время являлась трудовой армией²⁵, теперь должна обратить свое внимание на другую сторону; мы должны оставить все свои дела и сосредоточиться на этой новой войне. Мы прекрасно знаем, что тот неприятель, который стоит перед нами сейчас, не страшен нам после того, что мы уже пережили, но он может потребовать новые тяжелые жертвы со стороны рабочих и крестьян, может затруднить нам во много раз наше хозяйственное строительство, привести к разорению, разрушению десятки, сотни и тысячи крестьянских хозяйств, а также своим временным успехом воскресить потухшие надежды разбитых нами империалистов, которые, конечно, не преминут примкнуть к нему. Поэтому мы должны сказать, что то наше правило, которого мы держались во все предыдущие войны, должно неизменно возродиться и теперь. Если вопреки нашим самым примирительным намерениям, несмотря на то, что мы сделали громадные уступки, что мы отказались от всех национальных притязаний, польские помещики и польская буржуазия навязали нам войну; если мы уверены, а мы должны быть уверены, — в том, что буржуазия всех стран, даже та, которая сейчас полякам не помогает, когда война разгорится, им поможет, потому что решается вопрос не только русский или польский, а вопрос о существовании всей буржуазии, — то мы должны вспомнить и во что бы ни стало осуществить и провести в жизнь до конца правило, которому мы следовали в нашей политике и которое всегда обеспечивало за нами успех. Это правило

заключается в том, что раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне, ни малейшее колебание на этот счет недопустимо. Как ни тяжело громадному большинству товарищей оторваться от работы, совсем недавно переведенной на другие рельсы, более благодарные и необходимые для задач мирного строительства, нужно помнить, что малейшее упущение, невнимание нередко означает десятки тысяч лишних смертей наших лучших товарищей, наших молодых поколений рабочих и крестьян, наших коммунистов, которые, как и всегда, в первых рядах борющихся. Поэтому еще раз, — все для войны. Пусть ни одно собрание, ни одно совещание не пройдет без того, чтобы при всяком обсуждении на первом месте не стоял вопрос: все ли мы сделали, чтобы помочь войне, достаточно ли напряжены наши силы, достаточно ли помощи отправлено на фронт? Нужно, чтобы здесь оставались только те, кто не способен помогать на фронте. Ему все жертвы, ему вся помощь, отбросив все колебания. И, сосредоточив все силы и принеся все жертвы, мы, несомненно, победим и на этот раз. (Аплодисменты.)

Напечатано в 1920 г. в книге:
«Стенографические отчеты
заседаний пленума Московского
Совета рабочих, крестьянских
и красноармейских депутатов»

Печатается по тексту книги

**ТЕЛЕГРАММА СОВЕТСКОМУ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ
АЗЕРБАЙДЖАНА**

Баку

Совнарком приветствует освобождение трудовых масс независимой Азербайджанской республики и выражает твердую уверенность, что под руководством своего Советского правительства независимая республика Азербайджана совместно с РСФСР отстоит свою свободу и независимость от заклятого врага угнетенных народов Востока — от империализма.

Да здравствует независимая Советская республика Азербайджана!

Да здравствуют рабочие и крестьяне Азербайджана!

Да здравствует союз рабочих и крестьян Азербайджана и России!

Председатель СНК *В. Ульянов (Ленин)*

5-го мая 1920 г.

*«Коммунист» (Баку)
№ 7, 9 мая 1920 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Коммунист»*

РЕЧЬ НА ШИРОКОЙ РАБОЧЕ-КРАСНОАРМЕЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В РОГОЖСКО-СИМОНОВСКОМ РАЙОНЕ

13 МАЯ 1920 г.

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Советская республика переживает снова тяжелый момент. Избавившись от Колчака и Деникина, русский пролетариат намеревался все свои духовные и физические силы направить на восстановление экономической жизни страны. Мы думали, что польское буржуазное правительство не отважится на новую авантюру. Правда, польские коммунисты говорили, что именно потому, что польскому правительству нечего больше терять, оно не побоится бросить своих рабочих и крестьян в какую угодно авантюру. Но мы полагаем, что польский пролетариат совместно с пролетариатом Латвии и Белоруссии позаботится об изгнании польской буржуазии и панов. Русское рабоче-крестьянское правительство делало Польше громадные уступки, желая этим доказать польскому народу, что оно окончательно порвало с политикой царизма по отношению к малым государствам.

За спиной польской буржуазии орудуют французские капиталисты, желающие сбыть Польше по хорошей цене свои военные припасы и вознаградить себя за убытки, понесенные на Колчаке и Деникине.

Замечательно, что ни одно государство Антанты не осмеливается выступить против Советской России открыто, боясь показать рабочим свое настоящее лицо. Самое для нас важное в настоящий момент — это внушить политически безграмотным и отсталым гражданам, что мы сделали все возможное, чтобы избежать нового кровопролития, и что польские рабочий и крестьянин нам не враг, но что если польская буржуазия, соединившаяся с Петлюрой, хочет войны, мы будем воевать и будем беспощадны.

Во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь. Убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своею жизнью для блага своих братьев поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести. Царские генералы говорят, что наши красноармейцы переносят такие тяготы, какие никогда не вынесла бы армия царского строя. Это объясняется тем, что каждый рабочий и крестьянин, взятый под ружье, знает, за что он идет, и сознательно проливает свою кровь во имя торжества справедливости и социализма.

Это осознание массами целей и причин войны имеет громадное значение и обеспечивает победу.

Наша страна измучена от войны, и мы ценой громадных уступок хотим прекратить пролитие крови и приступить к мирному труду. Поэтому, когда в Россию приехал Буллит и предложил тяжелый мир, Советское правительство подписало его²⁸, дабы дать возможность окрепнуть Советской власти.

В настоящий момент мы вынуждены опять бросить клич: «Все для войны». Все организации, и профессиональные, и партийные, должны сейчас отдать все свои силы на помощь героической Красной Армии.

В том, что справедливость на нашей стороне, мы скоро убедим весь мир.

Вчера в Питер прибыла делегация английских тред-юнионов, среди которых мало кто сочувствует нам, но мы уверены, что по возвращении домой они будут лучшими агитаторами в нашу пользу. Даже бывшие царские генералы признают несправедливыми притязания Польши и идут помогать нам. «Все для войны, все для победы», говорим мы и русские рабочие и крестьяне. Напряжем же все свои силы для обеспечения победы. (Бурные аплодисменты.)

ИНДИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АССОЦИАЦИИ ²⁷

Рад слышать, что провозглашенные рабоче-крестьянской республикой принципы самоопределения и освобождения угнетенных народов от эксплуатации иностранных и собственных капиталистов нашли такой живой отклик среди сознательных индийцев, героически борющихся за свою свободу. Русские трудящиеся массы с неослабным вниманием следят за пробуждением индийского рабочего и крестьянина. Залогом окончательного успеха являются организованность и дисциплина трудящихся, их выдержка и солидарность с трудящимися всего мира. Приветствуем тесный союз мусульманских и немусульманских элементов. Искренне желаем распространения этого союза на всех трудящихся Востока. Только тогда, когда индийский, китайский, корейский, японский, персидский, турецкий рабочий и крестьянин протянут друг другу руки и пойдут вместе на общее дело освобождения, только тогда обеспечена решительная победа над эксплуататорами. Да здравствует свободная Азия!

«Правда» № 108, 20 мая 1920 г.

*Печатается по тексту
газеты «Правда»*

ПИСЬМО К АНГЛИЙСКИМ РАБОЧИМ²⁸

Товарищи! Прежде всего позвольте поблагодарить вас за присылку к нам нашей делегации для ознакомления с Советской Россией. Когда ваша делегация предложила мне послать через нее письмо английским рабочим и, может быть, также предложение английскому правительству, я ответил, что с благодарностью принимаю первое предложение, но к правительству я должен обращаться не через рабочую делегацию, а непосредственно от имени нашего правительства через тов. Чичерина. Мы обращались таким образом много, очень много раз к английскому правительству с самым формальным и торжественным предложением начать мирные переговоры. Эти наши предложения непрерывно продолжают делать все наши представители, и тов. Литвинов, и тов. Красин, и все остальные. Английское правительство упорно не принимает наших предложений. Неудивительно поэтому, что с делегатами английских рабочих я желал говорить исключительно как с делегатами рабочих и не в качестве представителя правительства Советской России, а в качестве просто коммуниста.

Меня не удивило, что ряд членов вашей делегации стоит не на точке зрения рабочего класса, а на точке зрения буржуазии, класса эксплуататоров, ибо во всех капиталистических странах империалистская война вполне обнаружила застарелый парыв: именно, переход большинства парламентских и тред-юнионистских вождей рабочих на сторону буржуазии. Под лживым предлогом «защиты отечества» защищали на деле грабительские интересы одной из двух групп всемирных разбойников,

англо-американо-французской или германской; вступали в союз с буржуазией против революционной борьбы пролетариата; прикрывали эту измену сантиментально-мещанскими, реформистскими и пацифистскими фразами о мирной эволюции, о конституционных методах, о демократии и проч. Так было во всех странах; неудивительно, что то же самое явление в Англии отразил и состав вашей делегации.

Члены вашей делегации, Шоу и Гест, спрашивали меня, видимо удивленные и обиженные моим заявлением, что Англия, вопреки нашим мирным предложениям, вопреки заявлениям ее правительства, продолжает интервенцию, ведет войну с нами, помогает Врангелю в Крыму и бело-гвардейской Польше, — спрашивали меня, есть ли у меня доказательства этого, могу ли я указать, сколько поездов с военным снаряжением доставила Англия в Польшу и т. д. Я ответил, что для получения секретных договоров английского правительства надо революционно свергнуть его и захватить в свои руки все документы его иностранной политики, как это сделали мы в 1917 г. Всякий образованный человек, всякий интересующийся политикой искренно, знал и до нашей революции, что у царя были тайные договоры с разбойничьими правительствами Англии, Франции, Америки, Италии, Японии о дележе добычи, о Константинополе, Галиции, Армении, Сирии, Месопотамии и т. п. Только лгуны и лицемеры (не считая, конечно, совсем невежественных, темных, неграмотных людей) могли отрицать это или делать вид, что не знают этого. Но без революции мы никогда бы не могли добыть секретные документы разбойничьих правительств капиталистического класса. Те вожди или представители английского пролетариата, — все равно, парламентские, тред-юнионистские, журналистские или иные, — которые делают вид, что не знают о существовании тайных договоров Англии, Франции, Америки, Италии, Японии, Польши о грабеже других стран, о дележе добычи и которые не ведут революционной борьбы за разоблачение таких договоров, показывают только этим лишним раз, что они верные слуги капиталистов. Нам это давно известно; мы это и у себя и во всех странах мира разоблачаем. Посещение России делегацией английских рабочих ускорит разоблачение таких вождей и в Англии.

Я беседовал с вашей делегацией в среду, 26 мая. А через день пришли телеграммы, что Бонар-Лоу признал в английском парламенте военную помощь Польше в октябре «для защиты от России» (конечно, только для защиты, только в октябре! В Англии еще есть «влиятельные рабочие вожди», помогающие капиталистам одурачивать рабочих!), а газета «Нью-Стейтсман»*, умереннейшая из умереннейших мещанских газет или журналов, писала о доставке Польше танков, более могучих, чем употреблявшиеся в войне против немцев. Можно ли после этого не смеяться над теми «вождями» английских рабочих, которые с видом оскорбленной невинности спрашивают, какие есть «доказательства» того, что Англия воюет с Россией и помогает Польше и белогвардейцам в Крыму?

Члены делегации спрашивали меня, что я считаю более важным: образование ли в Англии последовательной, революционной, коммунистической партии или немедленную помощь рабочих масс в Англии делу мира с Россией. Я отвечал, что это дело убеждений. Искренние сторонники освобождения рабочих от ига капитала никак не могут быть против основания коммунистической партии, которая одна в состоянии воспитывать рабочие массы не по-буржуазному, не по-мещански, одна в состоянии действительно разоблачать, осмеивать, позорить «вождей», способных сомневаться в том, помогает ли Англия Польше и т. д. Нечего бояться, что в Англии будет слишком много коммунистов, ибо там нет даже маленькой коммунистической партии. Но если кто продолжает еще быть в идейном рабстве у буржуазии, продолжает разделять мещанские предрассудки насчет «демократии» (*буржуазной демократии*), пацифизма и пр., то, разумеется, такие люди только повредили бы пролетариату еще сильнее, если бы вздумали называть себя коммунистами и присоединяться к III Интернационалу. Такие люди неспособны ни на что, кроме как на сладенькие «резолуции» против интервенции, составленные из одних мещанских фраз. В известном смысле эти резолюции тоже полезны, — именно в том смысле, что старые «вожди» (сторонники буржуазной демократии, мирных методов и пр. и пр.) сделают себя смешными в глазах масс, разоблачат себя тем скорее, чем больше они проведут

* — «Новый Государственный Деятель». Ред.

пустых, ни к чему не обязывающих, никакими революционными действиями не сопровождающихся резолюций. Каждому свое: пусть коммунисты работают прямо через свою партию над делом прояснения революционного сознания рабочих. Пусть те, кто поддерживал «защиту отечества» в войне империалистов из-за дележа мира, «защиту» тайного договора английских капиталистов с царем о грабеже Турции, пусть те, кто «не видит» помощи Польше и белогвардейцам в России со стороны Англии, пусть они скорее доводят до смешного числа количество своих «мпрных резолюций»; тем скорее их постигнет судьба Керенского, меньшевиков и эсеров в России.

Некоторые члены вашей делегации с удивлением спрашивали меня о красном терроре, об отсутствии свободы печати в России, свободы собраний, о преследовании нами меньшевиков и меньшевистских рабочих и т. д. Я отвечал, что настоящие виновники террора — империалисты Англии и их «союзники», которые проводили и проводят белый террор в Финляндии и Венгрии, в Индии и в Ирландии, поддерживали и поддерживают Юденича, Колчака, Деникина, Плсудского, Врангеля. Наш красный террор есть защита рабочего класса от эксплуататоров, есть подавление сопротивления эксплуататоров, на сторону которых становятся эсеры, меньшевики, ничтожное число меньшевистских рабочих. Свобода печати и собраний в буржуазной демократии есть свобода заговора богачей против трудящихся, свобода подкупа газет и скупки их капиталистами. Я уже столько раз объяснял это в печати, что повториться мне было не очень весело.

А через два дня после моей беседы с вашей делегацией газеты принесли известие, что в дополнение к аресту Монатта и Лорно во Францию, арестована Сильвия Панкхерст в Англии. Вот — лучший ответ английского правительства на тот вопрос, который бояться даже поставить плененные буржуазными предрассудками некоммунистические «вожди» английских рабочих, именно на вопрос: против какого класса направляется террор? против угнетенных и эксплуатируемых или против угнетателей и эксплуататоров? идет ли речь о «свободе» для капиталистов грабить, обманывать, одурачивать трудящихся или о «свободе» трудящихся от ига капиталистов, спекулянтов, собственников? Тов. Сильвия Панкхерст — представитель интересов

сотен и сотен миллионов людей, которые угнетены английскими и прочими капиталистами, за это она и подвергается белому террору, лишению свободы и прочее. Те же «вожди» рабочих, которые ведут политику не коммунистическую, на девяносто девять сотых являются представителями буржуазии, ее обмана, ее предрассудков.

В заключение еще раз благодарю вас, товарищи, за присылку к нам вашей делегации. Знакомство ее с Советской Россией, несмотря на всю враждебность многих к советской системе и к диктатуре пролетариата, несмотря на громадную плененность их буржуазными предрассудками, неизбежно ускорит крах капитализма во всем мире.

Н. Ленин

30. V. 1920.

«Правда» № 130, 17 июня 1920 г.

Печатается по рукописи

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НАБРОСОК ТЕЗИСОВ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ И КОЛОНИАЛЬНОМУ ВОПРОСАМ ²⁹

(для второго съезда коммунистического интернационала)

Предлагая на обсуждение товарищей нижеследующий проект тезисов по колониальному и национальному вопросам для 2-го съезда Коминтерна, я просил бы всех товарищей, в частности же товарищей, осведомленных конкретно по тому или иному из этих сложнейших вопросов, дать свой отзыв или исправление или дополнение или конкретное пояснение *в самой краткой (не более 2—3 страничек) форме*, в особенности по следующим пунктам:

Австрийский опыт.

Польско-еврейский и украинский опыт.

Эльзас-Лотарингия и Бельгия.

Ирландия.

Датско-германские отношения. Итало-французские и итало-славянские.

Балканский опыт.

Восточные народы.

Борьба с панисламом.

Отношения на Кавказе.

Башкирская и Татарская республики.

Киргизистан.

Туркестан, его опыт.

Негры в Америке.

Колонии.

Китай — Корея — Япония.

Н. Ленин

5 июня 1920 г.

1. Буржуазной демократии, по самой природе ее, свойственна абстрактная или формальная постановка вопроса о равенстве вообще, в том числе о равенстве национальном. Под видом равенства человеческой личности вообще буржуазная демократия провозглашает формальное или

юридическое равенство собственника и пролетария, эксплуататора и эксплуатируемого, вводя тем в величайший обман угнетенные классы. Идея равенства, сама являющаяся отражением отношений товарного производства, превращается буржуазией в орудие борьбы против уничтожения классов, под предлогом будто бы абсолютного равенства человеческих личностей. Действительный смысл требования равенства состоит лишь в требовании уничтожения классов.

2. Сообразно основной своей задаче борьбы против буржуазной демократии и разоблачения лжи и лицемерия ее, коммунистическая партия, как сознательная выразительница борьбы пролетариата за свержение лга буржуазии, должна и в национальном вопросе во главу угла ставить не абстрактные и не формальные принципы, а, во-первых, точный учет исторически-конкретной и прежде всего экономической обстановки; во-вторых, отчетливое выделение интересов угнетенных классов, трудящихся, эксплуатируемых, из общего понятия народных интересов вообще, означающего интересы господствующего класса; в-третьих, такое же отчетливое разделение наций угнетенных, зависимых, неравноправных от наций угнетающих, эксплуататорских, полноправных, в противовес буржуазно-демократической лжи, которая затушевывает свойственное эпохе финансового капитала и империализма колониальное и финансовое порабощение громадного большинства населения земли ничтожным меньшинством богатейших передовых капиталистических стран.

3. Империалистская война 1914—1918 годов с особой ясностью вскрыла перед всеми нациями и перед угнетенными классами всего мира лживость буржуазно-демократических фраз, показав на деле, что Версальский договор пресловутых «западных демократий» есть еще более зверское и подлое насилие над слабыми нациями, чем Брест-Литовский договор германских юнкеров и кайзера. Лига наций и вся послевоенная политика Антанты еще более ясно и резко вскрывает эту правду, усиливая повсюду революционную борьбу как пролетариата передовых стран, так и всех трудящихся масс колониальных и зависимых стран, ускоряя крах мешански-национальных иллюзий насчет возможности мирного сожительства и равенства наций при капитализме.

4. Из вышесказанных основных положений вытекает, что во главу угла всей политики Коминтерна по национальному и колониальному вопросу должно быть положено сближение пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии. Ибо только такое сближение гарантирует победу над капитализмом, без которой невозможно уничтожение национального гнета и неравноправия.

5. Мировая политическая обстановка поставила теперь на очередь дня диктатуру пролетариата, и все события мировой политики сосредотачиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Советской Российской республики, которая группирует вокруг себя неминуемо, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей, убеждающихся на горьком опыте, что им нет спасения, кроме как в победе Советской власти над всемирным империализмом.

6. Следовательно, нельзя ограничиваться в настоящее время голым признанием или провозглашением сближения трудящихся разных наций, а необходимо вести политику осуществления самого тесного союза всех национально- и колониально-освободительных движений с Советской Россией, определяя формы этого союза сообразно степени развития коммунистического движения среди пролетариата каждой страны или буржуазно-демократического освободительного движения рабочих и крестьян в отсталых странах или среди отсталых национальностей.

7. Федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций. Федерация уже на практике обнаружила свою целесообразность как в отношениях РСФСР к другим советским республикам (венгерской, финской, латвийской в прошлом, азербайджанской, украинской в настоящем), так и внутри РСФСР по отношению к национальностям, не имевшим раньше ни государственного существования, ни автономии (напр., Башкирская и Татарская автономные республики в РСФСР, созданные в 1919 и 1920 годах).

8. Задача Коминтерна состоит в этом отношении как в дальнейшем развитии, так и в изучении и проверке опытом этих новых, на базе советского строя и советского

движения возникающих, федераций. Признавая федерацию переходной формой к полному единству, необходимо стремиться к более и более тесному федеративному союзу, имея в виду, во-первых, невозможность отстоять существование советских республик, окруженных несравненно более могущественными в военном отношении империалистскими державами всего мира, без теснейшего союза советских республик; во-вторых, необходимость тесного экономического союза советских республик, без чего неосуществимо восстановление разрушенных империализмом производительных сил и обеспечение благосостояния трудящихся; в-третьих, тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружилась уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме.

9. В области внутригосударственных отношений национальная политика Коминтерна не может ограничиться тем голым, формальным, чисто декларативным и практически ни к чему не обязывающим признанием равноправия наций, которым ограничиваются буржуазные демократы — все равно, признающие ли себя откровенно таковыми или прикрывающиеся названием социалистов, каковы социалисты II Интернационала.

Не только во всей пропаганде и агитации коммунистических партий — и с парламентской трибуны и вне ее — должны быть неуклонно разоблачаемы постоянные нарушения равноправия наций и гарантий прав национальных меньшинств во всех капиталистических государствах, вопреки их «демократическим» конституциям, но необходимо также, во-первых, постоянное разъяснение, что только советский строй в состоянии дать на деле равноправие наций, объединяя сначала пролетариев, затем всю массу трудящихся в борьбе с буржуазией; во-вторых, необходима прямая помощь всех коммунистических партий революционным движениям в зависимых или неравноправных нациях (напр., в Ирландии, среди негров Америки и т. п.) и в колониях.

Без этого последнего, особенно важного, условия борьба против угнетения зависимых наций и колоний, а равно признание их права на государственное отделение остаются

лживой вывеской, как это мы видим у партий II Интернационала.

10. Признание интернационализма на словах и подмена его на деле, во всей пропаганде, агитации и практической работе, мещанским национализмом и пацифизмом составляет самое обычное явление не только среди партий II Интернационала, но и тех, кои вышли из этого Интернационала, и даже нередко среди тех, кои называют себя теперь коммунистическими. Борьба с этим злом, с наиболее закоренелыми мелкобуржуазными-национальными предрассудками, тем более выдвигается на первый план, чем злободневнее ставится задача превращения диктатуры пролетариата из национальной (т. е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т. е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику). Мелкобуржуазный национализм объявляет интернационализмом признание равноправия наций и только, сохраняя (не говоря уже о чисто словесном характере такого признания) неприкосновенным национальный эгоизм, между тем как пролетарский интернационализм требует, во-первых, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; во-вторых, требует способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала.

Таким образом в государствах, уже вполне капиталистических, имеющих рабочие партии, действительно являющиеся авангардом пролетариата, борьба с оппортунистическими и мещански-пацифистскими извращениями понятия и политики интернационализма является первой и важнейшей задачей.

11. По отношению к государствам и нациям более отсталым, с преобладанием феодальных или патриархальных и патриархально-крестьянских отношений, надо в особенности иметь в виду:

во-1-х, необходимость помощи всех коммунистических партий буржуазно-демократическому освободительному движению в этих странах; в первую голову обязанность оказывать самую активную помощь ложится на рабочих

той страны, от которой отсталая нация зависит в колониальном или финансовом отношениях;

во-2-х, необходимость борьбы с духовенством и прочими реакционными и средневековыми элементами, имеющими влияние в отсталых странах;

в-3-х, необходимость борьбы с панисламизмом и подобными течениями, пытающимися соединить освободительное движение против европейского и американского империализма с укреплением позиции ханов, помещиков, мулл и т. п.;

в-4-х, необходимость поддерживать специально крестьянское движение в отсталых странах против помещиков, против крупного землевладения, против всяких проявлений или остатков феодализма, и стараться придать крестьянскому движению наиболее революционный характер, осуществляя возможно более тесный союз западноевропейского коммунистического пролетариата с революционным движением крестьян на востоке, в колониях и отсталых странах вообще; в особенности необходимо направить все усилия, чтобы приложить основные начала советского строя к странам с господством докапиталистических отношений, путем создания «Советов трудящихся» и т. п.;

в-5-х, необходимость решительной борьбы с перекрашиванием буржуазно-демократических освободительных течений в отсталых странах в цвет коммунизма; Коммунистический Интернационал должен поддерживать буржуазно-демократические национальные движения в колониях и отсталых странах лишь на том условии, чтобы элементы будущих пролетарских партий, коммунистических не только по названию, во всех отсталых странах были группируемы и воспитываемы в сознании своих особых задач, задач борьбы с буржуазно-демократическими движениями внутри их нации; Коммунистический Интернационал должен идти во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней и безусловно охранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме;

в-6-х, необходимость неуклонного разъяснения и разоблачения перед самыми широкими трудящимися массами всех, особенно же отсталых, стран того обмана, который систематически проводят империалистские державы, под

видом создания политически независимых государств создающие вполне зависимые от них в экономическом, финансовом, военном отношениях государства; в современной международной обстановке кроме союза советских республик нет спасения зависимым и слабым нациям.

12. Вековое угнетение колониальных и слабых народностей империалистскими державами оставило в трудящихся массах угнетенных стран не только озлобление, но и недоверие к угнетающим нациям вообще, в том числе и к пролетариату этих наций. Подлое предательство социализма большинством официальных вождей этого пролетариата в 1914—1919 годах, когда «защитой отечества» социал-шовинистски прикрывалась защита «права» «своей» буржуазии на угнетение колоний и ограбление финансово-зависимых стран, не могло не усилить этого, вполне законного, недоверия. С другой стороны, чем более отсталой является страна, тем сильнее в ней мелкое земледельческое производство, патриархальность и захолустность, неминуемо ведущие к особой силе и устойчивости самых глубоких из мелкобуржуазных предрассудков, именно: предрассудков национального эгоизма, национальной ограниченности. Так как эти предрассудки могут исчезнуть лишь после исчезновения империализма и капитализма в передовых странах и после радикального изменения всей основы экономической жизни отсталых стран, то вымирание этих предрассудков не может не быть очень медленным. Отсюда обязательность для сознательного коммунистического пролетариата всех стран относиться с особенной осторожностью и с особым вниманием к пережиткам национальных чувств в наиболее долго угнетавшихся странах и народностях, равным образом обязательность идти на известные уступки в целях более быстрого изживания указанного недоверия и указанных предрассудков. Без добровольного стремления к союзу и единству со стороны пролетариата, а затем и всех трудящихся масс всех стран и наций всего мира, дело победы над капитализмом не может быть успешно завершено.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НАБРОСОК ТЕЗИСОВ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ

(ДЛЯ ВТОРОГО СЪЕЗДА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА)

Тов. Мархлевский в своей статье превосходно развил причины, почему Второй, ставший ныне желтым, Интернационал не мог не только определить тактики революционного пролетариата в аграрном вопросе, но даже не мог поставить этого вопроса как следует. Затем тов. Мархлевский дал теоретические основы коммунистической аграрной программы III Интернационала.

На этих основах может (и, мне кажется, должна) быть выработана общая резолюция предстоящего 15. VII. 1920 г. съезда Коминтерна по аграрному вопросу.

Нижеследующее является первоначальным наброском такой резолюции.

1. Только городской и промышленный пролетариат, руководимый коммунистической партией, может избавить трудящиеся массы деревни от гнета капитала и крупного помещичьего землевладения, от разрухи и от империалистских войн, неизбежных снова и снова при сохранении капиталистического строя. Трудящимся массам деревни нет спасения иначе, как в союзе с коммунистическим пролетариатом, в беззаветной поддержке его революционной борьбы за свержение ига помещиков (крупных землевладельцев) и буржуазии.

С другой стороны, промышленные рабочие не могут выполнить своей всемирно-исторической миссии освобождения человечества от гнета капитала и от войн, если эти рабочие будут замыкаться в узко-цеховые, узко-профессиональные интересы и самодовольно ограничиваться хлопотами об улучшении своего иногда сносно-мещанского положения. Именно так бывает во многих передовых

странах с «рабочей аристократией», которая является основой якобы социалистических партий II Интернационала, представляя на деле злейших врагов социализма, предателей его, мещанских шовинистов, агентов буржуазии внутри рабочего движения. Действительно революционным, действительно социалистически действующим классом пролетариат является лишь при условии, что он выступает и поступает, как авангард всех трудящихся и эксплуатируемых, как вождь их в борьбе за свержение эксплуататоров, а это невыполнимо без внесения классовой борьбы в деревню, без объединения трудящихся масс деревни вокруг коммунистической партии городского пролетариата, без воспитания первых последним.

2. Трудящиеся и эксплуатируемые массы в деревне, которые должен повести на борьбу или во всяком случае привлечь на свою сторону городской пролетариат, представлены во всех капиталистических странах следующими классами:

Во-1-х, сельскохозяйственным пролетариатом, наемными рабочими (годовыми, сроковыми, подневными), снискивающими себе средства к жизни работой по найму в капиталистических сельскохозяйственных предприятиях. Самостоятельная, отдельная от других групп сельского населения, организация этого класса (и политическая, и военная, и профессиональная, и кооперативная, и культурно-просветительная и т. д.), усиленная пропаганда и агитация среди него, привлечение его на сторону Советской власти и диктатуры пролетариата является *основной* задачей коммунистических партий во всех странах.

Во-2-х, полупролетариями или парцелльными крестьянами, т. е. теми, кто снискивает себе средства к жизни частью наемной работой в сельскохозяйственных и промышленных капиталистических предприятиях, частью — трудясь на собственном или арендуемом клочке земли, дающем лишь некоторую долю продуктов питания для его семьи. Эта группа сельского трудящегося населения весьма многочисленна во всех капиталистических странах, ее существование и ее особое положение затуманивают представители буржуазии и желтые, принадлежащие ко II Интернационалу, «социалисты», частью сознательно обманывая рабочих, частью поддаваясь слепо рутине обывательских воззрений и смешивая ее с общей

массой «крестьянства» вообще. Такой прием буржуазного одурачивания рабочих наиболее замечается в Германии и во Франции, затем в Америке и других странах. При правильной постановке работы коммунистической партией, эта группа явится обеспеченной сторонницей ее, ибо положение таких полупролетариев очень тяжело, и выигрыш для них от Советской власти и от диктатуры пролетариата гигантский и немедленный.

В-3-х, мелкое крестьянство, т. е. мелкие земледельцы, владеющие, на праве собственности или аренды, такими небольшими участками земли, что, покрывая потребности своей семьи и своего хозяйства, они не прибегают к найму чужой рабочей силы. Этот слой, как слой, безусловно выигрывает от победы пролетариата, которая дает ему сразу и полностью: (а) избавление от платежа арендной платы или полной доли урожая (напр., *métayers*, *издольщики*, во Франции, тоже в Италии и пр.) крупным землевладельцам; (б) избавление от ипотечных долгов; (в) избавление от многообразных форм гнета и зависимости от крупных землевладельцев (лесные угодья и пользование ими и т. п.); (г) немедленную помощь в их хозяйстве со стороны пролетарской государственной власти (доступность пользования сельскохозяйственными орудиями и частью постройками на экспроприруемых пролетариатом крупных капиталистических хозяйствах, немедленное превращение государственной пролетарской властью сельских кооперативов и сельскохозяйственных товариществ из таких организаций, которые больше всего служили при капитализме богатым и средним крестьянам, в такие, которые будут оказывать помощь в первую голову бедноте, т. е. пролетариям, полупролетариям и мелким крестьянам и т. п.) и мн. др.

В то же время коммунистическая партия должна ясно сознавать, что в переходный период от капитализма к коммунизму, т. е. во время диктатуры пролетариата, среди этого слоя неизбежны, по крайней мере отчасти, колебания в сторону ничем не ограниченной свободы торговли и свободы использования прав частной собственности, ибо этот слой, являясь уже (хотя и в небольшой мере) продавцом предметов потребления, развращен спекуляцией и собственническими привычками. Однако при твердой пролетарской политике, при вполне решительной

расправе победившего пролетариата с крупными землевладельцами и крупными крестьянами, колебания данного слоя не могут быть значительны и не способны изменить того факта, что в общем и целом он будет на стороне пролетарского переворота.

3. Взятые вместе, три указанные выше группы деревенского населения составляют во всех капиталистических странах большинство его. Поэтому успех пролетарского переворота не только в городах, но и в деревне обеспечен полностью. Обратное мнение является широко распространенным, но держится лишь, во-первых, систематическим обманом буржуазной науки и статистики, всеми средствами затушевывающими глубокую пропасть между указанными классами в деревне и эксплуататорами, помещиками и капиталистами, а равно между полупролетариями и мелкими крестьянами, с одной стороны, и крупными крестьянами, с другой; во-вторых, оно держится в силу неумения и нежелания героев желтого, Второго, Интернационала и развращенной империалистскими привилегиями «рабочей аристократии» передовых стран вести действительно пролетарски-революционную работу пропаганды, агитации, организации среди деревенской бедноты; все внимание оппортунистов обращалось и обращается на придумывание теоретического и практического соглашения с буржуазией, в том числе с крупным и средним крестьянством (о них смотри ниже), а не на революционное свержение пролетариатом буржуазного правительства и буржуазии; в-третьих, оно держится в силу упорного, обладающего уже прочностью предрассудка (связанного со всеми буржуазно-демократическими и парламентскими предрассудками), непонимания той истины, которая вполне доказана теоретически марксизмом и вполне подтверждена опытом пролетарской революции в России, именно: что неслыханно забитое, раздробленное, придавленное, осужденное во всех, самых передовых, странах на полуварварские условия жизни, сельское население всех трех указанных выше категорий, будучи экономически, социально, культурно заинтересовано в победе социализма, способно решительно поддерживать революционный пролетариат лишь *после* завоевания им политической власти, лишь *после* решительной расправы его с крупными землевладельцами и капитали-

стами, лишь *после того*, как эти задавленные люди увидят *на практике*, что у них есть организованный вождь и защитник, достаточно могучий и твердый для помощи и руководства, для указания верного пути.

4. Под «средним крестьянством» в экономическом смысле следует понимать мелких земледельцев, которые владеют, на праве собственности или аренды, тоже небольшими участками земли, но все же такими, которые, во-1-х, дают при капитализме, по общему правилу, не только скудное водержание семьи хозяйства, но и возможность получать известный излишек, способный, по крайней мере в лучшие годы, превращаться в капитал, и которые, во-2-х, прибегают довольно часто (например, в одном хозяйстве из двух или из трех) к найму чужой рабочей силы. Конкретным примером среднего крестьянства в персидской капиталистической стране может служить в Германии, по переписи 1907 года, группа с хозяйством от 5 до 10 гектаров, в которой число нанятых сельскохозяйственных наемных рабочих составляет около трети всего числа хозяйств этой группы*. Во Франции, где более развиты специальные культуры, например, виноградарство, требующие особенно большого приложения труда к земле, соответствующая группа, вероятно, еще несколько в более широких размерах пользуется чужой наемной рабочей силой.

Революционный пролетариат не может ставить своей задачей, — по крайней мере для ближайшего будущего и для начала периода диктатуры пролетариата, — привлечь этот слой на свою сторону, а должен ограничиться задачей нейтрализовать его, т. е. сделать нейтральным в борьбе между пролетариатом и буржуазией. Колебания этого слоя между той и другой силой неизбежны, и в начале новой эпохи преобладающая его тенденция, в развитых капиталистических странах, будет за буржуазию. Ибо миросозерцание и настроения собственников здесь преобладают; заинтересованность в спекуляции, в «свободе» торговли и собственности, непосредственная; антагонизм к наемным рабочим прямой. Победивший пролетариат

* Вот точные цифры: число хозяйств с 5—10 гект. — 652 798 (из 5 736 082); у них наемных рабочих всякого рода 487 704 при 2 003 633 семейных рабочих (Familienangehörige). В Австрии по переписи 1902 г. в этой группе было 383 331 хозяйство, из них 126 136 с употреблением наемного труда; наемных рабочих 148 044, семейных — 1265 969. Все число хозяйств в Австрии 2 856 349.

даст ему непосредственное улучшение его положения, уничтожая арендную плату и ипотеки. Немедленную полную отмену частной собственности пролетарская власть в большинстве капиталистических государств отнюдь не должна производить, и во всяком случае она гарантирует и мелкому и среднему крестьянству не только сохранение за ними их земельных участков, но и увеличение их на всю обычно арендуемую ими площадь (отмена арендной платы).

Соединение мер этого рода с беспощадной борьбой против буржуазии вполне гарантирует успех политики нейтрализации. Переход к коллективному земледелию пролетарская государственная власть должна осуществлять лишь с громадной осторожностью и постепенностью, силой примера, без всякого насилия над средним крестьянством.

5. Крупным крестьянством («Grossbauern») являются капиталистические предприниматели в земледелии, хозяйничающие по общему правилу с несколькими наемными рабочими, связанные с «крестьянством» лишь невысоким культурным уровнем, обиходом жизни, личной физической работой в своем хозяйстве. Это — самый многочисленный из буржуазных слоев, являющихся прямыми и решительными врагами революционного пролетариата. На борьбу с этим слоем, на освобождение трудящегося и эксплуатируемого большинства сельского населения из-под идейного и политического влияния этих эксплуататоров и т. п. должно быть обращено главное внимание во всей работе коммунистических партий в деревне.

После победы пролетариата в городах совершенно неизбежны со стороны этого слоя всевозможные проявления сопротивления, саботажа и прямые вооруженные выступления контрреволюционного характера. Поэтому революционный пролетариат немедленно должен начать идейную и организационную подготовку необходимых сил для того, чтобы поголовно разоружить этот слой и, наряду с свержением капиталистов в промышленности, нанести ему при первом же проявлении сопротивления самый решительный, беспощадный, уничтожающий удар, вооружая для этого сельский пролетариат и организуя в деревне Советы, в коих эксплуататорам не может быть места, а преобладание должно быть обеспечено за пролетариями и полупролетариями.

Однако экспроприация даже крупных крестьян никоим образом не может быть непосредственной задачей победившего пролетариата, ибо для обобществления таковых хозяйств нет еще налицо материальных, в частности технических, а затем и социальных условий. В отдельных, вероятно исключительных, случаях, будут конфискованы те части их земельных участков, которые сдаются в мелкую аренду или являются особо необходимыми для окружающего мелкокрестьянского населения; этому последнему следует также гарантировать бесплатное пользование, на известных условиях, частью сельскохозяйственных машин крупного крестьянина и т. п. По общему же правилу пролетарская государственная власть должна сохранить за крупными крестьянами их земли, конфискуя их лишь в случае сопротивления власти трудящихся и эксплуатируемых. Опыт российской пролетарской революции, в которой борьба против крупного крестьянства усложнилась и затянулась в силу ряда особых условий, показал все же, что, получив хороший урок за малейшие попытки сопротивления, этот слой способен лояльно выполнять задания пролетарского государства и начинает даже проникаться, хотя и с чрезвычайной медленностью, уважением к власти, защищающей всякого труженика и беспощадной к туеядцам-богачам.

Особые условия, усложнившие и замедлившие борьбу победившего буржуазию пролетариата с крупным крестьянством в России, сводятся главным образом к тому, что русская революция после переворота 25. X (7. XI) 1917 г. проходила через стадию «общедемократической», т. е. в основе своей буржуазно-демократической, борьбы всего крестьянства в целом против помещиков; затем — к культурной и численной слабости городского пролетариата; наконец — к громадным расстояниям и крайне плохим путям сообщения. Поскольку в передовых странах нет этих задерживающих условий, постольку революционный пролетариат Европы и Америки должен энергичнее подготовить и гораздо быстрее, гораздо решительнее, гораздо успешнее завершить полную победу над сопротивлением крупного крестьянства, полное отнятие у него малейшей возможности сопротивляться. Это настоятельно необходимо, ибо до такой полной и полнейшей победы массы деревенских пролетариев, полупролетариев

и мелких крестьян не в состоянии признать вполне устойчивую пролетарскую государственную власть.

6. Немедленной и безусловной конфискации должен революционный пролетариат подвергнуть все земли помещиков, крупных землевладельцев, т. е. тех лиц, которые в капиталистических странах прибегают, непосредственно или через своих фермеров, к систематической эксплуатации наемной рабочей силы и окрестного мелкого (частью нередко и среднего) крестьянства, не принимают никакого участия в физическом труде, принадлежат большей частью к потомкам феодалов (дворяне в России, Германии, Венгрии, реставрированные сеньоры во Франции, лорды в Англии, бывшие рабовладельцы в Америке) или к особо разбогатевшим финансовым магнатам, или к помеси обеих этих категорий эксплуататоров и тунеядцев.

Никким образом не допустима, в рядах коммунистических партий, пропаганда или проведение вознаграждения крупных землевладельцев за экспроприруемые у них земли, ибо в современных условиях Европы и Америки это означало бы измену социализму и возложение новой дань на трудящиеся и эксплуатируемые массы, пострадавшие больше всего от войны, которая умножила число миллионеров и обогатила их.

Что касается до вопроса о способе хозяйства на земле, конфискованной победоносным пролетариатом у крупных землевладельцев, то в России, в силу ее экономической отсталости, преобладал раздел этих земель в пользование крестьянства и лишь сравнительно редким исключением было сохранение т. наз. «советских хозяйств», которые ведет за свой счет пролетарское государство, превращая бывших наемных рабочих в работающих по поручению государства и в членов Советов, управляющих государством. Для передовых капиталистических стран Коммунистический Интернационал признает правильным *преимущественное* сохранение крупных сельскохозяйственных предприятий и ведение их по типу «советских хозяйств» в России.

Было бы однако величайшей ошибкой преувеличить или шаблонизировать это правило и никогда не допускать даровой передачи *части* земель экспроприированных эксплуататоров окрестному мелкому, а иногда и среднему крестьянству.

Во-1-х, обычное возражение против этого, состоящее в указании на техническое превосходство крупного земледелия, нередко сводится к подмене бесспорной теоретической истины злейшим оппортунизмом и предательством революции. Ради успеха этой революции пролетариат не вправе останавливаться перед временным понижением производства, как не остановились буржуазные враги рабовладения в Сев. Америке перед временным понижением хлопкового производства вследствие гражданской войны 1863—1865 гг. Для буржуа важно производство ради производства, для трудящегося и эксплуатируемого населения важнее всего свержение эксплуататоров и обеспечение условий, позволяющих труженикам работать на себя, а не на капиталиста. Обеспечение пролетарской победы и ее устойчивости есть первая и основная задача пролетариата. А устойчивости пролетарской власти быть не может без нейтрализации среднего крестьянства и обеспечения поддержки весьма значительной доли, если не всего, мелкого крестьянства.

Во-2-х, не только повышение, но даже сохранение крупного производства в земледелии предполагает вполне развитого, революционно сознательного, прошедшего солидную профессионально- и политически-организационную школу сельского пролетария. Где еще нет этого условия или где нет возможности целесообразно поручить дело сознательным и компетентным промышленным рабочим, там попытки скороспелого перехода к государственному ведению крупных хозяйств могут лишь скомпрометировать пролетарскую власть, там обязательна сугубая осторожность и солиднейшая подготовка при создании «советских хозяйств».

Во-3-х, во всех капиталистических странах, даже наиболее передовых, сохранились еще остатки средневековой, полубарщинной эксплуатации окрестных мелких крестьян крупными землевладельцами, напр. *Instleute** в Германии, *métayers*** во Франции, издольщики-арендаторы в Соед. Штатах (не только негры, кои в большинстве случаев эксплуатируются на юге С. Штатов именно таким образом, но иногда и белые). В подобных случаях обязательна со стороны пролетарского государства передача

* — арендаторы, съемщики. *Ред.*

** — издольщики. *Ред.*

арендуемых мелкими крестьянами земель в бесплатное пользование бывшим арендаторам, ибо нет другой экономической и технической основы и нельзя ее создать сразу.

Инвентарь крупных хозяйств должен быть обязательно конфискован и превращен в общегосударственную собственность, с тем неперенным условием, чтобы *после* обеспечения этим инвентарем крупных государственных хозяйств окрестные мелкие крестьяне могли пользоваться им бесплатно, с соблюдением выработанных пролетарским государством условий.

Если в первое время после пролетарского переворота является безусловно необходимой не только немедленная конфискация имений крупных землевладельцев, по и поголовное изгнание их или интернирование, как вождей контрреволюции и беспощадных угнетателей всего сельского населения, то по мере упрочения не только в городе, но и в деревне пролетарской власти обязательно систематически стремиться к тому, чтобы имеющиеся в этом классе силы, обладающие ценным опытом, знаниями, организаторскими способностями, были использованы (под особым контролем надежнейших коммунистов рабочих) для создания крупного социалистического земледелия.

7. Победу социализма над капитализмом, упрочение социализма можно считать обеспеченными лишь тогда, когда пролетарская государственная власть, окончательно подавив всякое сопротивление эксплуататоров и обеспечив себе совершенную устойчивость и полное подчинение, реорганизует всю промышленность на началах крупного коллективного производства и новейшей (на электрификации всего хозяйства основанной) технической базы. Только это даст возможность такой радикальной помощи, технической и социальной, оказываемой городом отсталой и распыленной деревне, чтобы эта помощь создала материальную основу для громадного повышения производительности земледельческого и вообще сельскохозяйственного труда, побуждая тем мелких земледельцев силой примера и ради их собственной выгоды переходить к крупному, коллективному, машинному земледелию. Эта бесспорная теоретическая истина, номинально признаваемая всеми социалистами, на деле извращается оппортунизмом, господствующим и в желтом, Втором,

Интернационале и среди вождей немецких и английских «независимцев», а равно французских лонгетистов и т. д. Извращение состоит в том, что внимание переносится на сравнительно далекое, прекрасное и розовое будущее, внимание отвлекается от ближайших задач трудного конкретного перехода и подхода к этому будущему. На практике это сводится к проповеди соглашательства с буржуазией и «социального мира», т. е. к полной измене пролетариату, который борется теперь в условиях неслыханного разорения и обнищания, всюду созданных войной, в условиях неслыханного обогащения и обнагления кучки миллионеров именно благодаря войне.

Именно в деревне действительная возможность успешной борьбы за социализм требует, во-1-х, чтобы все коммунистические партии воспитывали в промышленном пролетариате сознание необходимости жертв с его стороны и готовности идти на жертвы ради свержения буржуазии и упрочения пролетарской власти, ибо диктатура пролетариата означает как умение пролетариата организовать и повести за собой все трудящиеся и эксплуатируемые массы, так и умение авангарда идти для этой цели на максимальные жертвы и героизм; во-2-х, для успеха требуется, чтобы трудящаяся и наиболее эксплуатируемая масса в деревне получила от победы рабочих немедленное и крупное улучшение своего положения насчет эксплуататоров, ибо без этого поддержка деревни не обеспечена за промышленным пролетариатом, в частности, он не сможет иначе обеспечить снабжение городов продовольствием.

8. Громадная трудность организации и воспитания к революционной борьбе сельскохозяйственных трудящихся масс, поставленных капитализмом в условия особой забитости, распыленности, часто полусредневековой зависимости, требует от коммунистических партий особого внимания к стачечной борьбе в деревне, усиленной поддержки и всестороннего развития массовых стачек сельскохозяйственных пролетариев и полупролетариев. Опыт русских революций 1905 и 1917 годов, подтвержденный и расширенный теперь опытом Германии и других передовых стран, показывает, что только развивающаяся массовая стачечная борьба (в которую, при известных условиях, могут и должны быть втягиваемы в деревне и мелкие крестьяне) способна разбить деревенскую спячку,

пробудить классовое сознание и сознание необходимости классовой организации у эксплуатируемых масс в деревне, обнаружить перед ними наглядно и практически значение их союза с городскими рабочими.

Съезд Коммунистического Интернационала клеймит, как предателей и изменников, тех социалистов, — имеющих, к сожалению, не только в желтом, Втором, Интернационале, но и среди вышедших из этого Интернационала трех особенно важных в Европе партий, — которые способны не только равнодушно относиться к стачечной борьбе в деревне, но и выступать против нее (подобно К. Каутскому) с точки зрения опасности уменьшения производства продуктов потребления. Никакие программы и торжественнейшие заявления не имеют никакой цены, если нет на практике, делами доказанного факта, что коммунисты и рабочие вожди умеют ставить выше всего на свете развитие революции пролетариата и победу ее, умеют идти на самые тяжелые жертвы ради нее, ибо иначе нет выхода и спасения от голода, разрухи и новых империалистских войн.

В частности необходимо указать, что вожди старого социализма и представители «рабочей аристократии», которые теперь часто делают словесные уступки коммунизму или даже переходят номинально на его сторону ради сохранения своего престижа среди быстро революционизирующихся рабочих масс, должны быть испытываемы в своей преданности делу пролетариата и способности занимать ответственные должности именно на такой работе, где развитие революционного сознания и революционной борьбы идет всего резче, где сопротивление землевладельцев и буржуазии (крупных крестьян, кулаков) всего более ожесточено, где различие между социалистом-соглашателем и коммунистом-революционером проявляется всего нагляднее.

9. Коммунистические партии должны приложить все усилия, чтобы возможно скорее перейти к основанию в деревнях Советов депутатов, в первую голову — от наемных рабочих и полупролетариев. Только будучи связаны с массовой стачечной борьбой и с наиболее угнетенным классом, Советы в состоянии выполнить свое назначение и упрочиться настолько, чтобы подчинить своему влиянию (а затем включить в свой состав) мелких крестьян.

Если же стачечная борьба еще не развита и способность к организации сельскохозяйственного пролетариата слаба как в силу тяжести гнета землевладельцев и крупных крестьян, так и в силу отсутствия поддержки со стороны промышленных рабочих и их союзов, то образование совдепов в деревне требует длительной подготовки посредством создания хотя бы небольших коммунистических ячеек, усиленной агитации, излагающей требования коммунизма наиболее популярно, разъясняющей их на примере выдающихся проявлений эксплуатации и гнета, устройства систематических поездок промышленных рабочих в деревню и т. п.

Написано в начале июня 1920 г.

Опубликовано в июле 1920 г.

Печатается по рукописи

«КОММУНИЗМ»

«ЖУРНАЛ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА ДЛЯ СТРАН
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ» (НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ). ВЕНА,
ТЕТРАДИ 1/2, ОТ 1 ФЕВР. 1920 ДО 15-ОЙ, ОТ 8 МАЯ 1920

Прекрасный журнал, издаваемый в Вене под указанным заглавием, дает очень много интереснейшего материала о росте коммунистического движения в Австрии, Польше и других странах, наряду с хроникой интернационального движения и статьями о Венгрии, Германии, об общих задачах и тактике и т. д. Один недостаток, который сразу бросается в глаза при беглом уже просмотре, нельзя пройти мимо. Это — несомненные признаки той «детской болезни левизны в коммунизме», которою журнал страдает и которой я посвятил только что вышедшую в Петрограде небольшую брошюру.

Три признака этой болезни в прекрасном журнале «Коммунизм» хотелось бы мне отметить вкратце тотчас же. В № 6 (1. III. 1920) помещена статья тов. Г. Л.³⁰: «К вопросу о парламентаризме», которую редакция называет дискуссионной и от которой прямо отрекается (к счастью), т. е. заявляет свое несогласие с ней, тов. Б. К.³¹, автор статьи: «К вопросу о проведении парламентского бойкота» (№ 18 от 8. V. 1920).

Статья Г. Л. очень левая и очень плохая. Марксизм в ней чисто словесный; различие «оборонительной» и «наступательной» тактики выдуманное; конкретного анализа точно определенных исторических ситуаций нет; самое существенное (необходимость завоевать и научиться завоевывать все области работы и учреждения, где проявляет свое влияние на массы буржуазия, и т. д.) не принято во внимание.

В № 14 (17. IV. 1920) т. Б. К. в статье «События в Германии» критикует то заявление Цека Ком. партии Германии, от 21. III. 1920, которое я тоже критикую в названной выше брошюре. Но характер нашей критики в корне **различный**. Тов. Б. К. критикует на основании цитат из Маркса, относящихся к непохожей на данную ситуацию, отрицает полностью тактику Цека Коммунистической партии Германии и совершенно обходит самое главное. Обходит то, в чем самая суть, в чем живая душа марксизма: конкретный анализ конкретной ситуации. Если большинство городских рабочих отошло от шейдемановцев к каутскианцам и внутри каутскианской («независимой» от правильной революционной тактики) партии продолжает отходить от ее правого крыла к левому, т. е. фактически к коммунизму, если дела обстоят так, позволительно ли отмахиваться от задачи учета переходных, компромиссных мер по отношению к *таким рабочим?* Позволительно ли не учитывать, замалчивать опыт большевиков, которые в апреле и мае 1917 года проводили по сути дела именно политику компромисса, когда они заявляли: просто свергнуть Временное правительство (Львова, Миллюкова, Керенского и пр.) нельзя, ибо за них еще стоят рабочие в Советах, надо сначала добиться *изменения взглядов* большинства или значительной части этих рабочих?

Мне думается, не позволительно.

Наконец, названная выше статья тов. Б. К. в № 18 «Коммунизма» особенно ярко, наглядно, удачно вскрывает его ошибку, состоящую в сочувствии тактике бойкота парламентов в современной Европе. Ибо автор, отгораживаясь от «синдикалистского бойкота», от «пассивного» бойкота и выдумывая особый «активный» (ух, как «лево»!..) бойкот, показывает этим удивительно отчетливо всю глубину ошибок своего рассуждения.

«Активный бойкот означает, — пишет автор — что коммунистическая партия не удовлетворяется распространением лозунга против участия в выборах, а развертывает в интересах проведения бойкота столь же широкую революционную агитацию, как если бы она участвовала в выборах и как если бы ее агитация и акция (работа, деятельность, действие, борьба) были рассчитаны на приобретение возможно большего числа пролетарских голосов» (стр. 552).

Это — перл. Это убьет антипарламентарев лучше всякой критики. Выдумать «активный» бойкот, «как если бы»

мы участвовали в выборах!! Масса темных и полутемных рабочих и крестьян участвует в выборах всерьез, ибо они еще верят в буржуазно-демократические предрассудки, они еще в плену у этих предрассудков. А мы вместо того, чтобы помочь темным (хотя иногда и «высококультурным») мешанам изжить свои предрассудки на собственном опыте, будем чураться участия в парламенте, будем забавляться *выдумкой* тактики, в которой нет житейской, буржуазной скверны!!

Браво, браво, товарищ Б. К.! Своей защитой антипарламентаризма вы поможете убить эту глупость скорее, чем я своей критикой.

Н. Ленин

12/VI. 1920.

Опубликовано в 1920 г.

Печатается по рукописи

**РЕЧЬ НА 2-м ВСЕРОССИЙСКОМ СОВЕЩАНИИ
ОТВЕТСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАТОРОВ
ПО РАБОТЕ В ДЕРЕВНЕ
12 ИЮНЯ 1920 г.³²**

Товарищи, я очень рад, что могу приветствовать вас, собравшихся на совещание по вопросам о работе в деревне. Вы мне позволите сначала вкратце остановиться на международном положении Советской республики и наших задачах в связи с этим, а затем сказать несколько слов относительно того, какие задачи в деревне выдвигаются сейчас, на мой взгляд, в особенности на первое место перед партийными работниками.

Что касается международного положения республики, то вы, конечно, очень осведомлены относительно основных фактов, касающихся польского наступления. За границей распространяется неслыханное количество лжи по этому вопросу, благодаря так называемой свободе печати, которая состоит в том, что все главные органы печати за границей скуплены капиталистами и заполнены на 99 процентов статьями продажных писаков. Это у них называется свободой печати, и благодаря этому нет той лжи, которая не была бы распространена. В частности относительно польского наступления дело изображается так, что большевики предъявили Польше неисполнимые требования и начали наступление, тогда как вы все прекрасно знаете, что мы вполне соглашались даже на те необъятные границы, которые до начала наступления были поляками заняты. Мы ставили сохранение жизни наших красноармейцев выше войны из-за Белоруссии и Литвы, которые поляками были захвачены. Мы самым торжественным образом не только от имени Совнаркома, но и в специальном манифесте от ВЦИК³³, от нашего высшего учреждения Советской республики, заявили

*

польскому правительству, буржуазному помещичьему правительству, независимо от нашего обращения к польским рабочим и крестьянам, что мы предлагаем мирные переговоры на основе того фронта, который тогда был, т. е. того фронта, который Литву и Белоруссию, непольские земли, оставлял полякам; мы были уверены и продолжаем сейчас быть уверены, что польским помещикам и капиталистам чужих земель не удержать и что путем даже самого невыгодного для нас мира мы выиграем больше, сберегая жизнь наших красноармейцев, ибо мы от каждого месяца мира усиливаемся в десятки раз, а всякое иное правительство, в том числе буржуазное правительство Польши, от каждого месяца мира разлагается все больше и больше. Несмотря на то, что наши предложения в области мира шли чрезвычайно далеко, несмотря на то, что некоторые из очень торопливых и по части языка в высокой мере революционных революционеров называли даже наши предложения толстовскими, хотя на самом деле большевики, кажется, своей деятельностью достаточно доказали, что толстовщины в нас никто не найдет ни одного грамма, мы считали своим долгом перед таким делом, как война, доказать, что мы идем на максимально возможные уступки.

Мы шли на такие уступки, на которые ни одно правительство идти не может; мы давали Польше такую территорию, которую полезно сравнить с опубликованным, кажется вчера, документом, исходящим от верховного органа союзников, англичан, французов и других империалистов, и в этом документе полякам указываются восточные границы.

Эти господа капиталисты в Англии и Франции воображают, что они решают границы, но, слава богу, есть кое-кто, кто решает помимо них эти границы: рабочие и крестьяне научились сами определять эти границы.

Эти господа определяют польские границы, определяют так, что они идут несравненно дальше на запад, чем то, что предлагали мы. Этот акт, исходящий от союзников в Париже, наглядно показывает сделку, которая произошла между ними и Врангелем. Они уверяют, что идут на мир с Советской Россией, уверяют, что не поддерживают ни Польшу, ни Врангеля, а мы говорим, что это наглая ложь, которой они прикрываются, говоря,

что сейчас не дают оружия, а оно дается так, как давалось несколько месяцев тому назад. Сегодняшнее сообщение гласит, что взято большое богатство — взят вагон с новенькими английскими пулеметами; т. Троцкий сообщил, что на-днях взяты совсем новенькие французские патроны. Какие подтверждения нужны еще нам для доказательства того, что Польша работает при помощи английского и французского снаряжения, при помощи английских и французских патронов, что она работает на английские и французские деньги. Если они теперь заявляют, что границы Польши на востоке Польша будет решать сама, это прямая сделка с Врангелем, это всякий понимает. Ясно для всякого из всей обстановки, что польские помещики, польская буржуазия целиком воюет при помощи англичан и французов, но они нагло врут, точно так же, как они лгали, когда уверяли, что никакого Буллита не присылали, пока, наконец, он не приехал в Америку и не выступил и не опубликовал тех документов, которые собрал здесь.

Но эти господа, господа купцы-капиталисты из своей шкуры вылезти не могут. Это дело понятное. Иначе, как по-купечески, они рассуждать не могут, и, когда наша дипломатия выступает с приемами некупеческими, когда мы говорим, что для нас жизнь наших красноармейцев дороже громадного изменения в границах, они, рассуждая чисто по-купечески, конечно, этого не понимают. Когда мы Буллиту предлагали год тому назад договор, необыкновенно выгодный для них и необыкновенно невыгодный для нас, договор, по которому громадная территория оставалась за Деникиным и Колчаком, мы предлагали с уверенностью, что если бы мир был подписан, то белогвардейскому правительству никогда не удержаться.

Они с точки зрения купеческой не могли этого понять иначе, как признание нашей слабости. «Если большевики соглашаются на такой мир, значит они накануне издыхания», и вся буржуазная пресса полна восторгов, все дипломаты потирают руки, и миллионы фунтов стерлингов даются займы Колчаку, Деникину. Правда, золотом они не давали, а давали оружием по ростовщическим ценам, с полной уверенностью, что большевики справиться абсолютно не могут. Кончилось это тем, что Колчак, Деникин были разбиты наголову и их сотни миллионов

стерлингов полетели в трубу. И к нам теперь один за другим подходят поезда с великолепным английским снаряжением, часто встречаются русские красноармейцы целыми дивизиями, одетые в великолепную английскую одежду, а на-днях мне рассказывал один товарищ с Кавказа, что целая дивизия красноармейцев одета в итальянское берсалье. Я очень жалею, что не имею возможности показать вам на фотографическом снимке этих русских красноармейцев, одетых в берсалье. Я должен только все-таки сказать, что английское снаряжение кое на что годно и что русские красноармейцы благодарны английским купцам, которые их одели и которые по-купечески подходили к делу, которых большевики били, бьют и будут бить еще много раз. (Аплодисменты.)

То же самое мы видим с польским наступлением. Это образец того, как, если бог захочет наказать кого (конечно, если он существует), то лишает тех разума. Нет сомнения, что во главе Антанты стоят люди чрезвычайно умные, превосходные политики, и эти люди делают глупость за глупостью. Они поднимают страну за страной, давая нам возможность бить их поодиночке. Ведь если бы им удалось объединиться, — а у них Лига наций, у них нет ни одного клочка земли, где бы не простиралась их военная власть, казалось, кому легче объединить все враждебные силы и направить их против Советской власти. Но они не могут их объединить. Они идут в бой по частям. Они только грозят, хвастают, обманывают — полгода тому назад они объявили, что подняли 14 государств против Советской власти, что через столько-то месяцев они будут в Москве и Петрограде. А сегодня из Финляндии я получил брошюру-рассказ, воспоминания одного белого офицера о наступлении на Петроград, и еще раньше у меня тоже был получен протест-заявление нескольких русских кадетообразных членов северо-западного правительства, в котором говорится о том, как английские генералы приглашали их на заседание и при помощи переводчика, а иногда на прекрасном русском языке, предлагали им тут же, не сходя с места, составить правительство, конечно, русское, безусловно демократическое, в духе учредилки, и как им предлагали подписать то, что им будет предложено. И они, эти русские офицеры, будучи бешеными противниками большевиков, эти кадеты, как они были

возмущены этой неслыханной наглостью английских офицеров, которые предписывали им, которые командовали тоном урядника (а командовать умеет только русский) садиться и подписать то, что им будет дано, и дальше они рассказывают о том, как все это развалилось. Я жалею, что мы не имеем возможности распространить как можно шире эти документы, эти признания белогвардейских офицеров, наступавших на Петроград.

Почему это так происходит? Потому, что у них Лига наций — союз только на бумаге, а на деле это группа хищных зверей, которые только дерутся и несколько не доверяют друг другу.

На деле и сейчас они хвастаются, что вместе с Польшей будут наступать Латвия, Румыния и Финляндия, и мы из дипломатических переговоров видим с полной ясностью, что когда Польша начала наступать, то те державы, которые вели с нами мирные переговоры, изменили тон и выступили уже с заявлениями, иногда неслыханно наглými. Они рассуждают по-купечески, — от купца ничего много и ждать нельзя. Ему показалось, что сейчас есть шанс с Советской Россией разделаться, и он начинает задирать нос. Пускай себе. Мы это видели на других государствах, более значительных, и никакого внимания не обращали, потому что мы убедились, что все угрозы Финляндии, Румынии, Латвии и всех других буржуазных государств, целиком зависящих от Антанты, эти угрозы рассыпаются прахом. Польша заключила договор только с Петлюрой, генералом без армии, и этот договор вызвал еще большее ожесточение среди украинского населения, еще больший переход на сторону Советской России целого ряда полубуржуазных и совершенно буржуазных элементов, и потому получилось опять то, что вместо общего наступления — у них разрозненные действия одной Польши. И теперь мы видим уже, что, несмотря на то, что наши войска должны были потратить, разумеется, порядочно времени для передвижения, потому что они стояли дальше от границы, чем поляки, и мы нуждались в большем времени, чтобы подвезти наши войска, наши войска начали наступление и на-днях оказалось, что нашей конницей взят Житомир; последняя дорога, соединяющая Киев с польским фронтом, с юга и с севера уже перерезана нашими войсками, и Киев, значит, пропал для поляков

безнадежно; в то же время мы узнали, что Скульский подал в отставку, правительство Польши уже колеблется и мечется, и уже заявляет, что они предложат нам новые условия мира. Пожалуйста, господа помещики и капиталисты, мы от рассмотрения польских условий мира никогда не откажемся. Но мы видим, что у них правительство ведет войну, вопреки своей собственной буржуазии, что польская народная демократия, соответствующая нашим кадетам и октябристам, — самые озлобленные контрреволюционные помещики и буржуазия, — против войны, потому что они знают, что в такой войне победить нельзя, и что войну ведут польские авантюристы, эсеры, партия польских социалистов, люди, среди которых мы больше всего наблюдаем того, что наблюдаем у эсеров, а именно — революционных фраз, хвастовства, патриотизма, шовинизма, буффонады и пустышки самой полнейшей. Этих господ мы знаем. Когда они, зарвавшись в войне, теперь начинают пересаживаться в своем министерстве и говорят, что они нам предлагают мирные переговоры, мы скажем: пожалуйста, господа, попробуйте. Но мы рассчитываем только на польских рабочих и на польских крестьян; мы тоже будем говорить о мире, но не с вами, польские помещики и польские буржуа, а с польскими рабочими и крестьянами, и увидим, что из этих разговоров получится.

Товарищи, сейчас, несмотря на те успехи, которые мы одерживаем на польском фронте, положение все же такое, что мы должны напрячь все силы. Самое опасное в войне, которая начинается при таких условиях, как теперь война с Польшей, самое опасное, — это недооценить противника и успокоиться на том, что мы сильнее. Это самое опасное, что может вызвать поражение на войне, и это самая худшая черта российского характера, которая сказывается в хрупкости и дряблости. Важно не только начать, но нужно выдержать и устоять, а этого наш брат россиянин не умеет. И только длительной выучкой, пролетарской дисциплинированной борьбой против всякого шатания и колебания, только посредством такой выдержки можно довести российские трудящиеся массы, чтобы они от этой скверной привычки могли отделаться.

Мы били Колчака, Деникина и Юденича и прекрасно, а добить мы настолько не умели, что оставили Врангеля

в Крыму. Мы говорили: «ну, теперь уж мы сильнее!» — и поэтому целый ряд проявлений расхлябанности, неряшливости, а Врангель в это время получает помощь от Англии. Это делается через купцов и доказать это нельзя. Он на-днях высаживает десант и берет Мелитополь. Правда, мы его по последним сведениям отобрали назад, но мы и тут упустили его самым позорным образом именно потому, что мы были сильны. Потому, что Юденич, Колчак и Деникин были разбиты, российский человек начинает проявлять свою природу и идет отдыхать, и дело распускается; он губит потом десятки тысяч своих товарищей из-за этой своей неряшливости. Вот черта русского характера: когда ни одно дело до конца не доведено, он все же, не будучи подтягиваем из всех сил, сейчас же распускается. Надо бороться беспощаднейшим образом с этой чертой, ибо она несет гибель десятков тысяч лучших красноармейцев и крестьян и продолжение всех мучений голода. Поэтому по отношению к войне, которая навязана нам, несмотря на то, что мы сильнее поляков, нашим лозунгом должно быть — подтягивание всякой распушенности. Раз война оказалась неизбежной — все для войны, и малейшая распушенность и недостаток энергии должны быть караемы по законам военного времени. Война есть война, и никто в тылу или на каких угодно мирных занятиях не смеет уклониться от этой обязанности.

Должен быть лозунг — все для войны! Без этого мы не справимся с польской шляхтой и буржуазией; необходимо, чтобы покончить с войной, отучить раз навсегда последнюю из соседних держав, которая смеет еще играть с этим. Мы должны отучить их так, чтобы они детям, внукам и правнукам своим заказали этой штуки не делать (а п л о д и с м е н т ы), и поэтому, товарищи, первой обязанностью работников деревни, пропагандистов и агитаторов и чем бы то ни было занятых сейчас в области мирного труда товарищей — это на каждом собрании, митинге и деловом совещании, в любых группах любого партийного учреждения, в любой советской коллегии прежде всего помнить и во что бы ни было проводить лозунг: «все для войны».

Пока война не кончена полной победой, мы должны гарантировать себя от таких ошибок и глупостей, которые

мы делали ряд лет. Я не знаю, сколько русскому человеку нужно сделать глупостей, чтобы отучиться от них. Мы уже раз считали войну оконченной, не добив врага, оставив Врангеля в Крыму. Повторяю, лозунг: «все для войны» должен быть на каждом совещании, заседании, в каждой коллегии; первым основным пунктом порядка дня должно быть: все ли мы сделали, все ли жертвы мы принесли для того, чтобы войну окончить? Это вопрос спасения жизни десятка тысяч лучших товарищей, которые погибают на фронте в первых рядах. Это вопрос спасения от голода, который надвигается на нас только потому, что мы не доводим войну до конца, а мы можем и должны довести ее до конца и быстро. Для этого нужно во что бы то ни стало, чтобы дисциплина и подчиненность были проведены в жизнь с беспощадной строгостью. Малейшее попустительство, малейшая дряблость, проявленная здесь, в тылу, на любой мирной работе означает гибель тысячей жизней и голод здесь.

Вот почему к таким упущениям надо относиться с беспощадной строгостью. Это первый основной урок, который вытекает из всей гражданской войны Советской России; это первый основной урок, который во что бы то ни стало всякий партийный работник, особенно если он имеет свсей задачей агитационную и пропагандистскую работу, должен помнить; он должен знать, что он будет никуда не годным коммунистом и предателем Советской власти, если он не осуществит этого лозунга с неослабленной твердостью и с беспощадной настойчивостью по отношению к малейшим упущениям. При таких условиях мы гарантированы, что победа будет скоро, что мы вполне гарантируем себя от голода.

Мы получаем сообщения от товарищей, которые приезжают из дальних мест, о том, что делается на окраинах. Я видел товарищей, приехавших из Сибири, гг. Луначарского и Рыкова, приехавших из Украины и Северного Кавказа. Про богатства этого края они говорят с неслышанным удивлением. На Украине кормят пшеницей свиней, на Северном Кавказе, продавая молоко, бабы молоком всполаскивают посуду. Из Сибири идут поезда с шерстью, с кожей и другими богатствами; в Сибири лежат десятки тысяч пудов соли, а у нас крестьянство изнемогает и отказывается давать хлеб за бумажку, полагая,

что бумажной хозяйства не восстановишь, а здесь, в Москве, вы можете встретить рабочих, которые изнемогают от голода у станка. Главным препятствием к тому, почему мы не можем рабочих накормить сытнее, чтобы восстановить разрушенное здоровье, главным препятствием является продолжение войны. Оттого, что мы прозевали с Крымом, несколько десятков тысяч человек будут недоедать лишних полгода. Дело стоит от недостатка нашей организованности и дисциплины. Гибнут люди здесь, тогда как на Украине, на Северном Кавказе и в Сибири мы имеем неслыханные богатства, которые могут накормить голодных рабочих и восстановить промышленность. Для того, чтобы восстановить хозяйство, нужна дисциплина. Пролетарская диктатура должна состоять больше всего в том, чтобы передовая, самая сознательная и самая дисциплинированная часть рабочих городских и промышленных, которые больше всего голодают, которые взяли на себя за эти два года неслыханные жертвы, чтобы они воспитали, обучили и дисциплинировали весь остальной пролетариат, часто несознательный, и всю трудящуюся массу и крестьянство. Тут все сентиментальности, всякая болтовня о демократии должны быть выкинуты вон. Предоставим эту болтовню господам эсерам и меньшевикам, они с Колчаком, Деникиным и Юденичем достаточно о демократии разговаривали. Пусть убираются к Врангелю: он их доучит. Но их надо доучить, если кто не доучился.

Мы стоим на том, что те рабочие, которые взяли на себя тяготы, которые купили спокойствие и твердость Советской власти самыми неслыханными жертвами, должны смотреть на себя, как на передовой отряд, который поднимет остальную трудовую массу путем просвещения и дисциплинирования, ибо мы знаем, что капитализм оставил в наследство нам трудящегося в состоянии полной забитости, полной темноты, не понимающего, что можно работать не только из-под палки капитала, а под руководством организованного рабочего. Но он способен поверить, если мы покажем все это на практике. Из книжек этому трудящийся не научится. Он может научиться, когда мы все это покажем на практике. Он должен будет работать под руководством сознательного рабочего или идти под Колчака, Врангеля и т. д. Поэтому, во что бы то ни стало строжайшая дисциплина и сознательное

исполнение того, что авангардом пролетариата предписано, что он выработал своим тяжелым опытом. При осуществлении всех мер для достижения нашей цели, при осуществлении этих мер полностью мы гарантированы, что из разрухи и расстройств, вызванных империалистской войной, мы выйдем. Заготовка хлеба с 1 августа 1917 г. дала 30 миллионов, с августа 1918 г. — 110 миллионов. Это показывает, что мы начали вылезать из затруднений. С 1-го августа 1919 г. по сие число больше 150 миллионов. Это показывает, что мы вылезаем. Но мы еще не взяли настоящим образом Украины, Северного Кавказа и Сибири; если это будет сделано, мы настоящим образом и добросовестно обеспечим рабочего двумя фунтами хлеба в день.

Я хотел бы еще остановиться, товарищи, на вопросе, который имеет значение для вас, работников деревни, с которыми я отчасти успел познакомиться по партийным документам. Я хочу вам сказать, что главная работа ваша будет инструкторская, партийная, агитационная, пропагандистская. Один из главных недостатков этой работы тот, что мы не умеем ставить дело государственное, что у нас в кругах товарищей, даже здесь руководящих работой, слишком сильна привычка старого подполья, когда мы сидели в маленьких кружках здесь или за границей и даже не умели мыслить, думать о том, как поставить работу государственно. Теперь вы должны это знать и помнить, что нам надо управлять миллионами. Каждая власть, попадающая в деревню, как делегат, как уполномоченный от ЦК, должна помнить, что у нас громадный государственный аппарат, который работает еще плохо, потому что мы не умеем, не можем им хорошо овладеть. Мы имеем в деревнях сотни тысяч учителей, которые забиты, запуганы кулаками или заколочены до полусмерти старым царским чиновничеством, которые не могут, не в состоянии понять принципов Советской власти. Мы имеем огромный военный аппарат. Без военкома мы не имели бы Красной Армии.

Мы имеем также аппарат Всеобуча, который параллельно с военной работой должен вести культурную работу, должен поднимать сознание крестьянства. Этот государственный аппарат очень плох, там нет людей действительно преданных, убежденных, действительно

коммунистов, и вы, которые поедете в деревню, как коммунисты, должны работать не оторванно от этого аппарата, а, наоборот, вы должны работать вместе с ним. Всякий партийный агитатор, который появляется в деревне, он вместе с тем должен быть и инспектором народных училищ, инспектором не в прежнем смысле слова, инспектором не в том смысле, чтобы он вмешивался в дело просвещения — этого допустить нельзя, но он должен быть инспектором в том смысле, чтобы согласовать свою работу с работой Наркомпроса, с работой Всеобуча, с работой военкома, чтобы он смотрел на себя, как на представителя государственной власти, представителя партии, которая управляет Россией. Чтобы он, являясь в деревню, выступал не только как пропагандист, учитель, но вместе с этим он должен смотреть, чтобы те учителя, которые не слышали живого слова, или эти десятки, сотни воскомов, чтобы все они принимали участие в работе этого партийного агитатора. Каждый учитель обязан иметь брошюрки агитационного содержания; он обязан их не только иметь, а читать крестьянам. Если он этого не будет делать, он должен знать, что он лишится места. То же самое военкомы должны иметь эти брошюрки, должны читать их крестьянам.

Мы имеем в распоряжении Советской власти сотни тысяч советских служащих, которые или буржуи, или полубуржуи, или настолько забиты, что совершенно не верят в нашу Советскую власть, или они так далеки от этой власти, что она где-то там, в Москве, а под боком у них кулак крестьянин, который имеет хлеб, держит у себя под боком и не дает его им, а они голодают. Вот здесь задача партийного работника двойная. Он должен помнить, что он не только является проповедником слова, что он не только должен пойти на помощь наиболее забитым слоям населения — это его основная задача, без этого он не партийный работник, без этого он не может назваться коммунистом. Но кроме всего этого он должен являться представителем Советской власти, он должен связаться с учительством, должен согласовать работу Наркомпроса с своей. Он не должен быть инспектором в смысле контроля и ревизии, но он является представителем правительственной партии, которая сейчас посредством части пролетариата управляет всей Россией, и

в качестве такового он должен помнить, что его работа есть работа инструктирования, и он должен привлекать, учить своей работе всех учителей, военкомов, чтобы они выполняли такую же работу, как и он. Они не знают этой работы, вы их должны научить. Они беззащитны сейчас перед сытым крестьянином. Вы должны помочь им выйти из этой зависимости. Вы должны твердо помнить, что вы не только пропагандисты-агитаторы, а что вы представители государственной власти, и вы должны не разрушать существующий аппарат, не вмешиваться, не путать его организацию, а ваша работа должна быть поставлена так, чтобы всегда у дельного инструктора-пропагандиста, агитатора, после хотя бы небольшой работы в деревне, остался след не только бумаг у тех коммунистов-крестьян, которых он просветил, но чтобы он оставил след в сознании тех работников, которых вы проверяете и направляете, которым вы даете задания, требуете, чтобы каждый учитель, военком работал непременно в советском духе, чтобы он знал, что это его обязанность, чтобы он помнил, что если он этого не будет выполнять, то он не останется на месте, чтобы они все знали и чувствовали, что каждый агитатор есть полномочный представитель Советской власти.

Вот при таких условиях, при правильном применении сил вы удешевите их и добьетесь того, что каждая сотня агитаторов оставит после себя след в виде организационного аппарата, который уже существует, но который еще работает несовершенно и неудовлетворительно.

Вот в этой области, как и в остальных, я желаю вам успеха. (Продолжительные аплодисменты.)

Напечатано в 1920 г. в брошюре:
«Речь В. И. Ленина на 2-м
Всероссийском совещании
ответственных организаторов
по работе в деревне»

Печатается по тексту брошюры

**ТЕЛЕФОНОГРАММА НА ИМЯ ПРЕЗИДИУМА
ВСЕРОССИЙСКОГО СОВЕЩАНИЯ
ПО ПРОДОВОЛЬСТВУЮ
1 ИЮЛЯ 1920 г.**

Мне очень хотелось бы, товарищи, посетить ваш съезд и высказаться по главнейшим продовольственным вопросам, стоящим в повестке вашего совещания. Но, к сожалению, я лишен возможности исполнить свое желание и вынужден удовольствоваться лишь коротеньким обращением к вам настоящей телефонограммой. Считаю нужным указать вам, товарищи, что успешные результаты вашей работы, чрезвычайно тяжелой и ответственной, недавно побудили Совнарком принять постановление, которым было выражено удовлетворение по поводу достигнутых успехов в заготовительной деятельности продорганов. Нет никакого сомнения, что за истекшие два с лишним года продорганы организационно окрепли и выросли. Этим мы обязаны в значительной степени вашим усилиям.

Но, разумеется, на достигнутых результатах нельзя остановиться. Главнейший после военного фронта голодный фронт выдвигает перед вами целый ряд новых задач, без разрешения которых невозможны ни дальнейшее укрепление рабоче-крестьянской власти, ни разрешение очередных, наболевших задач экономического строительства.

Я надеюсь также, что в деле экономического строительства вы поможете установлению правильных отношений к кооперации, на основе решений съезда партии³⁴, чтобы правильнее решить трудную, но благодарную задачу переделки кооперации мелкобуржуазной в кооперацию социалистическую.

Успехи, достигнутые уже вами в продовольственной работе, обязывают нас в большей мере, чем раньше, во что бы

то ни стало справиться с новыми задачами и таким образом, подойти к фактическому разрешению продовольственной проблемы, ибо кому много дано, с того много и спросится; вы же своей работой показали, что вам дано уже не мало. Позвольте же пожелать вам успеха в разрешении вопросов, стоящих в порядке дня вашего совещания, а затем и в вашей повседневной работе, к которой вы приступите после окончания совещания на местах, я уверен, с удесятенной энергией.

«Правда» № 143, 2 июля 1920 г.

*Печатается по тексту
газеты «Правда»*

НА ПОМОЩЬ РАНЕНОМУ КРАСНОАРМЕЙЦУ!

С необыкновенным трудом, мучительно медленно нам удается все же, благодаря героизму рабочих и всех трудящихся, поднимать и восстанавливать разрушенное царем и капиталистами хозяйство. Как-никак дело все же пошло понемногу в гору. Но все наши трудности и мучения — ничто по сравнению с тем, что выпало на долю раненому красноармейцу, проливающему кровь на защиту рабочей и крестьянской власти от панов и капиталистов Польши, пауськиваемых капиталистами Англии, Франции, Америки.

Пусть же каждый в тылу помнит о своем долге — помогать всем, чем можно, раненому красноармейцу.

2. VII. 1920.

Н. Ленин

«Раненый Красноармеец» № 1,
1920 г.

Печатается по тексту
журнала «Раненый Красноармеец»

ТЕЗИСЫ ОБ ОСНОВНЫХ ЗАДАЧАХ ВТОРОГО КОНГРЕССА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

1. Настоящий момент в развитии международного коммунистического движения характеризуется тем, что во всех капиталистических странах лучшие представители революционного пролетариата вполне поняли основные принципы Коммунистического Интернационала, именно: диктатуру пролетариата и Советскую власть, и с беззаветным энтузиазмом встали на сторону Коммунистического Интернационала. Еще более важным и крупным шагом вперед является то, что повсюду среди самых широких масс не только городского пролетариата, но и среди передовой части сельских рабочих вполне определилось их безусловное сочувствие к этим основным принципам.

С другой стороны, обозначились две ошибки или слабости растущего необыкновенно быстро международного коммунистического движения. Одна, очень серьезная и представляющая громадную непосредственную опасность для успеха дела освобождения пролетариата, состоит в том, что часть старых вождей и старых партий II Интернационала, частью полубессознательно уступая желаниям и напору масс, частью сознательно обманывая их для сохранения за собой прежней роли агентов и помощников буржуазии внутри рабочего движения, заявляют о своем условном или даже безусловном присоединении к III Интернационалу, оставаясь на деле, во всей практике своей партийной и политической работы, на уровне II Интернационала. Такое положение вещей совершенно недопустимо, ибо оно вносит прямое развращение масс, роняет уважение к III Интернационалу, грозя повторением таких

же пзмсн, как измена венгерских социал-демократов, наскоро перекрестившихся в коммунисты. Другая, гораздо менее значительная ошибка, которая является скорее всего болезнью роста движения, состоит в стремлении к «левизне», ведущем к неправильной оценке роли и задач партии по отношению к классу и к массе и обязанности для революционных коммунистов работать в буржуазных парламентах и реакционных профсоюзах.

Долг коммунистов не замалчивать слабостей своего движения, а открыто критиковать их, чтобы скорее и радикальнее от них избавиться. В этих целях необходимо, во-1-х, конкретнее определить, особенно на основании практического уже опыта, содержание понятий: «диктатура пролетариата» и «Советская власть»; во-2-х, указать, в чем именно может и должна состоять во всех странах немедленная и систематическая подготовительная работа, осуществляющая эти лозунги; в-3-х, указать пути и способы исправления нашего движения от его недостатков.

I

СУЩНОСТЬ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА И СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

2. Победа социализма (как первой ступени коммунизма) над капитализмом требует осуществления пролетариатом, как единственным действительно революционным классом, трех следующих задач. Первая — свергнуть эксплуататоров и в первую голову буржуазию, как главного экономического и политического представителя их; разбить их наголову; подавить их сопротивление; сделать невозможными какие бы то ни было попытки с их стороны восстановить иго капитала и наемное рабство. Вторая — увлечь и повести за революционным авангардом пролетариата, его коммунистической партией, не только весь пролетариат или подавляющее, огромное большинство его, но и всю массу трудящихся и эксплуатируемых капиталом; просветить, организовать, воспитать, дисциплинировать их в самом ходе беззаветно смелой и беспощадно твердой борьбы против эксплуататоров; вырвать это подавляющее большинство

населения во всех капиталистических странах из зависимости от буржуазии, внушить ему на практическом опыте доверие к руководящей роли пролетариата и его революционного авангарда. Третья — нейтрализовать или обезвредить неизбежные колебания между буржуазией и пролетариатом, между буржуазной демократией и Советской властью со стороны довольно еще многочисленного почти во всех передовых странах, хотя и составляющего меньшинство населения, класса мелких хозяев в земледелии, промышленности, торговле и соответствующего этому классу слоя интеллигенции, служащих и т. п.

Первая и вторая задачи являются самостоятельными задачами, требующими каждая своих особых приемов действия по отношению к эксплуататорам и по отношению к эксплуатируемым. Третья задача вытекает из первых двух, требуя лишь умелого, своевременного, гибкого сочетания приемов первого и второго рода, в зависимости от конкретных обстоятельств каждого отдельного случая колебаний.

3. При той конкретной обстановке, которая во всем мире и больше всего в наиболее передовых, могущественных, самых просвещенных и свободных капиталистических странах создава милитаризмом, империализмом, удушением колоний и слабых стран, всемирной империалистской бойней, Версальским «миром», — всякое допущение мысли о мирном подчинении капиталистов воле большинства эксплуатируемых, о мирном, реформистском переходе к социализму является не только крайним мещанским тупоумием, но и прямым обманом рабочих, подкрашиванием капиталистического наемного рабства, сокрытием правды. Правда эта состоит в том, что буржуазия, самая просвещенная и демократическая, уже сейчас не останавливается ни перед каким обманом и преступлением, перед избиением миллионов рабочих и крестьян для спасения частной собственности на средства производства. Только насильственное свержение буржуазии, конфискация ее собственности, разрушение всего буржуазного государственного аппарата снизу доверху, парламентского, судебного, военного, бюрократического, административного, муниципального и проч., вплоть до поголовного изгнания или интернирования эксплуататоров наиболее опасных

и упорных, установление над ними строгого надзора для борьбы с неизбежными попытками сопротивления и реставрации капиталистического рабства, только подобные меры в состоянии обеспечить действительное подчинение всего класса эксплуататоров.

С другой стороны, таким же прикрашиванием капитализма и буржуазной демократии, таким же обманом рабочих является обычное у старых партий и старых вождей II Интернационала допущение мысли о том, будто большинство трудящихся и эксплуатируемых способно в обстановке капиталистического рабства, под гнетом буржуазии, который принимает бесконечно разнообразные формы, тем более утонченные и в то же время жестокие и беспощадные, чем культурнее данная капиталистическая страна, — способно выработать в себе полную ясность социалистического сознания, твердость социалистических убеждений и характера. На самом деле, только после того, как авангард пролетариата, поддержанный всем этим, единственно революционным, классом или большинством его, свергнет эксплуататоров, подавит их, освободит эксплуатируемых от их рабского положения, улучшит их условия жизни немедленно на счет экспроприированных капиталистов, только после этого и в самом ходе острой классовой борьбы осуществимо просвещение, воспитание, организация самых широких трудящихся и эксплуатируемых масс вокруг пролетариата, под его влиянием и руководством, избавление их от эгоизма, раздробленности, пороков, слабости, порождаемых частной собственностью, превращение их в свободный союз свободных работников.

4. Для успеха победы над капитализмом требуется правильное соотношение между руководящей, коммунистической, партией, революционным классом, пролетариатом, — и массой, т. е. всей совокупностью трудящихся и эксплуатируемых. Только коммунистическая партия, если она действительно является авангардом революционного класса, если она включает в себя всех лучших представителей его, если она состоит из вполне сознательных и преданных коммунистов, просвещенных и закаленных опытом упорной революционной борьбы, если эта партия сумела связать себя неразрывно со всей жизнью своего класса, а через него со всей массой эксплуатируемых и внушить этому классу и этой массе полное доверие, — только такая

партия способна руководить пролетариатом в самой беспощадной, решительной, последней борьбе против всех сил капитализма. С другой стороны, только под руководством такой партии пролетариат способен развернуть всю мощь своего революционного натиска, превращая в ничто неизбежную апатию и частью сопротивление небольшого меньшинства испорченной капитализмом рабочей аристократии, старых тред-юнионистских и кооперативных вождей и т. п., — способен развернуть всю свою силу, которая неизмеримо больше, чем его доля в населении, в силу самого экономического устройства капиталистического общества. Наконец, только освобожденная уже фактически от гнета буржуазии и буржуазного государственного аппарата, только получившая возможность действительно свободно (от эксплуататоров) организоваться в свои Советы, может масса, т. е. вся совокупность трудящихся и эксплуатируемых, развернуть впервые в истории всю инициативу и всю энергию десятков миллионов задавленных капитализмом людей. Только тогда Советы стали единственным государственным аппаратом, осуществимо действительное участие в управлении всей массы эксплуатируемых, которая при самой просвещенной и свободной буржуазной демократии оставалась всегда фактически на девяносто девять сотых исключенной из участия в управлении. Только в Советах начинает масса эксплуатируемых действительно учиться, не из книжек, а из собственного практического опыта, делу социалистического строительства, созданию новой общественной дисциплины, свободного союза свободных работников.

II

В ЧЕМ ДОЛЖНА СОСТОЯТЬ НЕМЕДЛЕННАЯ И ПОВСЕМЕСТНАЯ ПОДГОТОВКА К ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА?

5. Переживаемый момент в развитии международного коммунистического движения характеризуется тем, что в громадном большинстве капиталистических стран не закончена — очень часто даже еще систематически не начата — подготовка пролетариата к осуществлению им своей диктатуры. Из этого не следует, что пролетарская револю-

ция невозможна в самом близком будущем; она вполне возможна, ибо вся экономическая и политическая обстановка необыкновенно богата горючими материалами и поводами для их неожиданного воспламенения; другое условие для революции, кроме подготовленности пролетариата, — именно: общее состояние кризиса во всех командующих и во всех буржуазных партиях, — тоже есть налицо. Но из сказанного следует, что задача момента для коммунистических партий состоит теперь не в том, чтобы ускорять революцию, а в том, чтобы усиливать подготовку пролетариата. С другой стороны, отмеченные выше случаи в истории многих социалистических партий заставляют обратить внимание на то, чтобы «признание» диктатуры пролетариата не могло оставаться только словесным.

Поэтому главной задачей коммунистических партий, с точки зрения международного пролетарского движения, является в данный момент сплочение раздробленных коммунистических сил, образование в каждой стране единой коммунистической партии (или укрепление и обновление партии уже существующей) для удешевления работы по подготовке пролетариата к завоеванию государственной власти и притом именно к завоеванию власти в форме диктатуры пролетариата. Обычная социалистическая работа групп и партий, признающих диктатуру пролетариата, далеко еще в недостаточной мере подвергнута той коренной переделке, тому коренному обновлению, которые необходимы для признания этой работы коммунистической и соответствующей задачам кануна пролетарской диктатуры.

6. Завоевание политической власти пролетариатом не прекращает классовой борьбы его против буржуазии, а, напротив, делает эту борьбу особенно широкой, острой, беспощадной. Все группы, партии, деятели рабочего движения, полностью или отчасти стоящие на точке зрения реформизма, «центра» и т. п., неизбежно становятся в силу крайнего обострения борьбы либо на сторону буржуазии, либо в число колеблющихся, либо (что всего опаснее) попадают в число ненадежных друзей победоносного пролетариата. Поэтому подготовка диктатуры пролетариата требует не только усиления борьбы против тенденций реформистских и «центровиков», но и изменения

характера этой борьбы. Борьба не может ограничиваться выяснением ошибочности этих тенденций, а должна разоблачать неуклонно и беспощадно всякого деятеля внутри рабочего движения, проявляющего эти тенденции, ибо иначе пролетариат не может узнать, с кем он пойдет на самую решительную борьбу против буржуазии. Эта борьба такова, что в любую минуту может заменить — и заменяет, как показал уже опыт, — оружие критики критикой оружием. Всякая непоследовательность или слабость в разоблачении тех, кто проявляет себя как реформист или «центровик», означает прямое увеличение опасности свержения власти пролетариата буржуазией, которая использует завтра для контрреволюции то, что кажется близоруким людям лишь «теоретическим разногласием» сегодня.

7. В частности, нельзя ограничиться обычным принципиальным отрицанием всякого сотрудничества пролетариата с буржуазией, всякого «коллорационизма». Простая защита «свободы» и «равенства», при сохранении частной собственности на средства производства, превращается в условиях диктатуры пролетариата, который никогда не в состоянии будет сразу уничтожить частную собственность полностью, — превращается в «сотрудничество» с буржуазией, прямо подрывающее власть рабочего класса. Ибо диктатура пролетариата означает государственное закрепление и защиту, всем аппаратом государственной власти, «несвободы» для эксплуататора продолжать свое дело угнетения и эксплуатации, «неравенства» собственника (т.е. изъявшего для себя лично известные средства производства, созданные общественным трудом) с неимущим. То, что кажется до победы пролетариата теоретическим только разногласием по вопросу о «демократии», становится неизбежно завтра, после победы, вопросом, который решается силой оружия. Следовательно, без коренного изменения всего характера борьбы с «центровиками» и «защитниками демократии» невозможна даже предварительная подготовка масс к осуществлению диктатуры пролетариата.

8. Диктатура пролетариата есть наиболее решительная и революционная форма классовой борьбы пролетариата с буржуазией. Такая борьба может быть успешна, лишь когда самый революционный авангард пролетариата

ведет за собой подавляющее большинство его. Подготовка диктатуры пролетариата требует поэтому не только разъяснения буржуазного характера всякого реформизма, всякой защиты демократии при сохранении частной собственности на средства производства; не только разоблачения проявлений таких тенденций, означающих на деле проведение защиты буржуазии внутри рабочего движения, — но требует также замены старых вождей коммунистами во всех решительно видах пролетарских организаций, не только политических, но и профессиональных, кооперативных, просветительных и т. д. Чем более длительным, полным и прочным было господство буржуазной демократии в данной стране, тем более удалось буржуазии провести на посты таких вождей, ею воспитанных, ее воззрениями и предрассудками пропитанных, ею очень часто прямо или косвенно подкупленных деятелей. Необходимо во стократ смелее, чем до сих пор, вытеснять этих представителей рабочей аристократии или обуржуазившихся рабочих со всех их постов и заменять их хотя бы даже самыми неопытными рабочими, лишь бы они были связаны с эксплуатируемой массой и пользовались ее доверием в борьбе с эксплуататорами. Диктатура пролетариата потребует назначения таких, не имеющих опыта, рабочих на самые ответственные государственные посты, иначе власть рабочего правительства будет бессильна, и оно не будет поддержано массой.

9. Диктатура пролетариата есть самое полное осуществление руководства всеми трудящимися и эксплуатируемыми, которые угнетены, забиты, задавлены, запуганы, раздроблены, обмануты классом капиталистов, со стороны единственного класса, подготовленного к такой руководящей роли всей историей капитализма. Поэтому подготовка диктатуры пролетариата должна быть начата повсеместно и немедленно посредством следующего, между прочим, приема.

Во всех без изъятия организациях, союзах, объединениях, в первую голову пролетарских, а затем и непролетарской трудящейся и эксплуатируемой массы (политических, профессиональных, военных, кооперативных, образовательных, спортивных и проч. и т. д.) должны быть созданы группы или ячейки коммунистов — преимущественно открытые, но также и тайные, обязательные

в каждом таком случае, когда следует предполагать закрытие их, арест или изгнание их членов со стороны буржуазии; — причем эти ячейки, тесно связанные между собой и с центром партии, обмениваясь своим опытом, осуществляя работу агитации, пропаганды, организации, применяясь решительно ко всем областям общественной жизни, решительно ко всем разновидностям и подразделениям трудящейся массы, должны систематически воспитывать такой разносторонней работой и самих себя, и партию, и класс, и массы.

При этом крайне важно практически выработать необходимое различие приемов всей работы, с одной стороны — по отношению к «вождям» или к «ответственным представителям», сплошь да рядом безнадежно испорченным мелкобуржуазными и империалистскими предрассудками; эти «вожди» должны быть беспощадно разоблачаемы и изгоняемы из рабочего движения; — с другой стороны, по отношению к массам, которые, особенно после империалистской войны, большей частью склонны слушать и воспринять учение о необходимости руководства пролетариата, как единственного выхода из капиталистического рабства; к массам надо научиться подходить особенно терпеливо и осторожно, чтобы уметь понять особенности, своеобразные черты психологии каждого слоя, профессии и т. п. этой массы.

10. В частности, одна из групп или ячеек коммунистов заслуживает исключительного внимания и заботы партии, именно: парламентская фракция, т. е. группа членов партии, состоящих депутатами в буржуазном представительном учреждении (прежде всего общегосударственном, затем также и местных, муниципальных и пр.). С одной стороны, именно эта трибуна имеет особенно важное значение в глазах самых широких слоев отсталой или пропитанной мелкобуржуазными предрассудками трудящейся массы; поэтому коммунисты обязательно именно с этой трибуны должны вести работу пропаганды, агитации, организации, разъяснения массам, почему закономерен был в России (и закономерен будет в свое время в любой стране) разгон буржуазного парламента общенациональным съездом Советов. С другой стороны, вся история буржуазной демократии сделала из парламентской трибуны, особенно в передовых странах, главное или одно из

главных поприщ неслыханных мошенничеств, финансовых и политических обманов народа, карьеризма, лицемерия, угнетения трудящихся. Поэтому вполне законна горячая ненависть к парламентам со стороны лучших представителей революционного пролетариата. Поэтому со стороны коммунистических партий и всех партий, примыкающих к III Интернационалу, — особенно в тех случаях, когда эти партии возникли не путем раскола со старыми партиями и длительной, упорной борьбы с ними, а путем перехода (часто номинального) старых партий на новую позицию, — необходимо исключительно строгое отношение к своим парламентским фракциям: полное подчинение их контролю и указаниям Цека партии; включение в их состав преимущественно революционных рабочих; внимательнейший анализ в партийной прессе и на партийных собраниях речей парламентариев с точки зрения их коммунистической выдержанности; командирование депутатов на агитационную работу среди масс, исключение из этих фракций тех, кто проявляет тенденции II Интернационала и т. д.

11. Одна из главных причин, затрудняющих революционное рабочее движение в развитых капиталистических странах, состоит в том, что, благодаря колониальным владениям и сверхприбылям финансового капитала и т. п., капиталу удалось здесь выделить сравнительно более широкий и устойчивый слой небольшого меньшинства рабочей аристократии. Она пользуется лучшими условиями заработка и больше всего пропитана духом цеховой узости, мещанскими и империалистскими предубеждениями. Это — настоящая социальная «опора» II Интернационала, реформистов и «центровиков», а в данный момент это — едва ли не главная социальная опора буржуазии. Никакая даже предварительная подготовка пролетариата к свержению буржуазии невозможна без немедленной, систематической, широкой, открытой борьбы с этим слоем, который, несомненно, — как это вполне уже доказано опытом, — поставит не мало элементов для буржуазной белой гвардии после победы пролетариата. Все примыкающие к III Интернационалу партии должны во что бы то ни стало провести в жизнь лозунг: «глубже в массы», «теснее связь с массами», — понимая под массами всю совокупность трудящихся и эксплуатируемых

капиталом, особенно наименее организованных и просвещенных, наиболее угнетенных и наименее доступных организации.

Пролетариат становится революционным лишь постольку, поскольку он не замыкается в узко-цеховые рамки, поскольку он выступает во всех проявлениях и на всех поприщах общественной жизни, как вождь всей трудящейся и эксплуатируемой массы, и осуществление им своей диктатуры невозможно без готовности и способности его на величайшие жертвы ради победы над буржуазией. И принципиальное и практическое значение в этом отношении имеет опыт России, где пролетариат не мог бы осуществить своей диктатуры, не мог бы завоевать себе общепризнанного уважения и доверия всей трудящейся массы, если бы он не принес больше всего жертв и не голодал сильнее всех остальных слоев этой массы в самые трудные времена натиска, войны, блокады со стороны всемирной буржуазии.

В частности, всесторонняя и самоотверженная поддержка коммунистической партией и всем передовым пролетариатом особенно необходима по отношению к широкому, стихийному, массовому стачечному движению, которое одно только в состоянии под гнетом капитала настоящим образом разбудить, расшевелить, просветить и организовать массы, воспитать в них полное доверие к руководящей роли революционного пролетариата. Без такой подготовки никакая диктатура пролетариата невозможна, и люди, способные выступать публично против стачек, вроде Каутского в Германии, Турати в Италии, безусловно нетерпимы в рядах партий, примыкающих к III Интернационалу. Еще более относится это, конечно, к тем тред-юнионистским и парламентским вождям, которые часто предают рабочих, уча их на опыте стачек реформизму, а не революции (напр., в Англии и во Франции в последние годы).

12. Для всех стран, даже для самых свободных, «легальных» и «мирных» в смысле наименьшей обостренности классовой борьбы, вполне назрел период, когда является безусловно необходимым для всякой коммунистической партии систематическое соединение легальной и нелегальной работы, легальной и нелегальной организации. Ибо в самых просвещенных и свободных странах, с наиболее

«устойчивым» буржуазно-демократическим строем, правительства уже систематически прибегают, вопреки их лживым и лицемерным заявлениям, к ведению тайных списков коммунистов, к бесконечным нарушениям своей собственной конституции для полутайной и тайной поддержки белогвардейцев и убийства коммунистов во всех странах, к тайной подготовке арестов коммунистов, к введению провокаторов в среду коммунистов и т. д. и т. п. Только самое реакционное мещанство, какими бы красивыми «демократическими» и пацифистскими фразами оно ни прикрывалось, может отрицать этот факт или обязательный вывод из него: немедленное образование всеми легальными коммунистическими партиями нелегальных организаций для систематической нелегальной работы и полной подготовки к моменту проявления буржуазных преследований. Особенно необходима нелегальная работа в армии, флоте, полиции, ибо после великой империалистской бойни все правительства в мире стали бояться всемирной армии, открытой для крестьян и рабочих, стали переходить тайком ко всевозможным приемам подбора специально подобранных из буржуазии и специально снабженных особенно усовершенствованной техникой воинских частей.

С другой стороны, также необходимо во всех без исключения случаях не ограничиваться нелегальной работой, а вести также и легальную, преодолевая для этого все трудности, основывая легальные органы печати и легальные организации под самыми разнообразными и, в случае надобности, часто меняющимися названиями. Так поступают нелегальные коммунистические партии в Финляндии, Венгрии, частью в Германии, в Польше, в Латвии и т. д. Так должны поступать «Промышленные рабочие мира» (I. W. W.) в Америке, так должны будут поступать все ныне легальные коммунистические партии, если прокурорам благоугодно будет возбуждать преследования на основании резолюций съездов Коммунистического Интернационала и т. д.

Безусловная принципиальная необходимость соединения нелегальной и легальной работы определяется не только всей совокупностью особенностей переживаемого периода, периода кануна пролетарской диктатуры, но и необходимостью доказать буржуазии, что нет и быть

не может области и поприща работы, которого бы не завоевали коммунисты, а больше всего тем, что повсюду есть еще широкие слои пролетариата, а еще более непролетарской трудящейся и эксплуатируемой массы, которые доверяют еще буржуазно-демократической легальности и разубеждение которых является для нас делом наиболее важным.

13. В частности, состояние рабочей прессы в наиболее передовых капиталистических странах особенно наглядно показывает как всю лживость свободы и равенства при буржуазной демократии, так и необходимость систематического соединения легальной и нелегальной работы. И в побежденной Германии и в победившей Америке вся сила государственного аппарата буржуазии и все предельки ее финансовых королей пускаются в ход, чтобы отнять у рабочих их прессу: и судебные преследования, и аресты (или убийство через наемных убийц) редакторов, и запрещение почтовой пересылки, и отнятие бумаги и пр. и т. д. К тому же необходимый для ежедневной газеты информационный материал находится в руках буржуазных телеграфных агентств, а объявления, без которых большая газета не окупится, находятся в «свободном» распоряжении капиталистов. В итоге, буржуазия обманом, давлением капитала и буржуазного государства отнимает у революционного пролетариата его прессу.

Для борьбы с этим коммунистические партии должны создать новый тип периодической прессы для массового распространения среди рабочих: во-1-х, легальные издания, которые бы научились, не называя себя коммунистическими и не говоря о своей принадлежности к партии, использовать малейшую легальность, как большевики при царе после 1905 года; во-2-х, нелегальные листки, хотя бы в самом малом объеме и нерегулярно выпускаемые, но перепечатаваемые в массе типографий рабочими (тайно или, если движение окрепло, путем революционного захвата типографий) и дающие пролетариату свободную, революционную информацию и революционные лозунги.

Без втягивающей массы революционной борьбы за свободу коммунистической печати подготовка к диктатуре пролетариата невозможна.

III

ИСПРАВЛЕНИЕ ЛИНИИ — ЧАСТЬЮ ТАКЖЕ СОСТАВА — ПАРТИЙ, ПРИМЫКАЮЩИХ И ЖЕЛАЮЩИХ ПРИМКНУТЬ К КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ИНТЕРНАЦИОНАЛУ

14. Степень подготовленности пролетариата важнейших, с точки зрения всемирного хозяйства и всемирной политики, стран к осуществлению своей диктатуры характеризуется с наибольшей объективностью и точностью тем, что влиятельнейшие партии II Интернационала: Французская социалистическая партия, Независимая социал-демократическая партия Германии, Независимая рабочая партия Англии, Американская социалистическая партия, вышли из этого желтого Интернационала и постановили присоединиться — первые три условно, а последняя даже безусловно — к III Интернационалу. Это доказывает, что не только авангард, но и большинство революционного пролетариата начало, убежденное всем ходом событий, переходить на нашу сторону. Главное теперь — суметь довершить этот переход и прочно, организационно закрепить достигнутое, чтобы можно было, без малейших колебаний, пойти вперед по всей линии.

15. Вся деятельность названных партий (к которым следует присоединить Швейцарскую социалистическую партию, если верны телеграфные известия о ее решении примкнуть к III Интернационалу) доказывает, — и любое периодическое издание этих партий подтверждает наглядно, — что она не является еще коммунистической, а нередко идет прямо вразрез с основными принципами III Интернационала, именно: с признанием диктатуры пролетариата и Советской власти вместо буржуазной демократии.

Поэтому II конгресс Коммунистического Интернационала должен постановить, что он не считает возможным немедленно принять эти партии; — что он подтверждает тот ответ, который дал Исполнительный Комитет III Интернационала немецким «независимцам»³⁵; — что он подтверждает свою готовность вести переговоры с любой партией, выходящей из II Интернационала и желающей сблизиться с III; — что он предоставляет право совещательного голоса делегатам таких партий на всех своих конгрессах и конференциях; — что он ставит следующие

условия для полного объединения этих (и подобных) партий с Коммунистическим Интернационалом:

1. Публикация всех решений всех съездов Коммунистического Интернационала и его Исполнительного Комитета во всех периодических изданиях партии;

2. Обсуждение их на специальных собраниях всех секций или местных организаций партии;

3. Созыв, после такого обсуждения, специального конгресса партий для подведения итогов и для

4. Очистки партии от элементов, продолжающих действовать в духе II Интернационала.

5. Переход всех периодических органов партии в руки редакций исключительно коммунистических.

II конгресс III Интернационала должен поручить своему Исполнительному Комитету формально принять названные и подобные партии в III Интернационал, проверив предварительно, что все эти условия выполнены на деле и характер деятельности партии стал коммунистическим.

16. По вопросу о том, каково должно быть поведение коммунистов, ныне составляющих меньшинство на ответственных постах названных и подобных партий, II конгресс Коммунистического Интернационала должен постановить, что ввиду явного роста искреннейших симпатий к коммунизму среди рабочих, принадлежащих к этим партиям, выход из них коммунистов нежелателен, пока им внутри этих партий возможно вести работу в духе признания диктатуры пролетариата и Советской власти и пока возможна критика оставшихся еще оппортунистов и центровиков в этих партиях.

Вместе с этим II конгресс III Интернационала должен высказаться за присоединение коммунистических или сочувствующих коммунизму групп и организаций в Англии к «Рабочей партии» (Labour Party), несмотря на то, что она входит во II Интернационал. Ибо, пока эта партия сохраняет для входящих в ее состав организаций теперешнюю их свободу критики и свободу пропагандистской, агитационной и организационной деятельности за диктатуру пролетариата и за Советскую власть, пока эта партия сохраняет свой характер объединения всех профессиональных организаций рабочего класса, коммунисты обязательно должны сделать все шаги и пойти на

известные компромиссы, чтобы иметь возможность влиять на самые широкие рабочие массы, разоблачать их оппортунистических вождей с более высокой и видной массам трибуны, ускорять переход политической власти от прямых представителей буржуазии к «рабочим лейтенантам класса капиталистов» для быстрейшего излечения масс от последних иллюзий на этот счет.

17. По отношению к Итальянской социалистической партии II конгресс III Интернационала находит в основе своей правильной ту критику этой партии и те практические предложения, которые изложены, как предложения Национальному совету Итальянской социалистической партии, от имени Туринской секции³⁶ этой партии в журнале «Новый Порядок» («L'Ordine Nuovo») от 8-го мая 1920 г. и которые вполне соответствуют всем основным принципам III Интернационала.

Поэтому II конгресс III Интернационала просит Итальянскую социалистическую партию созвать экстренный съезд партии для обсуждения как этих предложений, так и всех решений обоих съездов Коммунистического Интернационала для исправления линии партии и для очищения ее, и особенно ее парламентской фракции, от некоммунистических элементов.

18. II конгресс III Интернационала признает неправильными те взгляды на отношения партии к классу и к массе, на необязательность участия коммунистических партий в буржуазных парламентах и в реакционнейших профсоюзах, которые подробно опровергнуты в специальных решениях настоящего конгресса, будучи защищаемы всего полнее «Коммунистической рабочей партией Германии», а также частично «Коммунистической партией Швейцарии», органом Восточно-Европейского секретариата Коммунистического Интернационала «Коммунизм» («Kommunismus») в Вене, распущенным ныне секретариатом в Амстердаме и некоторыми голландскими товарищами, затем некоторыми коммунистическими организациями в Англии, напр., «Рабочей социалистической федерацией» и т. п., а равно «Промышленными рабочими мира» в Америке и «Комитетом фабрично-заводских старост» (Shop Stewards Committee) в Англии и т. п.

Тем не менее II конгресс III Интернационала считает возможным и желательным немедленное присоединение

к Коммунистическому Интернационалу тех из этих организаций, которые еще не присоединились официально, ибо в данном случае, особенно по отношению к «Промышленным рабочим мира» в Америке и в Австралии, равно и по отношению к «Фабрично-заводским старостам» в Англии, мы имеем дело с глубоко пролетарским и массовым движением, которое в основе своей стоит фактически на почве коренных принципов Коммунистического Интернационала. В таких организациях ошибочные взгляды на участие в буржуазных парламентах объясняются не столько ролью выходцев из буржуазии, приносящих свои, в сущности мелкобуржуазные, взгляды, каковыми часто бывают взгляды анархистов, а политической неопытностью вполне революционных и связанных с массой пролетариев.

II конгресс III Интернационала просит поэтому все коммунистические организации и группы в англо-саксонских странах проводить, даже в том случае, если немедленное присоединение к III Интернационалу «Промышленных рабочих мира» и «Фабрично-заводских старост» не состоится, политику наиболее дружественных отношений к этим организациям, сближения с ними и с сочувствующей им массой, дружественного разъяснения им, с точки зрения опыта всех революций и трех русских революций в XX веке особенно, ошибочности указанных выше их взглядов, и не отказываться от повторных попыток слияния с этими организациями в единую коммунистическую партию.

19. Конгресс обращает, в связи с этим, внимание всех товарищей, особенно в романских и англо-саксонских странах, на то, что среди анархистов после войны во всем мире происходит глубокое идейное разделение по вопросу об отношении к диктатуре пролетариата и Советской власти. При этом, именно среди пролетарских элементов, которых часто толкала к анархизму совершенно законная ненависть к оппортунизму и реформизму партий II Интернационала, заметно в особенности правильное понимание этих принципов, и притом тем более распространяющееся, чем ближе знакомство их с опытом России, Финляндии, Венгрии, Латвии, Польши, Германии.

Конгресс считает поэтому долгом всех товарищей всемерно поддержать переход всех массово-пролетарских

элементов от анархизма на сторону III Интернационала. Конгресс указывает, что успешность работы действительно коммунистических партий должна измеряться, между прочим, тем, насколько им удалось привлечь на свою сторону все не интеллигентские, не мелкобуржуазные, а массовые пролетарские элементы от анархизма.

4 июля 1920 г.

Опубликовано в июле 1920 г.

ОТВЕТ НА ПИСЬМО СОЕДИНЕННОГО ВРЕМЕННОГО КОМИТЕТА ПО ОБРАЗОВАНИЮ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ³⁷

Получив письмо от 20. VI от «Соединенного временного комитета по образованию Коммунистической партии Великобритании» (Joint Provisional Committee for the Communist Party of Britain), спешу ответить им, согласно их просьбе, что я вполне сочувствую развитому ими плану немедленного образования единой Коммунистической партии Англии. Я считаю неправильной тактику товарища Сильвии Панкхерст (Pankhurst) и организации W. S. F. (Рабочая социалистическая федерация), которые отстраиваются от объединения B. S. P.*, S. L. P.** и др. в единую Комм. партию. В частности я лично стою за участие в парламенте и за присоединение к «Рабочей партии» (Labour Party), при условии полной свободы и самостоятельности коммунистической работы, и буду защищать эту тактику на II конгрессе III Интернационала 15. VII. 1920 в Москве. Самое желательное, по-моему, есть быстрое образование единой Комм. партии, на основе всех решений III Интернационала, и наибольшее сближение этой партии с «Промышленными рабочими мира» (I. W. W.) и с «Фабрично-заводскими старостами» (Shop Stewards Committees) в целях полного слияния с ними в ближайшем будущем.

Н. Ленин

8. VII. 1920.

Напечатано на английском языке

22 июля 1920 г. в газете

«The Call» («Призыв») № 224

На русском языке печатается
впервые

Печатается по рукописи

* — British Socialist Party — Британская социалистическая партия. *Ред.*
** — Socialist Labour Party — Социалистическая рабочая партия. *Ред.*

ТЕЛЕФОНОГРАММА И. В. СТАЛИНУ

По телефону *Сталину* в Харьков:

Получена нота от Керзона. Керзон предлагает перемирие с Польшей на условиях удаления польской армии за линию, назначенную ей мирной конференцией³⁸ в прошлом году, Гродно, Яловка, Немиров, Брест-Литовск, Дорогуск, Устилуг, Крылов. Эта линия пересекает Галицию между Перемышлем и Рава-Русской до Карпатских гор. Все к востоку оставляется за нами. Наша армия должна отойти в 50 километрах к востоку от *этой* линии. В Лондоне состоится конференция представителей Советской России, Польши, Латвии, Литвы и Финляндии под покровительством мирной конференции. Туда будут допущены представители восточной Галиции. Мы можем послать кого угодно нашими представителями. Нам предлагается заключить перемирие с Врангелем под условием удаления Врангеля в Крым. Врангель едет в Лондон для обсуждения судьбы своей армии, но не как член конференции. Нам дается недельный срок для ответа. Кроме того, в ноте Керзона говорится, что польское правительство дало свое согласие на мир с Россией на базе этих условий.

Такова нота Керзона. Я прошу Сталина:

1) ускорить распоряжение о бешеном усилении наступления;

2) сообщить мне его, Сталина, мнение.

Я же лично думаю, что это сплошное жульничество ради аннексии Крыма, которая нагло выдвигается в ноте. У нас хотят вырвать из рук посредством жульнических обещаний победу.

Ленин

Записать *о т в е т* Сталина и *по телефону* передать этот ответ мне³⁹.

Ленин

Написано 12 или 13 июля 1920 г.

Печатается впервые

Печатается по рукописному экземпляру,
дополненному и исправленному
В. И. Лениным

ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНУ

Харьков
Ревсовет югозапфронта
Сталину спешно

17. VII. 1920 г.

Пленум Цека принял почти полностью намечавшиеся мной предложения⁴⁰. Полный текст получите, извещайте обязательно раза два в неделю шифром подробнее о развитии операции и ходе дел.

Ленин

Печатается впервые, по рукописи

УСЛОВИЯ ПРИЕМА В КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Первый учредительный съезд Коммунистического Интернационала не выработал точных условий приема отдельных партий в III Интернационал. К моменту созыва первого съезда в большинстве стран существовали только коммунистические *направления и группы*.

При других условиях собирается II всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Ныне в большинстве стран существуют уже не только коммунистические течения и направления, но коммунистические *партии и организации*.

В Коммунистический Интернационал все чаще и чаще обращаются теперь партии и группы, недавно еще принадлежавшие ко II Интернационалу, желающие теперь войти в III Интернационал, но не ставшие на деле коммунистическими. II Интернационал окончательно разбит. Промежуточные партии и группы «центра», видя полную безнадежность II Интернационала, пытаются прислониться ко все более крепнущему Коммунистическому Интернационалу, надеясь при этом, однако, сохранить такую «автономию», которая давала бы им возможность проводить прежнюю оппортунистическую или «центристскую» политику. Коммунистический Интернационал становится до известной степени модой.

Желание некоторых руководящих групп «центра» войти теперь в III Интернационал является косвенным подтверждением того, что Коммунистический Интернационал завоевал симпатии громадного большинства сознательных рабочих всего мира и с каждым днем становится все большей силой.

При известных обстоятельствах Коммунистическому Интернационалу может угрожать опасность разжижения его шаткими и половинчатыми группами, не разделившимися еще с идеологией II Интернационала.

Кроме того, в некоторых крупных партиях (Италия, Швеция), большинство которых стоит на точке зрения коммунизма, до сих пор остается значительное реформистское и социал-пацифистское крыло, которое только ожидает момента, чтобы вновь поднять голову, начать активный саботаж пролетарской революции и тем помочь буржуазии и II Интернационалу.

Ни один коммунист не должен забывать уроков Венгерской Советской республики. Объединение венгерских коммунистов с реформистами дорого стоило венгерскому пролетариату.

Ввиду этого, II всемирный конгресс считает нужным установить совершенно точные условия приема новых партий, а также указать тем партиям, которые уже приняты в Коммунистический Интернационал, те обязательства, которые лежат на них.

II конгресс Коммунистического Интернационала постановляет: условия принадлежности к Коминтерну следующие:

* *
*

1. Повседневная пропаганда и агитация должны носить действительно коммунистический характер. Все органы печати, находящиеся в руках партии, должны редактироваться надежными коммунистами, доказавшими свою преданность делу пролетарской революции. О диктатуре пролетариата следует говорить не просто, как о ходячей заученной формуле, ее нужно пропагандировать так, чтобы необходимость ее для каждого рядового рабочего, работницы, солдата, крестьянина вытекала из жизненных фактов, систематически отмечаемых нашей печатью изо дня в день. На страницах газет, в народных собраниях, в профессиональном союзе, в кооперативе — всюду, куда получают доступ сторонники III Интернационала, необходимо систематически и беспощадно клеймить не только буржуазию, но и ее помощников, реформистов всех оттенков.

2. Каждая организация, желающая принадлежать к Коминтерну, обязана планомерно и систематически уда-

лгать со сколько-нибудь ответственных постов в рабочем движении (партийная организация, редакция, профсоюз, парламентская фракция, кооператив, муниципалитет и т. п.) реформистов и сторонников «центра» и ставить вместо них надежных коммунистов — не смущаясь тем, что иногда придется вначале заменять «опытных» деятелей рядовыми рабочими.

3. Во всех тех странах, где коммунисты, вследствие острого положения или исключительных законов, не имеют возможности вести всю свою работу легально, безусловно необходимо сочетание легальной и нелегальной работы. Классовая борьба почти во всех странах Европы и Америки входит в полосу гражданской войны. При таких условиях коммунисты не могут питать доверия к буржуазной законности. Они обязаны повсюду создавать параллельный нелегальный аппарат, который в решающую минуту мог бы помочь партии исполнить свой долг перед революцией.

4. Необходима настойчивая систематическая пропаганда и агитация в войсках и образование коммунистических ячеек в каждой военной части. Эту работу коммунистам придется вести большею частью нелегально, но отказ от такой работы был бы равносителен измене революционному долгу и несовместим с принадлежностью к III Интернационалу.

5. Необходима систематическая и планомерная агитация в деревне. Рабочий класс не может закрепить свою победу, не имея за собой хотя бы части сельских батраков и беднейших крестьян и не нейтрализовавши своей политикой часть остальной деревни. Коммунистическая работа в деревне приобретает в настоящую эпоху первостепенное значение. Вести ее необходимо, главным образом, через революционных рабочих-коммунистов, имеющих связи с деревней. Отказ от этой работы или передача ее в ненадежные полуреформистские руки равносильна отказу от пролетарской революции.

6. Каждая партия, желающая принадлежать к III Интернационалу, обязана разоблачать не только откровенный социал-патриотизм, но и фальшь и лицемерие социал-пацифизма: систематически доказывать рабочим, что без революционного низвержения капитализма никакие международные третейские суды, никакие разговоры об уменьшении вооружений, никакая «демократическая»

реорганизация Лиги народов не спасут человечество от новых империалистских войн.

7. Партии, желающие принадлежать к Коммунистическому Интернационалу, обязаны признать необходимость полного и абсолютного разрыва с реформизмом и с политикой «центра» и пропагандировать этот разрыв в самых широких кругах членов партии. Без этого невозможна последовательная коммунистическая политика.

Коммунистический Интернационал безусловно и ультимативно требует осуществить этот разрыв в кратчайший срок. Коммунистический Интернационал не может мириться с тем, чтобы заведомые реформисты, как, напр., Турати, Модильяни и др., имели право считаться членами III Интернационала. Такой порядок приводил бы к тому, что III Интернационал в сильной степени уподобился бы погпбшему II Интернационалу.

8. В вопросе о колониях и об угнетенных национальностях необходима особо четкая и ясная линия партий тех стран, чья буржуазия такими колониями владеет и другие нации угнетает. Каждая партия, желающая принадлежать к III Интернационалу, обязана беспощадно разоблачать проделки «своих» империалистов в колониях, поддерживать не на словах, а на деле всякое освободительное движение в колониях, требовать изгнания своих отечественных империалистов из этих колоний, воспитывать в сердцах рабочих своей страны истинно братское отношение к трудящемуся населению колоний и угнетенных национальностей и вести систематическую агитацию в своих войсках против всякого угнетения колониальных народов.

9. Каждая партия, желающая принадлежать к Коммунистическому Интернационалу, обязана вести систематически и настойчиво коммунистическую работу внутри профессиональных союзов, кооперативов и других массовых рабочих организаций. Внутри этих союзов необходимо образовывать коммунистические ячейки, которые длительной и упорной работой должны завоевывать профессиональные союзы для дела коммунизма. Эти ячейки обязаны на каждом шагу повседневной работы разоблачать предательство социал-патриотов и колебания «центра». Эти коммунистические ячейки должны быть целиком подчинены партии в целом.

10. Партия, принадлежащая к Коммунистическому Интернационалу, обязана вести упорную борьбу против Амстердамского «интернационала» желтых профессиональных союзов. Она должна настойчиво пропагандировать среди профессионально-организованных рабочих необходимость разрыва с желтым Амстердамским интернационалом. Она должна всеми средствами поддерживать зарождающееся международное объединение красных профессиональных союзов, примыкающих к Коммунистическому Интернационалу.

11. Партии, желающие принадлежать к III Интернационалу, обязаны пересмотреть личный состав своих парламентских фракций, удалить из них ненадежные элементы, подчинить эти фракции не на словах, а на деле Центральным Комитетам партий, требовать от каждого пролетарий-коммуниста подчинения всей своей работы интересам действительно революционной пропаганды и агитации.

12. Точно так же периодическая и непериодическая печать и все издательства должны быть целиком подчинены Центральному Комитету партии, независимо от того, является ли партия в целом в данный момент легальной или нелегальной; недопустимо, чтобы издательства, злоупотребляя автономией, вели политику не вполне партийную.

13. Партии, принадлежащие к Коммунистическому Интернационалу, должны быть построены по принципу демократического *централизма*. В нынешнюю эпоху обостренной гражданской войны коммунистическая партия сможет выполнить свой долг лишь в том случае, если она будет организована наиболее централистическим образом, если в ней будет господствовать железная дисциплина, граничащая с дисциплиной военной, и если ее партийный центр будет являться властным авторитетным органом с широкими полномочиями, пользующимся всеобщим доверием членов партии.

14. Коммунистические партии тех стран, где коммунисты ведут свою работу легально, должны производить периодические чистки (перерегистрация) личного состава партийных организаций, дабы систематически очищать партию от неизбежно примазывающихся к ней мелкобуржуазных элементов.

15. Каждая партия, желающая принадлежать к Коммунистическому Интернационалу, обязана оказывать

беззаветную поддержку каждой Советской республике в ее борьбе против контрреволюционных сил. Коммунистические партии должны вести неуклонную пропаганду за отказ рабочих перевозить предметы военного снаряжения, адресуемые врагам Советских республик, вести легально или нелегально пропаганду среди войск, посылаемых для душения рабочих республик, и т. п.

16. Партии, которые до сих пор еще остаются при старых социал-демократических программах, обязаны в возможно кратчайший срок пересмотреть эти программы и выработать применительно к особым условиям своей страны новую коммунистическую программу в духе постановлений Коммунистического Интернационала. По правилу, программы каждой партии, принадлежащей к Коммунистическому Интернационалу, должны утверждаться очередным конгрессом Коммунистического Интернационала или его Исполнительным Комитетом. В случае неутверждения Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала программы той или другой партии, данная партия имеет право апеллировать к конгрессу Коммунистического Интернационала.

17. Все постановления съездов Коммунистического Интернационала, как и постановления его Исполнительного Комитета, обязательны для всех партий, входящих в Коммунистический Интернационал. Коммунистический Интернационал, действующий в обстановке обостреннейшей гражданской войны, должен быть построен гораздо более централизованно, чем это было во II Интернационале. При этом Коммунистический Интернационал и его Исполнительный Комитет во всей своей работе, разумеется, обязаны считаться со всем многообразием условий, при которых приходится бороться и действовать различным партиям, и выносить общеобязательные решения лишь по таким вопросам, по которым такие решения возможны.

18. В связи со всем этим все партии, желающие входить в Коммунистический Интернационал, должны изменить свое название. Каждая партия, желающая входить в Коммунистический Интернационал, должна носить название: *коммунистическая партия такой-то страны* (секция III Коммунистического Интернационала). Вопрос о названии является не только формальным, но и большой важности политическим вопросом, Коммунистический Интернационал

объявил решительную борьбу всему буржуазному миру и всем желтым социал-демократическим партиям. Необходимо, чтобы каждому рядовому труженику была совершенно ясна разница между коммунистическими партиями и старыми официальными «социал-демократическими» или «социалистическими» партиями, которые предали знамя рабочего класса.

19. После окончания работ Второго всемирного конгресса Коммунистического Интернационала, все те партии, которые хотят принадлежать к Коммунистическому Интернационалу, должны в кратчайший срок созвать экстренный съезд своей партии, чтобы на нем официально подтвердить от имени всей партии изложенные выше обязательства.

Опубликовано в июле 1920 г.

ДВАДЦАТЫЙ ПУНКТ УСЛОВИЙ ПРИЕМА В КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ⁴¹

Партии, которые теперь хотели бы вступить в III Интернационал, но до сих пор радикально не изменили своей прежней тактики, должны до вступления в него позаботиться о том, чтобы в их Центральный Комитет и во все важнейшие центральные учреждения партии входило не менее $\frac{2}{3}$ таких товарищей, которые еще до II конгресса Коммунистического Интернационала публично недвусмысленно высказывались за вступление в III Интернационал. Исключения могут допускаться с утверждения Исполнительного Комитета III Интернационала. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала имеет право делать исключения также и для названных в § 7 представителей «центра».

*Впервые напечатано в 1921 г.
в книге: «2-ой конгресс Коммунистического
Интернационала. Стено-
графический отчет», Изд. Комму-
нистического Интернационала,
Петроград*

Печатается по тексту книги

**II КОНГРЕСС
КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ИНТЕРНАЦИОНАЛА ⁴²**

19 ИЮЛЯ—7 АВГУСТА 1920 г.

Впервые полностью напечатано в 1921 г. в книге: «2-ой конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». Изд. Коммунистического Интернационала, Петроград

Доклад о международном положении печатается по тексту книги, сверенному со стенограммой, приведенной В. И. Лениным; речи — по тексту книги, сверенному со стеноотчетом на немецком языке

1

ДОКЛАД О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ И ОСНОВНЫХ
ЗАДАЧАХ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА
19 ИЮЛЯ

(Шумная овация. Весь зал встает и аплодирует. Оратор пытается говорить, но аплодисменты и возгласы на всех языках продолжают. Овация длится долго.) Товарищи, тезисы по вопросам об основных задачах Коммунистического Интернационала опубликованы на всех языках и (в особенности для русских товарищей) они не представляют из себя существенно нового, потому что в значительной мере распространяют некоторые основные черты нашего революционного опыта и уроки нашего революционного движения на целый ряд западных стран, на Западную Европу. Поэтому я в своем докладе остановлюсь несколько больше, хотя бы и в кратких чертах, на первой части предоставленной мне темы, именно на международном положении.

Основой всего международного положения, как оно сложилось теперь, являются экономические отношения империализма. В течение всего XX века вполне определилась эта новая, высшая и последняя ступень капитализма. Вы, конечно, все знаете, как самыми характерными, существенными чертами империализма явилось то, что капитал достиг громадных размеров. На место свободной конкуренции пришла монополия гигантских размеров. Ничтожное число капиталистов могло сосредоточить в своих руках иногда целые отрасли промышленности; они перешли в руки союзов, картелей, синдикатов, трестов, нередко международного характера. Оказались захваченными, таким образом, монополистами в отношении финансовом, в отношении права собственности, частью в отношении

производства целые отрасли промышленности, и не только в отдельных странах, но по всему миру. На этой почве развилось невиданное раньше господство ничтожного числа крупнейших банков, финансовых королей, финансовых магнатов, которые на деле превращали даже самые свободные республики в финансовые монархии. До войны это признавали, например, открыто такие отнюдь не революционные писатели, как Лизис во Франции.

Это господство кучки капиталистов дошло до полного развития тогда, когда весь земной шар оказался поделенным не только в смысле захвата различных источников сырья и средств производства крупнейшими капиталистами, но и в смысле законченности предварительного раздела колоний. Лет 40 тому назад считалось немного больше четверти миллиарда населения колоний, которое было подчинено шести капиталистическим державам. Перед войной 1914 года в колониях считалось уже около 600 миллионов населения, а если прибавить такие страны, как Персия, Турция, Китай, которые тогда уже были на положении полуколоний, мы получим в круглых цифрах миллиард населения, которое было угнетаемо богачейшими, цивилизованнейшими и свободнейшими странами посредством колониальной зависимости. А вы знаете, что, кроме прямой государственной юридической зависимости, колониальная зависимость предполагает целый ряд отношений зависимости финансовой и экономической, предполагает целый ряд войн, которые за войны не считались, потому что часто сводились к бойне, когда вооруженные самыми усовершенствованными орудиями истребления европейские и американские империалистские войска избивали безоружных и беззащитных жителей колониальных стран.

Из этого раздела всей земли, из этого господства капиталистической монополии, из этого всевластия ничтожного числа крупнейших банков, — двух, трех, четырех, пяти на государство, не более, — выросла с неизбежностью первая империалистская война 1914—1918 годов. Война эта шла из-за того, чтобы переделить весь мир. Война шла из-за того, какой из ничтожных групп крупнейших государств — английской или германской — получить возможность и право грабежа, удушения, эксплуатации всей земли. И вы знаете, как война решила этот вопрос в пользу английской группы. И в результате этой войны мы имеем

неизмеримо большее обострение всех капиталистических противоречий. Война отбросила сразу около четверти миллиарда населения земли в положение, которое равносильно колониальному. Она отбросила Россию, в которой надо считать около 130 миллионов, Австро-Венгрию, Германию, Болгарию, в которых не менее 120 миллионов. Четверть миллиарда населения — в странах, которые принадлежат частью, как Германия, к самым передовым, к самым просвещенным, культурным, технически стоящим на уровне современного прогресса. Война, путем Версальского договора, навязала им такие условия, что передовые народы оказались на положении колониальной зависимости, нищеты, голода, разорения и несправности, ибо они на многие поколения договором связаны и поставлены в такие условия, в которых ни один цивилизованный народ не жил. Вы имеете картину мира: после войны сразу не менее как *миллиард с четвертью* населения подвергается колониальному гнету, подвергается эксплуатации зверского капитализма, который хвастался миролюбием, и лет пятьдесят тому назад имел некоторые права хвастаться этим, пока земля не была поделена, пока не господствовала монополия, пока капитализм мог развиваться сравнительно мирно, без колоссальных военных конфликтов.

Теперь, после этой «мирной» эпохи, мы получили чудовищное обострение гнета, мы видим возвращение к гнету колониальному и военному еще более худшему, чем прежде. Версальский договор поставил и Германию, и целый ряд побежденных государств в условия материальной невозможности экономического существования, в условия полного бесправия и унижения.

Какое число наций воспользовалось этим? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны припомнить, что население Соединенных Штатов Америки, которая одна полностью выиграла от войны, которая всецело превратилась из страны, имевшей массу долгов, в страну, которой все должны, — ее население не больше 100 милл. Население Японии, которая выиграла очень много, оставаясь в стороне от европейско-американского конфликта и захватывая громадный азиатский материк, равно 50 миллионам. Население Англии, которая после этих стран выиграла больше всех, достигает 50 миллионов. И если прибавить нейтральные государства с очень малым населением,

которые разбогатели за время войны, мы получим, в круглых цифрах, четверть миллиарда.

Вы получаете, таким образом, в основных чертах картину мира, как она сложилась после империалистской войны. Миллиард с четвертью угнетенных колоний, — стран, которые делят живо, как Персия, Турция, Китай; стран, которые побеждены и брошены в положение колоний. Не больше четверти миллиарда, — это страны, которые уцлели на старом положении, но они все попали в экономическую зависимость от Америки и все во время войны были в зависимости военной, ибо война захватила весь мир, она не позволила ни одному государству оставаться нейтральным на деле. И мы имеем, наконец, не больше четверти миллиарда жителей в странах, в которых, разумеется, лишь верхушка, лишь капиталисты воспользовались дележкой земли. Сумма — около $1\frac{3}{4}$ миллиарда, составляющих все население земли. Я бы хотел эту картину мира вам напомнить, ибо все основные противоречия капитализма, империализма, которые приводят к революции, все основные противоречия в рабочем движении, которые привели к жесточайшей борьбе со II Интернационалом, о чем говорил тов. председатель, — все это связано с дележом населения земли.

Конечно, только в грубых, основных чертах этими цифрами иллюстрируется экономическая картина мира. И, товарищи, естественно, что на почве такого дележа населения всей земли эксплуатация финансового капитала, капиталистических монополий выросла во много раз больше.

Не только колониальные, побежденные страны попадают в положение зависимости, но и внутри каждой страны-победительницы развились противоречия более острые, все капиталистические противоречия обострились. И в кратких чертах покажу это на нескольких примерах.

Возьмите государственные долги. Мы знаем, что долги главнейших европейских государств выросли с 1914 по 1920 год не меньше, чем в семь раз. Приведу еще один экономический источник, который приобретает особенно большое значение, это — Кейнс, английский дипломат, автор книги «Экономические последствия мира», который, по поручению своего правительства, участвовал в версальских мирных переговорах, наблюдал их непосредственно с чисто буржуазной точки зрения, шаг за шагом

изучал дело детально и, как экономист, принимал участие в совещаниях. Он пришел к выводам, которые сильнее, нагляднее, назидательнее, чем любой вывод коммуниста-революционера, потому что выводы делает заведомый буржуа, беспощадный противник большевизма, который он себе рисует, как английский мещанин, в уродливом, свирепом, зверском виде. Кейнс пришел к выводам, что Европа и весь мир с Версальским миром идут к банкротству. Кейнс вышел в отставку, он в лицо правительству бросил свою книгу и сказал: вы делаете безумие. Я вам приведу его цифры, которые в общем сводятся к следующему.

Как сложились долговые отношения между главными державами? Я перевожу фунты стерлингов на золотые рубли, считая 10 золотых рублей на фунт стерлингов. И вот что получается: Соединенные Штаты имеют актив 19 миллиардов; пассив — ноль. Они были до войны должником Англии. Тов. Леви на последнем съезде Коммунистической партии Германии, 14-го апреля 1920 года, в своем докладе справедливо указал, что остались две державы, которые самостоятельно выступают теперь в мире: Англия и Америка. Только Америка оказалась в финансовом положении абсолютно самостоятельной. Она была должником до войны, теперь она только кредитор. Все остальные державы мира в долгу. Англия попала в такое положение, что актив ее 17 миллиардов, пассив — 8 миллиардов, она наполовину уже попала в положение должника. Притом в ее актив попало около 6 миллиардов, которые должна Россия. Военные запасы, которые во время войны делала Россия, включаются в ее долг. Недавно, когда Красин имел случай беседовать с Ллойд-Джорджем, как представитель Российского советского правительства, на тему о долговых договорах, он наглядно выяснил ученым и политикам, вождям английского правительства, что если они рассчитывают долги получить, то они в странном заблуждении находятся. И заблуждение это вскрыл уже английский дипломат Кейнс.

Дело, конечно, не только в том, и даже вовсе не в том, что русское революционное правительство не хочет платить долгов. Какое угодно правительство не могло бы заплатить, потому что эти долги есть ростовщический начет на то, что уже 20 раз оплачено, и этот же самый буржуа

Кейнс, несколько не сочувствующий русскому революционному движению, говорит: «Понятно, что этих долгов считать нельзя».

Относительно Франции Кейнс приводит цифры такого рода: ее актив равняется трем с половиной миллиардам, а пассив — десяти с половиной! И это — страна, о которой сами французы говорили, что это ростовщик всего мира, потому что ее «сбережения» были колоссальны, колониальный и финансовый грабеж, составивший ей гигантский капитал, дал ей возможность давать займы миллиарды и миллиарды, в особенности России. С этих займов получался гигантский доход. И несмотря на это, несмотря на победу, Франция попала в положение должника.

Один буржуазный американский источник, приводимый товарищем Брауном, коммунистом, в его книге «Кто должен платить военные долги?» (Лейпциг, 1920), определяет отношение долгов к национальному имуществу таким образом: в странах победивших, в Англии и Франции, долги составляют более 50% всего национального имущества. В отношении Италии процент этот составляет 60—70, в отношении России — 90, но нас, как вы знаете, эти долги не беспокоят, потому что мы немножко раньше, чем появилась книжка Кейнса, последовали его прекрасному совету — все долги аннулировали. (Бурные аплодисменты.)

Кейнс только обнаруживает при этом обычную флистерскую странность: давая свой совет аннулировать все долги, он говорит, что, конечно, Франция только выиграет, конечно, Англия потеряет не очень много, ибо все равно с России ничего не возьмешь; порядком потеряет Америка, но Кейнс рассчитывает на американское «благородство»! На этот счет мы разойдемся во взглядах с Кейнсом и с другими мешанскими пацифистами. Мы думаем, что для аннулирования долгов придется им подождать чего-нибудь иного и поработать в каком-нибудь ином направлении, а не в направлении расчетов на «благородство» господ капиталистов.

Из этих самых кратких цифр видно, что империалистская война создала также и для стран-победительниц положение невозможное. На это указывает и громадное несоответствие между заработной платой и ростом цен. Верховный экономический совет, который представляет из себя

учреждение, защищающее буржуазный порядок всего мира от растущей революции, 8 марта текущего года вынес резолюцию, заканчивающуюся призывом к порядку, трудолюбию и бережливости, конечно, при условии, что рабочие останутся рабами капитала. Этот Верховный экономический совет, орган Антанты, орган капиталистов всего мира, подвел такие итоги.

Цены продуктов повысились в среднем в Соединенных Штатах Америки на 120%, а заработная плата возросла там только на 100%. В Англии — продукты на 170%, заработная плата на 130%. Во Франции цены продуктов — на 300%, заработная плата на 200%. В Японии — продукты на 130%, заработная плата на 60% (я сопоставляю цифры тов. Брауна в его названной выше брошюре и цифры Верх. экон. совета из газеты «Таймс» от 10 марта 1920 года).

Ясное дело, что при таком положении рост возмущения рабочих, рост революционных настроений и идей, рост стихийных массовых стачек неизбежен. Ибо положение рабочих становится невыносимым. Рабочие убеждаются на опыте, что капиталисты безмерно нажились на войне и сваливают расходы и долги на плечи рабочих. Недавно телеграф сообщил нам, что Америка хочет выслать к нам, в Россию, еще 500 коммунистов, чтобы избавиться от «вредных агитаторов».

Если бы даже Америка не 500, а целых 500 000 русских, американских, японских, французских «агитаторов» выслала к нам, то дело не изменится, ибо останется это несоответствие цен, с которым они поделаться ничего не могут. А поделаться они ничего не могут потому, что частная собственность у них строгаише охраняется, у них она «священна». Этого не надо забывать, ибо частная собственность эксплуататоров разрушена только в России. С этим несоответствием цен капиталисты ничего поделаться не могут, а рабочие при старой заработной плате жить не могут. Против этого бедствия никакими старыми методами ничего не поделаешь, никакие отдельные стачки, ни парламентская борьба, ни голосование сделать ничего не могут, ибо «частная собственность священна», и капиталисты накопили такие долги, что весь мир закабален у кучки людей; а между тем, условия жизни рабочих становятся все более и более невыносимыми. Выхода нет, кроме уничтожения «частной собственности» эксплуататоров.

Тов. Лаппинский в своей брошюре «Англия и мировая революция», из которой наш «Вестник Народного Комиссариата Иностранных Дел» в феврале 1920 года опубликовал ценные извлечения, указывает, что в Англии вывозные цены на уголь оказались вдвое большими, чем предполагали официальные промышленные круги.

В Ланкашире дошло до того, что рост ценности акций определился в 400%. Доход банков составляет 40—50% минимум, причем надо еще отметить, что при определении дохода банков все банковские деятели умеют львиную часть дохода проводить тайком, таким образом, что это не называется доходом, а прячется под видом наградных, тантьем и т. п. Так что и тут бесспорные экономические факты показывают, что богатство ничтожной кучки людей возросло невероятно, неслыханная роскошь переходит все пределы, а в то же время нужда рабочего класса все усиливается. В особенности надо отметить еще то обстоятельство, которое чрезвычайно наглядно подчеркнул тов. Леви в своем названном выше докладе: это — изменение ценности денег. Деньги везде обесценились вследствие долгов, выпуска бумажных денег и т. д. Тот же самый буржуазный источник, который я уже назвал, именно заявление Верховного экономического совета от 8 марта 1920 года, приводит расчет, что в Англии понижение ценности денег, по сравнению с долларами, составляет приблизительно одну треть; во Франции и Италии — две трети, а в Германии доходит до 96%.

Этот факт показывает, что «механика» мирового капиталистического хозяйства распадается целиком. Тех торговых отношений, на которых держится при капитализме получение сырья и сбыт продуктов, нет возможности продолжать; нет возможности продолжать их именно на почве подчинения целого ряда стран одной стране — в силу изменения стоимости денег. Ни одна богатейшая страна не имеет возможности существовать и не имеет возможности торговать, потому что она не может продавать своих продуктов, не может получать сырья.

И, таким образом, получается, что та же Америка, богатейшая страна, которой подчинены все страны, не может покупать и продавать. И тот же Кейнс, прошедший огонь и воду и медные трубы версальских переговоров, вынужден признать эту невозможность, несмотря на всю его

непреклонную решимость защищать капитализм, несмотря на всю его ненависть к большевизму. Кстати сказать, я не думаю, чтобы хоть одно коммунистическое или вообще революционное воззвание могло по своей силе сравниться с теми страницами у Кейнса, где он рисует Вильсона и «вильсонизм» на практике. Вильсон был идолом мещан и пацифистов, вроде Кейнса и ряда героев II Интернационала (и даже Интернационала «два с половиной»), которые молились на «14 пунктов» и писали даже «ученые» книги о «корнях» политики Вильсона, надеясь, что Вильсон спасет «социальный мир», помирит эксплуататоров с эксплуатируемыми, осуществит социальные реформы. Кейнс разоблачил наглядно, как Вильсон оказался дурачком, и все эти иллюзии разлетелись в прах при первом же соприкосновении с деловой, деляческой, купцовской политической капитала в лице господ Клемансо и Ллойд-Джорджа. Рабочие массы видят теперь все яснее из опыта своей жизни, а ученые педанты могли бы видеть даже из книги Кейнса, что «корни» политики Вильсона сводились только к поповской глупости, к мелкобуржуазной фразе, к полному непониманию борьбы классов.

В силу всего этого совершенно неизбежно и естественно вытекают два условия, два коренных положения. С одной стороны, нужда, разорение масс возросли неслыханно, и прежде всего по отношению к $1\frac{1}{4}$ миллиарда людей, т. е. 70% всего населения земли. Это — страны колониальные, зависимые, с юридически бесправным населением, страны, на которые «выдан мандат» финансовым разбойникам. Да, кроме того, рабство побежденных стран закрепил Версальский договор и те тайные договоры, которые существуют по отношению к России, правда, по силе своей иногда столь же реальные, как и бумажки, на которых написано, что мы должны столько-то миллиардов. Мы имеем в мировой истории первый случай юридического закрепления грабежа, рабства, зависимости, нищеты и голода по отношению к миллиарду с четвертью людей.

А с другой стороны, в каждой из стран, которые оказались кредиторами, рабочие оказались в положении невыносимом. Война принесла неслыханное обострение всех капиталистических противоречий, и в этом источник того глубочайшего революционного брожения, которое

разрастается, ибо на войне люди были поставлены в условия военной дисциплины, были брошены на смерть или поставлены под угрозу немедленной военной расправы. Условия войны не давали возможности посмотреть на экономическую действительность. Писатели, поэты, поэты, поэты, вся печать шли на дело прославления войны и только. Теперь, когда война кончилась, начался разоблачения. Разоблачен германский империализм с его Брест-Литовским миром. Разоблачен Версальский мир, который должен был быть победой империализма, а оказался его поражением. Пример Кейнса показывает, между прочим, как десятки и сотни тысяч людей из мелкой буржуазии, из интеллигентов, из числа просто сколько-нибудь развитых, грамотных людей в Европе и Америке должны были пойти по этой дорожке, по которой пошел Кейнс, который вышел в отставку и бросил своему правительству в лицо книгу, это правительство изобличающую. Кейнс показал, что происходит и произойдет в сознании тысяч и сотен тысяч людей, когда они поймут, что все эти речи о «войне за свободу» и т. п. были сплошным обманом, что в результате обогатилось только незначительное число, а остальные разорились и попали в кабалу. Ведь, буржуа Кейнс говорит, что англичане должны для спасения своей жизни, для спасения английского хозяйства добиться, чтобы между Германией и Россией возобновились свободные торговые отношения! Каким же образом можно этого добиться? Таким образом, что аннулировать все долги, как предлагает Кейнс! Это — идея не одного только ученого экономиста Кейнса. К этой идее приходят и придут миллионы. И миллионы людей слышат, что буржуазные экономисты говорят, что выхода нет, кроме аннулирования долгов, а поэтому-де «проклятие большевикам» (которые долги аннулировали) и давайте обратимся к «благородству» Америки!! — я думаю, что таким экономистам-агитаторам за большевизм следовало бы от имени съезда Коммунистического Интернационала послать благодарственный адрес.

Если, с одной стороны, экономическое положение масс оказалось невыносимым, если, с другой стороны, среди ничтожного меньшинства всемогущих стран-победительниц начался и усиливается распад, иллюстрируемый Кейнсом, то мы видим налицо как раз нарастание обеих условий мировой революции.

Мы имеем теперь перед глазами несколько более полную картину всего мира. Мы знаем, что такое означает эта зависимость от горстки богачей миллиарда с четвертью людей, которые поставлены в условия невозможного существования. А с другой стороны, когда преподнесли народам договор Лиги наций, по которому Лигой наций объявляется, что она прекратила войны и отныне не позволит никому нарушать мир, когда этот договор, как последняя надежда трудящихся масс во всем мире, вступил в действие, это оказалось величайшей победой для нас. Когда он еще не вступал в действие, тогда говорили: нельзя такую страну, как Германия, не подчинять особым условиям; вот когда будет договор, увидите, как это хорошо выйдет. И когда договор был опубликован, ярые противники большевизма должны были отречься от него! Когда договор начал вступать в действие, оказалось, что ничтожную группу богатейших стран, эту «толстую четверку» — Клемансо, Ллойд-Джорджа, Орландо и Вильсона — посадили устраивать новые отношения! Когда пустили в ход машину договора, она привела к полному распаду!

Это мы видели на войнах против России. Слабая, разоренная, подавленная Россия, самая отсталая страна борется против всех наций, против союза богатых, могущественных держав, которые господствуют над всей землей, и оказывается победительницей. Мы не могли противопоставить хоть сколько-нибудь равной силы, а оказались победителями. Почему? Потому что между ними не было ни тени единства, потому что одна держава действовала против другой. Франции хотелось, чтобы Россия заплатила ей долги и была грозной силой против Германии; Англии хотелось дележа России, Англия пробовала захватить бакинскую нефть и заключить договор с окраинными государствами России. И в английских официальных документах есть книга, где перечисляются с чрезвычайной добросовестностью все государства (их насчитали 14), которые пообещали с полгода тому назад, в декабре 1919 г., взять Москву и Петроград. На этих государствах Англия строила свою политику, давала им займы миллионы и миллионы. Но теперь все эти расчеты крахнули и все займы лопнули.

Вот положение, которое создала Лига наций. Каждый день существования этого договора есть лучшая агитация

за большевизм. Ибо самые могущественные сторонники капиталистического «порядка» показывают, что по каждому вопросу они подставляют друг другу ножку. Из-за дележа Турции, Персии, Месопотамии, Китая идет бешеная грызня между Японией, Англией, Америкой и Францией. Буржуазная пресса этих стран полна самых бешеных нападок, самых озлобленных выступлений против своих «коллег» за то, что они вырывают из-под носа добычу. Мы видим полный распад наверху среди этой кучки ничтожнейшего числа богатейших стран. Невозможно миллиарду с четвертью людей жить так, как хочет их поработить «передовой» и цивилизованный капитализм, а ведь это 70% населения земли. А ничтожнейшая кучка богатейших держав, Англия, Америка, Япония (Япония имела возможность грабить восточные, азиатские страны, но она никакой самостоятельной силы финансовой и военной без поддержки другой страны иметь не может), эти 2—3 страны не в состоянии наладить экономические отношения и направляют свою политику к срыву политики своих участников и партнеров по Лиге наций. Отсюда вытекает мировой кризис. И эти экономические корни кризиса являются основной причиной того, почему Коммунистический Интернационал одерживает блестящие успехи.

Товарищи! Мы подошли теперь к вопросу о революционном кризисе, как основе нашего революционного действия. И тут надо, прежде всего, отметить две распространенные ошибки. С одной стороны, буржуазные экономисты изображают этот кризис как простое «беспокойство», по изящному выражению англичан. С другой стороны, иногда революционеры стараются доказать, что кризис абсолютно безвыходный.

Это ошибка. Абсолютно безвыходных положений не бывает. Буржуазия ведет себя, как обнаглевший и потерявший голову хищник, она делает глупость за глупостью, обостряя положение, ускоряя свою гибель. Все это так. Но нельзя «доказать», что нет абсолютно никакой возможности, чтобы она не усыпила такое-то меньшинство эксплуатируемых такими-то уступочками, чтобы она не подавила такое-то движение или восстание такой-то части угнетенных и эксплуатируемых. Пытаться «доказывать» наперед «абсолютную» безвыходность было бы пу-

стым педантством или игрой в понятия и в словечки. Настоящим «доказательством» в этом и подобных вопросах может быть только практика. Буржуазный строй во всем мире переживает величайший революционный кризис. Надо «доказать» теперь практикой революционных партий, что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплуатируемыми массами, решительности, умения, чтобы использовать этот кризис для успешной, для победоносной революции.

Для подготовки этого «доказательства» и собрались мы главным образом на настоящий конгресс Коммунистического Интернационала.

В пример того, до какой степени господствует еще оппортунизм среди партий, желающих примкнуть к III Интернационалу, до какой степени далека еще работа этих партий от подготовки революционного класса к использованию революционного кризиса, я приведу вождя английской «Независимой рабочей партии», Рамсея Макдональда. В своей книге «Парламент и революция», посвященной как раз коренным вопросам, занимающим теперь и нас, Макдональд описывает положение дел приблизительно в духе буржуазных пацифистов. Он признает, что революционный кризис есть, что революционное настроение растет, что рабочие массы сочувствуют Советской власти и диктатуре пролетариата (заметьте: речь идет об Англии), что диктатура пролетариата лучше, чем теперешняя диктатура английской буржуазии.

Но Макдональд остается насквозь буржуазным пацифистом и соглашателем, мелким буржуа, мечтающим о внеклассовом правительстве. Макдональд признает классовую борьбу только как «описательный факт», подобно всем лгунам, софистам и педантам буржуазии. Макдональд проходит молчанием опыт Керенского и меньшевиков с эсерами в России, однородный опыт Венгрии, Германии и т. д. насчет создания «демократического» и, будто бы, внеклассового правительства. Макдональд усыпляет свою партию и тех рабочих, которые имеют несчастье принимать этого буржуа за социалиста и этого филистера за вождя, словами: «Мы знаем, что это (т. е. революционный кризис, революционное брожение) пройдет, уляжется». Война неизбежно вызвала кризис, но после войны, хотя бы и не сразу, «все уляжется»!

И так пишет человек, являющийся вождем партии, желающей примкнуть к III Интернационалу. Мы имеем здесь редкое по откровенности и тем более ценное разоблачение того, что наблюдается не менее часто на верхах французской социалистической и германской независимой с.-д. партий, именно: не только неумение, но и нежелание использовать в революционном смысле революционный кризис, или, другими словами, и неумение, и нежелание вести действительно революционную подготовку партии и класса к диктатуре пролетариата.

Это — основное зло очень и очень многих партий, ныне отходящих от II Интернационала. И именно поэтому я больше всего останавливаюсь в тех тезисах, которые я предложил настоящему конгрессу, на возможно более конкретном и точном определении задач *подготовки* к диктатуре пролетариата.

Еще один пример. Недавно опубликована новая книга против большевизма. Книг такого рода выходит теперь в Европе и Америке необыкновенно много, и чем больше выходит книг против большевизма, тем сильнее и быстрее растут в массах симпатии к нему. Я имею в виду книгу Отто Бауэра: «Большевизм или социал-демократия?». Здесь для немцев наглядно показано, что такое меньшевизм, позорная роль которого в русской революции достаточно понята рабочими всех стран. Отто Бауэр дал писк сквозь меньшевистский памфлет, хотя и скрыл свое сочувствие меньшевизму. Но в Европе и Америке необходимо теперь распространить более точное знание того, что такое меньшевизм, ибо это есть родовое понятие для всех якобы социалистических, социал-демократических и т. п. направлений, враждебных большевизму. Нам, русским, было бы скучно писать для Европы о том, что такое меньшевизм. Отто Бауэр показал это на деле в своей книге, и мы заранее благодарим буржуазных и оппортунистических издателей, которые будут издавать ее и переводить на разные языки. Книга Бауэра будет полезным, хотя и своеобразным дополнением к учебникам коммунизма. Возьмите любой параграф, любое рассуждение у Отто Бауэра и докажете, в чем тут меньшевизм, где тут корни взглядов, ведущих к практике предателей социализма, друзей Керенского, Шейдемана и т. д. — такова будет задача, которую с пользой и с успехом можно бы предлагать на «экзаменах»

для проверки того, усвоен ли коммунизм. Если вы этой задаче решить не можете, вы еще не коммунист и вам лучше не входить в коммунистическую партию. (Аплодисменты.)

Отто Бауэр превосходно выразил всю суть взглядов всемирного оппортунизма в одной фразе, за которую, — если бы мы свободно распоряжались в Вене, — мы должны были бы поставить ему при жизни памятник. Применение насилия в классовой борьбе современных демократий — изрек О. Бауэр — было бы «насилиям над социальными факторами силы».

Вероятно, вы найдете, что это звучит странно и непонятно? Вот образец того, до чего довели марксизм, до какой пошлости и защиты эксплуататоров *можно* довести самую революционную теорию. Нужна немецкая разновидность мешанства, и вы получите «теорию», что «социальные факторы силы», это — число, организованность, место в процессе производства и распределения, активность, образование. Если батрак в деревне, рабочий в городе совершает революционное насилие над помещиком и капиталистом, это вовсе не есть диктатура пролетариата, вовсе не насилие над эксплуататорами и угнетателями народа. Ничего подобного. Это — «насилие над социальными факторами силы».

Может быть, мой пример вышел немного юмористическим. Но такова уж натура современного оппортунизма, что его борьба с большевизмом превращается в юмористику. Втянуть рабочий класс, все, что есть мыслящего в нем, в борьбу интернационального меньшевизма (Макдональдов, О. Бауэров и К^о) с большевизмом, — дело для Европы и Америки самое полезное, самое настоящее.

Тут мы должны поставить вопрос, чем объясняется прочность таких направлений в Европе и почему этот оппортунизм в Западной Европе сильнее, чем у нас. Да потому, что передовые страны создали и создают свою культуру возможностью жить за счет миллиарда угнетенных людей. Потому, что капиталисты этих стран получают много сверх того, что они могли бы получить, как прибыль от грабежа рабочих своей страны.

До войны считали, что три богатейших страны, Англия, Франция и Германия, от одного только вывоза капитала

за границу, не считая других доходов, имеют в год 8—10 миллиардов франков дохода.

Понятно, что из этой милой суммы можно бросить хотя бы полмиллиарда на подачку рабочим вождям, рабочей аристократии, на всяческие виды подкупа. И все дело сводится именно к подкупу. Это делается тысячами разнообразных путей: повышением культуры в наиболее крупных центрах, созданием образовательных учреждений, созданием тысяч местечек для вождей кооперативов, для вождей тред-юнионов, парламентских вождей. Но это делается везде, где есть современные цивилизованные капиталистические отношения. И эти миллиарды сверхприбыли — есть экономическая основа, на которой держится оппортунизм в рабочем движении. Мы имеем в Америке, в Англии, во Франции неизмеримо более сильное упорство оппортунистических вождей, верхушки рабочего класса, аристократии рабочих; они оказывают более сильное сопротивление коммунистическому движению. И поэтому мы должны быть готовы к тому, что освобождение европейских и американских рабочих партий от этой болезни пойдет труднее, чем у нас. Мы знаем, что со времени основания III Интернационала в деле излечения этой болезни сделаны громаднейшие успехи, но до решительного конца мы еще не дошли: очищение рабочих партий, революционных партий пролетариата во всем мире от буржуазного влияния, от оппортунистов в их собственной среде далеко еще не закончилось.

Я не буду останавливаться на том, как конкретно мы должны это провести. Об этом говорится в моих тезисах, которые опубликованы. Мое дело — указать здесь на глубокие экономические корни этого явления. Болезнь эта затянулась, излечение ее затянулось дольше, чем оптимисты могли надеяться. Оппортунизм — наш главный враг. Оппортунизм в верхах рабочего движения, это — социализм не пролетарский, а буржуазный. Практически доказано, что деятели внутри рабочего движения, принадлежащие к оппортунистическому направлению, — лучшие защитники буржуазии, чем сами буржуа. Без их руководства рабочими буржуазия не смогла бы держаться. Это доказывает не только история режима Керенского в России, это доказывается демократической республикой в Германии, с ее социал-демократическим правительством

во главе, это доказывается отношением Альбера Тома к своему буржуазному правительству. Это доказывает аналогичный опыт в Англии и в Соединенных Штатах. Здесь наш главный враг, и нам надо над этим врагом одержать победу. Нам надо уйти с конгресса с твердым решением, чтобы во всех партиях эту борьбу довести до конца. Это главная задача.

По сравнению с этой задачей, исправление ошибок «левого» течения в коммунизме будет задачей легкой. В целом ряде стран мы наблюдаем антипарламентаризм, который не столько приносится выходцами из мелкой буржуазии, сколько поддерживается некоторыми передовыми отрядами пролетариата из ненависти к старому парламентаризму, из законной, правильной, необходимой ненависти к поведению парламентских деятелей в Англии, во Франции, в Италии, во всех странах. Надо дать руководящие указания от Коммунистического Интернационала, познакомить товарищей ближе, теснее с русским опытом, со значением настоящей пролетарской политической партии. В решении этой задачи будет состоять наша работа. И борьба с этими ошибками пролетарского движения, с этими недостатками в тысячу раз будет легче, чем борьба с той буржуазией, которая под видом реформистов входит в старые партии II Интернационала и направляет всю их работу не в пролетарском, а в буржуазном духе.

Товарищи, я, в заключение, остановлюсь еще на одной стороне дела. Здесь товарищ председатель говорил о том, что конгресс заслуживает названия всемирного. Я думаю, что он прав потому в особенности, что мы имеем здесь не мало представителей революционного движения колониальных, отсталых стран. Это только слабое начало, но важно уже то, что это начало положено. Объединение революционных пролетариатов капиталистических, передовых стран с революционными массами тех стран, где пролетариата нет или почти нет, с угнетенными массами колониальных, восточных стран, это объединение на настоящем конгрессе происходит. И от нас зависит, — я уверен, что мы это сделаем, — это объединение закрепить. Всемирный империализм должен пасть, когда революционный натиск эксплуатируемых и угнетенных рабочих внутри каждой страны, побеждая сопротивление мещанских элементов

и влияние ничтожной верхушки рабочей аристократии, соединится с революционным натиском сотен миллионов человечества, которое до сих пор стояло вне истории, рассматривалось только как ее объект.

Империалистская война помогла революции, буржуазия вырвала из колоний, из отсталых стран, из заброшенности, солдат для участия в этой империалистской войне. Английская буржуазия внушала солдатам из Индии, что дело индусских крестьян защищать Великобританию от Германии, французская буржуазия внушала солдатам из французских колоний, что дело чернокожих защищать Францию. Они учили умению владеть оружием. Это чрезвычайно полезное умение, и мы за это буржуазию глубочайше могли бы благодарить, — благодарить от имени всех русских рабочих и крестьян и от имени всей русской Красной Армии особенно. Империалистская война втянула зависимые народы в мировую историю. И одна из важнейших наших задач теперь — подумать над тем, как положить первый камень организации советского движения в некапиталистических странах. Советы там возможны; они будут не рабочими, они будут крестьянскими Советами или Советами трудящихся.

Потребуется много работы, будут неизбежны ошибки, много трудностей встретится на этом пути. Основная задача II конгресса — выработать или наметить практические начала, чтобы работа, которая до сих пор шла среди сотен миллионов людей неорганизованно, пошла бы организовано, сплоченно, систематично.

Через год, немногим больше, после I конгресса Коммунистического Интернационала, мы выступаем теперь победителями по отношению ко II Интернационалу; советские идеи распространены теперь не только среди рабочих цивилизованных стран, не только им понятны и известны; рабочие во всех странах смеются над умниками, среди которых не мало таких, которые называют себя социалистами и которые рассуждают ученым или почти ученым образом о советской «системе», как любят выражаться систематики немцы, или о советской «идее», как выражаются английские «гильдейские» социалисты; эти рассуждения о советской «системе» и «идее» засоряют нередко рабочим глаза и умы. Но рабочие отметают этот педантский сор прочь и берутся за то оружие, которое Советы

дали. Понимание роли и значения Советов распространилось теперь и на страны Востока.

Начало советскому движению положено на всем Востоке, во всей Азии, среди всех колониальных народов.

То положение, что эксплуатируемый должен восстать против эксплуататора и создать свои Советы, не слишком сложно. Оно после нашего опыта, после двух с половиной лет Советской республики в России, после I конгресса III Интернационала, становится доступным сотням миллионов угнетенных эксплуататорами масс во всем мире, и если мы теперь в России нередко вынуждены заключать компромиссы, выжидать время, ибо мы слабее, чем международные империалисты, то мы знаем, что миллиард с четвертью населения является той массой, интересы которой защищаем мы. Нам пока мешают те рогадки, те предрассудки, то невежество, которое с каждым часом уходит в прошлое, но мы, чем дальше, тем больше, представляем и защищаем на деле эти 70% населения земли, эту массу трудящихся и эксплуатируемых. Мы можем с гордостью сказать: на первом конгрессе мы были, в сущности, только пропагандистами, мы только бросали пролетариату всего мира основные идеи, мы только бросали призыв к борьбе, мы только спрашивали: где люди, которые способны пойти по этому пути? Теперь у нас есть везде передовой пролетариат. Есть везде, хотя иногда и плохо организованная, требующая переорганизации пролетарская армия, и если наши международные товарищи помогут нам теперь организовать единую армию, то никакие недочеты не помешают нам наше дело сделать. Это дело есть дело всемирной пролетарской революции, дело создания всемирной Советской республики. (Продолжительные аплодисменты.)

2

РЕЧЬ О РОЛИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
23 ИЮЛЯ

Товарищи, я хотел бы сделать несколько замечаний, имеющих отношение к речам гг. Таннера и Мак-Лейна. Таннер говорит, что он стоит за диктатуру пролетариата, но диктатура пролетариата представляется не совсем такой, какой ее представляем себе мы. Он говорит, что мы понимаем под диктатурой пролетариата в сущности диктатуру его организованного и сознательного меньшинства.

И действительно, в эпоху капитализма, когда рабочие массы подвергаются непрерывной эксплуатации и не могут развивать своих человеческих способностей, наиболее характерным для рабочих политических партий является именно то, что они могут охватывать лишь меньшинство своего класса. Политическая партия может объединить лишь меньшинство класса, так же, как действительно сознательные рабочие во всяком капиталистическом обществе составляют лишь меньшинство всех рабочих. Поэтому мы вынуждены признать, что лишь это сознательное меньшинство может руководить широкими рабочими массами и вести их за собой. И если г. Таннер говорит, что он враг партии, но в то же время за то, чтобы меньшинство лучше всего организованных и наиболее революционных рабочих указывало путь всему пролетариату, то я говорю, что разницы между нами в действительности нет. Что представляет собой организованное меньшинство? Если это меньшинство действительно сознательно, если оно умеет вести за собой массы, если оно способно ответить на каждый вопрос, становящийся в порядок дня, — тогда оно, в сущности, является партией. И если такие товарищи,

как Таннер, с которыми мы особенно считаемся, как с представителями массового движения, — чего нельзя без натяжки сказать о представителях Британской социалистической партии, — если эти товарищи стоят за то, чтобы существовало меньшинство, которое решительно боролось бы за диктатуру пролетариата и которое воспитывало бы в этом направлении рабочие массы, то, в сущности, такое меньшинство есть не что иное, как партия. Тов. Таннер говорит, что это меньшинство должно организовать и вести за собой всю рабочую массу. Если тов. Таннер и другие товарищи из группы шоп-стюарт и союза Индустриальных рабочих мира (I. W. W.) это признают, — а каждый день мы в беседах с ними видим, что они действительно это признают, — если они одобряют такое положение, когда сознательное коммунистическое меньшинство рабочего класса ведет за собой пролетариат, то они должны согласиться и с тем, что смысл всех наших резолюций именно таков. И тогда единственное различие, существующее между нами, заключается лишь в том, что они избегают слова «партия», потому что среди английских товарищей имеется известного рода предубеждение против политической партии. Они представляют себе политическую партию не иначе, как наподобие партий Гомперса и Гендерсона, партий парламентских дельцов, предателей рабочего класса. И если они представляют себе парламентаризм именно таким, каким в настоящее время является парламентаризм английский и американский, то мы также являемся врагами подобного парламентаризма и подобных политических партий. Нам нужны новые партии, партии иные. Нам нужны такие партии, которые находились бы постоянно в действительной связи с массами и которые умели бы этими массами руководить.

Я перехожу к третьему вопросу, который я хотел здесь затронуть в связи с речью т. Мак-Лейна. Он является сторонником присоединения английской коммунистической партии к Рабочей партии. Я уже высказался по этому вопросу в моих тезисах о приеме в III Интернационал⁴³. В моей брошюре я оставил этот вопрос открытым⁴⁴. Однако, поговорив со многими товарищами, я пришел к убеждению, что решение остаться в Рабочей партии является единственно правильной тактикой. Но вот выступает т. Таннер и заявляет: не будьте слишком догматичны. Это

выражение здесь совсем неуместно. Тов. Рамзай говорит: позвольте нам, английским коммунистам, самим решить этот вопрос. Чем же был бы Интернационал, если бы всякая маленькая фракция приходила бы и говорила: некоторые из нас стоят за это, некоторые — против; предоставьте нам решить самим? Зачем бы тогда понадобились Интернационал, конгресс и вся эта дискуссия? Тов. Мак-Лейн говорил лишь о роли политической партии. Но ведь то же самое относится и к профессиональным союзам и к парламентаризму. Совершенно верно, что большая часть лучших революционеров против присоединения к Рабочей партии, так как они отрицательно относятся к парламентаризму, как средству борьбы. Быть может, лучше всего поэтому передать этот вопрос в комиссию. Она должна его обсудить, изучить, и он безусловно должен быть разрешен данным конгрессом Коммунистического Интернационала. Мы не можем согласиться с тем, что он касается только английских коммунистов. Мы должны сказать вообще, какая тактика является правильной.

Теперь я остановлюсь на некоторых аргументах тов. Мак-Лейна, в связи с вопросом об английской Рабочей партии. Нужно говорить открыто: партия коммунистов может присоединиться к Рабочей партии только при условии, если она сохранит полную свободу критики и сможет вести свою собственную политику. Это — самое важное. Когда тов. Серрати говорит по этому поводу о сотрудничестве классов, то я заявляю: это — не сотрудничество классов. Если итальянские товарищи терпят в своей партии оппортунистов вроде Турати и К^о, т. е. буржуазные элементы, то это, действительно, есть сотрудничество классов. Но в данном случае, в отношении к английской Рабочей партии дело идет лишь о сотрудничестве передового меньшинства английских рабочих с их подавляющим большинством. Члены Рабочей партии, это — все члены профессиональных союзов. Это очень оригинальная структура, которой мы не находим ни в какой другой стране. Эта организация охватывает 4 миллиона рабочих из 6 или 7 миллионов членов профессиональных союзов. Их не спрашивают о том, каковы их политические убеждения. Пусть докажет мне тов. Серрати, что нам кто-нибудь мешает использовать там право критики. Когда вы это докажете, только тогда вы докажете, что тов. Мак-Лейн ошибается. Британская

социалистическая партия может свободно говорить, что Гендерсон предатель, и тем не менее оставаться в рядах Рабочей партии. И здесь осуществляется сотрудничество авангарда рабочего класса с отсталыми рабочими, с арьергардом. Это сотрудничество имеет настолько большое значение для всего движения, что мы категорически настаиваем на том, чтобы английские коммунисты являлись связующим звеном между партией, т. е. меньшинством рабочего класса, и всей остальной массой рабочих. Если меньшинство не умеет руководить массами, тесно связаться с ними, то оно не является партией и вообще ничего не стоит, хотя бы оно называло себя партией или национальным комитетом Советов фабричных старост, — насколько я знаю, Советы фабрично-заводских старост в Англии имеют свой национальный комитет, центральное руководство, а это — уже шаг к партии. Следовательно, если не будет опровергнуто, что английская Рабочая партия состоит из пролетариев, то это — сотрудничество авангарда рабочего класса с отсталыми рабочими, и если это сотрудничество не будет систематически осуществляться, тогда коммунистическая партия ничего не стоит, и тогда не может быть и речи о диктатуре пролетариата. И если наши итальянские товарищи не имеют более убедительных аргументов, то мы должны будем позднее здесь окончательно решить вопрос на основании того, что мы знаем, и — придем к заключению, что присоединение является правильной тактикой.

Товарищи Таннер и Рамзай говорят нам, что большинство английских коммунистов не согласится на присоединение, но должны ли мы непременно соглашаться с большинством? Совсем нет. Если оно не поняло еще, какая тактика правильна, быть может, можно выждать. Даже параллельное существование двух партий на некоторое время было бы лучше, чем отказ от ответа на вопрос, какая тактика правильна. Конечно, исходя из опыта всех членов конгресса, на основании приведенных здесь аргументов, вы не будете настаивать на том, чтобы мы здесь же вынесли постановление о немедленном создании во всех странах единой коммунистической партии. Это невозможно. Но сказать открыто наше мнение, дать директивы — это мы можем. Мы должны вопрос, затронутый английской делегацией, изучить в специальной комиссии и после этого сказать:

правильная тактика, это — вхождение в Рабочую партию. Если большинство будет против этого, мы должны организовать меньшинство отдельно. Это будет иметь воспитательное значение. Если английские рабочие массы все еще верят в прежнюю тактику, мы проверим наши выводы на ближайшем конгрессе. Но мы не можем сказать, что этот вопрос касается лишь Англии, — это было бы подражанием самым худшим привычкам II Интернационала. Мы должны открыто высказать свое мнение. Если английские коммунисты не придут к соглашению, и если массовая партия не создана, то раскол так или иначе неизбежен.

3

ДОКЛАД КОМИССИИ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ
И КОЛОНИАЛЬНОМУ ВОПРОСАМ
26 ИЮЛЯ⁴⁵

Товарищи, я ограничусь лишь кратким введением, а затем тов. Маринг, бывший секретарем нашей комиссии, представит вам подробный доклад о тех изменениях, которые мы сделали в тезисах. После него возьмет слово тов. Рой, формулировавший дополнительные тезисы. Комиссия наша приняла единогласно как первоначальные тезисы с изменениями, так и дополнительные. Таким образом нам удалось прийти к полному единодушию по всем важнейшим вопросам. Теперь сделаю несколько кратких замечаний.

Во-первых, что является самой важной, основной идеей наших тезисов? Различие между угнетенными и угнетающими народами. Мы подчеркиваем это различие — в противоположность II Интернационалу и буржуазной демократии. Для пролетариата и Коммунистического Интернационала особенно важно в эпоху империализма констатировать конкретные экономические факты и при решении всех колониальных и национальных вопросов исходить не из абстрактных положений, а из явлений конкретной действительности.

Характерная черта империализма состоит в том, что весь мир, как это мы видим, разделяется в настоящее время на большое число угнетенных народов и ничтожное число народов угнетающих, располагающих колоссальными богатствами и могучей военной силой. Громадное большинство, насчитывающее больше миллиарда, по всей вероятности, миллиард с четвертью человек, если мы примем численность всего населения земли в один и три четверти

миллиарда, т. е. около 70% населения земли, принадлежит к угнетенным народам, которые или находятся в непосредственной колониальной зависимости, или же являются полуколониальными государствами, как, напр., Персия, Турция, Китай, или же, будучи побеждены армией крупной империалистской державы, по мирным договорам оказались в сильной зависимости от нее. Эта идея различия, разделения народов на угнетающих и угнетенных проходит через все тезисы, не только через первые, появившиеся с моей подписью и напечатанные ранее, но и через тезисы тов. Роя. Последние написаны главным образом с точки зрения положения Индии и других крупных азиатских народностей, угнетаемых Англией, и в этом заключается их важнейшее значение для нас.

Вторая руководящая мысль наших тезисов заключается в том, что при теперешнем мировом положении, после империалистской войны, взаимные отношения народов, вся мировая система государств определяются борьбой небольшой группы империалистских наций против советского движения и советских государств, во главе которых стоит Советская Россия. Если мы упустим это из виду, то не сможем поставить правильно ни одного национального или колониального вопроса, хотя бы речь шла о самом отдаленном уголке мира. Только исходя из этой точки зрения, политические вопросы могут быть правильно поставлены и разрешены коммунистическими партиями как в цивилизованных, так и в отсталых странах.

В-третьих, мне хотелось бы особенно подчеркнуть вопрос о буржуазно-демократическом движении в отсталых странах. Именно этот вопрос вызвал некоторые разногласия. Мы спорили о том, будет ли принципиально и теоретически правильным заявить, что Коммунистический Интернационал и коммунистические партии должны поддерживать буржуазно-демократическое движение в отсталых странах, или нет; в результате этой дискуссии мы пришли к единогласному решению о том, чтобы вместо «буржуазно-демократического» движения говорить о национально-революционном движении. Не подлежит ни малейшему сомнению, что всякое национальное движение может быть лишь буржуазно-демократическим, ибо главная масса населения в отсталых странах состоит из крестьянства, являющегося представителем буржуазно-капиталистических отноше-

ний. Было бы утопией думать, что пролетарские партии, если они вообще могут возникнуть в таких странах, смогут, не находясь в определенных отношениях к крестьянскому движению, не поддерживая его на деле, проводить коммунистическую тактику и коммунистическую политику в этих отсталых странах. Но тут приводились возражения, что если мы будем говорить о буржуазно-демократическом движении, то сотрется всякое различие между реформистским и революционным движением. А между тем, различие это за последнее время в отсталых и колониальных странах проявилось с полной ясностью, ибо империалистическая буржуазия всеми силами старается насадить реформистское движение и среди угнетенных народов. Между буржуазией эксплуатирующих и колониальных стран произошло известное сближение, так что очень часто — пожалуй, даже в большинстве случаев — буржуазия угнетенных стран, хотя она и поддерживает национальные движения, в то же время в согласии с империалистической буржуазией, т. е. вместе с нею, борется против всех революционных движений и революционных классов. В комиссии это было неопровержимо доказано, и мы сочли единственно правильным привлечь во внимание это различие и почти всюду заменить выражение «буржуазно-демократический» выражением «национально-революционный». Смысл этой замены тот, что мы, как коммунисты, лишь в тех случаях должны и будем поддерживать буржуазные освободительные движения в колониальных странах, когда эти движения действительно революционны, когда представители их не будут препятствовать нам воспитывать и организовывать в революционном духе крестьянство и широкие массы эксплуатируемых. Если же нет палло и этих условий, то коммунисты должны в этих странах бороться против реформистской буржуазии, к которой принадлежат и герои II Интернационала. Реформистские партии уже существуют в колониальных странах, и иногда их представители называют себя социал-демократами и социалистами. Упомянутое различие проведено теперь во всех тезисах, и я думаю, что благодаря этому наша точка зрения формулирована теперь гораздо точнее.

Затем я хотел еще сделать замечание о крестьянских Советах. Практическая работа русских коммунистов в колониях, принадлежавших раньше царизму, в таких

отсталых странах, как Туркестан и проч., поставила перед нами вопрос о том, каким образом применять коммунистическую тактику и политику в докапиталистических условиях, ибо важнейшей характерной чертой этих стран является то, что в них господствуют еще докапиталистические отношения, и поэтому там не может быть и речи о чисто пролетарском движении. В этих странах почти нет промышленного пролетариата. Несмотря на это, мы и там взяли на себя и должны взять на себя роль руководителей. Наша работа показала нам, что в этих странах приходится преодолевать колоссальные трудности, но практические результаты нашей работы показали также, что, несмотря на эти трудности, можно пробудить в массах стремление к самостоятельному политическому мышлению и к самостоятельной политической деятельности и там, где нет почти пролетариата. Эта работа была труднее для нас, чем для товарищей из западноевропейских стран, так как пролетариат в России завален государственной работой. Вполне понятно, что крестьяне, находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле. Ясно также, что угнетенные массы, эксплуатируемые не только торговым капиталом, но и феодалами и государством на феодальной основе, могут применять это оружие, этот вид организации и в своих условиях. Идея советской организации проста, и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям. Наш опыт в этой области пока еще не очень велик, но дебаты в комиссии, в которых принимало участие несколько представителей колониальных стран, доказали нам с полной неопровержимостью, что в тезисах Коммунистического Интернационала необходимо указать на то, что крестьянские Советы, Советы эксплуатируемых, являются средством, пригодным не только для капиталистических стран, но и для стран с докапиталистическими отношениями, и что безусловным долгом коммунистических партий и тех элементов, которые готовы создать коммунистические партии, является пропаганда идеи крестьянских Советов, Советов трудящихся всюду и везде, и в отсталых странах и в колониях; и там, где только позволяют условия, они должны немедленно же делать попытки к созданию Советов трудящегося народа.

Здесь перед нами открывается очень интересная и важная область практической работы. Пока еще наш общий опыт в этом отношении не особенно велик, но мало-помалу у нас будет накапливаться все больше и больше материалов. Не может быть никаких споров о том, что пролетариат передовых стран может и должен помочь отсталым трудящимся массам, и что развитие отсталых стран может выйти из своей нынешней стадии, когда победоносный пролетариат Советских республик протянет руку этим массам и сможет оказать им поддержку.

По этому вопросу в комиссии велись довольно оживленные дебаты не только в связи с тезисами, подписанными мной, но еще более в связи с тезисами тов. Роя, которые он здесь будет защищать и к которым некоторые поправки были единогласно приняты.

Постановка вопроса была следующая: можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса. Мы ответили на этот вопрос отрицательно. Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно полагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей. Во всех колониях и отсталых странах мы должны не только образовать самостоятельные кадры борцов, партийные организации, не только повести немедленно пропаганду за организацию крестьянских Советов и стремиться приспособить их к докапиталистическим условиям, но Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития.

Какие средства для этого необходимы, — заранее указать невозможно. Нам подскажет это практический опыт. Но установлено определенно, что всем трудящимся массам среди наиболее отдаленных народов близка идея Советов, что эти организации, Советы, должны быть приспособлены

к условиям докапиталистического общественного строя, и что работа коммунистической партии в этом направлении должна начаться немедленно во всем мире.

Я еще хотел бы отметить значение революционной работы коммунистических партий не только в их собственной стране, но и в колониальных странах, и особенно среди войск, которыми пользуются эксплуатирующие нации, чтобы держать в подчинении народности своих колоний.

Тов. Квэлч, из Британской социалистической партии, говорил об этом в нашей комиссии. Он сказал, что рядовой английский рабочий считал бы за измену помогать порабощенным народам в их восстаниях против английского владычества. Верно, что настроенная джингонгистски и шовинистически рабочая аристократия Англии и Америки представляет собой величайшую опасность для социализма и сильнейшую опору II Интернационала, что здесь мы имеем дело с величайшей изменой со стороны вождей и рабочих, принадлежащих к этому буржуазному Интернационалу. Во II Интернационале также обсуждали колониальный вопрос. Базельский манифест также говорил об этом совершенно ясно. Партии II Интернационала обещали действовать революционно, но действительной революционной работы и помощи эксплуатируемым и зависимым народам в их восстаниях против угнетающих наций мы не видим у партий II Интернационала и, я полагаю, также и среди большинства партий, вышедших из II Интернационала и желающих вступить в III Интернационал. Мы должны об этом заявить во всеуслышание, и это не может быть опровергнуто. Мы увидим, будет ли сделана попытка к опровержению.

Все эти соображения и легли в основу наших резолюций, которые, несомненно, слишком длинны, но я верю, что они все-таки будут полезны и будут способствовать развитию и организации действительно революционной работы в национальном и колониальном вопросах, в чем и состоит наша главная задача.

4

РЕЧЬ ОБ УСЛОВИЯХ ПРИЕМА В КОММУНИСТИЧЕСКИЙ
ИНТЕРНАЦИОНАЛ
30 ИЮЛЯ⁴⁰

Товарищи, Серрати сказал: у нас еще не изобретен сенсерометр, — это новое французское слово, обозначающее инструмент для измерения искренности: подобного инструмента еще не изобрели. В таком инструменте мы и не нуждаемся, зато инструментом для определения направлений мы уже обладаем. В том и ошибка т. Серрати, о которой буду говорить впоследствии, что он оставил этот давно известный инструмент без применения.

О тов. Криппине скажу лишь несколько слов. Весьма сожалею, что он не присутствует. (Дитман: «Он болен!».) Жаль. Его речь — один из важнейших документов, и эта речь точно выражает политическую линию правого крыла Независимой социал-демократической партии. Я буду говорить не о личных обстоятельствах и отдельных случаях, а об идеях, ясно выраженных в речи Криппина. Как я думаю, я сумею доказать, что вся эта речь была насквозь каутскианской речью, и что тов. Криппин разделяет каутскианские взгляды на диктатуру пролетариата. На одну из реплик Криппина ответил: «Диктатура — не новость, о ней сказано уже в Эрфуртской программе». В Эрфуртской программе ничего не сказано о диктатуре пролетариата; и история доказала, что это не случайность. Когда в 1902—1903 году мы выработывали первую программу нашей партии, то перед нами все время был пример Эрфуртской программы, причем Плеханов, тот самый Плеханов, который тогда правильно сказал: «Либо Бернштейн похоронит социал-демократию, либо социал-демократия его похоронит», — Плеханов особенно подчеркивал именно то обстоятельство, что если в Эрфуртской

программе нет речи о диктатуре пролетариата, то это теоретически неправильно, а практически является трусливой уступкой оппортунистам. И в нашу программу диктатура пролетариата включена с 1903 года⁴⁷.

Если тов. Криппин теперь говорит, что диктатура пролетариата — не новость, и добавляет: «Мы всегда стояли за завоевание политической власти», то это значит — обходить суть дела. Признают завоевание политической власти, но не диктатуру. Вся социалистическая литература, не только немецкая, но и французская и английская, доказывает, что вожди оппортунистических партий — напр., в Англии Макдональд — сторонники завоевания политической власти. Все они, шутка ли сказать, искренние социалисты, но они — против диктатуры пролетариата! Коль скоро мы имеем хорошую, заслуживающую названия коммунистической, революционную партию, следует пропагандировать диктатуру пролетариата, в отличие от старого воззрения II Интернационала. Это затушевывал и замазал тов. Криппин, в чем и состоит основная ошибка, свойственная всем сторонникам Каутского.

«Мы — вожди, избранные массами», продолжает тов. Криппин. Это — формальная и неправильная точка зрения, ибо на последнем партийном съезде немецких независимых нам очень ясно видна была борьба направлений. Нет нужды искать измерителя искренности и шутить на эту тему, как тов. Серрати, чтобы установить тот простой факт, что борьба направлений должна существовать и существует: одно направление — революционные, вновь пришедшие к нам рабочие, противники рабочей аристократии; другое направление — рабочая аристократия, возглавляемая во всех цивилизованных странах старыми вождями. Присмыкает ли Криппин к направлению старых вождей и рабочей аристократии или к направлению новой революционной рабочей массы, которая против рабочей аристократии, — именно это тов. Криппин оставил в неясности.

В каком тоне говорит тов. Криппин о расколе? Он сказал, что раскол является горькой необходимостью, которую он долго оплакивал. Это — совсем в духе Каутского. Откололись от кого? От Шейдемана? Ну, да! Криппин сказал: «Мы произвели раскол». Во-первых, вы его произвели слишком поздно! Уж если о том говорить, то приходится высказать это. А во-вторых, независимым следует не пла-

кать об этом, но сказать: международный рабочий класс еще находится под гнетом рабочей аристократии и оппортунистов. Так обстоит дело и во Франции и Англии. Тов. Криспин мыслит о расколе не по-коммунистически, а совершенно в духе Каутского, который якобы не имеет влияния. Затем Криспин заговорил о высокой заработной плате. В Германии, мол, обстоятельства таковы, что рабочим в сравнении с русскими рабочими и вообще восточно-европейскими рабочими живется довольно хорошо. Революцию, по его словам, можно произвести лишь в том случае, если она «не слишком» ухудшит положение рабочих. Я спрашиваю, допустимо ли говорить в коммунистической партии в таком тоне? Это контрреволюционно. У нас в России жизненный уровень, бесспорно, ниже, чем в Германии, а когда мы установили диктатуру, то в результате этого рабочие стали голодать больше и их жизненный уровень опустился еще ниже. Победа рабочих невозможна без жертв, без временного ухудшения их положения. Мы должны говорить рабочим противоположное тому, что высказал Криспин. Желая подготовить рабочих к диктатуре и говоря им о «не слишком» большом ухудшении, забывают главное. А именно: что рабочая аристократия как раз и возникла, помогая «своей» буржуазии завоевывать империалистским путем и душить целый мир, чтобы тем обеспечить себе лучший заработок. Если же теперь немецкие рабочие хотят творить дело революции, то они должны приносить жертвы и не пугаться этого.

В общем всемирно-историческом смысле верно, что в отсталых странах какой-нибудь китайский кули не в состоянии произвести пролетарскую революцию, но в переполненных, более богатых странах, где, благодаря империалистскому грабежу, живется привольнее, говорить рабочим, что они должны бояться «слишком большого» обеднения, будет контрреволюционно. Следует говорить обратное. Рабочая аристократия, которая боится жертв, которая опасается «слишком большого» обеднения во время революционной борьбы, не может принадлежать к партии. Иначе невозможна диктатура, особенно в западноевропейских странах.

Что говорит Криспин о терроре и насилии? Он сказал, что это — две вещи разные. Вероятно, такое различие возможно провести в учебнике социологии, но этого нельзя

сделать в политической практике, особенно при германских обстоятельствах. Против людей, поступающих так, как немецкие офицеры при убийстве Либкнехта и Розы Люксембург, против людей вроде Стиннеса и Круппа, скупающих прессу, — против таких людей мы вынуждены пускаться в ход насилия и террор. Разумеется, нет необходимости заранее объявлять, что мы непременно прибегнем к террору; но если немецкие офицеры и капповцы останутся такими же, как теперь, если Крупп и Стиннес останутся такими же, как теперь, то применение террора окажется неизбежным. Не только Каутский, но и Леденбург с Криспином говорят о насилии и терроре совершенно в контрреволюционном духе. Партия, проповедующая такими идеями, не может участвовать в диктатуре, это ясно.

Затем идет аграрный вопрос. Тут Криспин особенно разгорячился и задумал уличить нас в мелкобуржуазности; сделать что-нибудь для мелкого крестьянства за счет крупных землевладельцев, это, мол, — мелкобуржуазно. Крупных владельцев следует экспроприировать, а землю передать товариществам. Это — воззрение педантическое. Даже в высоко-развитых странах, в том числе и в Германии, достаточно латифундий, и есть такие участки земли, которые обрабатываются не крупнокапиталистическим, а полуфеодалным способом; от последних можно кое-что отрезать в пользу мелких крестьян, не нарушая хозяйства. Можно сохранить крупное производство и притом все же дать мелким крестьянам нечто, весьма для них существенное. К сожалению, об этом не думают, а на практике приходится это делать; иначе впадешь в ошибку. Это доказывает, напр., книгой Варги (бывшего народного комиссара народного хозяйства Венгерской Советской республики), который пишет, что установление пролетарской диктатуры почти ничего не изменило в венгерской деревне, что поденщики ничего не заметили, а мелкое крестьянство ничего не получило. В Венгрии существуют крупные латифундии, в Венгрии на больших участках ведется полуфеодалное хозяйство. Всегда найдутся и должны найтись такие части крупных земельных владений, из которых можно кое-что дать мелким крестьянам, — пожалуй, не в собственность, а в аренду, чтобы мелкому парцелльному крестьянину досталось что-нибудь из конфискованного

владения. Иначе мелкий крестьянин и не заметит разницы между тем, что было прежде, и советской диктатурой. Если пролетарская государственная власть не будет проводить этой политики, она не сможет удержаться.

Хоть Криспин и сказал: «Вы не можете отказать нам в революционной убежденности», но я отвечаю: я вам в ней решительно отказываю. Отказываю не в том смысле, что вы не хотели бы действовать революционно, а в том, что вы не умеете революционно мыслить. Бьюсь об заклад, что можно выбрать какую угодно комиссию из образованных людей, дать им десять книг Каутского и речь Криспина, и комиссия эта скажет: эта речь — насквозь каутскианская, она от начала до конца пропитана идеями Каутского. Все методы криспинской аргументации — насквозь каутскианские, а тут является Криспин и говорит: «Каутский не имеет больше никакого влияния в нашей партии». Может быть, никакого влияния на революционных рабочих, присоединившихся позднее. Но следует считать абсолютно доказанным тот факт, что Каутский оказал и до сих пор оказывает громадное влияние на Криспина, на весь ход мыслей, на все идеи тов. Криспина. Это доказывается речью последнего. Поэтому, не изобретая сенсерометра или измерителя искренности, можно сказать: направление Криспина не соответствует Коммунистическому Интернационалу. Говоря это, мы определяем направление всего Коммунистического Интернационала.

Если товарищи Вайнкоп и Мюнценберг выразили неудовольствие по поводу того, что мы пригласили Независимую социалистическую партию и говорим с ее представителями, то я считаю это неправильным. Когда Каутский выступает против нас и ищет книги, то мы полемизируем с ним, как с классовым врагом. Но когда сюда является для переговоров Независимая социал-демократическая партия, выросшая благодаря притоку революционных рабочих, то мы должны говорить с ее представителями, ибо они представляют собой часть революционных рабочих. С немецкими независимыми, с французами, с англичанами нам нельзя сразу столкнуться об Интернационале. Тов. Вайнкоп доказывает каждой своей речью, что разделяет почти все заблуждения тов. Паннекука. Вайнкоп заявил, что не разделяет воззрений Паннекука, но речами своими доказывает обратное. В этом основная ошибка

*

этой «левой» группы, но это вообще ошибка пролетарского движения, которое растет. Речи гг. Криспина и Дитмана насквозь пропитаны буржуазностью, с которой не подготовишь диктатуры пролетариата. Если гг. Вайнкоп и Мюнценберг идут еще далее в вопросе о Независимой социал-демократической партии, то мы с ними не солидарны.

У нас, конечно, нет измерителя искренности, как выразился Серрати, для испытания добросовестности людей, и мы вполне согласны в том, что дело не в суждении о людях, а в оценке ситуации. Жалею, что Серрати, хоть и говорил, а не сказал ничего нового. Его речь была из тех, какие мы слышали и во II Интернационале.

Серрати был неправ, говоря: «Во Франции положение не революционно, в Германии — революционно, в Италии — революционно».

Но даже и в том случае, если бы ситуация была контрреволюционной, II Интернационал ошибается и несет большую вину, не желая организовать революционную пропаганду и агитацию, ибо даже при неревolutionной ситуации можно и должно вести революционную пропаганду: это доказано всей историей партии большевиков. В этом-то и состоит разница между социалистами и коммунистами, что социалисты отказываются действовать так, как действуем мы при любой ситуации, а именно — вести революционную работу.

Серрати повторяет только то, что сказано Криспином. Мы не хотим сказать, что такого-то или такого-то числа непременно обязаны исключить Турати. Этот вопрос уже затронут Исполнительным Комитетом, и Серрати нам сказал: «Никаких изгнаний, но очистка партии». Мы просто должны сказать итальянским товарищам, что направлению Коммунистического Интернационала соответствует направление членов «L'Ordine Nuovo»*, а не теперешнее большинство руководителей социалистической партии и их парламентской фракции. Утверждают, будто они хотят защитить пролетариат от реакции. Чернов, меньшевики и многие другие в России тоже «защищают» пролетариат от реакции, что, однако, еще не довод за принятие их в нашу среду.

* — «Новый Порядок». Ред.

Поэтому мы должны сказать итальянским товарищам и всем партиям, имеющим правое крыло: эта реформистская тенденция не имеет ничего общего с коммунизмом.

Мы просим вас, итальянские товарищи, созвать съезд и предложить на нем наши тезисы и резолюции. И я уверен, что итальянские рабочие пожелают остаться в Коммунистическом Интернационале.

5

РЕЧЬ О ПАРЛАМЕНТАРИЗМЕ
2 АВГУСТА

Тов. Бордига, видимо, хотел защищать здесь точку зрения итальянских марксистов, но он, тем не менее, не ответил ни на один из аргументов, которые приводились здесь другими марксистами за парламентскую деятельность.

Тов. Бордига признал, что исторический опыт не создается искусственно. Он только что сказал нам, что борьбу нужно перенести в другую область. Разве он не знает, что всякий революционный кризис сопровождался парламентским кризисом? Он, правда, говорил о том, что борьбу нужно перенести в другую область, в Советы. Но Бордига сам признал, что Советы нельзя создать искусственно. Пример России доказывает, что Советы могут быть организованы или во время революции, или непосредственно перед революцией. Еще во времена Керенского Советы (именно меньшевистские Советы) были так организованы, что они никак не могли образовать из себя пролетарскую власть. Парламент есть продукт исторического развития, которого мы не можем вычеркнуть из жизни, пока мы не настолько сильны, чтобы разогнать буржуазный парламент. Только являясь членом буржуазного парламента, можно, исходя из данных исторических условий, бороться против буржуазного общества и парламентаризма. То самое средство, которым буржуазия пользуется в борьбе, должно быть использовано и пролетариатом, — конечно, с совершенно иными целями. Вы не можете утверждать, что это не так, а если вы хотите это спаривать, то должны тем самым вычеркнуть опыт всех революционных событий в мире.

Вы сказали, что и профессиональные союзы являются оппортунистическими, что и они представляют опасность; но, с другой стороны, вы сказали, что для профсоюзов нужно сделать исключение, так как они представляют собой рабочую организацию. Но это правильно только до известной степени. И в профсоюзах имеются очень отсталые элементы. Часть пролетаризированной мелкой буржуазии, отсталые рабочие и мелкие крестьяне — все эти элементы действительно думают, что в парламенте представлены их интересы; против этого нужно бороться работой в парламенте и на фактах показывать массам правду. Отсталые массы не проймешь теорией, им нужен опыт.

Это мы видели и в России. Мы были вынуждены созвать Учредительное собрание уже после победы пролетариата, чтобы доказать отсталому рабочему, что он через него ничего не достигнет. Нам пришлось для сравнения того и другого опыта конкретно противопоставить Советы учредительке и представить ему Советы, как единственный исход.

Тов. Сухи, революционный спидкалист, защищал те же теории, но логика не на его стороне. Он сказал, что он не марксист, поэтому это само собой понятно. Но если вы, тов. Бордига, утверждаете, что вы — марксист, то от вас можно требовать больше логики. Нужно знать, каким образом можно разбить парламент. Если вы можете это сделать путем вооруженного восстания во всех странах — это очень хорошо. Вы знаете, что мы в России не только в теории, но и на практике доказали нашу волю разрушить буржуазный парламент. Но вы упустили из виду тот факт, что это невозможно без довольно длительной подготовки и что в большинстве стран еще невозможно одним ударом разрушить парламент. Мы вынуждены вести борьбу в парламенте для разрушения парламента. Условия, которые определяют политическую линию всех классов современного общества, вы заменяете вашей революционной волей и потому забываете, что мы, чтобы разрушить буржуазный парламент в России, сперва должны были созвать Учредительное собрание даже после нашей победы. Вы сказали: «Правда, что русская революция является примером, не соответствующим условиям Западной Европы». Но вы не привели ни одного веского аргумента, чтобы доказать нам это. Мы прошли через период буржуазной демократии. Мы быстро прошли через него в то время,

когда мы были вынуждены агитировать за выборы в Учредительное собрание. И впоследствии, когда рабочий класс уже получил возможность захватить власть, крестьянство еще верило в необходимость буржуазного парламента.

Считаясь с этими отсталыми элементами, мы должны были объявить выборы и показать массам на примере, на фактах, что это Учредительное собрание, избранное во время величайшей всеобщей нужды, не выражает чаяний и требований эксплуатируемых классов. Тем самым конфликт между Советской и буржуазной властью стал вполне ясен не только для нас, для авангарда рабочего класса, но и для громадного большинства крестьянства, для мелких служащих, мелкой буржуазии и т. п. Во всех капиталистических странах существуют отсталые элементы рабочего класса, которые убеждены, что парламент является истинным представителем народа, и не видят, что там применяются нечистые средства. Говорят, что это орудие, при помощи которого буржуазия обманывает массы. Но этот аргумент должен быть обращен против вас, и он обращается против ваших тезисов. Как вы обнаружите перед действительно отсталыми, обманутыми буржуазией массами истинный характер парламента? Если вы в него не войдете, как вы разоблачите тот или иной парламентский маневр, позицию той или иной партии, если вы будете вне парламента? Если вы марксисты, вы должны признать, что взаимоотношения классов в капиталистическом обществе и взаимоотношения партий тесно связаны между собой. Как, повторяю, покажете вы все это, если вы не будете членами парламента, если вы откажетесь от парламентской деятельности? История русской революции ясно показала, что широких масс рабочего класса, крестьянства, мелких служащих нельзя было бы убедить никакими аргументами, если бы они не уверились на собственном опыте.

Здесь было сказано, что мы теряем много времени, принимая участие в парламентской борьбе. Можно ли себе представить какое-либо учреждение, в котором все классы принимали бы в такой же мере участие, как в парламенте? Этого нельзя создать искусственно. Если все классы втягиваются в участие в парламентской борьбе, то это происходит потому, что классовые интересы и конфликты получают свое отражение в парламенте. Если бы возможно было повсюду сразу организовать, допустим, решающую

всеобщую стачку, чтобы одним разом сбросить капитализм, тогда революция уже произошла бы в различных странах. Но нужно считаться с фактами, а парламент представляет собой арену классовой борьбы. Тов. Бордига и те, кто стоит на его точке зрения, должны сказать массам правду. Германия — лучший пример тому, что коммунистическая фракция в парламенте возможна, и поэтому вы должны были бы открыто сказать массам: мы слишком слабы, чтобы создать партию с крепкой организацией. Такова была бы правда, которую нужно было бы сказать. Но, если бы вы сознались массам в этой своей слабости, они превратились бы не в ваших сторонников, а в ваших противников, в сторонников парламентаризма.

Если вы скажете: «Товарищи рабочие, мы настолько слабы, что мы не можем создать достаточно дисциплинированную партию, которая сумела бы заставить депутатов подчиняться партии», тогда рабочие покинут вас, так как они скажут себе: «Как мы построим диктатуру пролетариата с такими слабыми людьми?».

Вы очень наивны, если думаете, что в день победы пролетариата — интеллигенция, средний класс, мелкая буржуазия станут коммунистическими.

Если у вас нет этой иллюзии, вы должны уже теперь готовить пролетариат к тому, чтобы провести свою линию. Ни в одной области государственной работы вы не найдете исключения из этого правила. На другой день после революции вы повсюду увидите оппортунистических адвокатов, называющих себя коммунистами, мелких буржуа, не признающих ни дисциплины коммунистической партии, ни дисциплины пролетарского государства. Если вы не подготовите рабочих к созданию действительно дисциплинированной партии, которая заставит всех своих членов подчиняться ее дисциплине, то вы никогда не подготовите диктатуры пролетариата. Я думаю, что вы поэтому не хотите признать, что именно слабость очень многих новых коммунистических партий заставляет их отрицать парламентскую работу. Я убежден, что громадное большинство действительно революционных рабочих последует за нами и выскажется против ваших антипарламентаристских тезисов.

6

РЕЧЬ О ВХОЖДЕНИИ В БРИТАНСКУЮ РАБОЧУЮ ПАРТИЮ
6 АВГУСТА⁴⁸

Товарищи, тов. Галлахер начал свою речь с выражения сожаления по поводу того, что мы здесь вынуждены в сотый и тысячный раз слышать фразы, которые тов. Мак-Лейн и другие английские товарищи уже тысячи раз повторяли в речах, газетах и журналах. Я полагаю, что жалеть об этом не приходится. Метод старого Интернационала заключался в том, чтобы отдавать подобные вопросы на решение отдельным партиям заинтересованных стран. Это было в корне ошибочно. Весьма возможно, что мы не вполне точно знаем условия в той или иной партии, но здесь дело идет о принципиальном обосновании тактики коммунистической партии. Это очень важно, и мы, от имени III Интернационала, должны ясно изложить здесь коммунистическую точку зрения.

Раньше всего я хотел бы отметить допущенную тов. Мак-Лейн небольшую неточность, с которой нельзя согласиться. Он называет Рабочую партию политической организацией тред-юнионистского движения. Он затем повторил это еще раз: Рабочая партия «есть политическое выражение профессионального движения». Такое мнение я несколько раз читал в газете Британской социалистической партии. Это не верно, и отчасти это вызывает оппозицию, в известной степени вполне справедливую, со стороны английских революционных рабочих. Действительно, понятия «политическая организация тред-юнионистского движения» или «политическое выражение» этого движения — являются ошибочными. Конечно, Рабочая партия большею частью состоит из рабочих. Однако, является ли партия действительно политической рабочей партией или

нет, это зависит не только от того, состоит ли она из рабочих, но также от того, кто ею руководит и каково содержание ее действий и ее политической тактики. Только это последнее и определяет, имеем ли мы перед собой действительно политическую партию пролетариата. С этой единственно правильной точки зрения Рабочая партия является насквозь буржуазной партией, ибо хотя она и состоит из рабочих, но руководят ею реакционеры, — самые худшие реакционеры, действующие вполне в духе буржуазии; это — организация буржуазии, существующая для того, чтобы с помощью английских Носке и Шейдеманов систематически обманывать рабочих.

Но вот перед нами и другая точка зрения, защищаемая тов. Сильвией Панкхерст и тов. Галлахером, выявляющая их мнение по этому вопросу. В чем заключалось содержание речей Галлахера и многих его друзей? Они говорят нам: мы недостаточно связаны с массами, но возьмите Британскую социалистическую партию, она имеет до сих пор еще худшую связь с массами, она очень слаба. И тов. Галлахер рассказал нам здесь, как он и его товарищи действительно превосходно организовали революционное движение в Глазго, в Шотландии, и как они во время войны тактически очень хорошо маневрировали, как они умело оказывали поддержку мелкобуржуазным пацифистам Рамсею Макдональду и Сноудену, когда они приезжали в Глазго, чтобы путем этой поддержки организовать крупное массовое движение против войны.

Наша цель именно и состоит в том, чтобы это превосходное новое революционное движение, представленное тов. Галлахером и его друзьями, ввести в коммунистическую партию с настоящей коммунистической, т. е. марксистской, тактикой. В этом сейчас наша задача. С одной стороны, Британская социалистическая партия слишком слаба и не умеет как следует вести агитацию среди масс; с другой стороны, мы имеем молодые революционные элементы, так хорошо представленные здесь тов. Галлахером, которые хотя и находятся в связи с массами, но не являются политической партией, будучи, в этом смысле, еще слабее Британской социалистической партии, и совершенно не умеют организовать своей политической работы. При таком положении, мы должны совершенно откровенно высказать наше мнение о правильной тактике. Когда

тов. Галлахер, говоря о Британской социалистической партии, сказал, что она «безнадежно реформистская» (*hopelessly reformist*), он, несомненно, преувеличил. Но общий смысл и содержание всех принятых нами здесь резолюций с абсолютной определенностью показывают, что мы требуем изменения тактики Британской социалистической партии в этом духе, и единственно верная тактика друзей Галлахера будет заключаться — в безотлагательном вступлении их в коммунистическую партию, с целью перестроить ее тактику в духе принятых здесь резолюций. Если у вас так много сторонников, что вы можете в Глазго устраивать массовые народные собрания, то вам нетрудно будет вовлечь в партию более десятка тысяч. Последний конгресс Британской социалистической партии, происходивший в Лондоне 3—4 дня тому назад, постановил переименовать партию в коммунистическую и внес в программу пункт об участии в парламентских выборах и вхождении в Рабочую партию. На конгрессе были представлены десять тысяч организованных членов. Для шотландских товарищей было бы поэтому совсем нетрудно вовлечь в эту «Коммунистическую партию Великобритании» более десятка тысяч революционных рабочих, которые лучше владеют искусством работы среди масс, и таким путем изменить старую тактику Британской социалистической партии в духе более удачной агитации, в духе более революционного действия. Тов. Сильвия Панкхерст несколько раз указывала в комиссии на то, что в Англии нужны «левые». Я, конечно, ответил, что это совершенно верно, но только не нужно пересаливать в «левизне». Она, далее, говорила, что «Мы лучшие пионеры, но пока больше шумим (*noisy*)». Я понимаю это вовсе не в плохом смысле, а в хорошем смысле слова — что они лучше умеют вести революционную агитацию. Это мы ценим и должны ценить. Это мы выразили во всех своих резолюциях, ибо мы всегда подчеркиваем, что мы можем признать партию рабочей партией тогда, и только тогда, если она действительно связана с массами и борется против старых, насквозь прогнивших вождей, как против стоящих на правом фланге шовинистов, так и против тех, которые занимают промежуточную позицию, вроде правых независимых в Германии. Во всех наших резолюциях мы это десять и больше раз утверждали и повторяли, и это именно значит, что мы требуем преобра-

зования старой партии в смысле ее более тесной связи с массами.

Сильвия Панкхерст еще спрашивала: «Допустимо ли вхождение коммунистической партии в другую политическую партию, входящую в свою очередь во II Интернационал?». И отвечала, что это невозможно. Нужно иметь в виду, что Английская рабочая партия находится в особо своеобразных условиях: это очень оригинальная партия, или, вернее, вовсе не партия в обычном смысле этого слова. Она состоит из членов всех профессиональных организаций, насчитывая сейчас около четырех миллионов членов, и дает достаточно свободы всем политическим партиям, входящим в ее состав. В нее входит таким образом огромная масса английских рабочих, находящаяся на поводу у худших буржуазных элементов, у социал-предателей, еще худших, чем Шейдеман, Носке и им подобные господа. Но в то же время Рабочая партия допускает, чтобы Британская социалистическая партия находилась в ее рядах и чтобы эта последняя имела свои печатные органы, в которых члены той же Рабочей партии свободно и откровенно могут заявлять, что вожди партии являются социал-предателями. Тов. Мак-Лейн точно цитировал подобные заявления Британской социалистической партии. Я также могу удостоверить, что в газете Британской социалистической партии «Колл»* я читал, что вожди Рабочей партии — социал-патриоты и социал-предатели. Это значит, что партия, входящая в Рабочую партию, имеет возможность не только резко критиковать, но открыто и точно называть по именам старых вождей, говоря о них, как о социал-предателях. Это очень оригинальное положение, когда партия, объединяя громадные массы рабочих таким образом, как будто бы она была политической партией, все же вынуждена предоставлять своим членам полную свободу. Тов. Мак-Лейн здесь указал на то, что на конгрессе Рабочей партии тамошние Шейдемань вынуждены были открыто поставить вопрос о вхождении в III Интернационал, а все местные организации и секции этой партии вынуждены были этот вопрос обсуждать. При таких условиях было бы ошибочно не войти в эту партию.

* — «Призыв». Ред.

Тов. Панкхерст в частном разговоре заявила мне: «Если мы будем настоящими революционерами и войдем в Рабочую партию, то эти господа нас исключат». Но, ведь, это было бы совсем не плохо. В нашей резолюции сказано, что мы за вхождение, поскольку Рабочая партия дает достаточную свободу для критики. В этом пункте мы последовательны до конца. Тов. Мак-Лейн еще подчеркнул, что сейчас в Англии создались такие оригинальные условия, при которых политическая партия, если захочет, может остаться революционной рабочей партией, несмотря на то, что будет связана со своеобразной четырехмиллионной рабочей организацией, наполовину профессиональной, наполовину политической и руководимой буржуазными вождями. При таких условиях было бы величайшей ошибкой лучших революционных элементов не делать всего возможного, чтобы остаться в этой партии. Пусть господа Томасы и другие социал-предатели, которых вы так и называете, исключают вас. Это произведет на массы английских рабочих превосходное действие.

Товарищи подчеркивают, что рабочая аристократия в Англии сильнее, чем где-либо в других странах. Это действительно так. Она, ведь, имеет там за собой не десятилетия, а столетия. Там буржуазия, которая имеет за собой гораздо больший опыт, — демократический опыт, — сумела подкупить рабочих и создать среди них большой слой, который в Англии больше, чем в других странах, но все же не так уже велик по сравнению с широкими рабочими массами. Этот слой насквозь пропитан буржуазными предрассудками и ведет определенную буржуазную реформистскую политику. Так, в Ирландии мы видим двести тысяч английских солдат, которые страшным террором подавляют ирландцев. Английские социалисты не ведут среди них революционной пропаганды. А мы ясно указали в наших резолюциях, что признаем в качестве члена Коммунистического Интернационала лишь те английские партии, которые ведут действительно революционную пропаганду среди английских рабочих и солдат. Я подчеркиваю, что ни здесь, ни в комиссиях мы не встречали возражений против этого.

Тт. Галлахер и Сильвия Панкхерст не могут этого отрицать. Они не в состоянии опровергнуть, что Британская социалистическая партия, оставаясь в рядах Рабочей партии,

пользуется достаточной свободой для того, чтобы писать, что такие-то и такие-то вожди Рабочей партии являются предателями; что эти старые вожди представляют интересы буржуазии; что они являются агентами буржуазии в рабочем движении; это абсолютно правильно. Когда коммунисты пользуются такой свободой, то они обязаны, — если они хотят считаться с опытом революционеров всех стран, а не только русской революции, — ибо мы здесь не на русском, а на международном конгрессе, — войти в Рабочую партию. Тов. Галлахер провозгласил над тем, что мы оказались в данном случае под влиянием Британской социалистической партии. Нет, мы в этом убедились на опыте всех революций во всех странах. Мы думаем, что мы должны сказать это массам. Английская коммунистическая партия должна сохранить необходимую свободу, чтобы разоблачать и критиковать предателей рабочих, которые гораздо сильнее в Англии, чем в других странах. Это не трудно понять. Неправильно утверждение тов. Галлахера, что, высказываясь за вступление в Рабочую партию, мы тем самым оттолкнем от себя лучшие элементы английских рабочих. Мы должны это испробовать на опыте. Мы убеждены, что все наши резолюции и постановления, которые будут приняты конгрессом, будут напечатаны во всех английских революционно-социалистических газетах и что все местные организации и секции получают возможность их обсудить. Все содержание наших резолюций говорит яснее ясного, что мы являемся представителями революционной тактики рабочего класса во всех странах и что целью нашей является борьба против старого реформизма и оппортунизма. События показывают, что наша тактика действительно побеждает старый реформизм. И тогда все лучшие революционные элементы рабочего класса, недовольные медленным ходом развития, которое в Англии пойдет, может быть, еще медленнее, чем в других странах, придут к нам. Медленное развитие происходит оттого, что английская буржуазия имеет возможность создавать лучшие условия для рабочей аристократии, задерживая тем самым революционное движение в Англии. Поэтому английские товарищи должны стремиться не только к революционизированию масс, что они великолепно делают (тов. Галлахер это доказал), но вместе с тем и к созданию настоящей политической партии рабочего класса.

Нитов, Галлахер, и Сильвия Панкхерст, оба выступавшие здесь, не принадлежат еще к революционной коммунистической партии. Такая прекрасная пролетарская организация, как шов-стюарты, не входит до сих пор в политическую партию. Если вы организуетесь политически, то увидите, что наша тактика основана на правильно понятом политическом развитии последних десятилетий, и что настоящая революционная партия только тогда может быть создана, когда она впитает в себя все лучшие элементы революционного класса и использует каждую возможность для борьбы против реакционных вождей там, где они себя проявляют.

Если английская коммунистическая партия начнет с того, что будет революционно действовать в Рабочей партии, и если господа Гендерсоны вынуждены будут исключить эту партию, то это будет большой победой коммунистического и революционного рабочего движения в Англии.

капиталистического учреждения, в котором обманывают рабочих и трудящихся, разоблачать обман.

Один довод австрийских коммунистов против участия в буржуазном парламенте заслуживает несколько более внимательного рассмотрения. Этот довод следующий:

«Парламент имеет значение для коммунистов только как трибуна для агитации. Мы в Австрии имеем Совет рабочих депутатов как трибуну для агитации. Поэтому мы отказываемся от участия в выборах в буржуазный парламент. В Германии нет Совета рабочих депутатов, который можно бы было взять всерьез. Поэтому германские коммунисты держатся иной тактики».

Я считаю этот довод неправильным. Пока мы еще не в силах разогнать буржуазный парламент, мы должны работать против него и извне и изнутри. Пока сколько-нибудь значительное число трудящихся — не только пролетариев, но также и полупролетариев и мелких крестьян — доверяет еще буржуазно-демократическим орудиям обмана рабочих буржуазией, мы должны разъяснить обман *именно с той трибуны*, которую отсталые слои рабочих и в особенности непролетарской трудящейся массы считают наиболее существенной, наиболее авторитетной.

Пока мы, коммунисты, не в силах еще взять государственную власть и провести выборы только трудящимися их Советов против буржуазии, пока еще буржуазия распоряжается государственной властью, призывая к выборам разные классы населения, мы обязаны участвовать в выборах для агитации среди всех трудящихся, не одних лишь пролетариев. Пока в буржуазном парламенте обманывают рабочих, прикрывая фразами о «демократии» финансовые мошенничества и всяческие виды подкупа (нигде подкуп особенно «тонкого» вида по отношению к писателям, депутатам, адвокатам и пр. не проделывается буржуазией так широко, как в буржуазном парламенте), — до тех пор мы, коммунисты, обязаны именно в этом учреждении, которое якобы *выражает волю народа*, а на деле прикрывает *обман народа богачами*, неуклонно разоблачать обман, разоблачать всякий и каждый случай перехода Ренперов и К^о на сторону капиталистов против рабочих. Отношения между буржуазными партиями и фракциями всего чаще именно в парламенте обнаруживают себя и отражают отношения между всеми классами буржуазного общества. Поэтому как раз в буржуазном

парламенте, изнутри его, мы, коммунисты, должны разъяснять народу *правду* про отношение классов к партиям, про отношение помещиков к батракам, богатых крестьян к беднейшему крестьянству, крупного капитала к служащим и мелким хозяйчикам и т. д.

Все это *надо* знать пролетариату, чтобы научиться понимать все подлые и утонченные проделки капитала, чтобы научиться влиять на мелкобуржуазные массы, на непролетарские трудящиеся массы. Без этой «науки» пролетариат не может успешно справиться с задачами *диктатуры пролетариата*, ибо и тогда буржуазия со своей новой позиции (позиции свергнутого класса) будет в иных формах, на иных поприщах продолжать свою политику одурачения крестьян, подкупа и запугивания служащих, прикрывания своих корыстных и грязных стремлений фразами о «демократии».

Нет, Австрийские коммунисты не испугаются злорадства Реннеров и подобных ему лакеев буржуазии. Австрийские коммунисты не побоятся выступить открыто и прямо с признанием международной пролетарской дисциплины. Мы гордимся тем, что великие вопросы борьбы рабочих за свое освобождение мы решаем, подчиняясь международной дисциплине революционного пролетариата, учитывая опыт рабочих разных стран, считаясь с их знаниями, с их волей, осуществляя таким способом на деле (а не на словах, как Реннеры, Фрицы Адлеры и Отто Бауэры) единство классово-борьбы рабочих за коммунизм во всем мире.

Н. Ленин

15 августа 1920 г.

*Напечатано на немецком языке
31 августа 1920 г. в газете
«Die Rote Fahne» (Wien) № 398*

*На русском языке впервые
опубликовано в 1925 г.*

Печатается по рукописи

II КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

7 августа закончился II конгресс Коммунистического Интернационала. Год с небольшим прошел со времени его основания, и за этот короткий срок достигнуты громадные, решающие успехи.

Год тому назад на I конгрессе было только водружено знамя коммунизма, вокруг которого должны были собираться силы революционного пролетариата; была объявлена война Второму, желтому, Интернационалу, который объединяет социал-предателей, перешедших на сторону буржуазии против пролетариата и состоящих в союзе с капиталистами против рабочей революции.

Какой громадный успех достигнут за год, это видно, между прочим, из того, что рост сочувствия в рабочих массах к коммунизму заставил выйти из II Интернационала важнейшие из принадлежавших к нему европейских и американских партий: французскую социалистическую, немецкую и английскую «независимые» партии, американскую социалистическую партию.

Во всех странах мира лучшие представители революционных рабочих встали уже на сторону коммунизма, за власть Советов, за диктатуру пролетариата. Во всех передовых странах Европы и Америки есть уже коммунистические партии или многочисленные коммунистические группы. И на закончившемся 7 августа конгрессе сплотились уже не только передовые провозвестники пролетарской революции, а делегаты крепких и могучих организаций, связанных с массами пролетариев. Всемирная армия революционного пролетариата — вот что стоит теперь за коммунизм, вот что получило свою организацию,

ясную, точную, подробную программу действий на закончившемся конгрессе.

Конгресс отказался принять немедленно в среду Коммунистического Интернационала те партии, которые сохранили еще в своей среде влиятельных представителей «мепшевизма», социал-предательства, оппортунизма, подобно названным выше, вышедшим из II, желтого, Интернационала, партиям.

Конгресс в целом ряде вполне определенных резолюций отверг какой бы то ни было доступ оппортунизму, потребовал безусловного разрыва с ним. И несомненные данные, сообщенные на конгрессе, показали, что рабочие массы за нас, что оппортунисты будут теперь побеждены до конца.

Конгресс исправил ошибки, допущенные в некоторых странах, желающих идти непременно «влево» коммунистов, которые отрицали необходимость работать в буржуазных парламентах, в реакционных профсоюзах, всюду, где есть миллионы рабочих, которых еще одурачивают капиталисты и их лакеи из рабочей среды, т. е. члены Второго, желтого, Интернационала.

Конгресс создал такую сплоченность и дисциплину коммунистических партий всего мира, которые никогда не бывали раньше и которые позволят авангарду рабочей революции пойти вперед к своей великой цели, к свержению ига капитала, семимильными шагами.

Конгресс укрепит связь с женским коммунистическим движением, благодаря организованной одновременно международной конференции работниц.

Коммунистические группы и партии Востока, колониальных и отсталых стран, которых так зверски грабит, насилует и поработачивает «цивилизованный» союз грабительских наций, были представлены равным образом на конгрессе. Революционное движение в передовых странах явилось бы на деле простым обманом без полного и теснейшего объединения в борьбе рабочих против капитала в Европе и Америке и угнетенных этим капиталом сотен и сотен миллионов «колониальных» рабов.

Велики военные победы Советской республики рабочих и крестьян над помещиками и капиталистами, над Юденичами, Колчаками, Деникиными, белыми поляками, их пособниками — Францией, Англией, Америкой, Японией.

Но еще более велика наша победа над умами и сердцами рабочих, трудящихся, угнетенных капиталом масс, победа коммунистических идей и коммунистических организаций во всем мире.

Революция пролетариата, свержение ига капитализма идет и придет во всех странах земли.

*«Коммунистка» № 3—4,
август — сентябрь 1920 г.
Подпись: В. Ленин*

*Печатается по тексту
журнала «Коммунистка»*

ОТВЕТ КОРРЕСПОНДЕНТУ ГАЗЕТЫ «ДЕЙЛИ-НЬЮС» Г. СЕГРЮ

По поводу вашего телеграфного вопроса от 3 сентября 1920 года сообщаю вам, что нападки на большевизм со стороны правого крыла немецких независимцев, вроде Дитмана, меня не удивляют. Я доказал в своей речи на конгрессе Коминтерна в Москве, что идеи Криспина вполне каутскианские. Естественно, что каутскианцы, вроде Криспина и Дитмана, недовольны большевизмом. Было бы печально, если бы такие люди были довольны нами. Естественно, что такие мелкобуржуазные демократы, каковым является Дитман подобный вполне нашим меньшевикам, в решительной борьбе между пролетариатом и буржуазией оказываются нередко на стороне последней. Дитман возмущается расстрелами, но естественно, что меньшевиков в этих случаях расстреливают революционные рабочие и что Дитману это не может особенно нравиться. Плох был бы III, Коммунистический Интернационал, если бы он допустил вхождение в его ряды Дитманов немецкого, французского или какого угодно иного образца.

Если же вы полагаете, что большевизму отчеты французских, германских и британских рабочих делегаций принесли больше вреда, чем вся антибольшевистская пропаганда, то я с удовольствием принимаю вывод, вытекающий из этого.

Давайте заключим договор: вы от имени антибольшевистской буржуазии всех стран, я от имени Советской республики России. Пусть по этому договору к нам в Россию посылаются из всех стран делегации из рабочих и мелких крестьян (т. е. из трудящихся, из тех, кто своим трудом создает прибыль на капитал) с тем, чтобы каждая

делегация прожила в России' месяца по два. Если отчеты таких делегаций полезны для дела антибольшевистской пропаганды, то все расходы по их посылке должна бы взять на себя международная буржуазия. Однако принимая во внимание, что эта буржуазия во всех странах мира крайне слаба и бедна, мы же в России богаты и сильны, я соглашаюсь исклопотать от Советского правительства такую льготу, чтобы $\frac{3}{4}$ расходов оно взяло на себя и только $\frac{1}{4}$ легла на миллионеров всех стран.

Надеюсь, что вы, сами называющие себя в вашей телеграмме добросовестным журналистом, не откажетесь пропагандировать везде и всегда такой договор между Советской республикой и международной буржуазией, разумеется, в интересах антибольшевистской пропаганды.

Ленин

8 сентября 1920 г.

«Правда» № 202, 12 сентября 1920 г.

Печатается по рукописи

**РЕЧЬ НА IX ВСЕРОССИЙСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ РКП(б)⁵³
22 СЕНТЯБРЯ 1920 г.**

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Война с Польшей, вернее, июльско-августовская кампания, коренным образом изменила международное политическое положение.

Нападению на нас поляков предшествовал характерный для установившихся тогда международных отношений эпизод. Когда мы в январе предложили Польше мир, для нее чрезвычайно выгодный, для нас очень невыгодный, — дипломаты всех стран поняли это по-своему: «большевпки непомерно много уступают, — значит, они непомерно слабы». Лишний раз подтвердилась истина, что буржуазная дипломатия неспособна понять приемов нашей новой дипломатии открытых прямых заявлений. Поэтому наши предложения вызвали лишь взрыв бешеного шовинизма в Польше, Франции и прочих странах и толкнули Польшу на нападение. Польша сперва захватила Киев, затем наши войска контр-ударом подошли к Варшаве; далее наступил перелом, и мы откатились более чем на сотню верст назад.

Создавшееся в результате этого безусловно тяжелое положение, однако, отнюдь не является для нас голым проигрышем. Мы жестоко обманули расчеты дипломатов на нашу слабость и доказали, что Польша нас победить не может, мы же недалеко от победы над Польшей и были и есть. Затем, мы и сейчас имеем сотню верст завоеванной территории. Наконец, наше продвижение к Варшаве оказало столь могучее воздействие на Западную Европу и всю мировую ситуацию, что совершенно нарушило соотношение борющихся внутренних и внешних политических сил.

Приближение нашей армии к Варшаве неоспоримо доказало, что где-то близко к ней лежит центр всей системы мирового империализма, покоящейся на Версальском договоре. Польша, последний оплот против большевиков, находящийся всецело в руках Антанты, является настолько могущественным фактором этой системы, что, когда Красная Армия поставила этот оплот под угрозу, заколебалась вся система. Советская республика становилась в международной политике фактором первостепенного значения.

В создавшемся новом положении прежде всего сказался тот факт огромного значения, что буржуазия страп, живущих под гнетом Антанты, — скорее за нас, а таковые составляют 70% всего человечества на земле. Мы и раньше видели, как маленькие государства, которым пришлось солоно под опекой Антанты (Эстония, Грузия и др.), которые вешают своих большевиков, заключают с нами мир вопреки ее воле. Теперь это сказалось с особой силой во всех концах света. С приближением наших войск к Варшаве вся Германия закипела. Там получилась картина, какую можно было наблюдать у нас в 1905 году, когда черносотенцы поднимали и вызывали к политической жизни обширные, наиболее отсталые слои крестьянства, которые сегодня шли против большевиков, а завтра требовали всей земли от помещиков. И в Германии мы увидели такой противоестественный блок черносотенцев с большевиками. Появился странный тип черносотенца-революционера, подобного тому неразвитому деревенскому парню из Восточной Пруссии, который, как я читал недавно в одной немецкой небольшевистской газете, говорит, что Вильгельма вернуть придется, потому что нет порядка, но что идти надо за большевиками.

Другим последствием нашего пребывания под Варшавой было могущественное воздействие на революционное движение Европы, особенно Англии. Если мы не сумели добраться до промышленного пролетариата Польши (и в этом одна из главных причин нашего поражения), который за Вислой и в Варшаве, то мы добрались до английского пролетариата и подняли его движение на небывалую высоту, на совершенно новую ступень революции. Когда английское правительство предъявило нам ультиматум, то оказалось, что надо сперва спросить об

этом английских рабочих. А эти рабочие, из вождей которых девять десятых — злостные меньшевики, ответили на это образованием «Комитета действия»⁵⁴.

Английская пресса встревожилась и закричала, что это — «двоевластие». И она была права. Англия оказалась в той стадии политических отношений, какая была в России после февраля 1917 года, когда Советы вынуждены были контролировать каждый шаг буржуазного правительства. «Комитет действия» есть объединение всех рабочих без различия партий, подобное нашему ВЦИК тех времен, когда там хозяйничали Гоц, Дан и пр., — такое объединение, которое конкурирует с правительством и в котором меньшевики вынуждены поступать наполовину как большевики. И подобно тому, как наши меньшевики в конце концов запутались и помогли привести массы к нам, так и меньшевики «Комитета действия» вынуждены непреодолимым ходом событий расчищать английским рабочим массам дорогу к большевистской революции. Английские меньшевики, по свидетельству компетентных лиц, уже чувствуют себя как правительство и собираются стать на место буржуазного в недалеком будущем. Это будет дальнейшей ступенью в общем процессе английской пролетарской революции.

Эти огромные сдвиги в английском рабочем движении оказывают могущественное воздействие на рабочее мировое движение и в первую голову на рабочее движение Франции.

Таковы итоги нашей последней польской кампании в международной политике и складывающихся отношениях в Западной Европе.

Теперь перед нами стоит вопрос о войне и мире с Польшей. Мы хотим избежать тяжелой для нас зимней кампании и снова предлагаем Польше выгодный для нее, невыгодный для нас мир. Но возможно, что буржуазные дипломаты, по старой привычке, опять учтут наше открытое завлечение, как признак слабости. По всей вероятности, зимняя кампания ими предрешена. И здесь следует выяснить те условия, при которых нам придется вступить в вероятный новый период войны.

Наше поражение вызвало в Западной Европе известные изменения и сплотило против нас враждебные нам разнообразные элементы. Но мы не раз видели против себя и более

могущественные образования и настроения, которые, однако, дела не решали.

Мы имеем против себя блок Польши, Франции и Врангеля, на которого Франция ставит свою ставку. Однако, блок этот страдает старой болезнью — непримиримостью его элементов, страхом, который питает мелкая буржуазия Польши к черносотенной России и к ее типичному представителю Врангелю. Польша мелкобуржуазная, патристическая, партии ППС, людовская, зажиточных крестьян, — хотят мира. Представители этих партий говорили в Минске: «Мы знаем, что Варшаву и Польшу спасла не Антанта, — она не могла нас спасти, — а спас ее патристический подъем». Эти уроки не забываются. Поляки видят ясно, что выйдут из войны совершенно разоренными в финансовом отношении. Ведь за войну надо платить, а Франция признает «священную частную собственность». Представители мелкобуржуазных партий знают, что еще до войны положение в Польше было накануне кризиса, что война несет дальнейшее разорение, а потому они предпочитают мир. Этот шанс мы и хотим использовать, предлагая Польше мир.

Обнаружился также чрезвычайно важный новый фактор: изменение социального состава польской армии. Мы победили Колчака и Деникина лишь после того, как у них изменился социальный состав их армий, когда основные крепкие кадры растворились в мобилизованной крестьянской массе. Этот процесс происходит теперь в армии польской, в которую правительство вынуждено было призвать старшие возрасты крестьян и рабочих, прошедших более жестокую, империалистскую войну. Эта армия состоит теперь уже не из мальчиков, которых легко было «обработать», а из взрослых, которых нельзя подучить чему угодно. Польша уже перешла ту грань, за которой обеспечена была ей сначала максимальная победа, а затем максимальное поражение.

Если нам суждена зимняя кампания, мы победим, в этом нет сомнения, несмотря на истощение и усталость. За это ручается и наше экономическое положение. Оно значительно улучшилось. Мы приобрели, по сравнению с прошлым, твердую экономическую базу. Если в 1917—1918 году мы собрали 30 миллионов пудов хлеба, в 1918—1919 году — 110 миллионов пудов, в 1919—1920 году — 260 миллионов

пудов, то в будущем году мы рассчитываем собрать до 400 миллионов пудов. Это уже не те цифры, в которых мы бились в голодные годы. Мы уже не будем с таким ужасом смотреть на разноцветные бумажки, которые летят миллиардами и теперь ясно обнаруживают, что они — обломок, обрывки старой буржуазной одежды.

У нас есть свыше ста миллионов пудов нефти. Донецкий бассейн уже дает нам 20—30 миллионов пудов угля в месяц. Значительно улучшилось дело с дровами. А в прошлом году мы сидели на одних дровах без нефти и без угля.

Все это и даст нам право говорить, что, если мы сплотим силы и напряжем их, победа будет за нами.

«Правда» № 216, 29 сентября 1920 г.

*Печатается по тексту
газеты «Правда».*

ПИСЬМО К НЕМЕЦКИМ И ФРАНЦУЗСКИМ РАБОЧИМ

ПО ПОВОДУ ПРЕНИЙ О ВТОРОМ КОНГРЕССЕ
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА 55

Товарищи! Буржуазная пресса Германии и Франции уделяет много внимания пресциям среди Независимой социал-демократической партии Германии и Социалистической партии Франции по поводу вступления в Коммунистический Интернационал. Буржуазная пресса с чрезвычайной энергией отстаивает взгляды правой, оппортунистической части обеих партий.

Это вполне понятно, ибо эти правые элементы по сути дела являются мелкобуржуазными демократами, которые, подобно Дитману и Криспину, не умеют мыслить революционно, неспособны помогать рабочему классу готовиться к революции и осуществлять революцию. Раскол с этими правыми, оппортунистическими элементами необходим, он является единственным средством сплотить все действительно революционные, действительно пролетарские массы.

Крики о «диктаторстве» Москвы и т. п. — простой отвод глаз. На самом деле в Исполнительном Комитете Коммунистического Интернационала двадцать членов, из них только пять членов Российской коммунистической партии. Все речи о «диктаторстве» и т. п. — самообман или обман рабочих. Эти речи так же прикрывают крах известного числа оппортунистических вождей, как подобные речи среди К. А. Р. Д. (Коммунистической рабочей партии Германии) прикрывали крах некоторых вождей ее, сошедших с пути пролетарской революционности. Таким же самообманом или обманом являются крики, будто «московские диктаторы» в условиях приема в Коминтерн преследуют определенные личности. В условиях приема, § 20,

сказано ясно, черным по белому, что «исключения» (Ausnahmen) из *суровых правил* по отношению к вождям правого крыла и по отношению к личному составу центральных учреждений *допустимы с согласия Исполкома III Интернационала*.

Раз исключения прямо объявлены допустимыми, значит не может быть и речи о безусловном недопущении тех или иных отдельных личностей. Значит, есть полное признание необходимости учитывать не прошлое, а настоящее, учитывать изменение взглядов и поведения отдельных лиц, отдельных вождей. Раз исключения объявлены допустимыми в зависимости от согласия Исполкома III Интернационала, — а в этом Исполкоме только одна четверть русских, — значит, полнейшими пустяками и полнейшей неправдой являются крики о «диктаторстве» и т. п.

Все эти крики — только отвод глаз. На деле идет борьба между революционными, *пролетарскими*, и оппортунистическими, *мелкобуржуазными*, элементами. К этим последним принадлежали и принадлежат Гильфердинги, Дитманы, Криспины, многочисленные члены парламентских фракций в Германии и Франции и т. п. Борьба этих двух *политических течений* идет во всех странах мира без изъятия, борьба эта имеет свою длинную историю, борьба эта обострилась и обостряется повсюду во время империалистской войны и после нее. Оппортунизм представлен элементами «рабочей аристократии», старой бюрократии профсоюзов, кооперативов и т. п., интеллигентски-мещанскими слоями и т. д. Без очистки от этого *течения*, которое на самом деле, своими колебаниями, своим «меньшевизмом» (Дитманы и Криспины вполне походят на наших меньшевиков) осуществляет влияние буржуазии на пролетариат *изнутри* рабочего движения, *изнутри* социалистических партий, — без очистки от этого течения, без раскола с ним, без исключения всех видных его представителей *невозможно* сплочение революционного пролетариата.

Дитманы, Криспины и т. п. своими вечными колебаниями в сторону реформизма и меньшевизма, своим неумением мыслить и действовать революционно осуществляют на самом деле, не сознавая этого, влияние буржуазии на пролетариат *изнутри* пролетарской партии, осуществляют *подчинение* пролетариата *буржуазному реформизму*. Только

раскол с такими и подобными людьми осуществляет *интернациональное единство* революционного пролетариата *против* буржуазии, для ее свержения.

События в Италии должны открыть глаза даже наиболее упорным из тех, кто не видит вреда «единства» и «мира» с Криспинами и Дитманами. Итальянские Криспины и Дитманы (Турати, Прампolini, Дарагона) тотчас же стали мешать революции в Италии, когда дело дошло до *настоящей революции*. А к этому дело идет — более или менее быстро, более или менее тяжело и мучительно — во всей Европе, во всем мире.

Пора бросить окончательно все эти вреднейшие иллюзии о возможности «единства» или «мира» с Дитманами и Криспинами, с правым крылом немецкой «Независимой с.-д. партии», английской «Независимой рабочей партии», Французской социалистической партии и т. п. Пора всем революционным рабочим очистить свои партии от них и образовать действительно единые коммунистические партии пролетариата.

Н. Ленин

24 сентября 1920 г.

ЗАДАЧИ СОЮЗОВ МОЛОДЕЖИ

(РЕЧЬ НА III ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ РОССИЙСКОГО
КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ)
2 ОКТЯБРЯ 1920 г.⁵³

(Ленин был встречен бурной овадией съезда.) Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи и в связи с этим — каковы должны быть организации молодежи в социалистической республике вообще.

На этом вопросе тем более следует остановиться, что в известном смысле можно сказать, что именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества. Ибо ясно, что поколение работников, воспитанное в капиталистическом обществе, в лучшем случае сможет решить задачу уничтожения основ старого капиталистического быта, построенного на эксплуатации. Оно в лучшем случае сумеет решить задачи создания такого общественного устройства, которое помогло бы пролетариату и трудовым классам удержать власть в своих руках и создать прочный фундамент, на котором может строить только поколение, вступающее в работу уже при новых условиях, при такой обстановке, когда нет эксплуататорского отношения между людьми.

И вот, подходя с этой точки зрения к вопросу о задачах молодежи, я должен сказать, что эти задачи молодежи вообще и союзов коммунистической молодежи и всяких других организаций в частности можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться.

Понятно, что это лишь «одно слово». Оно не дает еще ответа на главные и самые существенные вопросы, — чему учиться и как учиться? А здесь все дело в том, что вместе с преобразованием старого капиталистического общества

учение, воспитание и образование новых поколений, которые будут создавать коммунистическое общество, не могут быть старыми. Учение, воспитание и образование молодежи должно исходить из того материала, который оставлен нам старым обществом. Мы можем строить коммунизм только из той суммы знаний, организаций и учреждений, при том запасе человеческих сил и средств, которые остались нам от старого общества. Только преобразуя коренным образом дело учения, организацию и воспитание молодежи, мы сможем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было бы создание общества, не похожего на старое, т. е. коммунистического общества. Поэтому нам нужно подробно остановиться на вопросе о том, чему мы должны учиться и как должна учиться молодежь, если она действительно хочет оправдать звание коммунистической молодежи, и как подготовить ее к тому, чтобы она сумела достроить и довершить то, что мы начали.

Я должен сказать, что первым, казалось бы, и самым естественным ответом является то, что союз молодежи и вся молодежь вообще, которая хочет перейти к коммунизму, должна учиться коммунизму.

Но этот ответ: «учиться коммунизму» является слишком общим. Что же нам нужно для того, чтобы научиться коммунизму? Что нам нужно выделить из суммы общих знаний, чтобы приобрести знание коммунизма? Тут нам угрожает целый ряд опасностей, которые сплошь и рядом проявляют себя, как только задача учиться коммунизму ставится неправильно, или когда она понимается слишком односторонне.

Естественно, что на первый взгляд приходят в голову мысли о том, что учиться коммунизму — это значит усвоить ту сумму знаний, которая изложена в коммунистических учебниках, брошюрах и трудах. Но такое определение изучения коммунизма было бы слишком грубо и недостаточно. Если бы только изучение коммунизма заключалось в усвоении того, что изложено в коммунистических трудах, книжках и брошюрах, то тогда слишком легко мы могли бы получить коммунистических начетчиков или хвастунов, а это сплошь и рядом приносило бы нам вред и ущерб, так как эти люди, научившись и начитавшись того, что изложено в коммунистических книгах

и брошюрах, оказались бы неумеющими соединить все эти знания и не сумели бы действовать так, как того действительно коммунизм требует.

Одно из самых больших зол и бедствий, которые остались нам от старого капиталистического общества, это полный разрыв книги с практикой жизни, ибо мы имели книги, где все было расписано в самом лучшем виде, и эти книги, в большинстве случаев, являлись самой отвратительной лицемерной ложью, которая лживо рисовала нам капиталистическое общество.

Поэтому простое книжное усвоение того, что говорится в книгах о коммунизме, было бы в высшей степени неправильным. Теперь в наших речах и статьях нет простого повторения того, что говорилось раньше о коммунизме, так как наши речи и статьи связаны с повседневной и всесторонней работой. Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой, тот старый разрыв, который составлял самую отвратительную черту старого буржуазного общества.

Еще более опасным было бы, если бы мы начали усваивать только коммунистические лозунги. Если бы мы вовремя эту опасность не поняли и если бы мы всю нашу работу не направили на то, чтобы эту опасность устранить, тогда наличие полумиллиона или миллиона людей, молодых юношей и девушек, которые после такого обучения коммунизму будут называть себя коммунистами, принесло бы только великий ущерб для дела коммунизма.

Тут перед нами встает вопрос о том, как же нам нужно сочетать все это для обучения коммунизму? Что нам нужно взять из старой школы, из старой науки? Старая школа заявляла, что она хочет создать человека всесторонне образованного, что она учит наукам вообще. Мы знаем, что это было насквозь лживо, ибо все общество было основано и держалось на разделении людей на классы, на эксплуататоров и угнетенных. Естественно, что вся старая школа, будучи целиком пропитана классовым духом, давала знания только детям буржуазии. Каждое слово ее было подделано в интересах буржуазии. В этих школах молодое поколение рабочих и крестьян не столько воспитывали, сколько натаскивали в интересах той же

буржуазии. Воспитывали их так, чтобы создавать для нее пригодных слуг, которые были бы способны давать ей прибыль и вместе с тем не тревожили бы ее покоя и безделья. Поэтому, отрицая старую школу, мы поставили себе задачей взять из нее лишь то, что нам нужно для того, чтобы добиться настоящего коммунистического образования.

Здесь я подхожу к тем нареканиям, к тем обвинениям старой школы, которые постоянно приходится слышать и которые ведут нередко к совершенно неправильному толкованию. Говорят, что старая школа была школой учебы, школой муштры, школой зубрежки. Это верно, но надо уметь различать, что было в старой школе плохого и полезного нам, и надо уметь выбрать из нее то, что необходимо для коммунизма.

Старая школа была школой учебы, она заставляла людей усваивать массу ненужных, лишних, мертвых знаний, которые забивали голову и превращали молодое поколение в подогнанных под общий ранжир чиновников. Но вы сделали бы огромную ошибку, если бы попробовали сделать тот вывод, что можно стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием. Было бы ошибочно думать так, что достаточно усвоить коммунистические лозунги, выводы коммунистической науки, не усвоив себе той суммы знаний, последствием которых является сам коммунизм. Образцом того, как появился коммунизм из суммы человеческих знаний, является марксизм.

Вы читали и слышали о том, как коммунистическая теория, коммунистическая наука, главным образом созданная Марксом, как это учение марксизма перестало быть произведением одного, хотя и гениального социалиста XIX века, как это учение стало учением миллионов и десятков миллионов пролетариев во всем мире, применяющих это учение в своей борьбе против капитализма. И если бы вы выдвинули такой вопрос: почему учение Маркса могло овладеть миллионами и десятками миллионов сердец самого революционного класса — вы сможете получить один ответ: это произошло потому, что Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме; изучивши законы развития человеческого общества, Маркс понял неизбежность развития капитализма, ведущего к коммунизму, и, главное, он доказал это только на основании самого точного,

самого детального, самого глубокого изучения этого капиталистического общества, при помощи полного усвоения всего того, что дала прежняя наука. Все то, что было создано человеческим обществом, он переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания. Все то, что человеческою мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли.

Это надо иметь в виду, когда мы, например, ведем разговоры о пролетарской культуре. Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества. Все эти пути и дорожки подводили и подводят, и продолжают подводить к пролетарской культуре так же, как политическая экономия, переработанная Марксом, показала нам то, к чему должно придти человеческое общество, указала переход к классовой борьбе, к началу пролетарской революции.

Когда мы слышим нередко и среди представителей молодежи, и среди некоторых защитников нового образования нападки на старую школу, что старая школа была школой зубрежки, мы говорим им, что мы должны взять то хорошее, что было в старой школе. Мы не должны брать из старой школы того, когда память молодого человека обременяли безмерным количеством знаний, на девять десятых ненужных и на одну десятую искаженных, но это не значит, что мы можем ограничиться коммунистическими выводами и заучить только коммунистические лозунги. Этим коммунизма не создашь. Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Нам не нужно зубрежки, но нам нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося знанием основных фактов, ибо коммунизм превратится в пустоту, превратится в пустую вывеску, [коммунист будет только простым хвастуном, если не будут переработаны в его сознании все полученные знания.] Вы должны не только усвоить их, но усвоить так, чтобы отнестись к ним критически, чтобы не загромождать своего ума тем хламом, который не нужен, а обогатить его знанием всех фактов, без которых не может быть современного образованного человека. Если коммунист вздумал бы хвастаться коммунизмом на основании полученных им готовых выводов, не производя серьезнейшей, труднейшей, большой работы, не разобравшись в фактах, к которым он обязан критически отнестись, такой коммунист был бы очень печален. И такое верхоглядство было бы решительным образом губительно. Если я знаю, что знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше, но если человек будет говорить, что он коммунист и что ему и знать ничего не надо прочного, то ничего похожего на коммуниста из него не выйдет.

Старая школа вырабатывала прислужников, необходимых для капиталистов, старая школа из людей науки делала людей, которые должны были писать и говорить, как угодно капиталистам. Это значит, что мы должны ее убрать. Но, если мы должны ее убрать, если мы должны разрушить, значит ли это, что мы не должны взять из нее все то, что было накоплено человечеством необходимого для людей? Значит ли, что мы не должны суметь различить то, что являлось необходимым для капитализма и что является необходимым для коммунизма?

На место старой муштры, которая проводилась в буржуазном обществе вопреки воле большинства, мы ставим сознательную дисциплину рабочих и крестьян, которые соединяют с ненавистью к старому обществу решимость, умение и готовность объединить и организовать силы для этой борьбы, чтобы из воли миллионов и сотен миллионов разрозненных, раздробленных, разбросанных на протяжении громадной страны создать единую волю, ибо без этой единой воли мы будем разбиты неминуемо. Без этого сплочения, без этой сознательной дисциплины рабочих и крестьян наше дело безнадежно. Без этого победить капиталистов и помещиков всего мира мы не сможем.

Мы не закрепим даже фундамента, не говоря о том, чтобы на этом фундаменте построить новое, коммунистическое общество. Также и отрицая старую школу, пятая совершенно законную и необходимую ненависть к этой старой школе, пеня готовность разрушить старую школу, мы должны понять, что на место старой учебы, старой зубрежки, старой муштры мы должны поставить умение взять себе всю сумму человеческих знаний, и взять так, чтобы коммунизм не был бы у вас чем-то таким, что заучено, а был бы тем, что вами самими продумано, был бы теми выводами, которые являются неизбежными с точки зрения современного образования.

Вот как надо поставить основные задачи, когда мы говорим о задаче: научиться коммунизму.

Чтобы это вам пояснить, подходя в то же время к вопросу, как учиться, я возьму пример практический. Вы все знаете, что перед нами сейчас же вслед за задачами военными, задачами охраны республики, встает задача хозяйственная. Мы знаем, что коммунистического общества нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия, причем надо возродить их не по-старому. Надо возродить их на современной, по последнему слову науки построенной, основе. Вы знаете, что этой основой является электричество, что только, когда произойдет электрификация всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия, когда вы эту задачу освоите, только тогда вы для себя сможете построить то коммунистическое общество, которого не сможет построить старое поколение. Перед вами стоит задача хозяйственного возрождения всей страны, реорганизация, восстановление и земледелия, и промышленности на современной технической основе, которая покоится на современной науке, технике, на электричестве. Вы прекрасно понимаете, что к электрификации неграмотные люди не подойдут, и мало тут одной простой грамотности. Здесь недостаточно понимать, что такое электричество: надо знать, как технически приложить его и к промышленности, и к земледелию, и к отдельным отраслям промышленности и земледелия. Надо научиться этому самим, надо научить этому все подрастающее трудящееся поколение. Вот задача, которая стоит перед всяким сознательным коммунистом, перед всяким молодым человеком, который считает себя комму-

нистом и ясно отдает себе отчет, что он, вступив в Коммунистический союз молодежи, взял на себя задачу помочь партии строить коммунизм и помочь всему молодому поколению создать коммунистическое общество. Он должен понять, что только на основе современного образования он может это создать, и, если он не будет обладать этим образованием, коммунизм останется только пожеланием.

У предыдущего поколения задача сводилась к свержению буржуазии. Тогда главной задачей была критика буржуазии, развитие в массах ненависти к ней, развитие классового сознания, умения сплотить свои силы. Перед новым поколением стоит задача более сложная. Мало того, что вы должны объединить все свои силы, чтобы поддержать рабоче-крестьянскую власть против нашествия капиталистов. Это вы должны сделать. Это вы прекрасно поняли, это отчетливо представляет себе коммунист. Но этого недостаточно. Вы должны построить коммунистическое общество. Первая половина работы во многих отношениях сделана. Старое разрушено, как его и следовало разрушить, оно представляет из себя груды развалин, как и следовало его превратить в груды развалин. Расчищена почва, и на этой почве молодое коммунистическое поколение должно строить коммунистическое общество. Перед вами задача строительства, и вы ее можете решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы.

Вот задача ваша, которой вы должны руководствоваться в деле образования, воспитания, подъема всего молодого поколения. Вы должны быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов строителей, которыми должны быть всякий молодой человек, всякая молодая девушка. Без привлечения всей массы рабочей и крестьянской молодежи к этому строительству коммунизма вы коммунистического общества не постройте.

Здесь я естественно подхожу к вопросу о том, как мы должны учить коммунизму, в чем должна состоять особенность наших приемов.

Я здесь остановлюсь прежде всего на вопросе о коммунистической морали.

Вы должны воспитать из себя коммунистов. Задача Союза молодежи — поставить свою практическую деятельность так, чтобы, учась, организуясь, сплачиваясь, борясь, эта молодежь воспитывала бы себя и всех тех, кто в ней видит вождя, чтобы она воспитывала коммунистов. Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали.

Но существует ли коммунистическая мораль? Существует ли коммунистическая нравственность? Конечно, да. Часто представляют дело таким образом, что у нас нет своей морали, и очень часто буржуазия обвиняет нас в том, что мы, коммунисты, отрицаем всякую мораль. Это — способ подменять понятия, бросать песок в глаза рабочим и крестьянам.

В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность?

В том смысле, в каком проповедывала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что в бога не верим, и очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплуататорские интересы. Или вместо того, чтобы выводить эту мораль из велений нравственности, из велений бога, они выводили ее из идеалистических или полуйдеалистических фраз, которые всегда сводились тоже к тому, что очень похоже на веления бога.

Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов.

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата.

Старое общество было основано на угнетении помещиками и капиталистами всех рабочих и крестьян. Нам нужно было это разрушить, надо было их скинуть, но для этого надо создать объединение. Боженька такого объединения не создаст.

Такое объединение могли дать только фабрики, заводы, только пролетариат, обученный, пробужденный от старой спячки. Лишь тогда, когда этот класс образовался, тогда началось массовое движение, которое привело к тому, что мы видим сейчас, — к победе пролетарской революции в одной из самых слабых стран, три года отстаивающей себя от натиска буржуазии всего мира. И мы видим, как пролетарская революция растет во всем мире. Мы говорим теперь на основании опыта, что только пролетариат мог создать такую сплоченную силу, за которую идет раздробленное, распыленное крестьянство, которая устояла при всех натисках эксплуататоров. Только этот класс может помочь трудящимся массам объединиться, сплотиться и окончательно отстоять, окончательно закрепить коммунистическое общество, окончательно его построить.

Вот почему мы говорим: для нас нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует; это обман. Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата.

А в чем состоит эта классовая борьба? Это — царя свергнуть, капиталистов свергнуть, уничтожить класс капиталистов.

А что такое классы вообще? Это то, что позволяет одной части общества присваивать себе труд другого. Если одна часть общества присваивает себе всю землю, мы имеем классы помещиков и крестьян. Если одна часть общества имеет фабрики и заводы, имеет акции и капиталы, а другая работает на этих фабриках, мы имеем классы капиталистов и пролетариев.

Нетрудно было прогнать царя — для этого потребовалось всего несколько дней. Не очень трудно было прогнать помещиков, — это можно было сделать в несколько месяцев, не очень трудно прогнать и капиталистов. Но уничтожить классы несравненно труднее; все еще осталось разделение на рабочих и крестьян. Если крестьянин сидит на отдельном участке земли и присваивает себе лишний хлеб, т. е. хлеб, который не нужен ни ему, ни его скотине, а все остальные остаются без хлеба, то крестьянин превращается уже в эксплуататора. Чем больше оставляет он себе хлеба, тем ему выгоднее, а другие пусть голодают: «чем больше они голодают, тем дороже я продам этот хлеб». Надо, чтобы все работали по одному общему плану

на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку. Легко ли это делать? Вы видите, что тут нельзя добиться решения так же легко, как прогнать царя, помещиков и капиталистов. Тут надо, чтобы пролетариат перевоспитал, пересучил часть крестьян, перетянул тех, которые являются крестьянами трудящимися, чтобы уплотнить сопротивление тех крестьян, которые являются богачами и наживаются на счет нужды остальных. Значит, задача борьбы пролетариата еще не закончена тем, что мы свергли царя, прогнали помещиков и капиталистов, а в этом и состоит задача того порядка, который мы называем диктатурой пролетариата.

Классовая борьба продолжается; она только изменила свои формы. Это классовая борьба пролетариата за то, чтобы не могли вернуться старые эксплуататоры, чтобы соединилась раздробленная масса темного крестьянства в один союз. Классовая борьба продолжается, и наша задача подчинить все интересы этой борьбе. И мы свою нравственность коммунистическую этой задаче подчиняем. Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов.

Коммунистическая нравственность это та, которая служит этой борьбе, которая объединяет трудящихся против всякой эксплуатации, против всякой мелкой собственности, ибо мелкая собственность дает в руки одного лица то, что создано трудом всего общества. Земля у нас считается общей собственностью.

Ну, а если из этой общей собственности я беру себе известный кусок, возделываю на нем вдвое больше хлеба, чем нужно мне, и излишком хлеба спекулирую? Рассуждаю, что, чем больше голодных, тем дороже будут платить? Разве я тогда поступаю, как коммунист? Нет, как эксплуататор, как собственник. С этим нужно вести борьбу. Если оставить так, то все скатится назад, к власти капиталистов, к власти буржуазии, как это бывало не раз в прежних революциях. И, чтобы не дать снова восстановиться власти капиталистов и буржуазии, для этого нужно торгашества не допустить, для этого нужно, чтобы отдельные лица не наживались на счет остальных, для этого нужно, чтобы трудящиеся сплотились с пролетариатом и

составили коммунистическое общество. В этом и состоит главная особенность того, что является основной задачей союза и организации коммунистической молодежи.

Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матерп воспринимают психологию, привычку, понятие — либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, интеллигент, — словом, человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет.

Если я хозяйничаю на этом участке земли, мне дела нет до другого; если другой будет голодать, тем лучше, я дороже продам свой хлеб. Если я имею свое местечко, как врач, как инженер, учитель, служащий, мне дела нет до другого. Может быть, потворствуя, угождая власть имущим, я сохраню свое местечко, да еще смогу и пробиться, выйти в буржуа. Такой психологии и такого настроения у коммуниста быть не может. Когда рабочие и крестьяне доказали, что мы умеем своей силой отстоять себя и создать новое общество, вот здесь и началось новое коммунистическое воспитание, воспитание в борьбе против эксплуататоров, воспитание в союзе с пролетариатом против эгоистов и мелких собственников, против той психологии и тех привычек, которые говорят: и добиваюсь своей прибыли, а до остального мне нет никакого дела.

Вот в чем состоит ответ на вопрос, как должно учиться коммунизму молодое подрастающее поколение.

Оно может учиться коммунизму, только связывая каждый шаг своего учения, воспитания и образования с непрерывной борьбой пролетариев и трудящихся против старого эксплуататорского общества. Когда нам говорят о нравственности, мы говорим: для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров. Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем. Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда.

Чтобы это осуществить, нужно то поколение молодежи, которое начало превращаться в сознательных людей в обстановке дисциплинированной отчаянной борьбы с буржуазией. В этой борьбе оно воспитает настоящих коммунистов, этой борьбе оно должно подчинить и связать с ней всякий шаг в своем учении, образовании и воспитании. Воспитание коммунистической молодежи должно состоять не в том, что ей подносят всякие усладительные речи и правила о нравственности. Не в этом состоит воспитание. Когда люди видели, как их отцы и матери жили под гнетом помещиков и капиталистов, когда они сами участвовали в тех муках, которые обрушивались на тех, кто начинал борьбу против эксплуататоров, когда они видели, каких жертв стоило продолжить эту борьбу, чтобы отстоять завоеванное, каким бешеным врагом являются помещики и капиталисты, — тогда эти люди воспитываются в этой обстановке коммунистами. В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма. Вот в чем состоит и основа коммунистического воспитания, образования и учения. Вот в чем состоит ответ на вопрос, как надо учиться коммунизму.

Мы не верили бы учению, воспитанию и образованию, если бы оно было загнано только в школу и оторвано от бурной жизни. Пока рабочие и крестьяне остаются угнетенными помещиками и капиталистами, пока школы остаются в руках помещиков и капиталистов, поколение молодежи остается слепым и темным. А наша школа должна давать молодежи основы знания, умение вырабатывать самим коммунистические взгляды, должна делать из них образованных людей. Она должна за то время, пока люди в ней учатся, делать из них участников борьбы за освобождение от эксплуататоров. Коммунистический союз молодежи только тогда оправдывает свое звание, что он есть Союз коммунистического молодого поколения, если он каждый шаг своего учения, воспитания, образования связывает с участием в общей борьбе всех трудящихся против эксплуататоров. Ибо вы прекрасно знаете, что, пока Россия остается единственной рабочей республикой, а во всем остальном мире существует старый буржуазный порядок, мы слабее их, что каждый раз нам угрожает новый натиск, что, только если мы научимся

сплочению и единодушию, мы победим в дальнейшей борьбе и, окрепнув, станем действительно непобедимы. Таким образом, быть коммунистом, это значит организовывать и объединять все подрастающее поколение, давать пример воспитания и дисциплины в этой борьбе. Тогда вы сможете начать и довести до конца постройку здания коммунистического общества.

Чтобы сделать это вам более ясным, я приведу пример. Мы называем себя коммунистами. Что такое коммунист? Коммунист — слово латинское. Коммунис значит — общий. Коммунистическое общество значит — все общее: земля, фабрики, общий труд, — вот что такое коммунизм.

Может ли труд быть общим, если каждый ведет свое хозяйство на отдельном участке? Сразу общего труда не создашь. Этого быть не может. Это с неба не свалывается. Это нужно заработать, выстрадать, создать. Это создается в ходе борьбы. Тут не старая книжка — книжке никто бы не поверил. Тут собственный жизненный опыт. Когда Колчак и Деникин шли из Сибири и с юга, крестьяне были на их стороне. Большевизм им не нравился, так как большевики берут хлеб по твердой цене. А когда крестьяне испытали в Сибири и на Украине власть Колчака и Деникина, они узнали, что крестьянину выбора нет: либо иди к капиталисту, и он отдаст тебя в рабство помещику, либо иди за рабочим, который, правда, молочные реки в кисельных берегах не обещает, который требует от тебя железной дисциплины и твердости в тяжелой борьбе, но который выводит тебя из рабства у капиталистов и помещиков. Когда даже темные крестьяне поняли и увидели это на собственном опыте, тогда они стали сознательными, прошедшими тяжелую школу, сторонниками коммунизма. Такой опыт и должен положить в основу всей своей деятельности Коммунистический союз молодежи.

Я ответил на вопросы, чему мы должны учиться, что нам нужно взять из старой школы и старой науки. Я постараюсь ответить и на вопрос, как этому нужно учиться: только связывая каждый шаг деятельности в школе, каждый шаг воспитания, образования и учения неразрывно с борьбой всех трудящихся против эксплуататоров.

На нескольких примерах, взятых из опыта работы той или другой организации молодежи, я покажу вам наглядно,

как это воспитание коммунизма должно идти. Все говорят о ликвидации безграмотности. Вы знаете, что в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя. Недостаточно того, чтобы Советская власть приказала, или чтобы партия дала определенный лозунг, или чтобы бросить известную часть лучших работников на это дело. Для этого нужно, чтобы само молодое поколение взялось за это дело. Коммунизм состоит в том, чтобы та молодежь, те юноши и девушки, которые состоят в Союзе молодежи, сказали бы: это наше дело, мы объединимся и пойдем в деревни, чтобы ликвидировать безграмотность, чтобы наше подрастающее поколение не имело безграмотных. Мы стремимся к тому, чтобы самостоятельность подрастающей молодежи была посвящена на это дело. Вы знаете, что скоро превратить Россию из темной безграмотной страны в грамотную нельзя; но, если за это дело возьмется Союз молодежи, если вся молодежь будет работать на пользу всех, тогда этот союз, объединяющий 400 000 юношей и девушек, имеет право называться Коммунистическим союзом молодежи. Задача Союза состоит еще в том, чтобы, усваивая те или другие знания, помочь той молодежи, которая сама не может высвободиться из тьмы безграмотности. Быть членами Союза молодежи, значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспитание. Только в такой работе превращается молодой человек или девушка в настоящего коммуниста. Только в том случае, если они этой работой сумеют достигнуть практических успехов, они становятся коммунистами.

Для примера возьмите работу на подгородных огородах. Разве это не дело? Это одна из задач Коммунистического союза молодежи. Народ голодает, на фабриках и заводах голод. Для того, чтобы спастись от голода, надо развить огороды, но земледелие ведется по-старому. И вот нужно, чтобы более сознательные элементы взялись за дело, и вы тогда увидите, что огороды увеличатся, площадь их расширится, результаты улучшатся. В этом деле Коммунистический союз молодежи должен принимать активное участие. Каждый союз или каждая ячейка Союза должны считать это дело своим делом.

Союз коммунистической молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин. Союз должен быть таким, чтобы любой рабочий видел бы в нем людей, учение которых, возможно, ему непонятно, учению которых он сразу, может быть, и не поверит, но на живой работе которых, на их деятельности он видел бы, что это действительно те люди, которые показывают ему верный путь.

Если Коммунистический союз молодежи во всех областях не сумеет построить так свою работу, это значит, что он сбивается на старый, буржуазный путь. Наше воспитание нужно соединить с борьбой трудящихся против эксплуататоров для того, чтобы помогать первым решать те задачи, которые из учения коммунизма вытекают.

Члены Союза должны каждый свой свободный час употреблять на то, чтобы улучшить огород, или на какой-нибудь фабрике или заводе организовать учение молодежи и т. д. Мы хотим Россию из страны нищей и убогой превратить в страну богатую. И нужно, чтобы Коммунистический союз молодежи свое образование, свое учение и свое воспитание соединил с трудом рабочих и крестьян, чтобы он не запирался в свои школы и не ограничивался лишь чтением коммунистических книг и брошюр. Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами. И надо, чтобы все увидели, что всякий, входящий в Союз молодежи, является грамотным, а вместе с тем умеет и трудиться. Когда все увидят, как мы прогнали из старой школы старую муштру, заменив ее сознательной дисциплиной, как всякий молодой человек идет участвовать в субботнике, как они используют каждое подгородное хозяйство, чтобы помогать населению, народ будет смотреть на труд не так, как на него смотрели прежде.

Задача Коммунистического союза молодежи в том, чтобы организовать в деревне или в своем квартале помощь в таком деле, — беру маленький пример — как обеспечение чистоты или распределение пищи. Как это делалось в капиталистическом старом обществе? Каждый работал только для себя, и никто не смотрел, есть ли тут старые или больные, или все хозяйство падает на плечи женщины,

которая поэтому находится в состоянии подавленном и порабощенном. Кто против этого должен бороться? Союзы молодежи, которые должны сказать: мы это переделаем, мы организуем отряды молодых людей, которые будут помогать обеспечению чистоты или распределению пищи, систематически обходя дома, которые будут действовать организованно на пользу всего общества, правильно распределяя силы и показывая, что труд должен быть организованным трудом.

Тому поколению, представителям которого теперь около 50 лет, нельзя рассчитывать, что оно увидит коммунистическое общество. До тех пор это поколение перемрет. А то поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество и само будет строить это общество. И оно должно знать, что вся задача его жизни есть строительство этого общества. В старом обществе труд велся отдельной семьей, и никто не соединял его, кроме помещиков и капиталистов, угнетавших массы народа. Мы должны всякий труд, как бы он ни был грязен и труден, построить так, чтобы каждый рабочий и крестьянин смотрел на себя так: я — часть великой армии свободного труда и сумею сам построить свою жизнь без помещиков и капиталистов, сумею установить коммунистический порядок. Надо, чтобы Коммунистический союз молодежи воспитывал всех с молодых лет в сознательном и дисциплинированном труде. Вот каким образом мы можем рассчитывать, что те задачи, которые теперь поставлены, будут разрешены. Нам следует рассчитывать, что нужно не меньше 10 лет для электрификации страны, чтобы наша обнищавшая земля могла быть обслужена по последним достижениям техники. И вот, поколение, которому теперь 15 лет и которое через 10—20 лет будет жить в коммунистическом обществе, должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую. По мере того, как это будет происходить в каждой деревне, по мере того, как будет развиваться коммунистическое соревнование, по мере того, как молодежь будет доказывать, что она умеет объединить свой труд, — по мере этого успех коммунистического строительства будет обеспечен. Только смотря на каждый шаг свой с точки зрения успеха

втого строительства, только спрашивая себя, все ли мы сделали, чтобы быть объединенными сознательными трудящимися, Коммунистический союз молодежи сделает то, что он полмиллиона своих членов объединит в одну армию труда и возбудит общее уважение к себе. (Гром аплодисментов.)

*«Правда» №№ 221, 222 и 223;
6, 6 и 7 октября 1920 г.*

*Печатается по тексту газеты
«Правда», сверенному с текстом
брошюры: Н. Ленин (В. И. Ульянов).
«Задачи союзов молодежи», 1920*

РЕЧЬ НА СЪЕЗДЕ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ КОЖЕВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА 2 ОКТЯБРЯ 1920 г.

Товарищи, предметом моего доклада должно стать, согласно желанию, выраженному организаторами и организаторами вашего съезда, положение нашей республики в политическом отношении. С этой стороны, главное, на чем мне придется остановиться, это, несомненно, наша война с Польшей, главный ход событий в связи с ней, и то, что вскрылось таким образом в отношении внутреннего и международного положения нашей республики.

Вы все, конечно, знаете, как тяжело сложилось военное положение для нас сейчас, и в связи с этим естественно бросить взгляд на то, в силу каких обстоятельств это положение так обострилось, так ухудшилось. Вы помните, разумеется, что в апреле текущего года, когда еще наступление поляков не началось, линия фронта проходила восточнее, во многих местах значительно восточнее той, где она проходит сейчас. Линия проходила так, что Минск оставался у поляков, вся Белоруссия была у них. И не только Совет Народных Комиссаров, но и Президиум ВЦИК — высший орган в РСФСР — торжественно, в специальном обращении заявил польскому народу, что он предлагает мир, что он отказывается от решения оружием вопроса о судьбе Белоруссии, которая никогда польской не была и крестьянское население которой, долго страдавшее от польских помещиков, не считало себя польским. Но мы, тем не менее, заявили самым официальным, самым торжественным образом, что мы предлагаем мир на тогдашней линии, ибо мы ценили рабочих, которые должны были погибнуть в этой войне, так высоко, что никакие уступки мы не считали более важными. Разрешение во-

проса о Белоруссии мы предполагали не силой оружия, а исключительно только путем развития борьбы внутри Польши. Мы знали, что помощь освобождению трудящихся Польши мы можем оказать далеко не столько и даже, главным образом, не столько силой военной, сколько силой нашей пропаганды.

Это было в апреле текущего года, и вы знаете, что в ответ на наше торжественное предложение мира Польша сначала ответила маневром, предлагая заключить мир в Борисове, который был в их руках и был пунктом стратегически важнейшим потому, что он был занят поляками и ведение там переговоров означало возможность для поляков наступать на юго-западе и отнять у нас возможность к наступлению на северо-западе. Мы ответили: какой угодно город, кроме Борисова. Поляки ответили отказом. Я напоминаю вам об этом, чтобы вы во всех речах, которые вам придется вести по этому вопросу, более энергично подчеркивали, что вначале мы предлагали мир на линии более восточной, чем теперешняя, т. е. мы соглашались на мир самый невыгодный для нас.

Поляки нам войну навязали, и мы знаем, что тут главную роль играли даже не польские помещики, не польские капиталисты, ибо положение Польши, как и теперь, было отчаянное. Она с отчаяния пошла на эту авантюру. Но главная сила, которая толкала поляков на войну с нами, была, конечно, сила капитала международного и, в первую голову, французского. С этих пор выяснилось, что сотни французских офицеров действовали и действуют в польской армии, что все вооружение, вся финансовая и военная помощь целиком дана Польше Францией.

Вот при каких условиях эта война началась. Она означала новую попытку союзников разрушить Советскую республику, попытку, после провала с планом Юденича, поставить с помощью Польши еще раз вопрос о подавлении Советской республики, и вы знаете главную перипетию этой, начавшейся вопреки нашей воле, войны с Польшей. Вы знаете, что сначала поляки имели успех и на юго-западе они отняли Киев, потом прошло довольно много времени, когда Красная Армия могла сосредоточить свои силы и начать наступление, и тут они начали терять одни пункты за другими. Они потеряли Полоцк и т. д. Но лишь к июлю месяцу началось решительное наступление Красной

Армии, и оно оказалось настолько успешным, что мы совершили неслыханный почти в военной истории поход. Красная Армия прошла без перерыва 500, даже 600, во многих местах до 800 верст и дошла почти до Варшавы. Варшава считалась почти погибшей для Польши. Так, по крайней мере, считала вся международная печать. После случился перелом. Когда мы подошли к Варшаве, наши войска оказались настолько измученными, что у них нехватило сил одерживать победу дальше, а польские войска, поддержанные патриотическим подъемом в Варшаве, чувствуя себя в своей стране, нашли поддержку, нашли новую возможность идти вперед. Оказалось, что война дала возможность дойти почти до полного разгрома Польши, но в решительный момент у нас нехватило сил.

Я мог бы говорить об этом дальше, но, сообразно теме моего доклада, я должен остановиться на политическом положении, какое к тому времени развернулось. Мы видели, что, когда мы перед апрельским наступлением польской республике предложили мир на условиях, самых выгодных для поляков, но невыгодных для нас, вся буржуазная печать мира подняла шум, и наше прямое заявление рассматривали, как призыв нашей слабости. Если большевики предлагают мир на той линии, на которой польские войска тогда стояли, если большевики даже отдают Минск, то они слабы. В начале войны даже английский король прислал приветствие главе польского помещичьего правительства.

12 июля внезапно, как вы, вероятно, помните, мы получили телеграмму от секретаря Лиги наций с заявлением, что польское правительство согласно вступить в переговоры о мире на условиях этнографических границ и на условиях отнесения всей Галиции к Польше. Во всей международной печати поднялся неслыханный шум. На этот раз все стояли за мир. Когда мы предлагали мир в апреле или еще раньше, весной 1920 г., вся эта печать молчала или подстрекала Польшу на войну. Когда же мы победили Польшу, и мир предложила Польша, мы же на это предложение ответили прямым и откровенным изложением нашего взгляда на то, что Лига наций никакой силы не представляет, положиться на ее слово мы не можем, они все кричат и требуют, чтобы мы остановились. Теперь, когда военное счастье переменилось, когда

мы вчера заявили, что мы предлагаем Польше мир на условиях более выгодных, чем предлагала им Лига наций, с тем чтобы до 5 октября этот мир был подписан, опять вся буржуазная пресса замолчала. Она молчит о мире тогда, когда на большевиков наступают, и кричит тогда, когда большевики наступают. Она хочет после этого заставить верить в то, что со стороны буржуазной печати имеется будто бы желание мира. На конференции нашей партии, которая кончилась несколько дней тому назад, мы имели возможность слышать доклад польского рабочего, представителя одного из крупных профессиональных союзов Польши, который пробрался из Варшавы и рассказывал о том, какие преследования против рабочих велись в Польше, как рабочие в Варшаве смотрели на Красную Армию, как на избавительницу, как они ждали русскую Красную Армию, не считая ее своим врагом, а, наоборот, своим другом в борьбе против панов, против буржуазных угнетателей Польши. Тут, ясное дело, Антанта пользовалась Польшей, как орудием в новой попытке разрушить Советскую республику, и когда эта попытка грозила перейти в полную противоположность, и мы стояли накануне того, чтобы помочь польским рабочим свергнуть их правительство, вся буржуазная европейская печать была против нас. Тов. Каменев, который посетил Лондон, рассказывал здесь, в Большом театре, как ему изо дня в день приходилось выслушивать ультиматумы и угрозы английского правительства, хотевшего уже мобилизовать весь свой флот против Петрограда, сосредоточив его в Кронштадте, для защиты будто бы Польши от нас. Теперь, когда военное счастье переменялось, когда мы снимаем из наших условий все то, что было объявлено Польшей неприемлемым, буржуазная пресса замолчала. Совершенно ясно, что перед вами не что иное, как натравливание Польши французским и английским империализмом на новую попытку свергнуть Советскую власть.

И это (что, несомненно, важно), я думаю, уже последняя попытка наступления на Советскую Россию. Тут оказалось, что Польша слишком тесно связана со всей системой международного империализма. Вы знаете, что, разгромив Германию, союзные империалисты — Франция, Англия, Америка и Япония — заключают Версальский мир, который, во всяком случае, является несравненно

более зверским, чем пресловутый Брестский мир, о котором так много кричали. И в то же время, как французы, американцы, англичане шумели на весь мир, что это война освободительная, что эта война имеет целью избавление Европы и всего мира от варварства гуннов, как они называли немцев, избавление мира от германского милитаризма и германского кайзера, оказалось, что Версальский мир превзошел все жестокости, на которые был способен кайзер, когда он был победителем. Для всех побежденных стран, для Германии, для всех стран, входивших в состав Австро-Венгерской империи, вмешательство английских и французских офицеров в хозяйственную жизнь доказывает, что жить при таких условиях нельзя. Одной из причин, по которой держится этот чудовищный мир, является то обстоятельство, что Польша разделяет Германию на две части, так как польские земли выходят к морю. Между Германией и Польшей отношения сейчас самые обостренные. Поляков, когда они притесняют германское население, поддерживают войска и офицеры Антанты. Из Польши Версальский мир создал государство-буфер, который должен оградить Германию от столкновения с советским коммунизмом и который Антанта рассматривает как оружие против большевиков. С Польшей и при помощи Польши французы надеются вернуть себе те десятки миллиардов займов, которые взяло царское правительство. Вот почему, когда разгорелась война с Польшей, от которой мы так хотели избавиться ценой хотя бы больших уступок, эта война с Польшей оказалась более непосредственной войной против Антанты, чем предыдущие войны. Предыдущие войны, когда против нас выступали Колчак, Деникин и Юденич, велись также при помощи офицеров и сотен миллионов, которые давали союзники, при помощи их пушек и танков. Предыдущие войны были тоже войнами против Антанты, но эти войны шли на русской территории против белогвардейских русских офицеров и мобилизованных или крестьян, и эти войны не могли превратиться в войны, которые бы поколебали Версальский мир. Вот в чем их отличие от войны с Польшей. Война против Юденича, Колчака и Деникина была тоже войной против Антанты и была войной России рабочей против всей буржуазной России. И когда она окончилась победой, и когда мы разбили Юденича, Колчака и Деникина, то это

не было прямое наступление на Версальский мир. С Польшей вышло наоборот, и в этом отличие войны против Польши, в этом международное значение Польши.

Когда мы наступали на Польшу победоносно, тогда вся Европа завопила, что она хочет мира, что весь мир устал от войны и что пора мириться. А когда поляки наступают, то никто не кричит, что устали от войны. В чем дело? А дело в том, что, побеждая Юденича, Колчака и Деникина, мы не могли разорвать Версальского мира, мы только обрушились на Юденича, Колчака и Деникина и отбросили их к морю, а наступая на Польшу, мы тем самым наступаем на самую Антанту; разрушая польскую армию, мы разрушаем тот Версальский мир, на котором держится вся система теперешних международных отношений.

Если бы Польша стала советской, если бы варшавские рабочие получили помощь от Советской России, которой они ждали и которую приветствовали, Версальский мир был бы разрушен, и вся международная система, которая завоевана победами над Германией, рушилась бы. Франция не имела бы тогда буфера, ограждающего Германию от Советской России. Она не имела бы тарана против Советской республики. Она не имела бы надежды вернуть свои десятки миллиардов и подходила бы к катастрофе еще скорее, чем она идет к ней сейчас. Франция в долгу, как в шелку. Раньше она была самым богатым ростовщиком. Теперь она должна втрое больше Америке, чем другие государства. Она идет к банкротству. Она в безвыходном положении. Вот почему подход красных войск к Варшаве оказался международным кризисом, вот почему это так взволновало всю буржуазную прессу. Вопрос стоял так, что еще несколько дней победоносного наступления Красной Армии, и не только Варшава взята (это не так важно было бы), но разрушен Версальский мир.

Вот международное значение этой польской войны. Вы знаете, что мы завоевательными планами не занимались. Я в начале своей речи вам подчеркивал, что в апреле 1920 г. мы стояли к востоку от Минска и предлагали мир на этих условиях, лишь бы избавить рабочих и крестьян России от новой войны. Но, раз нам война навязана, мы должны ее кончить победоносно. Версальский мир угнетает сотни миллионов населения. У Германии он берет уголь, берет

молочных коров и ставит ее в условия неслыханного, невиданного рабства. Самые неразвитые слои крестьянского населения Германии заявили, что они стоят за большевиков, что они их союзники, и это понятно, потому что Советская республика в своей борьбе за существование является единственной силой в мире, которая борется против империализма, а империализм — это значит теперь союз Франции, Англии и Америки. Мы подходим к центру современной международной системы. Когда красные войска подходили к границе Польши, победное наступление Красной Армии вызвало неслыханный политический кризис. Главная сущность этого кризиса состояла в том, что английское правительство грозило нам войной, оно заявляло нам: если вы пойдете дальше, то мы воюем с вами, — посылаем свой флот к вам. Но английские рабочие заявили тогда, что они не допустят этой войны. Нужно сказать, что большевизм растет среди английских рабочих. Но сейчас там коммунисты настолько слабы, как у нас они были слабы в марте, апреле и мае 1917 г., когда мы на совещании и съездах имели одну десятую долю голосов. На I Всероссийском съезде Советов, в июне 1917 г., у нас было не больше 13% голосов. И теперь такое же положение существует в Англии: там большевики составляют ничтожное меньшинство. Но дело в том, что английские меньшевики всегда были против большевизма и прямой революции и стояли за союз с буржуазией. Теперь же старые вожди английских рабочих поколебались и стали на другую точку зрения: они являлись противниками диктатуры рабочего класса, а теперь они перешли на вашу сторону. Они составили в Англии «Комитет действия». Это есть великий переворот во всей английской политике. Рядом с парламентом, который сейчас в Англии избирается почти всеобщим избирательным правом (что происходит только с 1918 г.), возникает самочинный «Комитет действия», опирающийся на рабочие профессиональные союзы, т. е. тред-юнионы, а они насчитывают там более 6 миллионов членов. Рабочие, в ответ на желание правительства вести войну с Советской Россией, заявили, что они не позволяют этого, и сказали: мы не позволим воевать и французам, потому что французы живут английским углем, и если это производство остановится, то это будет большим ударом для Франции.

Повторяю, — это был великий перелом для всей английской политики. Для Англии он имеет такое же значение, как для нас февральская революция 1917 г. Февральская революция 1917 г. свергла царизм и установила в России буржуазную республику. В Англии республики нет, но монархия там насквозь буржуазная, существует она уже много столетий. Рабочие там имеют возможность участвовать на выборах парламента, но вся международная внешняя политика ведется помимо парламента, ее ведет кабинет министров. Давно было известно, что правительство Англии ведет скрытую войну против России и помогает Юденичу, Колчаку и Деникину. В английской печати можно было не раз прочесть заявление, что Англия не вправе посылать ни одного солдата в Россию. И кто же голосовал за это средство? Какие парламентские постановления разрешили идти войной против России в помощь Юденичу и Колчаку? Таких постановлений не было, и такими действиями Англия нарушила свою собственную конституцию. Что же такое этот «Комитет действия»? Этот «Комитет действия», помимо парламента, ставит правительству ультиматум от имени рабочих — это есть переход к диктатуре, и другого выхода из положения нет. А между тем Англия — это страна империализма, которая держит в порабощении своем от 400 до 500 миллионов населения в колониях. Это самая главная страна, которая господствует над большей частью населения земного шара. Наступление на Польшу произвело такой перелом, что английские меньшевики вступили в союз с русскими большевиками. Вот что сделало это наступление.

Вся английская буржуазная пресса писала, что «Комитет действия» это есть Советы. И она была права. Это не называлось Советами, но по существу это то же самое. Это то же самое двоевластие, что было у нас при Керенском с марта 1917 г., когда Временное правительство считалось единым правительством, но на деле без Совета рабочих и крестьянских депутатов ничего серьезного сделать не могло, и когда мы говорили Советам: «берите всю власть». И то же самое положение создалось теперь в Англии, и меньшевики вынуждены в этом «Комитете действия» вступить на путь противоконституционный. Вот вам маленькое представление о том, что означала наша война с Польшей. И хотя международная буржуазия сейчас

остаётся неизмеримо более сильной, чем мы, и хотя английское правительство говорило, что тут во всем виноват Каменев, и выгнало Каменева из Англии с тем, чтобы не впускать его вновь, — это пустая и смешная угроза, ибо лучшие защитники американских и английских капиталистов, умеренные английские вожди рабочих, правые меньшевики и правые эсеры, вошли в «Комитет действия», и сейчас Англия стоит перед новым кризисом. Сейчас ей грозит всеобщая угольная забастовка, причем забастовщики ставят требование не только повысить заработную плату, но и уменьшить цену угля. В Англии идут забастовки волна за волной. Забастовщики требуют повышения заработной платы. Но, если сегодня рабочие добились повышения заработной платы на 10%, завтра цены повышались на 20%. Цены растут, и рабочие видят, что их борьба оказывается бесплодной, что, несмотря на повышение заработной платы, они оказываются в проигрыше, потому что цены растут. И вот рабочие говорят: мы требуем не только повышения заработной платы для угольных рабочих, но мы требуем также понижения цены на уголь. И английская буржуазная пресса вопит еще в большем ужасе, чем тогда, когда Красная Армия вошла в Польшу.

Вы знаете, какое отражение нашел европейский кризис в Италии. Италия — страна-победительница, и когда победы Красной Армии вызвали движение в Германии и перелом в английской политике, в Италии борьба обострилась до того, что рабочие стали захватывать фабрики, брать квартиры фабрикантов, поднимать на борьбу сельское население, и Италия находится теперь в таком положении, которое ни в какие мирные рамки не укладывается.

Вот каков был ход развития польской войны. Вот почему мы, зная, что польская война близко связана со всем положением международного империализма, шли на самые большие уступки, лишь бы избавиться от ее тяжести рабочих и крестьян. Затем мы пришли в столкновение с Версальским миром и оказалось, что буржуазия так же бешено против нас, как прежде, но оказалось, что рабочие зрели не по дням, а по часам, и что к рабочей революции дело подходит неуклонно, но все же слишком медленно, если сравнить с быстротой развития в России. В России революцию можно было проводить так быстро потому,

что она была во время войны. Во время войны десятки миллионов русских рабочих и крестьян были вооружены, и против такой силы буржуазия и офицерство были бессильны. В октябрьские дни они грозили повести войска на Петроград. Мы получали десятки тысяч телеграмм со всех фронтов — идем на вас и сметем вас. Мы думали: попробуйте, и когда приезжали делегаты от каждой армии, достаточно было получасовой беседы и оказывалось, что солдаты за нас, и офицерство должно было молчать. Попытки сопротивления, устройство заговоров Юденича, Колчака и Деникина — это пришло позже, когда армия была демобилизована. Вот почему в России революция могла так быстро одержать победу. Народ был вооружен. Рабочие и крестьяне оказались поголовно за нас. В Европе же война кончилась. Армии демобилизовались. Солдаты разошлись по домам. Рабочие и крестьяне разоружены. Там теперь развитие идет медленно, но оно идет. Как только международная буржуазия замахивается на нас, ее руку схватывают ее собственные рабочие. Вот в чем международное значение войны против Польши. Вот где источник кризиса международного. Вот где источник новых трудностей для нас теперь. Когда, как вы знаете, у нас немного нехватило сил, чтобы дойти до Варшавы и передать власть варшавским рабочим, чтобы собрать варшавские Советы рабочих и крестьянских депутатов, чтобы сказать им: «мы шли вам помочь», когда армия после неслыханных и невиданных героических усилий оказалась истощившей все свои силы, — наступило военное поражение.

Теперь мы откатились на востоке очень и очень далеко. На севере мы потеряли даже город Лиду, на юге мы уже почти у той линии, у которой стояли в апреле 1919 г., — у линии Пилсудского, на севере мы откатываемся назад чрезвычайно сильно, а Врангель делает в это время новые и новые попытки наступать. Врангель угрожал недавно Екатеринославу, подходил к Синельникову, и оно было у него в руках. Теперь он взял Славгород. На востоке он взял Мариуполь, подходит к Таганрогу, угрожает Донецкому бассейну. Перед нами снова трудное положение и снова, еще раз попытка международных империалистов задушить Советскую республику двумя руками: польским наступлением и наступлением Врангеля. В сущности, и

Польша и Врангель — это две руки французских империалистов: и польские и врангелевские войска они снабжают своим оружием, своим припасами. Но эти три силы тоже между собой не очень-то могут поладить. Франция говорит полякам: вы не должны брать слишком много сил, слишком много земли, потому что царская Россия вам этого никогда не даст. Франция говорит Врангелю: вы должны действовать так, чтобы не возвращать власть старых помещиков, ибо пример Деникина, Колчака, Юденича показывает, что старые помещики, когда руководят белогвардейскими армиями или когда их офицеры командуют армиями, ведут к гибели тем скорее, чем больше территории они захватывают, потому что крестьянство, в конце концов, восстает против них.

Пока Врангель шел с отборными офицерскими войсками, он мог на эти войска полагаться, и в этом сила Врангеля, что у него превосходное вооружение, по последнему слову техники, отборные войска из офицеров. Когда он высадил свой десант на Кубани, высаженные у него там войска были так подобраны, что каждая рота и полк могли развернуться в целую дивизию, потому что они состоят сплошь из офицеров. Но, как только он будет делать попытку, которую в свое время делал Колчак, Деникин и Юденич, захватывая более широкие территории, мобилизовать более широкое крестьянское население, создать народную армию, — на этом его успех сейчас же превращается в его поражение, потому что крестьянское войско, как оно было против Колчака, Деникина и Юденича, так оно никогда не может идти с врангелевскими офицерскими войсками. Тот варшавский рабочий, который делал доклад на партийной конференции, формулировал это так: польская армия, состоявшая раньше из молодежи (туда брались первопризывники, мальчишки), теперь выбита. Теперь мобилизовали до 35-ти лет: теперь там взрослые люди, которые проделали империалистскую войну, и эта армия далеко не так надежна для польских помещиков и капиталистов, как армия, состоящая из молодежи.

Вот как обстоит дело в международном положении. И в войне против Антанты, в силу того поражения, которое было нанесено нам под Варшавой, в силу того наступления, которое продолжается на западном и на врангелевском фронтах, наше положение оказалось опять

чрезвычайно плохим, и я должен поэтому закончить свой краткий доклад обращением к товарищам-кожевникам с указанием на то, что теперь нужно опять напрячь все силы, что теперь победа над Врангелем — наша главная и основная задача. Она требует гигантской энергии, самодеятельности именно рабочих, именно профсоюзов, именно пролетарской массы, и в первую голову тех рабочих, которые близко стоят к отраслям промышленности, связанным с обороной. Главная наша трудность в настоящей войне не в отношении человеческого материала, — его у нас достаточно, — а в снабжении. Главная трудность на всех фронтах — недостаток снабжения, недостаток теплой одежды и обуви. Шинели и сапоги — вот самое главное, чего недостает нашим солдатам, вот из-за чего так часто срывались наступления, вполне победоносные. Вот в чем трудность, которая мешает быстрому использованию для победного наступления новых частей, которые мы имеем в достаточном числе, но которые без достаточного снабжения не могут быть сформированы и не представляют из себя сколько-нибудь боеспособных войск.

И союзу кожевников и собранию, представляющему собой весь пролетариат кожевников, надо на это обратить самое большое внимание. Товарищи! От вас зависит сделать так, чтобы предстоящее наступление на Врангеля, для которого мы готовим все силы, было бы произведено возможно более успешно и быстро. От вас это зависит потому, что тех мер, которые принимают Советская власть и коммунистическая партия, недостаточно. Для того, чтобы красноармейцам действительно была оказана помощь, для того, чтобы наступил более решительный перелом, для того, чтобы дело снабжения улучшилось, недостаточна помощь советских учреждений, декретов Совнаркома и Совета Обороны, решений партии: нужна еще помощь профсоюзов. Нужно, чтобы профсоюзы поняли, что, вопреки всем нашим многократным предложениям мира, — дело идет опять и опять о существовании рабоче-крестьянской власти. Вы знаете, как она усилилась после провала Деникина, Колчака и Юденича. Вы знаете, как усилились хлебные заготовки, благодаря возвращению Сибири, Кубани, вы знаете, как завоевание Баку дало возможность сейчас привезти свыше 100 миллионов пудов нефти, как, наконец, наша промышленность стала приобретать

тот фундамент, на котором является возможность создать хлебные запасы и привлечь рабочих снова на фабрики, собрать сырье и дать топливо, чтобы пустить фабрики, чтобы восстановить, наконец, хозяйственную жизнь. Но, чтобы осуществить все эти возможности, нужно окончить войну во что бы то ни стало, ускорить наступление на Врангеля. Надо, чтобы до предстоящей зимы на юге Крым был бы возвращен, а это зависит от энергии, от почину самих рабочих, и, может быть, в первую голову от каждого русского кожевника и от союза кожевников.

Я обращаюсь к вам с призывом: подражать примеру наших петроградских рабочих, которые недавно, после доклада представителя Коммунистического Интернационала о положении на фронтах, развили снова и снова гигантскую энергию, чтобы помочь делу, опять начиная со снабжения и обеспечения красноармейцев, с подъема сил нашей Красной Армии. Вы знаете, что всякий шаг помощи, которая оказывается Красной Армии в тылу, сейчас же сказывается на настроении красноармейцев. Вы знаете, что осенние холода влияют на настроение красноармейцев, понижая его, создают новые трудности, увеличивают болезни и приводят к большим бедствиям. Здесь всякая помощь, оказанная в тылу красноармейцам, немедленно превращается в усиление Красной Армии, в укрепление их настроения, в уменьшение числа болезней и в увеличение наступательной способности. Нужно, чтобы каждый рабочий в каждом собрании, в каждой мастерской сделал теперь главным предметом своих бесед, докладов и собраний: все на помощь Красной Армии.

Спросим себя: все ли мы сделали, что зависело от нас, чтобы помочь Красной Армии? Ибо от этой помощи зависит — как быстро мы сладим окончательно с Врангелем и обеспечим себе полный мир и возможность хозяйственного строительства. (Аплодисменты.)

К НЕЗАМОЖНЫМ СЕЛЯНАМ УКРАИНЫ

Товарищи! Царский генерал Врангель усиливает наступление на Украину и Россию. Поддержанный французскими капиталистами, он продвигается вперед, угрожая Донецкому бассейну и Екатеринославу. Опасность велика. Еще раз помещики пытаются вернуть свою власть, пытаются вернуть себе земли и снова закабалить крестьян!

Товарищи! Украинская деревня перенесла неслыханные страдания от гнета помещиков. Им не один раз удавалось свергать Советскую, рабоче-крестьянскую власть, им не раз помогали богатые крестьяне, кулаки, помогали и тем, что прямо переходили на их сторону, помогали и тем, что мешали несущим, трудящимся крестьянам устроить новый порядок, новую жизнь, новую организацию деревни. И всякий раз попытки восстановления помещичьей власти кончались новой победой рабочих и крестьян. Теперь по Украине незаможные селяне взялись за устройство своих комитетов, чтобы окончательно победить сопротивление немногих богачей, окончательно обеспечить власть трудящихся. Помещичий генерал Врангель усиливает натиск, чтобы сломать эти организации трудящихся.

Товарищи! Пусть же все и каждый встанет грудью на защиту против Врангеля! Пусть все комитеты незаможных селян напрягут, как только можно, свои силы, помогут Красной Армии добить Врангеля. Пусть ни один трудящийся крестьянин не останется в стороне от

рабоче-крестьянского дела, не останется бездеятельным или равнодушным. Товарищи! Помните, что дело идет о спасении ваших семей, о защите крестьянской земли и власти.

Все на помощь Красной Армии!
Смерть помещикам-угнетателям!

Ленин

2/X 1920.

«Коммунист» (Киев) № 199,
13 октября 1920 г.

Печатается по рукописи

О ПРОЛЕТАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Из номера «Известий» от 8/X видно, что т. Луначарский говорил на съезде Пролеткульта *прямо обратное* тому, о чем мы с ним вчера условились⁵⁷.

Необходимо с чрезвычайной спешностью приготовить проект резолюции (съезда Пролеткульта), провести через ЦК и успеть провести *в этой же* сессии Пролеткульта. Надо сегодня же провести от имени Цека и в коллегии НКпроса и на съезде Пролеткульта, ибо съезд сегодня кончается.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ:

1. В Советской рабоче-крестьянской республике вся постановка дела просвещения, как в политико-просветительной области вообще, так и специально в области искусства, должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры, т. е. за свержение буржуазии, за уничтожение классов, за устранение всякой эксплуатации человека человеком.

2. Поэтому пролетариат, как в лице своего авангарда, коммунистической партии, так и в лице всей массы всякого рода пролетарских организаций вообще, должен принимать самое активное и самое главное участие во всем деле народного просвещения.

3. Весь опыт новейшей истории и в особенности более чем полувековая революционная борьба пролетариата всех стран мира со времени появления «Коммунистического Манифеста» доказали бесспорно, что только мировоззрение марксизма является правильным выражением

интересов, точки зрения и культуры революционного пролетариата.

4. Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры. Только дальнейшая работа на этой основе и в этом же направлении, одухотворяемая практическим опытом диктатуры пролетариата, как последней борьбы его против всякой эксплуатации, может быть признана развитием действительно пролетарской культуры.

5. Неуклонно стоя на этой принципиальной точке зрения, Всероссийский съезд Пролеткульта самым решительным образом отвергает, как теоретически неверные и практически вредные, всякие попытки выдумывать свою особую культуру, замыкаться в свои обособленные организации, разграничивать области работы Наркомпроса и Пролеткульта или устанавливать «автономию» Пролеткульта внутри учреждений Наркомпроса и т. п. Напротив, съезд вменяет в безусловную обязанность всех организаций Пролеткульта рассматривать себя всецело как подсобные органы сети учреждений Наркомпроса и осуществлять под общим руководством Советской власти (специально Наркомпроса) и Российской коммунистической партии свои задачи, как часть задач пролетарской диктатуры.

* * *

Тов. Луначарский говорит, что его исказили. Но *тем более* резолюция архинеобходима.

Написано 8 октября 1920 г.

Впервые опубликовано в 1926 г.

Печатается по рукописи

**РЕЧЬ НА СОВЕЩАНИИ
ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ УЕЗДНЫХ, ВОЛОСТНЫХ
И СЕЛЬСКИХ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ
МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
15 ОКТЯБРЯ 1920 г.**

Товарищи! По вопросу о внутреннем и внешнем положении республики, по которому вы желали иметь доклад, мне придется, естественно, останавливаться больше всего на войне с Польшей и причинах последней. Главное, что определяло собой в последнее полугодие внешнее и внутреннее положение республики, была как раз эта война. И как раз теперь, когда предварительный мир с Польшей только что подписан, как раз теперь можно и следует бросить общий взгляд на эту войну, на ее значение и попытаться обдумать те уроки, которые дает всем нам только что закончившаяся, и еще неизвестно, действительно ли прочно окончившаяся война. Я поэтому, прежде всего, хочу напомнить вам, что 26 апреля текущего года поляки начали свое наступление. Предложение Советской республики было таково: с нашей стороны был торжественно и формально предложен мир полякам, польским помещикам и польской буржуазии на условиях, более выгодных, чем те, которые они получили от нас теперь, несмотря на громадные поражения, которые наши войска потерпели под Варшавой, и еще большие поражения, которые они понесли во время отступления от Варшавы. Когда в конце апреля текущего года поляки стояли на фронте от 50 до 150 верст восточнее той линии, которую они сейчас считали как линию предварительного мира, несмотря на то, что эта линия была тогда явно несправедливой, мы торжественно предлагали им от имени ВЦИК мир, ибо, как вы все, конечно, знаете и помните, главной заботой Советской власти было тогда обеспечение перехода на мирное строительство. Мы не имели никаких оснований желать

того, чтобы военным путем решать спорные вопросы между нами и польским государством. Мы хорошо знали, что польское государство было тогда и остается теперь государством помещиков и капиталистов, что оно находится в полной зависимости от капиталистов Антанты, стран Согласия, в особенности Франции. Несмотря на то, что Польша тогда держала под своим влиянием не только всю Литву, но и Белоруссию, не говоря уже о Восточной Галиции, мы считали своим долгом делать все возможное, чтобы избежать войны, чтобы дать возможность рабочему классу и крестьянству России хотя бы несколько отдохнуть от войны империалистской и гражданской и взяться, наконец, полностью за мирную работу. Случилось так, как случалось уже неоднократно: наше прямое, открытое заявление о том, что мы предлагаем полякам мир на той линии, на которой они стояли, было сочтено за признак слабости. Буржуазные дипломаты всех стран не привыкли к таким открытым заявлениям, и наша готовность идти на мир по линии, столь невыгодной для нас, была принята и истолкована, как доказательство того, что мы непомерно слабы. Французским капиталистам удалось втравить польских капиталистов в войну. Вы помните, как после короткого перерыва, после польского наступления мы ответили контрударом и подошли почти к Варшаве, после чего последовало тяжелое поражение наших войск, отбросившее их назад.

В течение более чем месяца и все последнее время наши войска отступали и терпели поражения, ибо они были непомерно утомлены и истощены тем неслыханным маршем, который они сделали на расстоянии от Полоцка до Варшавы. Но, несмотря на это тяжелое положение, я повторяю, мир оказался подписанным на условиях, менее выгодных для Польши, чем тогдашние условия. Тогдашняя граница проходила на 50 верст к востоку, теперь она проходит на 50 верст к западу. Таким образом, несмотря на то, что мы заключили мир в момент, выгодный только для противника, когда наши войска отступали и Врангель усилил свой натиск, мы заключили мир на условиях более выгодных. Это еще раз доказывает вам, что, когда Советская власть делает свое предложение относительно мира, к ее словам и заявлениям обязательно нужно относиться серьезно, в противном случае будет то, что мы предлагаем

мир на условиях худших, а получаем этот мир на условиях лучших. Этому урока польские помещики и капиталисты, конечно, не забудут, они понимают, что они зарвались, теперь они получили мир на меньшей территории, чем им предлагалось раньше. И это уже не первый урок. Вы все, вероятно, помните, что весной 1919 года в Москву приезжал представитель американского правительства, которое предлагало предварительный мир с нами и со всеми тогдашними белогвардейскими главнокомандующими: Колчаком, Деникиным и проч., мир, который был бы для нас чрезвычайно невыгодным. Когда он вернулся и рассказал об условиях этого мира, наши условия оказались невыгодными, и война продолжалась. Результаты этой войны вам известны. Значит, не первый уже раз Советская власть доказывает, что она гораздо сильнее, чем кажется, и что в наших нотах нет того хвастовства и угроз, которые обычны для всех остальных буржуазных правительств, что не согласиться на мир с Советской Россией значит получить этот мир через некоторое время на более худших условиях. Такие вещи в международной политике не забываются, и, доказав польским панам, что они получили теперь мир худший, чем тот, который мы им предлагали, мы приучим польские народные массы, польских крестьян и рабочих взвешивать, сравнивать заявления их правительства и нашего правительства.

Может быть, многие из вас видели в газетах ноту американского правительства, в которой оно заявляет: «Мы не хотим иметь дело с Советской властью, ибо она нарушает свои обязательства». Мы не удивляемся этому, потому что мы это слышим много лет, но в результате получается только то, что все их попытки нашествия на Советскую Россию оканчиваются крахом. Польские газеты, которые почти все куплены помещиками и капиталистами, — у них это называется свободой печати, — говорят, что Советской власти нельзя верить, что это власть насильников и обманщиков. Все польские газеты говорят это, но польские рабочие и крестьяне проверяют слова делом, а дело показало то, что, когда мы предлагали первый раз мир, мы этим уже доказали свое миролюбие и, заключив мир в октябре, мы также доказали это миролюбие. Этому доказательству вы ни в одной истории буржуазного правительства не найдете, и в умах польских рабочих и

крестьян этот факт не может пройти бесследно. Советская власть подписала мир тогда, когда ей это было невыгодно. Только таким путем мы отучим от лжи правительства тех держав, которые находятся в руках помещиков и капиталистов, подорвем веру в них у их рабочих и крестьян. Над этим больше всего надо подумать. Советская власть в России окружена таким бесчисленным количеством врагов, и эти враги все же беспильны. Подумайте над всем ходом и исходом польской войны. Мы знаем теперь, что за спиной Польши стояли французские капиталисты, что она давала Польше деньги, снаряжение, обмундирование, снаряды, посылали французских офицеров. Совсем недавно мы имели сведения о появлении на польском фронте черных войск, т.е. французских колониальных войск. Значит, войну вела Франция, ей помогали Англия и Америка. В то же время в лице Врангеля Франция признала законное правительство России, — значит, и Врангеля Франция поддерживала, давала ему средства на вооружение и содержание армии. Англия и Америка также дают средства армии Врангеля. Против нас, следовательно, было три союзника: Франция, поддерживаемая всеми богатыми странами мира, Польша и Врангель, — и мы вышли из этой войны, заключив выгодный мир. Значит, мы остались победителями. Всякий, кто посмотрит на карту, увидит, что мы победили, что мы вышли из этой войны с большим количеством земли, чем до начала войны. Но разве этот противник слабее, чем мы, разве он слабее наших военных сил, разве у него меньше людей, запасов для войны, снарядов? У него всего больше. Этот противник более сильный, чем мы, и все-таки он побит. Вот над этим нужно подумать, чтобы понять, в каком положении находится Советская Россия по отношению ко всем государствам всего мира.

Когда большевики начали революцию, они говорили, что мы можем и должны начать ее; но мы вместе с тем не забыли, что успешно окончить и довести ее до безусловно победного конца можно, не ограничиваясь только одной Россией, но в союзе с целым рядом стран победив капитал международный. Капитал России связан с капиталом международным. И когда наши противники говорят нам: если бы вы даже победили в России, ваше дело все же погибнет, потому что другие капиталистические государ-

ства вас задавят, — то как ответ на это мы имеем теперь очень важный опыт, — опыт войны с Польшей, который показывает, как вышло на самом деле. На самом деле, почему произошло то, что Франция, Польша и Врангель, более сильные, чем мы, полные ненависти к большевизму и решимости свергнуть Советскую власть, через полгода — и даже меньше, если считать началом наступления апрель, — побеждены, что война кончается в нашу пользу? Как могло случиться, что Советская Россия, измученная войной империалистской и гражданской, окруженная врагами, отрезанная от всяких источников предметов обмундирования и снаряжения, — эта Советская Россия оказалась победительницей? Вот над этим надо подумать, потому что, вдумываясь в этот вопрос, мы начинаем понимать механику революции не только русской, но и международной. Мы видим подтверждение того, что русская революция есть только одно звено в цепи революции международной, и что наше дело стоит прочно и непобедимо, потому что во всем мире дело революции развивается, экономические условия складываются так, что они наших врагов обессиливают, а нас с каждым днем усиливают, и что это не было ни преувеличением, ни хвастовством, ни увлечением, это вам доказала теперь еще раз польская война. Трое союзников воевали против нас. Казалось бы, не трудно соединить этих трех союзников между собой, но оказалось, что трое союзников, обученных великим опытом войны Юденича, Колчака и Деникина, не могли соединиться против нас, на каждом шагу они ссорились между собой, и это особенно поучительно из истории только что закончившейся польской войны. Наш поход на Варшаву, этот поход Красной Армии, когда свыше 600 верст усталые, измученные, плохо одетые солдаты шли, непрерывно нанося поражение за поражением польским войскам, войскам, прекрасно обученным и имеющим сотни лучших инструкторов из французских офицеров, — этот поход вскрыл перед нами внутреннее отношение между всеми нашими противниками. Когда войска Красной Армии подходили к границе Польши, мы получили 12 июля телеграмму от английского министра иностранных дел Керзона, который от имени Лиги наций, пресловутой Лиги наций, союза, объединяющего будто бы Англию, Францию, Америку, Италию, Японию, государства,

которые обладают военной силой, гигантской силой, которые обладают всем военным флотом мира, военное сопротивление которым, казалось бы, является вещью совершенно невозможной, нелепой, — от имени этой Лиги наций предлагает нам прекратить войну и вступить в переговоры с поляками в Лондоне. Согласно этой телеграмме, линией границы должна была быть линия около Гродно, Белостока, Брест-Литовска и по реке Сапу в Восточной Галиции. Мы ответили на это предложение, что мы ни с какой Лигой наций не считаемся, потому что мы видели несерьезность этой Лиги наций, ее не слушают даже сами ее члены. Наш ответ французское правительство признало дерзким, и казалось бы, что против нас должна была выступить эта Лига наций. Но что же обнаружилось? Лига наций развалилась от этого первого нашего заявления, и Англия и Франция выступили друг против друга.

Английский военный министр Черчилль уже несколько лет употребляет все средства, и законные, и еще более незаконные с точки зрения английских законов, чтобы поддерживать всех белогвардейцев против России, чтобы снабжать их военным снаряжением. Это величайший ненавистник Советской России, и тем не менее Англия сейчас же после нашего заявления разошлась с Францией, так как Франции нужны силы белогвардейской России, чтобы они могли защищать ее от Германии, Англия же никакой защиты не нужно, Англия страна морская, она никакого выступления не боится, потому что владеет сильнейшим флотом. Таким образом, на первом же шагу оказалось, что Лига наций, которая посылала такие неслыханные угрозы России, бессильна. На каждом шагу обнаруживается, что интересы составных частей этой Лиги наций взаимно противоречивы. Франция желает поражения Англии, и наоборот. И когда тов. Каменев вел переговоры с английским правительством в Лондоне, и когда он заявил английскому премьер-министру: «Допустим, что вы действительно исполните то, что говорите, но как же Франция?» — то английский премьер-министр должен был ответить, что Франция пойдет своим путем, «мы с Францией одинаково идти не можем». Оказалось, что Лиги наций не существует, что союз капиталистических держав есть пустой обман и что, на самом деле, это — союз хищников, из которых каждый старается урвать что-нибудь

друг у друга. И теперь, когда нам пришлось при заключении мира в Риге узнать, что разделяло Польшу, Англию, Францию и Врангеля, почему они не могли соединиться, мы узнали, что у них интересы были разные, потому что Англия хочет иметь под своим влиянием новые маленькие государства — Финляндию, Эстляндию, Латвию и Литву, и ей нет никакого дела и даже невыгодно восстановление царской, или белогвардейской, или хотя бы буржуазной России. И потому Англия действует наперекор Франции и не может соединиться с Польшей и Врангелем. Франция же заботится о том, чтобы перебить польских солдат до последнего из-за своих интересов, из-за своих долгов. Она надеется, что мы ей заплатим те 20 миллиардов долга, которые взял бывший царь и которые подтвердило правительство Керенского, и теперь всякому разумному человеку ясно, что французским капиталистам не выдать этих денег, как своих ушей, и французские капиталисты понимают, что французских рабочих и крестьян на войну не пошлешь, а польских — сколько угодно, пусть польские солдаты гибнут, чтобы французские капиталисты получили свои миллиарды. Но и польские рабочие видят, что в Польше французские, английские и др. офицеры держат себя как в завоеванной стране, и поэтому мы во время переговоров в Риге увидели, что партия польских рабочих и крестьян — безусловно патриотическая, безусловно враждебная большевизму, похожая на нашу партию правых меньшевиков и эсеров, что эта партия стояла за мир и была против правительства польских помещиков и капиталистов, которые до последнего момента стремились сорвать мир, стремятся к этому еще и теперь, и долго еще будут стремиться, о чем мне придется говорить, когда я перейду к вопросу о том, прочен ли этот предварительный мир, который мы только что заключили.

Третий из союзников, который боролся за то, чтобы вернуть всю Россию помещикам и капиталистам, Врангель, к России причисляет и Польшу. Ведь все русские цари, русские помещики и капиталисты привыкли считать Польшу своей добычей, они не забыли, что Польшу душили еще русские крепостные мужики, когда их посылали на войну, с царем во главе, и значит, если бы Врангель победил, он победил бы для того, чтобы вернуть помещикам всю власть и в России, и в Польше. Но вышло то, что,

когда против нас собрались три союзника, они начали с того, что разодрались между собой. И того, чего хочет Франция, не хочет ни польский мужик, ни польский рабочий, и, чего хочет Врангель, не хочет даже ни один помещик Польши. И теперь, когда к нам попадают радио Врангеля или же радио из Парижа с французскими правительственными сообщениями, то мы видим, что Врангель и Франция скрежещут зубами, потому что они понимают, что это за мир, который сейчас заключен нами с Польшей, хотя они и уверяют, что это не мир, что Польша не может его подписать. Мы же посмотрим, — пока что мир подписан. Между тем, как Врангель, так и Франция не понимают, в чем тут дело. Они не могут переварить того чуда, что разоренная Советская Россия побеждает цивилизованные государства, которые сильнее ее. Они не понимают того, что вся сила этих побед есть основное учение коммунистов, которое говорит, что собственность разъединяет, а труд соединяет. Частная собственность — это грабеж, и государство, основанное на частной собственности, есть государство хищников, которые воюют для дележа добычи. И, еще не кончив этой войны, они начинают уже бороться внутри, между собой. Год тому назад нам грозили 14 государств. А между тем, союз этих 14 государств развалился сразу. А почему он развалился? Да потому, что договор этих государств между собой был только договором на бумаге, и никто из них не пошел на войну. И когда теперь началась война, Франция, Польша и Врангель соединились между собой, то и их союз развалился потому, что они ставят друг другу подножку. Они стали делить шкуру медведя, которого еще не убили, да и не убьют. А между тем, из-за этого медведя у них идут уже раздоры.

Опыт мировой политики доказал, что союз против Советской России неминуемо осужден на неудачу, потому что это союз империалистский, союз хищников, которые не объединены, и действительного интереса, прочного, соединяющего их, у них нет. У них нет того, что соединяет рабочий класс, у них нет этого интереса, и это еще раз обнаружилось во время польской войны. Когда наша Красная Армия сломала сопротивление поляков, когда она взяла Белосток и Брест-Литовск, подошла к польской границе, то вся международная политика этим уже закончилась, так как она держится на Версальском договоре,

а Версальский договор это есть договор хищников и разбойников. Когда нам навязали Брестский мир, под игмом которого мы были столько времени, тогда во всем мире кричали, что это мир грабителей. Когда была побеждена Германия, Лига наций, воюя против нее, кричала о том, что это война освободительная, демократическая. Германии был навязан мир, но мир этот был ростовщический, мир душителей, мир мясников, потому что они разграбили и раздробили Германию и Австрию. Они лишили их всех средств жизни, оставили детей голодать и умирать с голоду, это мир неслыханный, грабительский. Таким образом, что такое Версальский договор? Это неслыханный, грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе самых цивилизованных, ставит в положение рабов. Это не мир, а условия, продиктованные разбойниками с ножом в руках беззащитной жертве. У Германии отняты этими противниками по Версальскому договору все ее колонии. Турция, Персия и Китай превращены в рабов. Получилось такое положение, при котором $\frac{7}{10}$ мирового населения находится в порабощенном положении. Эти рабы разбросаны по всему миру и отданы на растерзание кучке стран: Англии, Франции и Японии. И вот почему весь этот международный строй, порядок, который держится Версальским миром, держится на вулкане, так как те $\frac{7}{10}$ населения всей земли, которые порабощены, только и ждут не дождутся, чтобы нашелся кто-нибудь, кто поднял бы борьбу, чтобы начали колебаться все эти государства. Франция надеется получить старые долги, а сама в долгу у Америки, и платить эти долги Америке ей нечем, так как у нее ничего нет, а частная собственность у них священна. В чем же заключается эта священная частная собственность? Да в том, что цари и капиталисты занимают деньги, а рабочие и крестьяне должны этот долг платить. Они накануне краха. Им из долгов не выйти. И в это-то самое время Красная Армия сломала польскую границу и подошла к германской границе. Это было тогда, когда в Германии все, даже черносотенцы и монархисты, говорили, что большевики нас спасут, когда увидели, что Версальский мир трещит по всем швам, что есть Красная Армия, которая всем капиталистам объявила войну. Что же оказалось? А оказалось то, что Версальский мир держится на Польше. Правда,

нам нехватило сил довести войну до конца. Но нужно помнить, что наши рабочие и крестьяне были разуты и раздеты, но они шли все-таки вперед и преодолевали такие трудности и воевали при таких условиях, при каких не приходилось воевать ни одной армии во всем мире. У нас нехватило сил, мы не могли взять Варшаву и добить польских помещиков, белогвардейцев и капиталистов, но наша армия показала всему миру, что Версальский договор не есть такая сила, какой его изображают, что сотни миллионов людей осуждены теперь на то, чтобы десятилетия платить самим и заставлять платить внуков и правнуков по займам, чтобы обогатить французских, английских и других империалистов. Красная Армия показала, что этот Версальский договор не так прочен. После этого Версальского договора наша армия показала, как разоренная Советская страна летом 1920 года была, благодаря этой Красной Армии, в нескольких шагах от полной победы. Весь мир увидел, что есть сила, для которой Версальский договор не страшен, и что никакие Версальские договоры не сломят силы рабочих и крестьян, если они умеют расправляться с помещиками и капиталистами.

Итак, самый поход против Версальского мира, поход против всех капиталистов и помещиков всех стран и против удушения ими остальных, — не прошел даром. Это видели и над этим думали миллионы и миллионы рабочих и крестьян во всех странах и теперь в Советской республике видят своих избавителей. Они говорят: Красная Армия доказала, что она отвечает на удары, однако, у нее нехватило сил на победу в первый год, можно сказать, даже в первый месяц ее мирного строительства. Но за этим первым месяцем мирного строительства последуют годы, и с каждым таким годом она будет становиться в 10 раз более сильной. Думали, что Версальский мир есть мир все-сильных империалистов, и убедились, после лета 1920 года, что они более бессильны, чем рабочие и крестьяне даже слабой страны, если они умеют соединить свои силы и дать отпор капиталистам. И Советская Россия летом 1920 года выступила не только как сила, обороняющаяся от насилия, от натиска польских белогвардейцев, она выступила на деле как всемирная сила, способная разрушить Версальский договор и освободить сотни миллионов людей в большинстве стран земли. Вот значение того

похода Красной Армии, который состоялся нынешним летом. Вот почему в Англии произошли такие события во время этой войны, которые знаменуют перелом во всей политике Англии. Когда мы отказались остановить свои войска, Англия ответила угрозой: «Мы посылаем свой флот на Петроград». Был дан приказ наступать на Петроград. Так было заявлено английским премьер-министром тов. Каменеву и сообщено во все страны. Но на другой день после этой телеграммы по всей Англии пошли митинги, собрания, и появились как из-под земли «Комитеты действия». Рабочие объединились. Все английские меньшевики, которые еще более подлы, чем меньшевики русские, еще более лакейски держатся перед капиталистами, даже они должны были объединиться, потому что этого требовали рабочие, а рабочие Англии сказали: «Мы войны против России не допустим!». И по всей Англии образовались «Комитеты действия», и война английских империалистов была сорвана, и опять оказалось, что Советская Россия в ее войне против империалистов всех стран имеет союзников в каждой из этих стран. Когда большевики говорили: «Мы не одиноки, восставая против помещиков и капиталистов в России, потому что в любой стране у нас есть союзник, этот союзник — рабочий и трудящийся, они есть в большинстве стран», — на это отвечали насмешками и говорили: «Где они проявили себя, эти трудящиеся?». Да, в Западной Европе, где капиталисты гораздо сильнее, где они живут на счет сотен миллионов ограбленных колоний, — там подняться гораздо труднее, там рабочая революция растет несравненно медленнее. Однако, она растет. Однако, когда Англия в июле 1920 года угрозила России войной, английские рабочие эту войну сорвали. Английские меньшевики пошли за английскими большевиками. Они должны были пойти за английскими большевиками и сказать против конституции, против закона: «Войны мы не допустим. Если вы завтра объявите войну, мы объявим стачку и не только не дадим вам угля, но и Франции не дадим». Английские рабочие заявили, что они желают делать международную политику, и они делают ее так, как делают большевики в России, а не так, как делают капиталисты в других странах.

Вот образец того, что вскрыла польская война. Вот почему через полгода мы оказались победителями. Вот почему

разоренная, слабая, отсталая Советская Россия побеждает союз государств, несравненно более могущественный, потому что у этих государств нет внутренней силы, потому что рабочие и трудящиеся против них, и это обнаруживается в каждом кризисе. Это обнаруживается потому, что это есть хищники, которые бросаются друг против друга и не могут объединиться против нас, в последнем итоге, в конце концов, потому, что собственность разъединяет и превращает людей в зверей, а труд объединяет. И труд объединил не только рабочих и крестьян России, но объединил их с рабочими и крестьянами всех стран, так что во всех странах видят теперь, что Советская Россия есть сила, разрушающая Версальский мир. Окрепнет Советская Россия, и разлетится Версальский договор, как он чуть не разлетелся в июле 1920 года от первого удара Красной Армии. Вот почему эта польская война кончилась так, как ни одно из империалистских государств не ожидало. И этот урок является для нас величайшим уроком, показывающим на примере, на поведении всех государств, участвующих во всемирной политике, что наше дело стоит прочно, что каковы бы ни были попытки вассалства на Россию и военные предприятия против России, а таких попыток еще, вероятно, будет не одна, но мы уже закалены нашим опытом, и на основании фактического опыта знаем, что все эти попытки рассыплются прахом. И после каждой попытки наших врагов мы будем выходить более сильными, чем были до них.

Теперь от международной политики, которая в столкновении с Версальским миром доказала наши силы, перейду к более близким, практическим задачам, перейду к положению, которое создано в связи с Версальским договором. Не буду останавливаться на том значении, какое имели бывший в июле в Москве Второй съезд Коммунистического Интернационала, съезд коммунистов всего мира, и тот съезд народов Востока, который потом состоялся в Баку⁵⁸. Это те международные съезды, которые сплотили коммунистов и показали, что во всех цивилизованных странах и во всех отсталых восточных странах большевистское знамя, программа большевизма, образ действий большевиков — есть то, что для рабочих всех цивилизованных стран, для крестьян всех отсталых колониальных стран является знаменем спасения, знаменем борьбы, что дей-

ствительно Советская Россия за эти три года не только отбила тех, кто бросался, чтобы ее душисть, но завоевала себе сочувствие трудящихся во всем мире, что мы не только разбили наших врагов, но мы приобрели и приобретаем себе союзников не по дням, а по часам. Что сделали съезд коммунистов в Москве и съезд коммунистических представителей народов Востока в Баку, — этого нельзя сразу измерить, это не поддается прямому учету, но это есть такое завоевание, которое значит больше, чем другие военные победы, потому что оно показывает нам, что опыт большевиков, их деятельность, их программа, их призыв к революционной борьбе против капиталистов и империалистов завоевали себе во всем мире признание, и то, что сделано в Москве в июле и в Баку в сентябре, еще долгие месяцы будут усваивать и переваривать рабочие и крестьяне во всех странах мира. Это есть такая сила, которая при любом конфликте, при любом кризисе проявит себя за Советскую Россию, как мы видели неоднократно, это есть тот основной урок, который вытекает из польской войны с точки зрения соотношения сил во всем мире.

Переходя к тому, что происходит сейчас у нас, я должен сказать, что главная сила, которая осталась против нас, это — Врангель. Франция, Польша и Врангель шли против нас вместе. Когда наши войска были заняты всецело войной на Западном фронте, Врангель собирал свои силы, а французский и английский флоты помогали ему. Когда Врангель подошел к Кубани, он надеялся там на зажиточного казака-кулака. Кто помогал тогда Врангелю, кто давал ему топливо, военный флот, чтобы держать его в Донском бассейне? Английский и американский флоты. Но мы знаем, что этот десант провалился, потому что кубанский казак хотя и богат хлебом, но он прекрасно видел, что значат эти обещания Учредительного собрания, народовластия и проч. прекрасных вещей, которыми мажут дураков по губам эсеры, меньшевики и проч. Может быть, кубанские крестьяне верили им, когда они так красно говорили, но в результате они поверили не словам, а делу, они увидели, что большевики хотя народ и строгий, но все-таки с ними лучше. В результате этого Врангель полетел с Кубани, а многие сотни и тысячи из его войск оказались расстрелянными. Тем не менее в Крыму Врангель собирал все больше и больше своих сил, у него войска

состояли почти сплошь из офицеров, это делалось в надежде на то, что при первом же благоприятном моменте удастся развернуть эти силы, лишь бы только за ним пошли крестьяне.

Врангелевские войска снабжены пушками, танками, аэропланами лучше, чем все остальные армии, борющиеся в России. Когда мы боролись с поляками, Врангель собирал свои силы, поэтому я и говорю, что мир с Польшей является миром непрочным. По предварительному миру, который подписан 12 числа, перемирие наступит только 18-го, от этого перемирия поляки еще могут отказаться за 2 дня. Вся французская пресса и капиталисты стараются втравить Польшу в новую войну с Советской Россией, все связи, которые имеет Врангель, он торопится привести в действие, чтобы сорвать этот мир, потому что Врангель видит, что, когда война с Польшей будет кончена, большевики обратятся против него. Поэтому теперь для нас вытекает единственный практический вывод: все силы против Врангеля. Мы в апреле текущего года предлагали мир на условиях, для нас невыгодных, лишь бы спасти десятки тысяч рабочих и крестьян от новой бойни на войне. Нам не так важны границы, пускай мы потеряем на границах в смысле меньшего количества земли, для нас важнее сохранить жизнь десятка тысяч рабочих и крестьян, сохранить возможность мирного строительства, чем небольшую территорию земли. Вот почему мы предлагали этот мир и теперь повторяем, что Врангель является главной угрозой, что его войска, чрезвычайно окрепшие за этот период времени, ведут теперь отчаянные бои, переходя в некоторых случаях через Днепр и переходя в наступление против нас. Врангелевский фронт — это есть тот же польский фронт, и вопрос о войне с Врангелем — есть вопрос о войне с Польшей, и для того, чтобы предварительный мир с Польшей превратить в мир окончательный, нам нужно раздавить в кратчайший срок Врангеля. Если это не будет сделано, то мы не можем быть уверены, что польские помещики и капиталисты, под давлением французских помещиков и капиталистов и с их помощью, еще раз не постараются навязать нам войну. Вот почему, пользуясь настоящим широким собранием, я должен обратить ваше внимание на этот основной вопрос и попросить вас воспользоваться вашим положением и влия-

нием, чтобы воздействовать на широкие рабочие и крестьянские массы и пустить в ход наибольшие усилия для полного разрешения нашей очередной задачи: во что бы то ни стало в кратчайший срок раздавить Врангеля, так как только от этого зависит наша возможность взяться за работу мирного строительства.

Мы знаем, что в разоренной стране в корне разбито крестьянское хозяйство, крестьянину нужны продукты, а не те бумажные деньги, которые на него сыплются в таком изобилии, но, чтобы дать крестьянину продукты: керосин, соль, одежду и проч. — для этого нужно восстановить промышленность. Мы начинаем приходить к положению, когда мы можем это делать. Мы знаем, что у нас теперь больше хлеба, чем было в прошлом году, у нас есть топливо для промышленности, у нас свыше 100 миллионов пудов нефти из Баку, у нас восстановлен Донецкий бассейн, который дает огромное количество топлива и, несмотря на то, что во время подхода Врангеля к югу Донецкого бассейна некоторые предприятия пришлось оттуда эвакуировать, тем не менее, донецкая промышленность может считаться целиком восстановленной. Заготовка дров идет у нас лучше: если в прошлом году мы вывезли 7 миллионов кубов, то теперь у нас гораздо больше. Промышленность наша начинает оживать, в Иваново-Вознесенской губ., где несколько лет стояли фабрики, наводя уныние на всех рабочих, теперь фабрики снабжены топливом и начинают действовать. Благодаря победам в Туркестане они получили туркестанский хлопок и начинают действовать. Перед нами стоит теперь громадное поприще производительной работы, и мы должны направить все наши силы к тому, чтобы восстановить промышленность, дать одежду, обувь и продукты крестьянину, начав тем самым правильный обмен деревенского хлеба на городские продукты. Мы должны начать оказывать помощь сельскому хозяйству. Вчера в Совнаркоме мы провели решение о том, чтобы поддержать пайком рабочих того завода, который изготовит первый плуг, который был бы лучше всего приспособлен к нашим русским условиям, чтобы поднять сельское хозяйство и поставить его на более высокий уровень, несмотря на недостаток скота.

Рабочие и крестьяне без помещиков и капиталистов совместно трудятся и в этом отношении достигают успехов,

но, чтобы этим заняться вплотную, нам нужно одно: нам нужно твердо помнить, что десятки тысяч рабочих и крестьян умирают теперь на врангелевском фронте, что враг вооружен лучше, чем мы, что там, на врангелевском фронте, разыгрывается последняя отчаянная борьба, что там решается вопрос о том, получит ли возможность Советская Россия окрепнуть для мирного труда так, чтобы не только польские белогвардейцы, но никакой империалистский всемирный союз не был для нее страшен. Это зависит от вас, товарищи! Вы должны употребить все усилия и помнить, что всякие вопросы борьбы решались Советской Россией не тем, что шли приказы из центра, а тем, что эти приказы встречали самое восторженное и горячее сочувствие рабочих и крестьянских масс на местах. Только тогда, когда рабочие и крестьяне видели, что они борются против Колчака, Деникина и Врангеля за свои земли, фабрики и заводы, за свои интересы против помещиков и капиталистов, каждый оказывал всяческую поддержку, шел на помощь Красной Армии. Когда красноармейцы видели, что в тылу о них заботятся, тогда Красная Армия была одушевлена тем духом, который давал ей победу. Все дело в том, чтобы одержать победу над Врангелем, и я призываю вас пустить в ход все возможности в своих организациях, на своих фабриках и заводах, в своих деревнях, по добровольному желанию и в согласии интересов рабочих и крестьян всей России придти на помощь врангелевскому фронту, и тогда мы и на этом врангелевском фронте и на фронте международном действительно победим. (Шумные аплодисменты.)

Напечатано в 1920 г. в книге:
«Стенографические отчеты
заседаний пленума Московского
Совета рабочих, крестьянских
и красноармейских депутатов»

Печатается по тексту книги

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА СОВЕЩАНИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ УЕЗДНЫХ, ВОЛОСТНЫХ И СЕЛЬСКИХ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

15 ОКТЯБРЯ 1920 г.

Товарищи! Мне придется ограничиться коротким заключением, потому что по началу собрания было видно, что есть довольно сильное, очень сильное желание поругать центральную власть. Конечно, было бы полезно, и я считал своим долгом выслушать все то, что говорилось против власти и ее политики. И мне кажется, что закрывать прения не следовало бы. (Возгласы: «Правильно!») Но, когда я выслушал ваши замечания, мне пришлось удивляться, как мало вы дали определенных и точных предложений. Из двух вопросов о внешнем и о внутреннем положении нашей республики вас, кажется, больше интересует положение внутреннее. Это и правильно. Но, товарищи, вы забываете, что оно зависит от положения внешнего, и я считал поэтому своим долгом сказать вам, как и почему польская война поставила нас перед международными империалистами, как привела нас к миру, как и почему этот мир не надежен, как нужно сделать, чтобы он был надежен, и по этому вопросу я надеюсь, что вы, обсудив все другие вопросы, изложив все вопросы без возмущения, вы все-таки не уподобитесь некоторым персонажам той сказки, о которых упоминал один оратор. Рыси, которая ожидает войны между козлом и бараном, для того, чтобы их пожрать, рыси вы удовольствия не доставите, в этом я уверен. Как бы сильно козел и баран ни сталкивались, а рыси мы удовольствия не доставим. (Аплодисменты и крики: «Браво!» «Вот это правильно!») Товарищи! Если здесь так часто выражалось крайнее недовольство и нетерпение, то мы все понимаем, что форма ведения собрания — это, прежде всего, свободное слово. И в этом собрании вы эту форму нарушили, потому что большинство крестьян

слишком сильно чувствует крайнюю тяжесть положения, которое создалось на местах. Слишком больно большинство крестьян чувствует и голод, и холод, и непосильное обложение. (А плод и сменты и крики: «Правильно!») Вот за что более всего и прямо, и косвенно большинство говоривших ругали центральную власть. И чувствовалось, что товарищи даже не хотели дослушать до конца, если не усматривали ответа на этот больной вопрос. И один из говоривших ораторов, не помню, какой, сказал, что я, по его мнению, «увернулся» от этого вопроса. Я думаю, что это неосновательно.

Положение Советской республики чрезвычайно тяжелое, что нас и заставило торопиться с миром перед зимней кампанией. Нас заставило торопиться с миром желание избежать зимней кампании, сознание того, что лучше иметь худшую границу, т. е. получить меньшую территорию Белоруссии и иметь возможность меньшее количество белорусских крестьян вырвать из-под гнета буржуазии, чем подвергнуть новым тяжесть, новой зимней кампании крестьян России. Вот причины. Вы знаете, что неурожай этого года вызвал обострение крестьянской нужды. Но не все имеют представление о том, как это связывает положение внутренней политики. Я думаю, что все вы вполне выясните вопрос относительно обложения. Вы выслушаете также, что скажет вам представитель продовольственной политики, и я хочу только указать и обратить ваше внимание на то, как тесно связано внутреннее положение с положением внешним. Возьмем для примера хотя бы наши заседания Совета Обороны и Совнаркома. На этих заседаниях нам приходится решать вопрос даже относительно отдельных поездов, относительно разверстки, которая наложена на старые русские губернии, — разверстки, которая часто непомерно тяжела. Две-три недели тому назад в Совнаркоме было собрание, в котором разбирался вопрос о том, что разверстка центра непомерно тяжела, и собрание решило облегчить разверстку. Но на чей же счет сделать это облегчение? И на это может быть дан только один ответ, — на счет более хлебных окраин, а именно окраин: Сибири, Кубани, и подготовить возможность взять хлеб из Украины. Мы берем хлеб из Сибири, берем хлеб с Кубани, но не можем взять его с Украины, так как там кипит война, и Красной Армии приходится

бороться против банд, которыми она кишит. Нам приходится решать вопрос чуть ли не о каждом поезде. Мы видим, во что вылилось это собрание. Какое недовольство, какие бурные крики протеста; но мы понимаем, почему это происходит. Мы понимаем, что у каждого из волнующихся здесь наболела душа, потому что нет корма для скота и скот гибнет, что обложение непомерно, и напрасно сказал товарищ, что для нас являются новыми эти крики протеста. Ведь, мы же знаем и из телеграмм с мест, и из докладов с мест о падеже скота вследствие трудного положения с кормом, и сознание трудности положения у всех имеется. И как выйти из него, мы тоже знаем. Здесь другого выхода нет, и этот выход — Сибирь, Кубань и Украина.

Из Сибири мы должны были перебросить войска на врангелевский фронт, и в Совете Обороны было 2—3 очень тяжелых заседания, когда приходили товарищи с требованием отменить особые продовольственные маршруты. И мы решили вопрос после самых ожесточенных споров и торгов в том смысле, что уменьшили несколько продовольственные поезда. Но мы желаем выслушать более тяжелые и серьезные указания. Мы знаем, сколько воплей и криков раздается о том, что хозяйства разоряются. Вот почему даже это перемирие, которое наступит 18 числа, даже при условии, что поляки имеют право за 48 часов сорвать его, несет отдых и облегчение для нас, и все же поездов с хлебом из Сибири и с Кубани придет в ближайшие недели больше. Конечно, нужда так велика и урожая так силен, что это даст небольшое облегчение. Конечно, нельзя обманываться и говорить, что это устранит все трудности и даст возможность прекратить разверстку.

Этого я не могу сказать и не скажу. Скажите ваше точное мнение, сделайте ваше определенное предложение относительно того, как облегчить непомерное обложение, и к этому представители рабоче-крестьянского правительства отнесутся с величайшим вниманием, потому что нужно искать выхода, как облегчить неслыханно трудное положение. На Украине хлеба не меньше, а может быть, больше, чем на Кубани, но с Украины до сих пор почти ничего не удалось взять из разверстки, которая составлена на 600 миллионов пудов и которая могла бы обеспечить и восстановить всю промышленность. Украина, по нашим расчетам, вычеркивается: ни одного пуда с

Украины, потому что там бандиты и потому что война с Врангелем заставляет говорить: мы не ручаемся, что получим хоть один пуд с Украины. Вот положение, при котором все внимание, вопреки вашему законному нетерпению и совершенно справедливому возмущению, отвлекается на польский и врангелевский фронты. Вот почему, когда товарищ сказал: «Мы не против помощи, но помощь мы понимаем свободно», мы говорим: идите на помощь фронту!

В заключение своего краткого замечания напомним то, что я вам сказал в конце своего доклада: всякий раз, когда Советской власти приходилось трудно выходить из положения — и во времена Деникина, когда он был в Орле, и во времена Юденича, когда он был в 5 верстах от Петрограда, когда положение казалось отчаянным, а не только трудным, когда положение было во сто раз труднее теперешнего и Советская власть выходила из него тем, что, не прикрашивая этого положения, она собирала такого же рода собрания рабочих и крестьян. Вот почему я говорю: не от решения центральной власти зависит то, — будет ли скоро сокрушен Врангель, а от того, как представители с мест, исчерпав все свое недовольство, проделав всю ту борьбу, которую товарищ сверху назвал борьбой козлов и баранов, — это необходимая вещь, — как они, предъявив все свои претензии, обвинения и упреки, отнесутся к вопросу о том, нужна ли им самим свобода, помимо решения центральной власти. Тут мы приказывать ничего не можем, это зависит от того, как, перейдя к положению дела, к разверткам, к обложению, к Врангелю и т. д., вы сами решите, — это зависит от вас. Выслушайте каждого, выскажите все ваши упреки, обругайте нас в десять раз еще сильнее, — это ваше право, ваша обязанность. Вы сюда пришли для того, чтобы высказывать прямо и резко свое мнение, а когда вы все это сделаете, — подумайте спокойно, что вы хотите дать и сделать, чтобы поскорее покончить с Врангелем, и я думаю, что в этом вопросе мы сойдемся настолько дружно, что, — повторяю и заканчиваю, — ни в каком случае от наших споров, пререканий и обвинений рысь ничего не выиграет. (Аплодисменты.)

**ТЕЛЕГРАММА
СОВЕТСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ
И ШТАБУ ЮЖНОГО ФРОНТА**

В ответ на Вашу телеграмму о незаможниках сообщаю мое мнение. Если они действительно революционны, то надо бы считать программой: 1) коллективную обработку; 2) прокатные пункты; 3) отобрать деньги у кулаков сверх трудовой нормы; 4) излишки хлеба собрать полностью, вознаграждая незаможников хлебом; 5) сельхозорудия кулаков брать на прокатпункты; 6) все эти меры проводить только под условием успеха коллективной обработки и под реальным контролем. Коммуны поставить на последнее место, ибо больше всего опасны искусственные лжекоммуны и выделение одиночек из массы. Крайняя осторожность новшеств и тройная проверка реальности осуществления предпринимаемого.

Предсовнаркома
Ленин

Написано 16 октября 1920 г.

Впервые опубликовано в 1942 г.

Печатается по машинописной копии

К ИСТОРИИ ВОПРОСА О ДИКТАТУРЕ

(ЗАМЕТКА)

Вопрос о диктатуре пролетариата есть коренной вопрос современного рабочего движения во всех без исключения капиталистических странах. Для полного выяснения этого вопроса необходимо знать его историю. В масштабе международном история учения о революционной диктатуре вообще и о диктатуре пролетариата в частности совпадает с историей революционного социализма и специально с историей марксизма. Затем — и это, разумеется, самое важное — история всех революций угнетенного и эксплуатируемого класса против эксплуататоров является самым главным материалом и источником наших знаний по вопросу о диктатуре. Кто не понял необходимости диктатуры любого революционного класса для его победы, тот ничего не понял в истории революций или ничего не хочет знать в этой области.

В масштабе русском особенное значение имеет, если говорить о теории, программа РСДРП, составленная в 1902—1903 годах редакцией «Зари» и «Искры» или, вернее, составленная Г. В. Плехановым и проредактированная, видоизмененная, утвержденная этой редакцией. Вопрос о диктатуре пролетариата поставлен в этой программе ясно и определенно, притом поставлен именно в связи с борьбой против Бернштейна, против оппортунизма. Но самое важное значение имеет, конечно, опыт революции, т. е. в России опыт 1905-го года.

Три последние месяца этого года — октябрь, ноябрь и декабрь — были периодом замечательно сильной, широкой, массовой революционной борьбы, периодом соединения двух наиболее могучих приемов этой борьбы: массовой

политической стачки и вооруженного восстания. (Заметим в скобках, что еще в мае 1905 года большевистский съезд, «Третий съезд РСДРП», признал «задачу организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания» «одной из самых главных и неотложных задач партии» и поручил всем партийным организациям «выяснять роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания»⁵⁹.)

Первый раз во всемирной истории была достигнута такая высота развития и такая сила революционной борьбы, что вооруженное восстание выступило в соединении с массовой стачкой, этим специфически пролетарским оружием. Ясно, что этот опыт имеет мировое значение для *всех* пролетарских революций. И большевики со всем вниманием и усердием изучали этот опыт, как с его политической стороны, так и со стороны экономической. Укажу на анализ помесячных данных об экономических и политических стачках 1905-го года, о формах связи тех и других, о высоте развития стачечной борьбы, достигнутой тогда впервые в мире; этот анализ был дан мной в журнале «Просвещение» 1910 или 1911 года и повторен, в кратких итогах, в заграничной большевистской литературе той эпохи⁶⁰.

Массовые стачки и вооруженные восстания сами собой ставили на очередь дня вопрос о революционной власти и о диктатуре, ибо эти приемы борьбы неминуемо порождали — сначала в местном масштабе — изгнание старых властей, захват власти пролетариатом и революционными классами, изгнание помещиков, иногда захват фабрик и т. д. и т. п. Массовая революционная борьба указанного периода вызвала к жизни такие, невиданные раньше в мировой истории, организации, как *Советы рабочих депутатов*, а вслед за ними *Советы солдатских депутатов*, *Крестьянские комитеты* и т. п. Получился такой факт, что те основные вопросы (Советская власть и диктатура пролетариата), которые занимают теперь внимание сознательных рабочих во всем мире, оказались поставленными практически в конце 1905 года. Если такие выдающиеся представители революционного пролетариата и нефалясифицированного марксизма, как Роза Люксембург, сразу оценили значение этого практического опыта и выступили на собраниях и в печати с критическим

анализом его, то громадное большинство официальных представителей официальных социал-демократических и социалистических партий, в том числе и реформисты и люди типа будущих «каутскианцев», «лонгетистов», сторонников Хилквита в Америке и т. п., проявили полную неспособность понять значение этого опыта и выполнить свой долг *революционеров*, т. е. приняться за изучение и пропаганду уроков этого опыта:

В России и большевики и меньшевики тотчас после поражения декабрьского вооруженного восстания 1905-го года принялись за подведение итогов этому опыту. В особенности ускорена была эта работа тем, что в апреле 1906-го года состоялся Стокгольмский, так называемый «Объединительный съезд РСДРП», на котором были представлены и формально объединены и меньшевики и большевики. Подготовка к этому съезду велась обеими этими фракциями чрезвычайно энергично. Обе фракции опубликовали до съезда, в начале 1906-го года, проекты своих резолюций по всем важнейшим вопросам. Эти проекты, перепечатанные в моей брошюре: «Доклад об Объединительном съезде Российской социал-демократической рабочей партии (письмо к петербургским рабочим)». Москва, 1906 (страниц 110, из коих почти половина тексты проектов резолюций обеих фракций и окончательно принятых съездом резолюций), — являются главнейшим материалом для ознакомления с тогдашней постановкой вопроса.

Споры о значении Советов тогда уже были связаны с вопросом о диктатуре. Большевики еще до октябрьской революции 1905-го года поставили вопрос о диктатуре (смотри мою брошюру: «Две тактики социал-демократии в демократической революции», Женева, июль 1905 г., перепечатано в сборнике «За 12 лет»). Меньшевики относились к этому лозунгу: «диктатура» отрицательно. Большевики подчеркивали, что Советы рабочих депутатов *«фактически являлись зачатками новой революционной власти»* — так буквально говорил проект большевистской резолюции (стр. 92 «Доклада»). Меньшевики признавали значение Советов, стояли за «содействие образованию» их и т. д., но не считали их зачатками революционной власти, не говорили вообще о «новой революционной власти» такого или подобного типа, отвергали прямо лозунг диктатуры. Не трудно видеть, что *все* теперешние разногласия

с меньшевиками уже имеются в зародыше в этой постановке вопроса. Не трудно видеть также, что меньшевики (и русские и не русские, вроде каутскианцев, лонгетистов и т. п.) проявляли и проявляют себя в своей постановке данного вопроса, как реформисты или оппортунисты, на словах признающие пролетарскую революцию, *на деле отрицающие самое существенное и основное в понятии революции.*

Еще до революции 1905-го года в названной выше брошюре «Две тактики» я разбираю довод меньшевиков, которые обвиняли меня в том, что я «подменил незаметным образом понятия: революция и диктатура» («За 12 лет», стр. 459). Я доказывал подробно, что именно этим обвинением меньшевики обнаруживают свой оппортунизм, свою настоящую политическую натуру, как подголосков либеральной буржуазии, проводников ее влияния внутри пролетариата. Когда революция становится бесспорной силой, тогда и противники ее начинают «признавать революцию», говорил я, указывая (летом 1905-го года) на пример русских либералов, оставшихся монархистами-конституционалистами. Теперь, в 1920 году, можно бы добавить, что и в Германии и в Италии либеральные буржуа или, по крайней мере, наиболее образованные и ловкие из них готовы «признать революцию». Но, «признавая» революцию и в то же время отказываясь признать *диктатуру* определенного класса (или определенных классов), тогдашние русские либералы и меньшевики, теперешние немецкие и итальянские либералы, тураттанцы, каутскианцы как раз и обнаруживают этим свой *реформизм*, свою полную негодность в качестве революционеров.

Ибо когда революция стала уже бесспорной силой, когда ее «признают» и либералы, когда правящие классы не только видят, но и чувствуют непобедимую мощь угнетенных масс, тогда *весь вопрос* — и для теоретиков и для практических руководителей политики — сводится к *точному классовому определению революции.* А без понятия «диктатура» *нельзя* дать этого точного классового определения. Без подготовки диктатуры *нельзя* быть революционером *на деле.* Этой истины не понимали в 1905 году меньшевики, не понимают в 1920 году итальянские, немецкие, французские и прочие социалисты, боящиеся строгих «условий» Коммунистического Интернационала, боятся

люди, способные признать диктатуру *на словах*, но не способные *подготовлять* ее *на деле*. И поэтому не будет неуместным воспроизвести подробно напечатанное мной в июле 1905 года против русских меньшевиков, но относящееся и к меньшевикам западноевропейским 1920 года, разъяснение взглядов Маркса (я заменяю названия газет и пр. простым указанием на то, о меньшевиках или большевиках идет речь):

«Меринг рассказывает в своих примечаниях к изданным им статьям из «Новой Рейнской Газеты» Маркса в 1848 году, что буржуазная литература делала, между прочим, такой упрек этой газете: «Новая Рейнская Газета» будто бы требовала «немедленного введения диктатуры, как единственного средства осуществления демократии» (Marx' Nachlass*, том III, стр. 53). С вульгарно-буржуазной точки зрения, понятие диктатура и понятие демократия исключают друг друга. Не понимая теории борьбы классов, привыкнув видеть на политической арене мелкую свару разных кружков и котерий буржуазии, буржуа понимает под диктатурой отмену всех свобод и гарантий демократии, всяческий произвол, всякое злоупотребление властью в интересах личности диктатора. В сущности, именно эта вульгарно-буржуазная точка зрения сквозит и у наших меньшевиков, которые объясняют пристрастие большевиков к лозунгу «диктатура» тем, что Ленин «страстно желает попытать счастья» («Искра» № 103, стр. 3, столб. 2). Чтобы разъяснить меньшевикам понятие диктатуры класса в отличие от диктатуры личности и задачи демократической диктатуры в отличие от социалистической, не бесполезно будет остановиться на взглядах «Новой Рейнской Газеты».

«Всякое временное государственное устройство, — писала «Новая Рейнская Газета» 14 сентября 1848 года, — после революции требует диктатуры и притом энергичной диктатуры. Мы с самого начала ставили Кампгаузену (главе министерства после 18 марта 1848 года) в упрек, что он не выступил диктаторски, что он не разбил тотчас же и не удалил остатков старых учреждений. И вот в то время, как г. Кампгаузен убаюкивал себя конституционными иллюзиями, разбитая партия (т. е. партия реакции)

* — Маркс. Литературное наследство. Ред.

укрепила свои позиции в бюрократии и в армии, стала даже отваживаться то здесь, то там на открытую борьбу»⁶¹.

В этих словах, — справедливо говорит Меринг, — резюмировано в немногих положениях то, что подробно развивала «Новая Рейнская Газета» в длинных статьях о министерстве Кампгаузена. Что же говорят нам эти слова Маркса? Что временное революционное правительство *должно* выступать диктаторски (положение, которого никак не могли понять меньшевики, чуравшиеся лозунга: диктатура); — что задача этой диктатуры — уничтожение остатков старых учреждений (именно то, что указано ясно в резолюции III съезда РСДРП (большевиков) о борьбе с контрреволюцией и что опущено в резолюции меньшевиков, как мы показали выше). Наконец, в-третьих, из этих слов следует, что Маркс бичевал буржуазных демократов за «конституционные иллюзии» в эпоху революции и открытой гражданской войны. Каков смысл этих слов, видно особенно наглядно из статьи «Новой Рейнской Газеты» от 6 июня 1848 г.

«Учредительное народное собрание — писал Маркс — должно быть прежде всего активным, революционно-активным собранием. А Франкфуртское собрание занимается школьными упражнениями в парламентаризме и предоставляет правительству действовать. Допустим, что этому ученому собору удалось бы после зрелого обсуждения выработать наилучший порядок дня и наилучшую конституцию. Какой толк будет от наилучшего порядка дня и от наилучшей конституции, если немецкие правительства в это время поставили уже штык в порядок дня»⁶².

Вот каков смысл лозунга: диктатура...

Великие вопросы в жизни народов решаются только силой. Сами реакционные классы прибегают обыкновенно первые к насилию, к гражданской войне, «ставят в порядок дня штык», как сделало русское самодержавие и продолжает делать систематически и неуклонно, везде и повсюду, начиная с 9-го января. А раз такое положение создалось, раз штык действительно стал во главе политического порядка дня, раз восстание оказалось необходимым и неотложным, — тогда конституционные иллюзии и школьные упражнения в парламентаризме становятся только прикрытием буржуазного предательства

революции, прикрытием того, как «отшатывается» буржуазия от революции. Действительно революционный класс должен тогда выдвинуть именно лозунг диктатуры»⁶³.

Так рассуждали большевики о диктатуре до октябрьской революции 1905-го года.

После опыта этой революции мне пришлось подробно рассматривать вопрос о диктатуре в брошюре: «Победа кадетов и задачи рабочей партии», Петербург, 1906 г. (брошюра помечена 28 марта 1906 года). Из этой брошюры я приведу все наиболее существенные рассуждения, оговариваясь, что заменяю ряд собственных имен просто указанием на то, о кадетях или меньшевиках идет речь. Вообще говоря, брошюра направлена против кадетов и частью — против беспартийных либералов, полукадетов, полуменьшевиков. Но по сути дела все сказанное о диктатуре относится именно к меньшевикам, которые на каждом шагу скатывались к кадетам по этому вопросу.

«В то самое время, когда замирали выстрелы в Москве, когда военно-полицейская диктатура праздновала свои бешеные оргии, когда экзекуции и массовые истязания шли по всей России, — в прессе кадетов раздавались речи против насилия слева, против забастовочных комитетов революционных партий. Торгующие наукой за счет Дубасовых, кадетские профессора доходили до того, что переводили слово «диктатура» словом «усиленная охрана». «Люди науки» даже свою гимназическую латынь извращали, чтобы принизить революционную борьбу. Диктатура означает — примите это раз навсегда к сведению, господа кадеты, — неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть. Во время гражданской войны всякая победившая власть может быть только диктатурой. Но дело в том, что бывает диктатура меньшинства над большинством, полицейской кучки над народом, и бывает диктатура гигантского большинства народа над кучкой насильников, грабителей и узурпаторов народной власти. Своим вульгарным извращением научного понятия «диктатура», своими воплями против насилия слева в эпоху разгула самого беззаконного, самого подлого насилия справа, господа кадеты воочию показали, какова позиция «соглашателей» в обостренной революционной борьбе. «Соглашатель» трусливо прячется, когда борьба разгорается. Когда победил революционный народ (17 октября), «согла-

шатель» вылезает из норы, хвастливо охорашивается, языкоблудствует во-всю и кричит до иступления: то была «славная» политическая забастовка. Когда побеждает контрреволюция, — «соглашатель» начинает осыпать побежденных лицемерными увещаниями и назиданиями. Победившая забастовка была «славная». Победленные забастовки были преступные, дикие, бессмысленные, анархические. Победенное восстание было безумием, разгулом стихии, варварством, нелепостью. Одним словом, политическая совесть и политический ум «соглашателя» состоит в том, чтобы пресмыкаться пред тем, кто сейчас сильнее, чтобы путаться в ногах у борющихся, мешать то одной, то другой стороне, притуплять борьбу и отуплять революционное сознание народа, ведущего отчаянную борьбу за свободу»⁶⁴.

Далее. Чрезвычайно своевременно будет привести разъяснения по вопросу о диктатуре, направленные против господина Р. Бланка. Этот Р. Бланк излагал в меньшевистской по существу, но беспартийной формально газете 1906 года взгляды меньшевиков, хваля их за то, что они «стремятся направить русское социал-демократическое движение на тот путь, по которому движется интернациональная социал-демократия во главе с великой социал-демократической партией Германии».

Другими словами, Р. Бланк, как и кадеты, противопоставлял большевикам, как неразумным, немарксистским, бунтарским и т. п. революционерам, «разумных» меньшевиков, выдавая и германскую социал-демократическую партию за меньшевистскую. Это обычный прием международного течения социал-либералов, пацифистов и пр., восхваляющих во всех странах реформистов, оппортунистов, каутскианцев, лонгетистов, как «разумных» социалистов, в противовес «безумию» большевиков.

Вот как я отвечал г-ну Р. Бланку в названной брошюре 1906-го года:

«Господин Бланк сопоставляет два периода русской революции: первый обнимает, примерно, октябрь — декабрь 1905 года. Это период революционного вихря. Вторым — теперешний период, который мы, конечно, вправе назвать периодом кадетских побед на выборах в Думу, или, пожалуй, если рискнуть забежать вперед, периодом кадетской Думы.

Про этот период господин Бланк говорит, что наступила снова очередь мысли и разума, и можно вернуться к сознательной, планомерной, систематической деятельности. Первый же период господин Бланк характеризует, наоборот, как период расхождения теории и практики. Исчезли все социал-демократические принципы и идеи, была забыта тактика, всегда проповедывавшаяся учредителями русской социал-демократии, были даже вырваны с корнем самые устои социал-демократического миросозерцания.

Это основное утверждение г-на Бланка — чисто фактического характера. Вся теория марксизма разошлась с «практикой» периода революционного вихря.

Так ли это? Каков первый и главный «устой» марксистской теории? Тот, что единственным до конца революционным классом современного общества, и потому передовым во всякой революции является пролетариат. Спрашивается, не вырвал ли с корнем революционный вихрь этого «устоя» с.-д. миросозерцания? Наоборот, вихрь подтвердил его самым блистательным образом. Именно пролетариат и был главным, почти единственным в начале *борцом* этого периода. Чуть ли не впервые в мировой истории буржуазная революция ознаменовалась крупнейшим, невиданным даже в более развитых капиталистических странах, применением чисто пролетарского орудия борьбы: массовой политической стачки. Пролетариат пошел на борьбу, непосредственно революционную, в такое время, когда господа Струве и господа Бланки звали идти в булыгинскую Думу, когда кадетские профессора звали студентов учиться. Пролетариат своим пролетарским орудием борьбы завоевал России всю ту, с позволения сказать, «конституцию», которую с тех пор только портили, урезывали и обкарнывали. Пролетариат применил в октябре 1905 года тот тактический прием борьбы, о котором *за полгода* говорила резолюция *большевистского* III съезда РСДРП, обращавшая усиленное внимание на важность сочетания массовой политической стачки с восстанием; — именно этим сочетанием и характеризуется весь период «революционного вихря», вся последняя четверть 1905 года. Таким образом, наш идеолог мелкой буржуазии извратил действительность самым беззастенчивым, самым вопиющим образом. Он не указал ни единого факта, свидетельствующего о расхождении марксистской теории

и практического опыта «революционного вихря»; он попытался затушевать основную черту этого вихря, давшую блистательнейшее подтверждение «всех социал-демократических принципов и идей», «всех устоев социал-демократического мирозерцания».

Какова, однако, действительная причина, побудившая г-на Бланка придти к этому чудовищно-неверному мнению, будто в период «вихря» исчезли все марксистские принципы и идеи? Рассмотрение этого обстоятельства очень интересно: оно разоблачает перед нами еще и еще раз истинную природу мещанства в политике.

В чем состояло главное отличие периода «революционного вихря» от теперешнего, «кадетского», периода с точки зрения различных приемов политической деятельности, с точки зрения разных методов исторического творчества народа? Прежде всего и главным образом в том, что в период «вихря» применялись некоторые особые методы этого творчества, чуждые иным периодам политической жизни. Вот наиболее существенные из этих методов: 1) «захват» народом политической свободы, — осуществление ее, без всяких прав и законов и без всяких ограничений (свобода собраний хотя бы в университетах, свобода печати, союзов, съездов и т. д.); 2) создание новых органов *революционной власти*, — Советы рабочих, солдатских, железнодорожных, крестьянских депутатов, новые сельские и городские власти и пр. и т. п. Эти органы создавались исключительно *революционными* слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа, избавившегося или избавляющегося от старых полицейских пут. Это были, наконец, именно органы *власти*, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и в функционировании. Они действовали, как власть, захватывая, напр., типографии (Петербург), арестуя чинов полиции, препятствовавших революционному народу осуществлять свои права (примеры бывали тоже в Петербурге, где соответствующий орган новой власти был наиболее слаб, а старая власть наиболее сильна). Они действовали, как власть, обращаясь ко всему народу с призывом не давать денег старому правительству. Они конфисковывали деньги старого правительства

(железнодорожные стачечные комитеты на юге) и обращали их на нужды нового, народного, правительства, — да, это были, несомненно, зародыши нового, народного, или, если хотите, революционного правительства. По своему социально-политическому характеру, это была, в зачатке, диктатура революционных элементов народа, — вы удивляетесь, г. Бланк и г. Кизеветтер? вы не видите здесь «усиленной охраны», равнозначущей для буржуа диктатуре? Мы уже говорили вам, что вы не имеете никакого представления о научном понятии: диктатура. Мы сейчас объясним вам его, но сначала укажем *третий «метод» действия эпохи «революционного вихря»: применение народом насилия по отношению к насильникам над народом.*

Описанные нами органы власти были, в зародыше, диктатурой, ибо эта власть не признавала *никакой* другой власти и *никакого* закона, *никакой* нормы, от кого бы то ни было исходящей. Неограниченная, внезаконная, опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова, власть, — это и есть диктатура. Но сила, на которую опиралась и стремилась опереться эта новая власть, была не силой штыка, захваченного горсткой военных, не силой «участка», не силой денег, не силой каких бы то ни было прежних, установившихся учреждений. Ничего подобного. Ни оружия, ни денег, ни старых учреждений у новых органов новой власти не было. Их сила — можете себе представить, г. Бланк и г. Кизеветтер? — ничего не имела общего с старыми орудиями силы, ничего общего с «усиленной охраной», если не иметь в виду усиленной охраны народа от угнетения его полицейскими и другими органами старой власти.

На что же опиралась эта сила? Она опиралась на народную массу. Вот *основное* отличие этой новой власти от всех прежних органов старой власти. Те были органами власти меньшинства над народом, над массой рабочих и крестьян. Это были органы власти народа, рабочих и крестьян, над меньшинством, над горсткой полицейских насильников, над кучкой привилегированных дворян и чиновников. Таково отличие диктатуры *над* народом от диктатуры революционного *народа*, запомните это хорошенько, г. Бланк и г. Кизеветтер! Старая власть, как диктатура меньшинства, могла держаться исключительно при помощи полицейских ухищрений, исключительно при

помощи удаления, отстранения народной массы от участия в власти, от наблюдения за властью. Старая власть систематически не доверяла массе, боялась света, держалась обманом. Новая власть, как диктатура огромного большинства, могла держаться и держалась исключительно при помощи доверия огромной массы, исключительно тем, что привлекала самым свободным, самым широким и самым сильным образом всю массу к участию во власти. Ничего скрытого, ничего тайного, никаких регламентов, никаких формальностей. Ты — рабочий человек? Ты хочешь бороться за избавление России от горстки полицейских насильников? Ты — наш товарищ. Выбирай своего депутата, сейчас же, немедленно; выбирай, как считаешь удобным, — мы охотно и радостно примем его в полноправные члены нашего Совета рабочих депутатов, Крестьянского комитета, Совета солдатских депутатов и пр. и т. п. Это — власть, открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной массы и ее воли. — Такова была новая власть, или, вернее, ее зачатки, ибо победа старой власти затоптала побеги молодого растения очень рано.

Вы спросите, может быть, г. Бланк или г. Кизеветтер, зачем же тут «диктатура», зачем «насилие»? разве же огромная масса нуждается в насилии против горстки, разве десятки и сотни миллионов могут быть диктаторами над тысячей, над десятком тысяч?

Этот вопрос обычно задают люди, первый раз увидевшие применение термина диктатуры в новом для них значении. Люди привыкли видеть только полицейскую власть и только полицейскую диктатуру. Им странным кажется, что может быть власть без всякой полиции, может быть диктатура неполицейская. Вы говорите, что миллионам не нужно насилия против тысяч? Вы ошибаетесь, и ошибаетесь оттого, что рассматриваете явление не в его развитии. Вы забываете, что новая власть не с неба сваливается, а вырастает, возникает наряду со старой, против старой власти, в борьбе против нее. Без насилий по отношению к насильникам, имеющим в руках орудия и органы власти, нельзя избавить народ от насильников.

Вот вам простенький примерчик, г. Бланк и г. Кизеветтер, чтобы вы могли усвоить эту, недоступную

кадетскому разуму, «головокружительную» для кадетской мысли, премудрость. Представьте себе, что Аврамов увечит и истязует Спиридонову. На стороне Спиридоновой, допустим, есть десятки и сотни невооруженных людей. На стороне Аврамова горстка казаков. Что сделал бы народ, если бы истязания Спиридоновой происходили не в застенке? Он применил бы насилие по отношению к Аврамову и его свите. Он пожертвовал бы, может быть, несколькими борцами, застреленными Аврамовым, но силой все-таки обезоружил бы Аврамова и казаков, причем, очень вероятно, убил бы на месте некоторых из этих, с позволения сказать, людей, а остальных засадил бы в какую-нибудь тюрьму, чтобы помешать им безобразничать дальше и чтобы отдать их на народный суд.

Вот видите, г. Бланк и г. Кизеветтер: когда Аврамов с казаками истязает Спиридонову, это есть военно-полицейская диктатура над народом. Когда революционный (способный на борьбу с насильниками, а не только на увещания, назидания, сожаления, осуждения, хныканье и нытье, не мещански-ограниченный, а революционный) народ применяет насилие к Аврамову и Аврамовым, — это есть диктатура революционного народа. Это есть *диктатура*, ибо это есть власть народа над Аврамовым, власть, не ограниченная никакими законами (мещанин, пожалуй, был бы против того, чтобы силой отбить Спиридонову от Аврамова: дескать, не по «закону» это! есть ли у нас такой «закон», чтобы убивать Аврамова? не создали ли некоторые идеологи мещанства теории непротivления злу насилieм?). Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть. *Не что иное, как это*, означает понятие: «диктатура», — запомните хорошенько, гг. кадеты. Далее, во взятом нами примере мы видим диктатуру именно *народа*, ибо народ, масса населения, неоформленная, «случайно» собравшаяся в данном месте, сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право. Наконец, это есть диктатура именно *революционного народа*. Почему только революционного, а не всего народа? Потому, что во всем народе, страдающем постоянно и самым жестоким образом

ст подвигов Аврамовых, есть люди, забытые физически, запуганные, люди, забытые нравственно, например, теорией о непотворении злу насилем, или просто забытые не теорией, а предрассудком, обычаем, рутинной, люди равнодушные, то, что называется обывателя, мещане, которые более способны отстраниться от острой борьбы, пройти мимо или даже спрятаться (как бы тут, в драке-то, не влетело!). Вот почему диктатуру осуществляет не весь народ, а только революционный народ, нисколько не боящийся однако всего народа, открывающий всему народу причины своих действий и все подробности их, привлекающий охотно *весь* народ к участию не только в управлении государством, но и во власти, и к участию в самом устройстве государства.

Таким образом, взятый нами простой пример содержит в себе *все элементы* научного понятия: «диктатура революционного народа», а также понятия: «военно-полицейская диктатура». От этого простого примера, доступного даже ученому кадетскому профессору, мы можем перейти к более сложным явлениям общественной жизни.

Революция, в узком, непосредственном значении этого слова, есть именно такой период народной жизни, когда веками накопившаяся злоба на подвиги Аврамовых прорывается наружу в *действиях*, а не словах, и в действиях *миллионных народных масс*, а не отдельных лиц. Народ просыпается и поднимается для освобождения себя от Аврамовых. Народ избавляет бесчисленных Спиридоновых русской жизни от Аврамовых, применяет насилие к Аврамовым, берет власть над Аврамовыми. Это происходит, конечно, не так просто и не так «сразу», как в примере, упрощенном нами для г. профессора Кизеветтера, — эта борьба народа с Аврамовыми, борьба в узком, непосредственном смысле, это сбрасывание с народа Аврамовых растягивается на месяцы и годы «революционного вихря». Это сбрасывание народом с себя Аврамовых и есть реальное содержание того, что называется великой русской революцией. Это сбрасывание, если рассмотреть его со стороны методов исторического творчества, происходит в тех формах, которые мы сейчас только описывали, говоря о революционном вихре, именно: захват народом свободы политической, т. е. такой свободы, осуществлению которой препятствовали Аврамовы; — создание народом

новой, революционной, власти, власти над Аврамовыми, власти над васильниками старого полицейского уклада; — применение народом насилия по отношению к Аврамовым для устранения, обезоружения и обезвреживания этих диких собак, всех Аврамовых, Дурново, Дубасовых, Минов и прочее и тому подобное.

Хорошо ли это, что народ применяет такие незаконные, неупорядоченные, непланомерные и несистематические приемы борьбы, как захват свободы, создание новой, формально никем не признанной и революционной, власти, применяет насилие над угнетателями народа? Да, это очень хорошо. Это — высшее проявление народной борьбы за свободу. Это — та великая пора, когда мечты лучших людей России о свободе претворяются в *дело*, дело самих народных масс, а не одиночек героев. Это так же хорошо, как хорошо освобождение толпой (в нашем примере) Спиридоновой от Аврамова, насильственное разоружение и обезвреживание Аврамова.

Но вот тут-то мы и подходим к центральному пункту кадетских скрытых мыслей и опасений. Кадет потому и является идеологом мещанства, что он на политику, на освобождение всего народа, на революцию переносит точку зрения того обывателя, который в нашем примере истязания Аврамовым Спиридоновой удерживал бы толпу, советовал бы не нарушать закона, не торопиться с освобождением жертв из рук палача, действующего от имени законной власти. Конечно, в нашем примере такой обыватель был бы прямо нравственным уродом, а в применении ко всей общественной жизни нравственное уродство мещанина есть качество, повторяем, совсем не личное, а социальное, обусловленное, может быть, крепко засевшими в голову предрассудками буржуазно-филистерской науки права.

Почему г. Бланк считает даже не требующим доказательства, что в период «вихря» были забыты все марксистские принципы? Потому, что он извращает марксизм в брентанизм, считая не марксистскими такие «принципы», как захват свободы, как создание революционной власти, как применение насилия народом. Такой взгляд сквозит во всей статье г. Бланка, да и не одного Бланка, а всех кадетов, всех расхваливающих ныне за любовь к кадетам Плеханова писателей либерального и радикального лагеря

вилоть до бернштейнианцев из «Без Заглавия» гг. Прокоповича, Кусковой и tutti quanti*.

Рассмотрим, как возник этот взгляд и почему он должен был возникнуть.

Возник он непосредственно из бернштейнианского или, шире, оппортунистического понимания западноевропейской социал-демократии. Те ошибки этого понимания, которые систематически и по всей линии разоблачили «ортодоксы» на Западе, переносятся теперь «под шумок», под другим соусом и по другому поводу, в Россию. Бернштейнианцы принимали и принимают марксизм *за исключение* его непосредственно-революционной стороны. Парламентскую борьбу они рассматривают не как одно из средств борьбы, пригодное особенно в определенные исторические периоды, а как главную и почти исключительную форму борьбы, делающую ненужным «насилие», «захваты», «диктатуру». Вот это пошлое, мещанское извращение марксизма и переносят теперь в Россию гг. Бланки и прочие либеральные хвалители Плеханова. Они так сжились с этим извращением, что не считают даже нужным доказывать забвение марксистских принципов и идей в период революционного вихря.

Почему должен был возникнуть такой взгляд? Потому, что он самым глубоким образом соответствует классовому положению и интересам мелкой буржуазии. Идеолог «очищенного» буржуазного общества допускает *все* методы борьбы социал-демократии, *кроме именно тех, которые применяет революционный народ в эпохи «вихря»* и которые одобряет и помогает применять революционная социал-демократия. Интересы буржуазии требуют участия пролетариата в борьбе с самодержавием, но только такого участия, которое бы не переходило в главенство пролетариата и крестьянства, только такого участия, которое бы не устраняло совершенно старых, самодержавно-крепостнических и полицейских органов власти. Буржуазия хочет сохранить эти органы, лишь подчинив их своему непосредственному контролю, — они нужны ей *против пролетариата*, которому слишком облегчило бы его пролетарскую борьбу полное уничтожение этих органов. Вот почему интересы буржуазии, как класса, требуют и

* — им подобных. Ред.

монархии и верхней палаты, требуют недопущения диктатуры революционного народа. Борись с самодержавием, говорит буржуазия пролетариату, но не трогай старых органов власти, — они мне нужны. Борись «парламентски», т. е. в тех пределах, которые я предпишу тебе по соглашению с монархией, борись посредством организаций, — только не таких, как всеобщие стачечные комитеты, Советы рабочих, солдатских депутатов и т. п., а посредством таких, которые признает и ограничивает, обезвреживает по отношению к капиталу, закон, изданный мной по соглашению с монархией.

Понятно отсюда, почему о периоде «вихря» буржуазия говорит с пренебрежением, презрением, злобой, ненавистью, — а о периоде охраняемого Дубасовым конституционализма с восторгом, упоением, с бесконечной мещанской любовью... в реакцию. Это — все то же постоянное и неизменное качество кадетов: стремление опереться на народ и боязнь его революционной самостоятельности.

Понятно также, почему буржуазия боится пуще огня повторения «вихря», почему она игнорирует и затушевывает элементы нового революционного кризиса, почему поддерживает и распространяет в народе конституционные иллюзии.

Теперь мы вполне объяснили, почему г. Бланк и ему подобные объявляют, что в период «вихря» были забыты все марксистские принципы и идеи. Г. Бланк, как и все мещане, признает марксизм *за вычетом* его революционной стороны, — признает социал-демократические приемы борьбы *за вычетом* ~~самых~~ революционных и непосредственно-революционных приемов.

Отношение г-на Бланка к периоду «вихря» до последней степени характерно, как иллюстрация буржуазного непонимания пролетарских движений, буржуазной боязни перед острой и решительной борьбой, буржуазной ненависти ко всем проявлениям крутого, ломающего старые учреждения, революционного в непосредственном смысле слова способа решения социально-исторических вопросов. Господин Бланк выдал себя, выдал сразу всю свою буржуазную ограниченность. Он слышал и читал, что социал-демократы в период вихря делали «ошибки», — он поспешил заключить и заявить с апломбом, безапелляционно, голословно, что все «принципы» марксизма (о которых он и понятия

не имеет!) были забыты. Мы заметим по поводу этих «ошибок»: разве был такой период в развитии рабочего движения, в развитии социал-демократии, когда бы не было сделано тех или иных ошибок? когда бы не наблюдались те или иные отклонения вправо или влево? разве история парламентского периода германской социал-демократической борьбы — того периода, который всем ограниченным буржуа на всем свете кажется пределом, его же не преидем! — не полна таких ошибок? Если бы господин Бланк не был круглым невеждой в вопросах социализма, он легко вспомнил бы и Мюльбергера, и Дюринга, и вопрос о *Dampfersubvention*⁶⁵, и «молодых»⁶⁶, и бернштейниаду, и многое, многое другое. Но господину Бланку важно не изучение действительного хода развития социал-демократии, ему нужно только принизить пролетарский размах борьбы, чтобы возвеличить буржуазную убогость своей кадетской партии.

На самом деле, если мы взглянем на дело с точки зрения отклонений социал-демократии с ее обычного, «нормального», пути, то мы увидим, что и в этом отношении период «революционного вихря» показывает *большую*, а не меньшую, по сравнению с прежним, сплоченность и идейную цельность социал-демократии. Тактика эпохи «вихря» не отдалила, а сблизила оба крыла социал-демократии. Вместо былых разногласий получилось единство взглядов по вопросу о вооруженном восстании. Социал-демократы обеих фракций работали в Советах рабочих депутатов, этих своеобразных органах зачаточной революционной власти, привлекали солдат, крестьян к этим Советам, издавали революционные манифесты совместно с мелкобуржуазными революционными партиями. Былые споры эпохи дореволюционной сменились солидарностью по практическим вопросам. Подъем революционной волны отодвинул разногласия, заставив признать боевую тактику, устранив вопрос о Думе, поставив на очередь вопрос о восстании, сблизив на непосредственной ближайшей работе социал-демократию и революционную буржуазную демократию. В «Северном Голосе»⁶⁷ меньшевики вместе с большевиками звали к стачке и восстанию, звали рабочих не прекращать борьбы, пока власть не будет в их руках. Революционная обстановка подсказывала сама практические лозунги. Споры касались лишь деталей

в оценке событий: «Начало»⁶⁸, например, рассматривало Советы рабочих депутатов, как органы революционных самоуправлений, «Новая Жизнь»⁶⁹, — как зачаточные органы революционной власти, соединявшие пролетариат и революционную демократию. «Начало» склонялось к диктатуре пролетариата. «Новая Жизнь» стояла на точке зрения демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Но разве таких и подобных разногласий внутри социал-демократии не показывает нам любой период в развитии любой европейской социалистической партии?

Нет, извращение дела господином Бланком, его вопиющее искажение истории вчерашнего дня объясняется тем и только тем, что перед нами образчик самодовольной буржуазной пошлости, которому периоды революционного вихря кажутся безумием («забыты все принципы», «сама мысль и простой разум почти исчезают»), а периоды подавления революции и мещанского «прогресса» (охраняемого Дубасовыми) кажутся эпохой разумной, сознательной и планомерной деятельности. Эта сравнительная оценка двух периодов (периода «вихря» и периода кадетского) красной нитью проходит через всю статью господина Бланка. Когда история человечества подвигается вперед со скоростью локомотива, это — «вихрь», «поток», «исчезновение» всех «принципов и идей». Когда история движется с быстротой гужевой перевозки, это — сам разум и сама планомерность. Когда народные массы сами, со всей своей девственной примитивностью, простой, грубоватой решительностью, начинают творить историю, воплощать в жизнь прямо и немедленно «принципы и теории», — тогда буржуа чувствует страх и вопит, что «разум отступает на задний план» (не наоборот ли, о герои мещанства? не отступает ли в истории именно в такие моменты разум масс, а не разум отдельных личностей? не становится ли именно тогда массовый разум живой, действенной, а не кабинетной силой?). Когда непосредственное движение масс придало расстрелами, экзекуциями, порками, безработицей и голодовкой, когда вылезают из щелей клопы содержимой на дубасовские деньги профессорской науки и начинают вершить дела *за народ от имени масс*, продавая и предавая их интересы горсткам привилегированных, — тогда рыцарям мещанства кажется, что наступила эпоха успокоенного и спокойного прогресса, «наступила очередь мысли

и разума»: Буржуа всегда и везде верен себе: возьмете ли вы «Полярную Звезду» или «Нашу Жизнь»⁷⁰, прочтете ли вы Струве или Бланка, везде одно и то же, везде эта ограниченная, профессорски-педантская, чиновнически-мертвенная оценка революционных и реформистских периодов. Первые — периоды безумия, *tolle Jahre*, исчезновения мысли и разума. Вторые — периоды «сознательной, систематической» деятельности.

Не перестолковывайте моих слов. Не говорите, что я веду речь о предпочтении господами Бланками тех или иных периодов. Дело вовсе не в предпочтении, — от нашего субъективного предпочтения не зависит смена исторических периодов. Дело в том, что в анализе *свойства* того или иного периода (совершенно независимо от нашего предпочтения или от наших симпатий) господа Бланки бессовестно *извращают правду*. Дело в том, что именно революционные периоды отличаются большей широтой, большим богатством, большей сознательностью, большей планомерностью, большей систематичностью, большей смелостью и яркостью исторического творчества по сравнению с периодами мещанского, кадетского, реформистского прогресса. А господа Бланки изображают дело наыворот! Они убожество выдают за исторически-творческое богатство. Они бездеятельность задавленных или придавленных масс рассматривают, как торжество «систематичности» в деятельности чиновников, буржуев. Они кричат об исчезновении мысли и разума, когда вместо кромсания законопроектов всякими канцелярскими чинушами и либеральными *реппу-а-линег'*ами (писакими, живущими с построчной платы) наступает период непосредственной политической деятельности «простонародья», которое попросту прямо, немедленно ломает органы угнетения народа, захватывает власть, берет себе то, что считалось принадлежащим всяким грабителям народа, одним словом, когда именно просыпается мысль и разум миллионов забитых людей, просыпается не для чтения только книжек, а для дела, живого, человеческого дела, для исторического творчества»⁷¹.

Таковы были споры о диктатуре в 1905—1906 годах в России.

Господа Дитманы, Каутские, Криспины, Гильфердинги в Германии, Лонге и К^о во Франции, Турати и его друзья

в Италии, Макдональды и Сноудены в Англии и т. п. рассуждают о диктатуре, в сущности, совершенно так же, как г. Р. Бланк и кадеты 1905-го года в России. Они не понимают диктатуры, не умеют ее готовить, не способны понять и осуществлять ее.

20. X. 1920.

Опубликовано в 1920 г.

Печатается по рукописи

Баку и по месту
накопления

Ленину РКРесп Сталину

29
 1/11

Судя по сообщению из Уфы
 отдал Баку в ближайшее время
 и группа Агаева поедет на Баку
 и приедет специально для
 подготовки к Баку с суммой
 и суммой повода
 факелом утверждения и прочее
 сообщать вам
 решение

Ленин

Рукопись телеграммы В. И. Ленина И. В. Сталину. —
 29 октября 1920 г.

Уменьшено

ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНУ ⁷²

Баку и по месту нахождения
члену РВС Респ. Сталину

29/X

Считаю несомненным, что Грузия отдаст Батум Антанте, вероятно, тайно и что Антанта пойдет на Баку. Обдумайте и приготовьте срочно меры укрепления подступов к Баку с суши и с моря, подвоза тяжелой артиллерии и прочее. Сообщите Ваше решение.

Ленин

Написано 29 октября 1920 г.

Впервые опубликовано в 1942 г.

Печатается по рукописи

**РЕЧЬ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СОВЕЩАНИИ
ПОЛИТПРОСВЕТОВ ГУБЕРНСКИХ И УЕЗДНЫХ
ОТДЕЛОВ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
3 НОЯБРЯ 1920 г.**

Товарищи, позвольте мне поделиться несколькими мыслями, которые отчасти были затронуты в Центральном Комитете коммунистической партии и в Совнарком по вопросу об организации Главполитпросвета, отчасти явились у меня по поводу того проекта, который был внесен в Совнарком. Вчера проект этот принят в основание, а затем в деталях он будет еще обсуждаться.

Я от себя позволю только отметить, что к перемене названия вашего учреждения я относился вначале чрезвычайно отрицательно. По-моему, задача Наркомпроса — это помочь людям учиться и других учить. Я за время своего советского опыта привык относиться к разным названиям, как к ребячьим шуткам, ведь каждое название — своего рода шутка. Теперь уже утверждено новое название: Главполитпросвет.

Так как это вопрос решенный, то вы мое замечание примите не больше, как личное замечание. Если дело не ограничится только переменной кличкой, то это можно будет только приветствовать.

Если нам удастся привлечь новых работников для культурно-просветительной работы, тогда уже будет дело не только в новом названии и тогда можно будет примириться с «советской» слабостью наклеивать ярлычки на каждое новое дело и каждое новое учреждение. В случае удачи мы добьемся чего-нибудь большего, чем то, что было до сих пор достигнуто.

Самое главное, что должно заставить товарищей принять участие вместе с нами в совместной культурно-просвети-

тельной работе, — это вопрос просвещения в связи с нашей политикой. Название может что-либо предусматривать, если в этом есть надобность, ибо мы по всей линии своей просветительной работы не можем стоять на старой точке аполитичности просвещения, не можем ставить просветительную работу вне связи с политикой.

Такая мысль господствовала и господствует в буржуазном обществе. Название «аполитичность» или «неполитичность» просвещения — это есть лицемерие буржуазии, это есть не что иное, как обман масс, на 99% униженных господством церкви, частной собственностью и пр. Буржуазия, господствуя во всех теперь еще буржуазных странах, занимается именно этим обманом масс.

И, чем больше там аппарат имеет значение, тем меньше он имеет свободы от капитала и его политики.

Во всех буржуазных государствах связь политического аппарата с просвещением является чрезвычайно крепкой, хотя признать этого прямо буржуазное общество не может. Между тем, это общество обрабатывает массы через церковь, через весь институт частной собственности.

Наша основная задача состоит в том, между прочим, чтобы в противовес буржуазной «справде» противопоставить свою правду и заставить ее признать.

Переход из буржуазного общества к политике пролетариата — очень трудный переход, тем более, что буржуазия клеветает на нас неустанно всем аппаратом своей пропаганды и агитации. Она как можно более старается затушевать еще более важную роль диктатуры пролетариата, ее воспитательную задачу, особенно важную в России, где к пролетариату принадлежит меньшинство населения. А, между тем, тут эта задача должна выдвинуться на первый план, так как нам нужно подготовить массы к социалистическому строительству. О диктатуре пролетариата не могло бы и речи быть, если бы пролетариат не выработал в себе большой сознательности, большой дисциплинированности, большой преданности в борьбе против буржуазии, т. е. той суммы задач, которую необходимо выдвинуть для полной победы пролетариата над его исконным врагом.

Мы не стоим на точке зрения утопической, будто трудящиеся массы подготовлены к социалистическому обществу. Мы знаем на основании точных данных всей истории рабочего социализма, что это не так, что подготовленность к социализму дает лишь крупная индустрия, стачечная борьба, политическая организованность. И для того, чтобы одержать победу, чтобы совершить социалистический переворот, пролетариат должен быть способным к солидарному действию, к делу свержения эксплуататоров. И теперь мы видим, что все необходимые способности он приобрел и превратил их в дело, когда завоевал свою власть.

Для работников просвещения и для коммунистической партии, как авангарда в борьбе, должно быть основной задачей — помочь воспитанию и образованию трудящихся масс, чтобы преодолеть старые привычки, старые навыки, оставшиеся нам в наследие от старого строя, навыки и привычки собственнические, которые насквозь пропитывают толщу масс. Эта основная задача всего социалистического переворота никогда не должна быть упускаема при рассмотрении тех частных вопросов, которые так много занимали внимание ЦК партии и Совнаркома. Как построят Главполитпросвет, как соединить его с отдельными учреждениями, как связать его не только с центром, но и с местными учреждениями, на этот вопрос нам ответят товарищи более компетентные в этом деле, имеющие уже большой опыт и специально изучавшие это дело. Мне бы хотелось только подчеркнуть основные моменты принципиальной стороны дела. Мы не можем не ставить дело открыто, открыто признавая, вопреки всей старой лжи, что просвещение не может не быть связано с политикой.

Мы живем в исторический момент борьбы с мировой буржуазией, которая во много и много раз сильнее нас. В такой момент борьбы мы должны отставать революционное строительство, бороться против буржуазии и военным путем и еще более путем идейным, путем воспитания, чтобы привычки, навыки, убеждения, которые рабочий класс вырабатывал себе в продолжение многих десятилетий в борьбе за политическую свободу, чтобы вся сумма этих привычек, навыков и идей послужила орудием воспитания всех трудящихся, а задача

решения вопроса, как именно воспитать, ложится на пролетариат. Необходимо воспитать сознание, что нельзя, недопустимо стоять вне той борьбы пролетариата, которая сейчас все более и более захватывает все без исключения капиталистические страны мира, стоять в стороне от всей международной политики. Объединение всех могущественных капиталистических стран мира против Советской России, — в этом подлинная база настоящей международной политики. И нужно же признать, что от этого зависит судьба сотен миллионов трудящихся в капиталистических странах. Ведь, в настоящий момент нет уголка на земле, который не был бы подчинен горсточке капиталистических стран. Таким образом, положение выливается в такую форму, что необходимо либо стать в стороне от переживаемой борьбы и этим доказать полную несознательность, как те темные люди, которые остались в стороне от революции и войны и которые не видят всего обмана масс буржуазией, не видят, как буржуазия сознательно оставляет эти массы в темноте, либо стать на борьбу за диктатуру пролетариата.

Об этой борьбе пролетариата мы говорим совершенно открыто, и нужно каждому человеку стать или по эту, нашу сторону, или по другую. Все попытки не стать ни на одну, ни на другую сторону заканчиваются крахом и скандалом.

Наблюдая бесконечные остатки керенщины, остатки эсеров, социал-демократии, выявившиеся в лице Юденичей, Колчаков, Петлюры, Махно и проч., мы видели такое разнообразие форм и окрасок контрреволюции в разных местах России, что можем сказать, что мы закалены уже гораздо больше, чем кто-нибудь другой, а когда мы взглянем на Западную Европу, то видим, что там повторяется то же самое, что было у нас, повторяется наша история. Почти везде рядом с буржуазией встречаются элементы керенщины. В целом ряде государств, особенно в Германии, они главенствуют. Везде наблюдается одно и то же: невозможность какой-нибудь средней позиции и ясное сознание — либо белая диктатура (к ней готовится буржуазия во всех странах Западной Европы, вооружаясь против нас), либо диктатура пролетариата. Мы испытали это так остро и глубоко,

что о русских коммунистах мне распространяться не приходится. Отсюда вывод только один, и вывод, который должен лечь в основу углов всех рассуждений и построений, связанных с Главполитпросветом. Прежде всего в работе этого органа должно быть открыто признано главенство полптки коммунистической партии. Иной формы мы не знаем, и иной формы ни одна страна еще не выработала. Партия может быть более или менее соответствующей интересам своего класса, она переживает те или иные изменения или исправления, но лучшей формы мы еще не знаем, и вся борьба в Советской России, в течение трех лет удерживавшей натиск мирового империализма, связана с тем, что партия сознательно ставит своей задачей помочь пролетариату выполнить его роль воспитателя, организатора и руководителя, ту роль, без которой распад капитализма невозможен. Трудящиеся массы, массы крестьян и рабочих, должны побороть старые навыки интеллигенции и перевоспитать себя для строительства коммунизма — без этого к делу строительства приступить нельзя. Весь наш опыт показывает, что это дело слишком серьезное, и потому признание главенствующей роли партии должно быть у нас в виду, и мы не можем упускать этого при обсуждении вопроса о деятельности, об организационном строительстве. Как осуществлять его, надо будет еще много говорить, придется говорить об этом и в ЦК партии и в Совнаркоме; тот декрет, который вчера был утвержден, явился основой по отношению к Главполитпросвету, но он в Совнаркоме еще не завершил всего своего пути. На-днях этот декрет будет опубликован, и в окончательной редакционной форме вы увидите, что прямого заявления об отношении к партии там нет.

Но мы должны знать и помнить, что вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу, чтобы связанные с пролетариатом коммунистические элементы могли пропитать этот пролетариат своим духом, подчинить его себе, освободить его от того буржуазного обмана, который мы так долго стараемся взжить. Наркомпрос пережил долгую борьбу, долгое время учительская организация боролась с социал-демократическим переворотом. В этой учительской

среде особенно упрочились буржуазные предрассудки. Здесь долго шла борьба и в виде прямого саботажа и упорно держащихся буржуазных предрассудков, и нам приходится медленно, шаг за шагом, отвоевывать себе коммунистическую позицию. Для Главполитпросвета, работающего по внешкольному образованию, решающего задачу этого образования и просвещения масс, особенно ярко встает задача сочетать партийное руководство и подчинить себе, пропитать своим духом, зажечь огнем своей инициативы этот громадный аппарат — полумиллионную армию преподавательского персонала, которая состоит сейчас на службе у рабочего. Работники просвещения, учительский персонал, были воспитаны в духе буржуазных предрассудков и привычек, в духе враждебном пролетариату, они были совершенно не связаны с ним. Теперь мы должны воспитать новую армию педагогического учительского персонала, который должен быть тесно связан с партией, с ее идеями, должен быть пропитан ее духом, должен привлечь к себе рабочие массы, пропитать их духом коммунизма, заинтересовать их тем, что делают коммунисты.

Так как надо порвать со старыми привычками, навыками, идеями, то здесь перед Главполитпросветом и перед его работниками стоит важнейшая задача, которая и должна более всего иметься в виду. И действительно, тут стоит перед нами дилемма, как связать учительство, в большинстве старого закала, с партийными, с коммунистами? Этот вопрос крайне трудный, и над ним нужно очень и очень задуматься.

Рассмотрим, как связать организационно столь разных людей. Для нас принципиально не может быть сомнения в том, что должно быть главенство коммунистической партии. Таким образом, цель политической культуры, политического образования — воспитать истых коммунистов, способных победить ложь, предрассудки и помочь трудящимся массам победить старый порядок и вести дело строительства государства без капиталистов, без эксплуататоров, без помещиков. А как это можно сделать? Это возможно, только овладев всей суммой знаний, которую унаследовали учителя от буржуазии. Все технические завоевания коммунизма были бы без этого невозможными, и была бы пуста всякая мечта об

этом. Вот и является вопрос, как же их связать, этих работников, которые не привыкли работать в связи с политикой и с полезной для нас политикой в частности, т. е. необходимой для коммунизма. Это, как я сказал, очень трудная задача. Мы обсуждали этот вопрос и в Центральном Комитете и, обсуждая этот вопрос, старались учесть указания, собранные опытом, и думаем, что такого рода съезд, как сегодня, на котором я сейчас говорю, такого рода конференция, как ваша, будет иметь в этом отношении большое значение. Каждому комитету партии на каждого пропагандиста, на которого смотрели раньше, как на человека определенного кружка, определенной организации, теперь приходится смотреть по-новому. Каждый принадлежит к партии, которая управляет, которая руководит всем государством, всемирной борьбой Советской России против буржуазного строя. Он является представителем борющегося класса и партии, которая господствует и должна господствовать над громадным государственным аппаратом. Очень и очень многие коммунисты, прошедшие великолепно школу подпольной работы, испытанные и закаленные борьбой, не хотят и не могут понять всей значительности этого перелома, этого перехода, когда из агитатора-пропагандиста он становится руководителем агитаторов, руководителем гигантской политической организации. Будет ли он назван при этом каким-либо соответствующим именем, может быть, даже щекотливым, например, заведующим народных училищ, — это не так важно, но важно, чтобы он умел руководить учительской массой.

Нужно сказать, что сотни тысяч учителей — это есть аппарат, который должен двигать работу, будить мысль, бороться с предрассудками, которые еще до сих пор существуют в массах. Наследие капиталистической культуры, пропитанность ее недостатками учительской массы, которая при наличии их не может быть коммунистической, однако не может мешать брать этих учителей в ряды работников просветительной политической работы, так как эти учителя обладают знаниями, без которых мы не можем добиться своей цели.

Мы должны поставить на службу коммунистического просвещения сотни тысяч нужных людей. Это задача, кото-

рая решена на фронте, в нашей Красной Армии, в которую были взяты десятки тысяч представителей старой армии. В длительном процессе, процессе перевоспитания, они слились с Красной Армией, что, в конце концов, и доказали своими победами. И в нашей культурно-просветительной работе мы должны следовать этому примеру. Правда, эта работа не так блестяща, но еще более важна. Каждый агитатор и пропагандист нам необходим, он выполняет свою задачу, когда работает в строго партийном духе, но не ограничивается одной только партией, а помнит, что его задача — руководить сотнями тысяч преподавательского персонала, заинтересовать их, побороть старые буржуазные предрассудки, привлечь их к тому, что мы делаем, заразить их сознанием непомерности нашей работы, и, только перейдя к этой работе, мы можем эту массу, задавленную капитализмом, которую он оттягивал от нас, вывести на правильный путь.

Вот те задачи, которые должны преследовать каждый агитатор и пропагандист, работающий вне школьных рамок, и этих задач он не должен выпускать из виду. При решении их встречается масса практических трудностей, и вы должны помочь коммунизму и стать представителями и руководителями не только партийных кружков, но и всей государственной власти, которая находится у рабочего класса.

Наша задача — побороть все сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное, самое глубокое и самое мощное. Задача наших работников просвещения — осуществить эту переделку массы. Ее заинтересованность, ее тяга к просвещению и знанию коммунизма, которые мы наблюдаем, служат порукой тому, что мы окажемся и здесь победителями, хотя, может быть, и не так скоро, как на фронте, быть может, с большими трудностями, а подчас и поражениями, но в конечном итоге победителями будем мы.

И хотел бы в итоге остановиться еще на одном: может быть, слово Главполитпросвет неправильно понимается. Постольку, поскольку здесь упоминается понятие политический, здесь политика есть самое главное.

Но как понимать политику? Если понимать политику в смысле старом, то можно впасть в большую и тяжелую

ошибку. Политика — это борьба между классами, политика — это отношения пролетариата, борющегося за освобождение против всемирной буржуазии. Но в нашей борьбе выделяются две стороны дела: с одной стороны, задача разрушить наследие буржуазного строя, разрушить попытки раздавить Советскую власть, повторяемые всей буржуазией. До сих пор эта задача более всего занимала наше внимание и мешала перейти к другой задаче — задаче строительства. Политика в представлении буржуазного миросозерцания была как бы оторвана от экономики. Буржуазия говорила: работайте, крестьяне, чтобы получить возможность существования, работайте, рабочие, чтобы получить на рынке все необходимое, чтобы жить, а политику хозяйственную ведут ваши хозяева. А, между тем, это не так, политика должна быть делом народа, делом пролетариата. И вот тут нам необходимо подчеркнуть, что мы $\frac{9}{10}$ времени в нашей работе заняты борьбой с буржуазией. Победы над Врангелем, о которых мы читали вчера и о которых вы прочтете сегодня и, вероятно, завтра, показывают, что одна стадия борьбы приходит к концу, что мы отвоевали мир с целым рядом западных стран, а каждая победа на военном фронте освобождает нас для борьбы внутренней, для политики строительства государства. Всякий шаг, приближающий нас к победе над белогвардейцами, переносит постепенно центр тяжести борьбы к политике экономики. Пропаганда старого типа рассказывает, дает примеры, что такое коммунизм. Но эта старая пропаганда никуда не годна, так как нужно практически показать, как надо социализм строить. Вся пропаганда должна быть построена на политическом опыте хозяйственного строительства. Это наша главнейшая задача, и если бы кто вздумал понимать это в старом смысле слова, тот оказался бы отсталым и не может вести работу пропаганды для массы крестьян и рабочих. Наша главная политика сейчас должна быть — экономическое строительство государства, чтобы собрать лишние пуды хлеба, чтобы дать лишние пуды угля, чтобы решить, как лучше использовать эти пуды хлеба и угля, чтобы не было голодных, — вот какова наша политика. И на этом должна быть построена вся агитация и вся пропаганда. Нужно, чтобы было поменьше фраз, так как фразами вы не удовлетворите трудящихся. Как только война нам

даст возможность освободить центр тяжести от борьбы с буржуазией, от борьбы с Врангелем, с белогвардейцами, мы обратимся к политике экономики. И вот тут будет играть все возрастающую, громадную роль агитация и пропаганда.

Каждый агитатор должен быть государственным руководителем, руководителем всех крестьян и рабочих в деле экономического строительства. Он должен сказать, что для того, чтобы быть коммунистом, нужно знать, нужно прочесть вот такую-то брошюрку, вот такую-то книжку.

Вот как мы лучшим хозяйством и сделаем его более солидным, более общественным, увеличим производство, улучшим хлебный вопрос, более правильно распределим произведенные продукты, увеличим добычу угля и восстановим промышленность без капитализма и без капиталистического духа.

В чем состоит коммунизм? Вся пропаганда его должна быть поставлена так, чтобы дело свелось к руководству практически государственным строительством. Коммунизм должен стать доступным рабочим массам, как собственное дело. Это дело ведется плохо, с тысячами ошибок. Мы этого не скрываем, но сами рабочие и крестьяне должны при нашей помощи, при нашем небольшом и слабом содействии выработать и выровнять наш аппарат; для нас он уже перестал быть программой, теорией и заданием, для нас это дело сегодняшнего фактического строительства. И если мы терпели в нашей войне самые жестокие поражения от наших врагов, то мы зато учились на этих поражениях и достигли полной победы. И теперь в каждом поражении мы должны черпать знания, мы должны помнить, что надо учить рабочих и крестьян на примере проделанной работы. Указывать на то, что у нас плохо, чтобы в дальнейшем этого избежать.

На примере этого строительства, повторяя его большое количество раз, мы добьемся того, что из плохих начальников-коммунистов мы создадим настоящих строителей, прежде всего нашего экономического хозяйства. Мы добьемся всего, что надо, преодолеем все препятствия, которые нам остались от старого строя и которые сразу откинуть нельзя, надо перевоспитать массы, а перевоспитать их может только агитация и пропаганда, надо

связывать массы с строительством общей хозяйственной жизни, в первую голову. Это должно быть главным и основным в работе каждого агитатора-пропагандиста, и когда он себе это усвоит, тогда успех его работы будет обеспечен. (Шумные аплодисменты.)

*«Бюллетень Всероссийского
совещания политпросветов
(1—8 ноября 1920 г.)», Москва*

*Печатается по тексту
«Бюллетеня»*

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ «ЗАДАЧИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ И МЕТОДЫ ИХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ»⁷³

Сообразно решениям IX съезда РКП, конференция, еще раз обращая внимание профсоюзов на необходимость их неуклонного выполнения, указывает в частности, что ударность в смысле соблюдения единого хозяйственного плана, требующего установления определенной очередности в деле экономического строительства, является бесспорной. Вместе с тем в настоящий момент должен быть, как признала партконференция IX.1920, начат постепенный, но неуклонный переход от ударности к уравнительности в особенности в деле направления ряда лучших организаторских сил из отдельных союзов на усиление всего ВЦСПС в целом, на улучшение его аппарата, на большую систематизацию работы во всех профсоюзах и укрепление таким образом профсоюзного движения в целом.

В частности это должно быть применено к Центрану, его непропорциональное усиление по сравнению с другими союзами должно быть прекращено, и добавочное количество лучших сил должно перенести на все профдвижение те методы повышения демократизма, самостоятельности, участия в управлении промышленностью, развития соревнования и прочее, которые дали наилучшие результаты на практике.

Признавая безусловно необходимым, согласно решению IX съезда РКП, развить, расширить, усилить участие профсоюзов в управлении производством, конференция поручает ВЦСПС немедленно подытожить практический опыт, имеющийся в этом отношении у наилучших союзов

и предприятий, разработав возможно более подробную инструкцию, которая помогла бы использовать этот опыт всеми профсоюзами и обязала их приступить к этому использованию более энергично и более систематично.

В частности относительно привлечения специалистов.

Написано в начале ноября 1920 г.

Печатается впервые

Печатается по рукописи

**О БОРЬБЕ ВНУТРИ ИТАЛЬЯНСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ**

В № 213 «Правды» от 25 сентября 1920 г. было напечатано мое небольшое «Письмо к немецким и французским рабочим по поводу прений о Втором конгрессе Коммунистического Интернационала»⁷⁴. «Avanti!» («Вперед»), центральный орган Итальянской социалистической партии, от 5 октября, перепечатывая это письмо, снабдил его замечаниями, на которых стоит остановиться, ибо они наглядно показывают неправильность позиции, занятой товарищем Серрати, редактором «Впереда».

«Объяснения Ленина — читаем мы — до известной степени смягчают драконовские условия, продиктованные товарищами, которые не вполне в состоянии правильно оценить людей и обстоятельства на таком расстоянии и при таком отличии обстановки»...

...«Ленин оставил одну свою добычу: Модильяни»...

...«Теперь Ленин говорит, — не знаем, от своего ли имени или от имени Исполкома Коммунистического Интернационала, — что допускаются и изъятия» (из общего правила, с согласия Исполкома).

Иронические замечания насчет «добычи», в виде которой должен фигурировать Модильяни, один из реформистов, попадают мимо цели. Вопреки мнению Серрати, мое упоминание имени Модильяни (и Лонге) отнюдь не является умышленным. Те или другие имена взяты мною в виде примера, для характеристики *направления*, а вопрос о тех или иных *отдельных лицах* я оставлял и оставляю в стороне, не берясь решать его, считая его второстепенным, указывая на допустимость изъятий. Вопреки заявлению Серрати, он отлично знает (ибо он ссылается точно на мою

статью в «Правде»), что я говорю и могу говорить *только* от своего имени, никоим образом не от имени Исполкома.

Своими замечаниями Серрати отводит читателей «Вперед» в сторону от главного, основного, существенного вопроса: от вопроса о том, допустимо ли оставлять теперь в итальянской партии революционного пролетариата реформистов. Серрати прикрывает неправильность занятой им позиции, стараясь отвлечь внимание от существенного на второстепенное и неважное.

Против этого надо бороться. Существенное надо выяснять.

Серрати и в данной заметке и в других статьях говорит о недостаточной осведомленности московского конгресса (II конгресса Коммунистического Интернационала) насчет итальянских дел. Будто бы суть не в борьбе двух коренных направлений, не в решении коренного вопроса о допустимости «единства» с реформистами, а в разногласии насчет того, о чем «Москва» не точно осведомлена!

Вопиющая неправильность этого взгляда — и этой попытки отвлечь внимание от главного — разоблачена всего лучше *официальным отчетом* о прениях *внутри Цека* Итальянской социалистической партии. Прения эти состоялись всего за несколько дней до выхода названного номера «Вперед», именно: 28, 29 и 30 сентября и 1 октября в Милане.

Прения эти закончились голосованием двух резолюций, из которых одну можно назвать коммунистической, другую — «центристской», или уклончивой, или защищающей в скрытой форме союз («единство») с реформистами. Первая победила, собрав 7 голосов (Террачини, Дженнари, Роджент, Тунтар, Казуччи, Марциале и Беллоне); вторая была отклонена (5 голосов: Баратоно, Занарини, Баччи, Джакомини, Серрати).

Первая отличается замечательной ясностью и точностью. Она начинается указанием на то, что «теперешние условия» итальянской революционной борьбы требуют «большей однородности» партии. Далее говорится, что в партии позволили остаться всем под условием подчинения дисциплине и что это условие не выполнено; что ошибочно ждать подчинения дисциплине со стороны тех, кто имеет убеждения, противоположные принципам и тактике III Интернационала; что поэтому, приняв 21 пункт московских

условий, надо произвести «радикальную чистку» партии, *удалив* из нее реформистские и оппортунистические элементы.

Тут нет имен, нет частных. Тут ясная политическая линия. Тут точно указаны мотивы решения: конкретные факты истории партии в Италии, конкретные особенности ее революционного положения.

Вторая резолюция — образец уклончивости и худой дипломатии: 21 пункт принимаем, но признаем, что «эти условия допускают возможность сомнительных толкований», что «необходимо сообразовать политический критерий каждой секции III Коммунистического Интернационала с историческими условиями и с конкретными фактическими особенностями данной страны, ставя их на одобрение того же Интернационала»; резолюция подчеркивает «необходимость сохранить единство Итальянской социалистической партии на основе 21 пункта»; отдельные случаи нарушения дисциплины должны строго наказываться Центральным комитетом партии.

Коммунистическая резолюция говорит: революционное положение требует большей однородности партии. Это бесспорно. Резолюция защитников «единства» с реформистами пытается *обойти* эту бесспорную истину, не решаясь оспорить ее.

Коммунистическая резолюция говорит: особенность Италии в том и состоит, что условие подчинения реформистов решениям партии *оказалось неисполненным*. В этом гвоздь дела. Раз так, то оставлять реформистов в партии *при обострении* общего революционного положения, даже, может быть, накануне решающих революционных битв, не только ошибочно, *но и преступно*.

Верен факт или нет? Исполняли реформисты решения партии, подчинялись ей на деле, проводили ее политику или нет? Резолюция защитников реформистов не может ответить утвердительно, не может оспорить отрицательного ответа коммунистов и уклоняется от ответа, виляет, вертится, ссылается вообще на различные конкретные особенности различных стран, ссылается на них *для того*, чтобы важнейшую «конкретную особенность» именно Италии, именно в данный момент обойти и представить в ложном свете. Ибо эта конкретная особенность Италии как раз состоит в том, что реформисты уже оказались на деле

неспособными исполнять действительно решения партии, проводить на деле ее политику. Проявляя уклончивость по этому коренному вопросу, резолюция защитников единства с реформистами побивает себя целиком.

Серрати, Баратоно, Занарини, Баччи и Джакомини *уже* доказали этим с полнейшей очевидностью и бесспорностью, что они в *корне* неправы, что их политическая линия в *корне* неверна.

И прения в Цека итальянской партии еще более вскрыли эту полную неверность линии Серрати. Коммунисты как раз указывали на то, что реформисты, оставаясь тем, что они есть, не могут не саботировать революцию, как они саботировали уже ее во время недавнего революционного движения итальянских рабочих, захватывавших фабрик.

Ведь в этом весь гвоздь вопроса! Как же можно готовиться к революции, идти навстречу решающим битвам, имея в партии людей, саботирующих революцию? Это не только ошибка, это — преступление.

И если Серрати рассчитывал, как он заявляет прямо в своем письме в «L'Humanité»⁷⁵ от 14 октября, на исключение одного Турати*, то и тут ошибка Серрати *уже* разоблачена фактами. Ибо итальянские реформисты не только собрали свой особый фракционный съезд (в Реджио-Эмилия 11 октября 1920 г.), не только повторили на нем все существенное из своих реформистских взглядов, не только устроили торжественнейшую овацию на этом съезде Филиппу Турати, но и заявили устами Тревеса: «Либо останемся в партии, либо выйдем из нее все». Отметим кстати, что буржуазная пресса и сами реформисты старались всячески раздуть значение своего фракционного съезда. Но в «Avanti!» от 13 октября (миланское издание) читаем прямо, что реформисты собрали представителей всего от 200 секций партии, которая насчитывает их *тысячи!*

Но остановимся подробнее на главном доводе Серрати по существу вопроса. Серрати боится раскола, ослабляю-

* Вот главное место из этого письма: «Мы все стоим за условия Москвы. Речь идет об их применении. Я утверждаю, что надо очистить партию от вредных элементов — и я предложил исключить Турати, — но что мы не должны терять массы синдикатов (профсоюзов по-русски) и кооперативов. Другие хотят радикального раскола. Вот в чем расхождение». («L'Humanité» от 14 октября. Курсив Серрати.)

ицею партию и в особенности профсоюзы, кооперативы, муниципалитеты. Не разрушить этих учреждений, необходимых для строительства социализма, — вот основная мысль Серрати. «Где возьмем мы, — говорит он («Avanti!», 2 октября 1920 г., миланское издание), — столько «коммунистов», хотя бы и самых пламенных коммунистов вчерашнего дня, для того, чтобы занять все те ответственные посты, с которых мы прогоним людей по предложению Террачини?» И та же самая мысль в редактируемом товарищем Серрати журнале «Коммунизм» (№ 24, с. 1627) в статье Серрати о II конгрессе III Интернационала: «Представьте себе миланскую коммуну (т. е. городское хозяйство Милана), управляемую некомпетентными людьми, новичками, выдающими себя со вчерашнего дня за пылких коммунистов!».

Серрати боится разрушения профсоюзов, кооперативов, муниципалитетов, неумелости и ошибок новичков.

Коммунисты боятся саботирования революции реформистами.

Это сопоставление показывает принципиальную ошибку Серрати. Он все время повторяет одну мысль: о необходимости гибкой тактики. Мысль бесспорная. Но все дело как раз в том, что Серрати *гнет направо*, а надо *гнуть налево* при данных итальянских условиях. Чтобы успешно совершить революцию и отстоять ее, итальянская партия должна сделать еще *известный шаг налево* (несколько не связывая себе рук и не забывая, что обстоятельства последствия очень могут потребовать известных шагов направо).

Имея в своих рядах реформистов, меньшевиков, *нельзя* победить в пролетарской революции, *нельзя* отстоять ее. Это очевидно принципиально. Это подтверждено наглядно опытом и России и Венгрии. Это соображение решающее. Сравнивать с этой опасностью опасность «потери» или неудач, ошибок, краха профсоюзов, кооперативов, муниципалитетов и проч. просто смешно, и не только смешно, а преступно. Рисковать всей судьбой революции из-за соображений о том, не будет ли неудач с городским хозяйством Милана и т. п., значит совершенно растеряться, совершенно не понимать коренной задачи революции, совершенно не уметь готовить ее победу.

Мы в России сделали тысячи ошибок и потерпели тысячи крахов, потерь и пр., вследствие неумелости новичков и некомпетентных людей в кооперативах, коммунах, профсоюзах и пр. Мы не сомневаемся, что другие народы, более цивилизованные, сделают *меньше* таких ошибок. Но, несмотря на эти ошибки, мы достигли главного: завоевания власти пролетариатом. И эту власть отстаивали три года.

Ошибки, указываемые тов. Серрати, суть частности, поправимые в миллион раз легче, чем «ошибка», допускающая саботаж революции меньшевиками и срыв самой революции. Это ясно само собою. Это наглядно показала Венгрия. Это подтвердил и наш опыт, ибо за три года пролетарской власти в России *много раз* бывали трудные положения, когда *наверняка* был бы свергнут советский режим, если бы меньшевики, реформисты, мелкобуржуазные демократы оставались внутри нашей партии или хотя бы даже в более или менее значительном числе внутри центральных советских учреждений вроде ЦИКа.

Серрати не понял особенности того переходного момента, который имеется налицо в Италии, где, по общему признанию, дело идет к решающим битвам пролетариата с буржуазией из-за овладения государственной властью. В такой момент не только является безусловно необходимым удаление меньшевиков, реформистов, тураттанцев из партии, но может оказаться даже полезным удаление превосходных коммунистов, способных колебаться и проявляющих колебания в сторону «единства» с реформистами, удаление со всяких ответственных постов.

Приведу наглядный пример. Перед самой Октябрьской революцией в России и вскоре после нее ряд превосходных коммунистов в России сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены. Для итальянских рабочих полезно запомнить эту ошибку. Такие виднейшие большевики и коммунисты, как Зиновьев, Кампез, Рыков, Ногин, Милютин проявили колебания в указанный мною период в сторону опасений, что большевики слишком изолируют себя, слишком рискованно идут на восстание, слишком неуступчивы к известной части меньшевиков и «социалистов-революционеров». Конфликт дошел до того, что

названные товарищи ушли демонстративно со всех ответственных постов и партийной и советской работы, к величайшей радости врагов советской революции. Дело дошло до крайне ожесточенной полемики в печати со стороны Цека нашей партии против ушедших в отставку. А через несколько недель — самое большее через несколько месяцев — все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты.

Нетрудно понять, почему это так случилось. Накануне революции и в моменты самой ожесточенной борьбы за ее победу малейшие колебания внутри партии способны *погубить все*, сорвать революцию, вырвать власть из рук пролетариата, ибо эта власть еще не прочна, ибо натиск на нее слишком еще силен. Если колеблющиеся вожди отходят прочь в *такое* время, это не ослабляет, а усиливает и партию, и рабочее движение, и революцию.

В Италии теперь именно *такое* время. Что революционный кризис назревает в общенациональном масштабе, это видят и признают все. Пролетариат доказал делами свою способность подняться стихийно, поднять массы на могучее революционное движение. Беднейшее крестьянство или полупролетарии (напрасно тов. Серрати усвоил себе дурную привычку ставить знак вопроса при употреблении этого слова: это правильное марксистское слово, оно выражает правильную мысль, подтверждаемую фактами и в России и в Италии, именно, что беднейшее крестьянство является наполовину собственником, наполовину пролетарием), — беднейшее крестьянство в Италии доказало делами, что оно способно подниматься на революционную борьбу вслед за пролетариатом. Теперь самое необходимое и безусловно необходимое для победы революции в Италии состоит в том, чтобы действительным авангардом революционного пролетариата в Италии сделалась партия вполне коммунистическая, *неспособная* колебнуться и проявить слабость в решительный момент; — партия, которая бы собрала в себе максимальный фанатизм, преданность революции, энергию, беззаветную смелость и решимость. Надо победить в чрезвычайно трудной, тяжелой, несущей великие жертвы, борьбе, надо отстоять завоеванную власть в обстановке невероятно обостренных покушений, интриг, сплетен, клевет, внушений, насилий со стороны буржуазии *всего мира*, в обстановке опаснейших колебаний всякого

мелкобуржуазного демократа, всякого туратнанца, всякого «центриста», всякого социал-демократа, социалиста, анархиста. В такой момент, в такой обстановке партия должна быть во сто крат тверже, решительнее, смелее, беззаветнее и беспощаднее, чем в обычное или в менее трудное время. В такой момент и в такой обстановке партия во сто крат *усилится*, а не ослабнет, если от нее совсем отойдут меньшевики, вроде съехавшихся в Реджио-Эмилия 11 октября 1920 г., если от руководства ею отойдут даже превосходные коммунисты, какими, вероятно, являются члены теперешнего Цека партии Баратоно, Занарини, Баччи, Джакомини, Серрати.

Из людей этой последней категории большинство, несомненно, если бы и ушло в отставку теперь, очень скоро вернулось бы, сознав свою ошибку, после победы пролетариата, после упрочения его победы. Да и из итальянских меньшевиков, туратнанцев, вероятно, часть вернулась бы тоже и была бы принята в партию после периода наибольших трудностей, как перешла теперь (мы прожили три трудных года после революции) к нам часть меньшевиков и эсеров, стоявших в 1917—1918 годах по другую сторону баррикады.

Итальянскому революционному пролетариату предстоит теперь полоса битв не только чрезвычайно трудных, как я сказал, но и самых трудных. Самое трудное еще впереди. Я считал бы легкомыслием и преступлением отмахиваться от этих трудностей. Я удивляюсь, как мог тов. Серрати поместить без возражений в своем журнале «Коммунизм» (№ 24, 15—30. IX. 1920) такую легкомысленную статью, как статья Ж. К.: «Будем ли мы блокированы?». Я лично думаю, вопреки этому автору, что блокада Италии, если в ней победит пролетариат, со стороны Англии, Франции, Америки и возможна и вероятна. По-моему, гораздо правильнее поставил вопрос о блокаде тов. Грациани в своей речи на заседании Цека итальянской партии (см. «Avanti!», 1. X. 1920, миланское издание). Он признал вопрос о возможной блокаде «очень важным» вопросом («problema gravissimo»). Он указал, что Россия продержалась, несмотря на блокаду, отчасти благодаря редкости населения и громадности пространства; — что революции в Италии «не могла бы сопротивляться (*resistere*) долго, если бы она не координировалась с революцией какой-

либо другой страны Центральной Европы», что «такая координация трудна, но не невозможна», ибо вся континентальная Европа переживает революционный период.

Это сказано очень осторожно, по это верно. Я бы только добавил, что известная координация — хотя еще недостаточная, хотя и неполная — Италии обеспечена и что за полную координацию надо будет бороться. Реформисты указывают на возможность блокады, чтобы саботировать революцию, чтобы отпугнуть от революции, чтобы передать массам свое настроение паники, запуганности, нерешительности, колебаний, шатаний. Революционеры и коммунисты не должны отрицать опасности и трудностей борьбы, чтобы внушить массам больше твердости; — чтобы очистить партию от слабых, колеблющихся, шатких; — чтобы пропитать все движение большим энтузиазмом, большим интернационализмом, большей готовностью на жертвы ради великой цели: ускорить революцию в Англии, Франции, Америке, если эти страны решатся блокировать пролетарскую и советскую итальянскую республику.

Вопрос о замене реформистских или «центристских» опытных вождей новичками не есть частный вопрос, касающийся одной из стран в каком-либо особом случае. Это общий вопрос всякой пролетарской революции, и, именно как таковой, он поставлен и разрешен вполне точно в резолюции II конгресса Коммунистического Интернационала: «Об основных задачах Коммунистического Интернационала». В § 8 читаем: «Подготовка диктатуры пролетариата требует не только разъяснения буржуазного характера всякого реформизма, ... но также замены старых вождей коммунистами во всех решительно видах пролетарских организаций, не только политических, но и профессиональных, кооперативных, просветительных и т. д. ... Необходимо во сто крат смелее, чем до сих пор, вытеснять этих представителей рабочей аристократии или обуржуазившихся рабочих со всех их постов и заменять их хотя бы даже самыми неопытными рабочими, лишь бы они были связаны с эксплуатируемой массой и пользовались ее доверием в борьбе с эксплуататорами. Диктатура пролетариата потребует назначения именно таких, не имеющих опыта, рабочих на самые ответственные государственные посты, иначе власть рабочего правительства будет бессильна и оно не будет поддержано массой»⁷⁶.

Напрасно поэтому Серрати говорит, что в итальянской партии «все» согласны принять решения коммунистического конгресса. На деле мы видим обратное.

В своем, упомянутом мною выше, письме в «*L'Humanité*» Серрати пишет между прочим:

...«Что касается последних событий, то надо знать, что руководители Всеобщей конфедерации труда (итальянское ВЦСПС, центральное правление профсоюзов) предлагали предоставить руководство движением тем, кто хотел расширить его до революции. Наши товарищи из Всеобщей конфедерации труда заявили, что они согласны остаться дисциплинированными солдатами, если экстремисты возьмут на себя руководство восстанием. Но экстремисты не приняли руководства движением»...

Со стороны Серрати было бы крайне наивно принимать подобное заявление реформистов в Всеобщей конфедерации труда за чистую монету. На самом деле, это одна из разновидностей саботажа революции: угроза отставкой в решительный момент. Тут дело вовсе не в лояльности, а в том, что *нельзя* победить в революции, если руководители будут встречать колебания, шатания, отставки среди «своих», среди стоящих на верху, среди «вождей», при каждом трудном повороте событий. Может быть, тов. Серрати бесполезно будет узнать, что в конце сентября 1917 года, когда коалиция русских меньшевиков и эсеров с буржуазией явно провалилась политически, не кто иной, как наши эсеры, партия Чернова, писали в своей газете: «Большевики будут обязаны формировать кабинет... Пусть они не делают бесполезных усилий скрыться за наскоро создаваемые ими теории о невозможности им взять власть. Этих теорий демократия не примет. В то же время сторонники коалиции должны гарантировать им полную поддержку» (эсеровская газета, газета их партии, газета Чернова — «Дело Народа», 21 сентября 1917 г., цитировано в моей брошюре: «Удержат ли большевики государственную власть?». Петроград, 1917, стр. 4).

Верить в лояльность подобных заявлений было бы со стороны революционных рабочих такой же роковой ошибкой, как верить венгерским туратианцам, обещавшим Бела Куну помощь, вошедшим в коммунистическую партию и все же таки оказавшимся саботантами революции, погубившими ее своими колебаниями.

* * *

Подведу итоги.

1) Партия революционного пролетариата в Италии должна проявить величайшую выдержку, осмотрительность, хладнокровие, чтобы правильно оценить условия вообще, и подходящий момент в особенности, при предстоящих решительных битвах итальянского рабочего класса с буржуазией за государственную власть.

2) Вся пропаганда и агитация этой партии должны быть вместе с тем проникнуты духом самой твердой решимости вести эту борьбу во что бы то ни стало до победного конца, сплоченно, централизованно, с беззаветным героизмом, отсекая беспощадно колебания, нерешительность, шатания, которыми насквозь пропитаны туратианцы.

3) Такая пропаганда, которую ведет теперь миланское издание «Вперед» («Avanti!») под редакцией Серрати, не воспитывает пролетариат к борьбе, а вносит разложение в его ряды. Цека партии в такой момент должен руководить рабочими, готовить их к революции, оспаривать неверные взгляды. Это можно (и должно) делать, давая в то же время высказываться всем оттенкам. Серрати руководит, но руководит в неправильном направлении.

4) Исключение из партии всех участников съезда в Реджио-Эмилия 11 октября 1920 г. не ослабит, а усилит партию, ибо такие «вожди» способны лишь «по-венгерски» погубить революцию, *даже оставаясь лояльными*. Белогвардейцы и буржуазия сумают использовать шатания, колебания, сомнения, неуверенность и прочее даже вполне «лояльных» социалистов, социал-демократов и т. п.

5) Если такие люди, как Баратоно, Занарини, Баччи, Джакомини, Серрати будут колебаться и подавать в отставку, надо не упрашивать их остаться, а сразу принимать ее. После периода решающих битв они вернутся и будут тогда полезнее пролетариату.

6) Товарищи итальянские рабочие! Не забывайте урока истории всех революций, уроков России и Венгрии в 1917—1920 годах. Перед пролетариатом в Италии стоят величайшие битвы, величайшие трудности, величайшие жертвы. От исхода этих битв, от сплоченности, дисциплинированности, беззаветности рабочих масс зависит победа

пад буржуазией, переход власти к пролетариату, укрепление Советской республики в Италии. Буржуазия Италии и всех стран мира сделает все возможное, пойдет на все преступления и зверства, чтобы не дать пролетариату власти, чтобы свергнуть его власть. Колебания, шатания, перешительность реформистов и всех тех, кто участвовал на съезде в Реджо-Эмилия 11 октября 1920 г., неизбежны, ибо подобные люди, при всей даже честности многих из них, во все времена, во всех странах губили дело революции своими колебаниями. Подобные люди погубили революцию (первую революцию, за ней будет другая...) в Венгрии, погубили бы и в России, если бы не были сняты со всех ответственных постов и окружены стеной пролетарского недоверия, бдительности, надзора.

Трудящиеся и эксплуатируемые массы Италии пойдут за революционным пролетариатом. Победа будет, в конце концов, за ним, ибо его дело есть дело рабочих всего мира, ибо нет иного избавления от продолжения теперешних империалистских войн, от новых, уже подготовляемых, империалистских войн, от ужасов капиталистического рабства и угнетения, кроме Советской, рабочей республики.

4. XI. 1920.

ФАЛШИВЫЕ РЕЧИ О СВОБОДЕ (ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ)

Товарищ Нобс, редактор лево-социалистической швейцарской газеты «Народное Право» («Volksrecht») в Цюрихе, поместил недавно письмо Зиновьева о необходимости разрыва с оппортунистами и свой пространственный ответ на это письмо. Ответ Нобса сводится к тому, что на вопрос о принятии 21-го условия и о вступлении в Коммунистический Интернационал дастся решительно отрицательный ответ — во имя «свободы», конечно, свободы критики, свободы от чрезмерной требовательности или от диктаторства Москвы (я не сохранил статьи Нобса и вынужден цитировать на память, ручаясь за смысл, а не за то или иное выражение).

Товарищ Нобс, между прочим, завербовывает себе в союзники товарища Серрати, который, как известно, тоже недоволен «Москвой», т. е. в особенности русскими

членами Исполкома Коминтерна, и тоже жалуется на нарушение Москвой «свободы» составных частей, отдельных партий и отдельных членов Коминтерна. Нелишне будет поэтому сказать несколько слов о «свободе».

Пережив три года диктатуры пролетариата, мы вправе сказать, что самым ходким и популярным возражением против нее является во всем свете ссылка на нарушение свободы и равенства. Вся буржуазная пресса всех стран, вплоть до прессы мелкобуржуазных демократов, т. е. социал-демократов и социалистов, в том числе Каутского, Гильфердинга, Мартова, Чернова, Лонге и т. д. и т. п., громит большевиков именно за нарушение свободы и равенства. С точки зрения теоретической, это совершенно понятно. Пусть припомнит читатель знаменитые, полные сарказма, слова Маркса в «Капитале»:

«Сфера обращения или обмена товаров, в рамках которой осуществляется купля и продажа рабочей силы, есть настоящий эдем прирожденных прав человека. Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам» («Капитал», том I, отдел второй, конец главы четвертой, русск. изд. 1920 г., стр. 152)⁷⁷.

Эти, полные сарказма, слова полны глубочайшего историко-философского содержания. Их надо сопоставить с популярными разъяснениями того же вопроса Энгельсом в его «Анти-Дюринге», в особенности со словами Энгельса, что равенство есть предрассудок или глупость, поскольку это понятие не сводится к уничтожению классов⁷⁸.

Уничтожение феодализма и его следов, введение основ буржуазного (можно с полным правом сказать: буржуазно-демократического) порядка заняло целую эпоху всемирной истории. И лозунгами этой всемирно-исторической эпохи были неизбежно свобода, равенство, собственность и Бентам. Уничтожение капитализма и его следов, введение основ коммунистического порядка составляет содержание начавшейся теперь новой эпохи всемирной истории. И лозунгами нашей эпохи неизбежно являются и должны быть: уничтожение классов; диктатура пролетариата для осуществления этой цели; беспощадное разоблачение мелкобуржуазных демократических предрассудков насчет свободы и равенства, беспощадная борьба с этими предрассудками. Кто не понял этого, тот ничего не понял в вопросах о диктатуре пролетариата, о Советской власти,

о коренных основах Коммунистического Интернационала.

Пока не уничтожены классы, всякие разговоры о свободе и равенстве вообще являются самообманом или обманом рабочих, а также всех трудящихся и эксплуатируемых капиталом, являются, во всяком случае, защитой интересов буржуазии. Пока не уничтожены классы, при всяком рассуждении о свободе и равенстве должен быть поставлен вопрос: свобода для какого класса? и для какого именно употребления? равенство какого класса с каким? и в каком именно отношении? Обход этих вопросов, прямой или косвенный, сознательный или бессознательный, является неизбежно защитой интересов буржуазии, интересов капитала, интересов эксплуататоров. Лозунг свободы и равенства, при умолчании об этих вопросах, о частной собственности на средства производства, есть ложь и лицемерие буржуазного общества, которое формальным признанием свободы и равенства прикрывает фактические, экономические несвободу и неравенство для рабочих, для всех трудящихся и эксплуатируемых капиталом, т. е. для громадного большинства населения во всех капиталистических странах.

В России теперь, благодаря тому, что диктатура пролетариата практически поставила коренные, *последние*, вопросы капитализма, видно с особенной ясностью, *кому служат* (сui prodest? «кому полезны?») разговоры о свободе и равенстве вообще. Когда нам эсеры и меньшевики, Черновы и Мартовы, преподносят рассуждения на тему о свободе и равенстве *в пределах трудовой демократии*, — либо они, видите ли, вовсе неповинны в рассуждениях о свободе и равенстве вообще! вовсе не забывают Маркса! — то мы спрашиваем их: а как быть с различием класса наемных рабочих и класса мелких хозяев собственников в период диктатуры пролетариата?

Свобода и равенство *в пределах трудовой демократии* есть свобода для мелкого земледельца собственника (хотя бы и ведущего хозяйство на национализированной земле) продавать излишки хлеба по спекулянтской цене, *то есть эксплуатировать рабочего*. Всякий, кто говорит о свободе и равенстве в пределах трудовой демократии — при условии, что капиталисты свергнуты, а частная собственность и свобода торговли еще остаются, — есть защитник

эксплуататоров. И с таким защитником пролетариат, осуществляя свою диктатуру, должен поступать как с эксплуататором, хотя бы этот защитник и называл себя социал-демократом, социалистом или даже сознавшим гнилость II Интернационала человеком и прочее и тому подобное.

Пока остается частная собственность на средства производства (напр., на земледельческие орудия и скот, если даже частная собственность на землю отменена) и свободная торговля, до тех пор остается экономическая основа капитализма. И диктатура пролетариата есть единственное средство победоносной борьбы с этой основой, единственный путь к уничтожению классов (без которого о действительной свободе для человеческой личности — *а не для собственника* — о действительном равенстве, в социально-политическом отношении, человека и человека — *а не лицемерном равенстве собственника и неимущего*, сытого и голодного, эксплуататора и эксплуатируемого — не может быть и речи). Диктатура пролетариата ведет к уничтожению классов, ведет к этому путем свержения эксплуататоров и подавления их сопротивления, с одной стороны; ведет к этому, с другой стороны, путем нейтрализации, обезвреживания колебаний мелкого хозяинчика между буржуазией и пролетариатом.

Фальшь речей гг. Нобса и Серрати состоит, конечно, не в том, чтобы они были фальшивы, неискренни. Ничего подобного. Они вполне искренни, и никакой субъективной фальши в их речах нет. Но объективно, по содержанию своему, речи их фальшивы, ибо состоят в защите предрассудков мелкобуржуазной демократии, ибо сводятся к защите буржуазии.

Коминтерн ни в коем случае не может признать свободы и равенства для всех, желающих подписать известные заявления, безотносительно к их политическому поведению. Это было бы такое же, теоретическое и практически-политическое, самоубийство для коммунистов, как признание свободы и равенства «в пределах трудовой демократии» и т. п. Для всякого, кто умеет читать и кто *хочет* понимать читаемое, не может не быть ясно, что *все* решения, тезисы, резолюции, постановления, условия Коммунистического Интернационала признают «свободу и равенство» желающих вступить в Коминтерн *не безусловно*.

В чем же состоит условие признания нами «свободы и равенства»? свободы и равенства членов Коминтерна?

В том, чтобы в число членов не могли попасть оппортунисты и «центровики», вроде всем известных представителей правого крыла швейцарской и итальянской социалистических партий. Ибо эти оппортунисты и «центровики», сколько бы они ни расписывались в признании ими диктатуры пролетариата, остаются на деле проповедниками и защитниками предрассудков, слабостей, колебаний мелкобуржуазной демократии.

Сначала — разрыв с этими предрассудками, слабостями, колебаниями; с людьми, проповедующими, защищающими, воплощающими в жизнь эти взгляды и свойства. Потом и на этом только условии — «свобода» вступления в Коминтерн, «равенство» коммуниста на деле (а не коммуниста на словах) со всяким другим коммунистом, членом Коминтерна.

Вы «свободны», товарищ Нобс, защищать те взгляды, которые вы защищаете. Но мы также «свободны» объявлять эти взгляды мелкобуржуазными предрассудками, вредными для дела пролетариата, полезными для капитала; мы также «свободны» отказываться от вступления в союз или в общество с людьми, защищающими эти взгляды или соответствующую им политику. И мы *уже* осудили эту политику и эти взгляды от имени всего II конгресса Коммунистического Интернационала. Мы уже сказали, что разрыва с оппортунистами требуем безусловно и предварительно.

Не говорите вообще о свободе и равенстве, товарищ Нобс и товарищ Серрати! Говорите о свободе *не исполнять* решения Коминтерна насчет безусловной обязательности разрыва с оппортунистами и «центровиками» (которые не могут не подрывать, не могут не саботировать диктатуры пролетариата). Говорите о равенстве оппортунистов и «центровиков» с коммунистами. Такой свободы и такого равенства мы для Коммунистического Интернационала признать не можем, всякую другую свободу и равенство — сколько угодно.

Самое главное и основное условие успеха в момент кануна пролетарской революции есть освобождение, есть свобода партий революционного пролетариата от оппортунистов и «центровиков», от их влияния, от их предрассудков, слабостей, колебаний.

**РЕЧЬ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ
ПЛЕНУМА МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ,
КРЕСТЬЯНСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ
ДЕПУТАТОВ, МК РКП(б) И МГСПС,
ПОСВЯЩЕННОМ 3-ей ГОДОВЩИНЕ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ,
6 НОЯБРЯ 1920 г.**

(Продолжительные аплодисменты.) Товарищи, мы собрались сегодня сюда в память дней борьбы нашего пролетариата, в память наших революционных завоеваний. Сегодня мы можем праздновать нашу победу. При неслыханных трудностях жизни, при неслыханных усилиях наших врагов, мы все же победили. Мы побеждаем в течение трех лет. Это является гигантской победой, в которую раньше никто бы из нас не поверил. Три года тому назад, когда мы сидели в Смольном, восстание петроградских рабочих показало нам, что оно более единодушно, чем мы могли ожидать, но, если бы в ту ночь нам сказали, что через три года будет то, что есть сейчас, будет вот эта наша победа, — никто, даже самый заядлый оптимист, этому не поверил бы. Мы тогда знали, что наша победа будет прочной победой только тогда, когда наше дело победит весь мир, потому что мы и начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию. Империалистская война изменила все формы, в которых мы жили до сих пор, и нам не дано было знать, в какие формы выльется борьба, которая затянулась значительно дольше, чем можно было ожидать. Теперь, после трех лет, оказывается, что мы неизмеримо сильнее, чем были до этого, но всемирная буржуазия тоже еще очень сильна, и, несмотря на то, что она неизмеримо сильнее нас, все же можно сказать, что мы победили. Мы всю нашу силу направили на то, чтобы разложить эту буржуазию, и в этом отношении мы работали не без успеха. Это потому, что

наша ставка была ставкой на международную революцию, и эта ставка безусловно была верна. Мы знали, что весь мир идет к разрушению, мы знали, что после империалистской войны оставаться по-старому нельзя, потому что империалистская война в корне разрушила все старые экономические и правовые отношения, разрушила все условия той жизни, на которой до сих пор держался старый порядок. И если бы в такой момент, когда империалистская война в тысячу раз больше, чем наша пропаганда, подготовила крах, хотя бы в одной стране выступил победоносно пролетариат, то этого условия было бы достаточно, чтобы подорвать силы международной буржуазии.

Если мы теперь бросим общий взгляд на международное отношение, — а мы всегда подчеркивали, что смотрим с международной точки зрения, — и посмотрим на историю войн, которые велись против Советской России, то увидим, что мы имеем мир почти со всеми окружающими нас маленькими буржуазными государствами, которые палачествуют и преследуют у себя дома большевиков. Эти государства целиком являются слугами и рабами Антанты и желают разорить и уничтожить Советскую Россию, но, несмотря на это, мы все-таки заключили с ними мир против желания Антанты. Три такие могущественные державы, как Англия, Франция и Америка, не могли соединиться против нас и оказались разбитыми в той войне, которую они начали против нас соединенными силами. Почему? Потому что подорвано их хозяйство, жизнь их страны, потому что они наполовину трупы, потому что жить по-старому они не могут, потому что тот класс, по воле которого они держатся — класс буржуазии, — сгнил. Он толкнул на империалистскую войну и погубил свыше 10 миллионов человек. Из-за чего? Из-за дележа мира между кучкой капиталистов. На этом он надорвался, на этом подорвал свои собственные основы, и, как ни кажется он сейчас сильным в военном отношении, он внутренне бессилён. Это теперь уже не прокламация в большевистском духе, а это — факт, доказанный огнем и мечом. Они представляют собой класс гибнущий, как они ни богаты и как ни сильны, а мы представляем класс, поднимающийся к победе. И, несмотря на то, что мы слабее, чем они, мы побеждаем в течение трех лет, и мы имеем право сказать без всякого бахвальства, что мы победили.

Когда мы так говорим, не надо также забывать и другой стороны: не надо забывать, что мы победили не больше, чем наполовину. Мы победили потому, что сумели удержаться против государств, которые сильнее нас и притом объединившихся с нашими эмигрировавшими эксплуататорами — помещиками и капиталистами. Мы все время знали и не забудем, что наше дело есть международное дело, и пока во всех государствах, — и в том числе в самых богатых и цивилизованных, — не совершится переворота, до тех пор наша победа есть только половина победы или, может быть, меньше. Только теперь у нас идут победные бои против Врангеля; со дня на день мы ждем известий, которые подтвердят ваши ожидания. Мы уверены, что если нам не удастся взять Крым в ближайшие дни, то это удастся в последующие, но у нас нет никакой гарантии, что это последняя попытка мировой буржуазии против нас. Напротив, мы имеем данные, которые говорят, что эта попытка будет повторена весной. Мы знаем, что у них будут ничтожные шансы, мы знаем также, что у нас военные силы будут прочнее и более мощны, чем у какой-либо другой державы, но при всем этом опасность не исчезла, она существует и будет существовать, пока не победит революция в одной или в некоторых из передовых стран.

Мы знаем, что дело идет к этому, мы знаем, что бывший этим летом в Москве II конгресс III Интернационала сделал невиданное, необъятное дело. Может быть, некоторые из вас присутствовали на докладе тов. Зиновьева, который рассказывал подробно о съезде немецких независимцев в Галле⁷⁹. Вероятно, вы видели конкретные картины того, что делается в одной из стран, где шансы на революцию всего сильнее. Но подобные вещи происходят теперь во всех странах. Коммунизм развился, окреп, сплотился в партию во всех передовых странах. Дело международной революции за это время потерпело ряд поражений в маленьких странах, в которых задавить движение помогли гигантские хищники, как, напр., Германия помогла задавить финляндскую революцию, или как колоссы капитализма — Англия, Франция, Австрия задавили революцию в Венгрии. Но, задавив ее, они тем самым в тысячу крат увеличили элементы революции у себя. И теперь основная причина, почему они обессплены

в борьбе — это то, что у них не обеспечен тыл, потому что рабочие и крестьяне во всех странах не хотят воевать против нас, потому что герои-моряки оказались не только у нас, в Кронштадте, но нашлись и у них. Имена моряков, которые были в нашем Черном море, связаны во всей Франции с воспоминанием о русской революции; французские рабочие знают, что те, кто отбывает теперь каторгу во Францию, подняли восстание в Черном море, не желая быть палачами русских рабочих и крестьян. Вот почему теперь ослаблена Антанта, вот почему мы спокойно говорим, что в международном отношении мы обеспечены.

Но наша победа, товарищи, далеко не полна, мы имеем этой победы еще менее половины. Да, мы одержали гигантскую победу благодаря самоотверженности и энтузиазму русских рабочих и крестьян, нам удалось показать, что Россия способна давать не только одиночек-героев, которые шли на борьбу против царизма и умирали в то время, как рабочие и крестьяне не поддерживали их. Нет, мы были правы, когда говорили, что Россия даст таких героев из массы, что Россия сможет выдвинуть этих героев сотнями, тысячами. Мы говорили, что это будет и что тогда дело капитализма будет проиграно. Главная же причина того, что нам сейчас дало победу, главный источник — это героизм, самопожертвование, неслыханная выдержка в борьбе, проявленная красноармейцами, которые умирали на фронте, проявленная рабочими и крестьянами, которые страдали, особенно промышленные рабочие, которые за эти три года в массе страдали сильнее, чем в первые годы капиталистического рабства. Они шли на голод, холод, на мучения, чтобы только удержать власть. И этой выдержкой, этим героизмом они создали тыл, который оказался единственно крепким тылом, который существует между борющимися силами в этот момент. Поэтому мы сильны и прочны, в то время как Антанта разваливается и разваливается у нас на глазах.

Но одним этим энтузиазмом, подъемом, героизмом нельзя кончить дело революции, нельзя довести его до полной победы. Этим можно было отразить врага, когда он бросался на нас и душил нас, этим можно было одержать победу в кровавой схватке, но этого мало, чтобы довести дело до конца. Этого мало, потому что перед нами

сейчас стоит вторая, большая половина задачи, большая по трудности. И наше сегодняшнее торжество, нашу уверенность, что мы победим, мы должны превратить в такое качество, чтобы одержать в этой половине задачи такую же решительную победу. Только одного энтузиазма, одной готовности рабочих и крестьян идти на смерть в этой второй половине задачи — мало, ибо эта вторая задача — труднейшая, строительная, созидательная. Мы в наследство от капитализма получили не только разрушенную культуру, не только разрушенные заводы, не только отчаявшуюся интеллигенцию, мы получили разрозненную, темную массу, одиночек-хозяев, мы получили неумение, непривычку к общей солидарной работе, непонимание того, что нужно поставить крест над прошлым.

Вот что нам нужно теперь решить. Мы должны помнить, что сегодняшним настроением нужно воспользоваться для того, чтобы влить его в длительной форме в нашу работу, чтобы уничтожить всю разбросанность нашей хозяйственной жизни. Возвращаться к старому уже нельзя. Тем самым, что мы сбросили власть эксплуататоров, мы сделали уже большую половину работы. Нам надо теперь собрать воедино всех тружениц и тружеников и заставить их работать вместе. Мы вступили сюда, как вступает завоеватель в новое место, и тем не менее, несмотря на все условия, в которых мы работаем, мы все же победили на фронте. Мы видим, что сегодня наша работа идет лучше, чем она шла в прошлом году. Мы знаем, что мы не можем накормить всех, мы не уверены, что голод и холод не будут стучаться в дома, хижины и лачуги, но тем не менее мы знаем, что мы победили. Мы знаем, что у нас производительная сила огромна даже теперь, после тяжелой империалистской и гражданской войны, мы знаем, что мы можем обеспечить и рабочих и крестьян от голода и холода, но для этого нужно, чтобы мы рассчитали все то, что у нас есть, и разделили, как это нужно. Мы этого сделать не можем, потому что капитализм учил тому, чтобы каждый хозяйчик думал, главным образом, о себе: как бы ему разбогатеть, как бы скорее пройти в богатые люди, а не тому, чтобы совместно провести борьбу во имя определенной идеи. Мы теперь должны взять другое руководство. На нас теперь лежит другая, более тяжелая половина нашей задачи. Тот энтузиазм, которым мы

заражены теперь, может протянуться еще год, еще пять лет. Но нам нужно помнить, что в той борьбе, которую нам придется вести, нет ничего, кроме мелочей. Вокруг нас — мелкие хозяйственные дела. Кроме того, вы знаете, что тот аппарат мелких единиц, которыми движется эта хозяйственная жизнь, — это прежние работники! мелкие чиновники, мелкие бюрократы, которым привычно старое, эгоистическое направление. Борьба с этим должна стать задачей нашего теперешнего положения. В дни празднеств, в дни нашего победного настроения, в дни третьей годовщины Советской власти, мы должны проникнуться тем трудовым энтузиазмом, той волей к труду, упорством, от которого теперь зависит быстрейшее спасение рабочих и крестьян, спасение народного хозяйства, тогда мы увидим, что в этой задаче мы победим еще более твердо и прочно, чем во всех прежних кровавых битвах. (Продолжительные аплодисменты.)

*Напечатано в 1920 г. в книге:
«Стенографические отчеты
заседаний пленума Московского
Совета рабочих, крестьянских
и красноармейских депутатов»*

Печатается по тексту книги

ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНУ

Сталину

Как идет борьба с бандами? Правда ли, что в них свыше 20 000 штыков и сабель? Достаточно ли назначенные на Кавказ фронт подкрепления? Считаете ли возможным мирное улажение отношений с Грузией и Арменией и на какой основе? Затем, ведутся ли вполне серьезно работы по укреплению подходов к Баку. Прошу также сообщений о Турции и Персии кратко телеграммой, подробнее письмом⁸⁰.

Ленин

Написано 13 ноября 1920 г.

*Впервые напечатано 21 января
1937 г. в газете «Правда» № 21*

Печатается по рукописи

ТЕЗИСЫ О ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРОПАГАНДЕ ⁸¹

(ЧЕРНОВОЙ НАБРОСОК)

1. В настоящий момент, в связи с военными победами РСФСР и ее международным положением вообще, производственная пропаганда должна быть снова выдвинута на первый план, усилена и организационно укреплена.

2. Руководящие газеты, «Известия» и «Правда» в первую очередь, должны: (а) уменьшить место, уделяемое политике, увеличить отдел производственной пропаганды; (б) влиять на всю работу партии и советских учреждений в смысле большего уделения сил производственной пропаганде; (в) стараться систематически поставить дело производственной пропаганды в общегосударственном раз- мере, выработать широкие меры ее развития, улучшения, и особенно проверки ее реальных, осуществляемых на деле, успехов.

3. Так же систематизирована, расширена, развита должна быть работа по выдвиганию способных администраторов, организаторов, изобретателей из среды рабочей и крестьянской массы.

4. Производственная пропаганда во всей РСФСР должна быть объединена под руководством одного органа, в целях экономии сил и более правильного направления работы. Абсолютно необходима при этом широчайшая автономия, местная и профессиональная. Систематическое, правильно поставленное вознаграждение (натуральные премии и проч.) всякого значительного успеха; организация беспристрастной и компетентной проверки успехов.

5. Единым руководящим органом производственной пропаганды должна быть редакция популярной массовой газеты с тиражем $\frac{1}{2}$ —1 милл. экземпляров.

Такой газетой должна стать «Беднота»⁸².

Разделение промышленной и сельскохозяйственной газет такого типа вредно, ибо задача социализма сближать и объединять промышленность и земледелие. Практически же руководящая роль промышленного пролетариата, и в городе, и в деревне, и в частности в урбанизации земледелия, и в деле электрификации всей страны, требует именно единой производственной газеты (и единого руководства производственной пропагандой) и для рабочих и для крестьян.

6. Руководящая коллегия должна состоять из 5 лиц: 1) от ВЦСПС; 2) от ВСНХ; 3) от Наркомзема; 4) Главполитпросвета; 5) от ЦК РКП (или ответственный редактор). Коллегия и газета должны быть при ВЦСПС. (Может быть, плюс еще 1 от Главпрофобра?)

7. Производственная газета должна быть популярной, в смысле доступности миллионам, но отнюдь не впадать в популярничанье. Не опускаться до неразвитого читателя, а неуклонно — с очень осторожной постепенностью — поднимать его развитие. Уделять немного места, примерно не больше $\frac{1}{4}$, политике. Главное место — единому хозяйственному плану, трудовому фронту, производственной пропаганде, обучению рабочих и крестьян управлять, проверке действительного осуществления законов и мероприятий советских учреждений и хозяйств, широкому и правильному обмену мнений с читателем массовиком.

8. Печатаемый в газете, поступающий в газету, а равно другой материал должен систематически переиздаваться брошюрками и листовками периодически, для обязательного снабжения библиотек, затем всех фабрик и предприятий данного производства (брошюрки и листовки должны систематизировать материал по производствам). Наряду с учебниками и обзорами заграничной техники этот материал должен служить для распространения профессионально-технического и политехнического образования.

В частности более правильное распределение газеты, а равно производственных брошюр и листовок, по *всем* библиотекам РСФСР должно составить предмет особого внимания.

9. Необходимо планомерно организованное и систематическое привлечение инженеров, агрономов, учителей, затем советских служащих, удовлетворяющих известной

квалификации, к участию в деле производственной пропаганды (в связи с ликвидацией безграмотности).

Организация лекций, бесед, отчетов и пр.

Трудовязность всех могущих знакомить население с электрификацией, с тейлоризацией и т. д.

10. Более широкое и систематичное использование фильм для производственной пропаганды. Совместная работа с киноотделом.

Советская пластинка. Выставка диаграмм и картограмм в клубах, избах-читальнях, на улицах и пр. Расклейка афиш и плакатов около фабрик, мастерских, технических школ и т. д.

11. Организация, совместно с НКТрудом и другими учреждениями, производственной инспекции. Координирование ее работы с работой производственной пропаганды, равно и работы инструкторов, инструкторских поездов, пароходов и проч.

12. Выделение образцовых предприятий, широкая реклама их. Организация проделавших заграничный опыт промышленной работы рабочих — в особых мастерских или районах или ячейках и т. д. Использование их для обучения отсталых, для распространения профессионально-технического и политехнического образования и т. д.

Н. Ленин

18. XI. 1920.

ИЗ ПЕРЕГОВОРОВ ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ МЕЖДУ В. И. ЛЕНИНЫМ и И. В. СТАЛИНЫМ

Без созыва Политбюро я не могу дать никакого ответа⁸³. Советую Вам либо внести тотчас же конкретное предложение и немедленно поставить в Политбюро, либо действовать самому на точном основании имеющихся у Сталина полномочий, либо, наконец, ускорить свой приезд в Москву для решения всего кавказского вопроса в целом. Во всяком случае необходимо усилить и ускорить подход подкреплений, сообщите, какое именно Ваше решение.

Ленин

Ленину. Ответ на записку. Сегодня ночью выезжаю в Москву. Орджоникидзе даю распоряжение вести подготовительную работу и ждать указаний из Москвы. С фронтом переговорю об ускорении переброски.

Сталин

*Не позднее 20 ноября 1920 г.
Впервые опубликовано в 1945 г.
в Ленинском сборнике ХХХV*

*Печатается по тексту
телеграфной ленты*

НАШЕ ВНЕШНЕЕ И ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ ПАРТИИ

(РЕЧЬ НА МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РКП(б)
21 НОЯБРЯ 1920 г.)⁵¹

(Аплодисменты.) Товарищи! По вопросу о международном положении Советской республики, естественное дело, приходится говорить больше всего в связи с польской войной и ликвидацией Врангеля. Я думаю, что на собрании партийных работников, которые, конечно, следили за партийной прессой и не раз слышали основные доклады по этому вопросу, мне нет надобности и неуместно будет говорить подробно о деталях всей этой истории и о каждом отдельном повороте истории польской войны, о характере наших наступлений, о значении поражения под Варшавой. Я предполагаю, что с этой стороны большинству товарищей вопрос уже представляется настолько знакомым, что мне пришлось бы повторяться, и этим товарищи были бы только недовольны. Я поэтому об истории отдельных эпизодов и поворотов нашей польской войны говорить не буду. Остановлюсь лишь на том итоге, который получился сейчас.

После блестящих побед Красной Армии летом и после громадного поражения под Варшавой, после заключенного с Польшей предварительного мира, который сейчас как раз в Риге превращается или должен превратиться в мир окончательный, шансы на то, что этот предварительный мир будет действительно миром окончательным, возросли в громадной степени, возросли благодаря разгрому Врангеля. Теперь, когда этот разгром определен, империалистская пресса Антанты начинает раскрывать карты и признаваться в том, что больше всего ею до сих пор скрывалось.

Я не знаю, обратили ли вы свое внимание на маленькую заметку, попавшую в газеты сегодня или на-днях, о том, что главный орган французской империалистской буржуазии, французская газета «Время» («Temps») пишет теперь о заключении польского мира вопреки советам Франции. Нет сомнения, что здесь высказана представителями буржуазии такая правда, которую ей больше всего хотелось бы скрыть и которую в течение очень долгого времени скрыть пытались. Нам удалось, несмотря на невыгодные условия польского мира (хотя они выгоднее тех, которые мы сами в апреле текущего года предлагали польским помещикам, чтобы избежать всякой войны), а невыгодны они с точки зрения того, что можно было бы достигнуть, если бы не было чрезвычайно тяжелого положения под Варшавой, получить все же такие условия, которыми срывается громадная часть общеимпериалистского плана. Французская буржуазия признается теперь, что она настаивала на продолжении войны Польшей, что высказывалась против заключения мира, опасаясь разгрома Врангеля и желая поддержать новую интервенцию и поход против Советской республики. Несмотря на то, что условия польского империализма толкают и толкали на войну с Россией, несмотря на это, план французских империалистов потерпел крушение, и в результате мы получаем теперь уже нечто более существенное, чем простую передышку.

В течение минувших трех лет Польша, из числа входивших раньше в состав бывшей Российской империи мелких государств, принадлежала к числу тех, которые больше всего враждовали с великорусской национальностью и которые больше всего имели претензий на большую часть территорий, не населенных поляками. Мир с Финляндией, Эстонией и Латвией был нами заключен тоже вопреки желанию империалистской Антанты, но этого было легче достигнуть потому, что в Финляндии, Эстонии и Латвии у буржуазии не было своих собственных империалистских целей, из-за которых борьба против Советской республики казалась необходимой, тогда как стремления польской буржуазной республики направлялись не только на Литву и Белоруссию, но и на Украину. Кроме того, ее толкает в этом же направлении старая вековая борьба Польши, которая в свое время была великой державой

и которая сейчас противопоставляется великой державе — России. Эту старую вековую борьбу Польша не может оставить и в настоящее время. Вот почему Польша проявила гораздо больше воинственности и больше упорства в своих военных планах против нашей республики, и вот почему сейчас наш успех в заключении мира, вопреки Антанте, представляется более серьезным. Если на какую-нибудь из держав, сохраняющих буржуазный строй, граничащих с Россией, может рассчитывать Антанта в длительно составленном плане военного вмешательства, то только на Польшу, почему сейчас при общей ненависти буржуазных государств к Советской власти все видят непосредственный интерес во владении польскими помещиками восточной Галицией.

Дальше, Польша претендует на Украину и Литву. Это придает походу особенно острый и упорный характер. Военное снабжение Польши, естественное дело, представляло главный предмет забот Франции и других держав, и количество сумм, которые на это предоставлялись, не поддается никакому учету. Поэтому особенно велико значение победы, которую в конечном итоге одержала Красная Армия, несмотря на поражение под Варшавой, так как она поставила Польшу в такое положение, что она не имеет совершенно сил продолжать войну. Она должна была пойти на мир, который ей дал меньше, чем то, что мы предлагали в апреле 1920 года, перед польским наступлением, когда мы, не желая отрываться от работ хозяйственного строительства, предлагали границы в высшей степени нам невыгодные. Тогда пресса мелкобуржуазных патриотов, к которым принадлежат и наши эсеры и меньшевики, обвиняла большевиков в примиренчестве и почти в толстовском отношении, проявленном Советской властью. Она называла толстовским отношением то, что мы соглашались на мир по тогдашней линии Пилсудского, по линии, по которой Минск оставался в руках Польши, а граница проходила верст на 50, а местами верст на 100 восточнее той, которая установлена теперь. Но, конечно, мне нет надобности перед собранием партийных работников останавливаться на том, почему мы соглашались и должны были соглашаться на худшие границы, если бы, действительно, наша хозяйственная работа не была прервана. В результате получилось то, что Польша, сохра-

няя буржуазный порядок, вызвала войной крайнее хозяйственное расстройство всей страны, вызвала чрезвычайный рост недовольства, вызвала буржуазный террор, который свирепствует не только против промышленных рабочих, но и против батраков. Общее буржуазное положение Польши сделалось до такой степени неустойчивым, что и речи быть не могло о продолжении войны.

Успехи, достигнутые в этом отношении Советской властью, являются громадными. Когда три года тому назад мы ставили вопрос о задачах и условиях победы пролетарской революции в России, мы всегда определенно говорили, что прочной не может быть эта победа, если только ее не поддержит пролетарская революция на Западе, что правильная оценка нашей революции возможна только с точки зрения международной. Для того, чтобы добиться того, чтобы победить прочно, мы должны добиться победы пролетарской революции во всех или, по крайней мере, в нескольких главных капиталистических странах, и после трех лет ожесточенной упорной войны мы видим, в каком отношении наши предсказания не оправдались и в каком отношении оправдались. Они не оправдались в том отношении, что быстрого и простого решения этого вопроса не получилось. Конечно, никто из нас не ожидал, чтобы три года могла тянуться такая неравная борьба, как борьба России против всех капиталистических держав мира. Оказалось, что ни победы, ни поражения ни та, ни другая сторона, ни Советская Российская республика, ни весь остальной капиталистический мир для себя не получили и в то же время оказалось, что если наши предсказания не исполнились просто, быстро и прямо, то они исполнились постольку, поскольку дали нам главное, ибо главное было то, чтобы сохранить возможность существования пролетарской власти и Советской республики, даже в случае затяжки социалистической революции во всем мире. И в этом отношении надо сказать, что международное положение республики сложилось теперь так, что дало самое лучшее, самое точное подтверждение всех наших расчетов и всей нашей политики.

Нечего и доказывать, что о сравнении военных сил РСФСР с военными силами всех капиталистических держав и речи быть не может. В этом отношении мы в десятки и сотни раз слабее их, тем не менее, после трехлетней

войны мы принудили почти все эти государства отказаться от мысли дальнейшего вмешательства. Значит то, что три года тому назад в обстановке еще не конченной империалистской войны нам представлялось возможным, а именно — длительная затяжка положения, не решенная окончательно ни в ту, ни в другую сторону, — произошло. Но произошло это по какой причине? Это произошло не по той причине, чтобы мы оказались в военном отношении сильнее, а Антанта слабее, а причина та, что усиленно шло все время внутреннее разложение в государствах Антанты, а у нас, напротив, шло внутреннее укрепление, и война служит подтверждением, доказательством этого. Своими собственными войсками Антанта воевать против нас не могла. Рабочие и крестьяне в капиталистических государствах не могли быть принуждены воевать против нас. Из империалистской войны буржуазные государства успели выйти буржуазными. Они успели этот кризис, который висел над ними непосредственно, оттянуть и отсрочить, но в основе они подорвали свое положение так, что при всех своих гигантских военных силах должны были признаться через три года в том, что они не в состоянии раздавить почти не имеющую никаких военных сил Советскую республику. Таким образом, вышло, что в основе во всем подтвердилась наша политика и наше предсказание, и союзниками нашими оказались действительно угнетенные массы в любом капиталистическом государстве, ибо эти массы сорвали войну. Мы оказались в таком положении, что, не приобретя международной победы, единственной и прочной победы для нас, мы отвоевали себе условия, при которых можем существовать рядом с капиталистическими державами, вынужденными теперь вступить в торговые отношения с нами. В процессе этой борьбы мы отвоевали себе право на самостоятельное существование.

Таким образом, бросая взгляд в целом на наше международное положение, мы видим, что мы достигли громадных успехов, что мы имеем не только передышку, а нечто гораздо более серьезное. Передышкой у нас принято называть краткий промежуток времени, в течение которого для империалистских держав много раз имелась возможность возобновить более сильную попытку войны с нами. Мы сейчас также не позволяем себе увлекаться

и отрицать возможность военного вмешательства в наши дела капиталистических стран в будущем. Поддерживать нашу боевую готовность нам необходимо. Но если мы взглянем на те условия, при которых мы разбили все попытки русской контрреволюции и добились формального заключения мира со всеми государствами Запада, то станет ясно, что мы имеем не только передышку, — мы имеем новую полосу, когда наше основное международное существование в сети капиталистических государств отвоевано. Внутренние условия не позволили ни одному сильному капиталистическому государству бросить на Россию свои армии; в этом сказалось то, что внутри этих стран революция созрела и не дает им возможности победить нас с той поспешностью, с которой они могли бы это сделать. В продолжение трех лет на территории России были армии английская, французская, японская. Нет сомнения, что самого ничтожного напряжения сил этих трех держав было бы вполне достаточно, чтобы в несколько месяцев, если не несколько недель, одержать победу над нами. Если нам удалось удержать это нападение, то лишь разложением во французских войсках, начавшимся брожением у англичан и японцев. Вот этой разницей империалистских интересов мы пользовались все время. Если мы победили интервенцию, то только потому, что их собственные интересы их раскалывали, а нас сплачивали и укрепляли. Мы этим обеспечили передышку и невозможность полной победы германского империализма в эпоху Брестского мира.

Теперь, за последнее время эта рознь еще более усилилась, в особенности в связи с проектом заключения договора о концессии с группой американских капиталистических акул, из самых свирепых, возглавляемых миллиардером, рассчитывающим собрать целую группу миллиардеров. Мы знаем, что теперь нет почти ни одного сообщения с Дальнего Востока, которое не свидетельствовало бы, что в Японии царит чрезвычайное озлобление в связи с заключением этого договора, хотя этого договора еще нет, а есть только проект его. Но японское общественное мнение уже закипело, и сегодня я читал сообщение, которое говорит, что Япония обвиняет Советскую Россию в том, что она хочет натравить Японию на Америку.

Мы правильно учли эту напряженность империалистского соревнования и сказали себе, что мы должны систематически использовать разнь между ними, чтобы затруднить борьбу против нас. Политический разлад есть уже налицо в отношениях между Англией и Францией. Теперь нам приходится говорить уже не только об одной передышке, а о серьезных шансах для нового строительства на более долгое время. На самом деле мы до сих пор еще не имели никакой базы в международном отношении. Теперь мы эту базу имеем, и причиной ее является отношение мелких держав, которые находятся в полной зависимости от крупных держав и в военном и в экономическом отношениях. Теперь оказывается, что Польша, вопреки давлению Франции, заключила с нами мир. Ненависть к Советской власти со стороны польских капиталистов очень сильна; они с неслыханной свирепостью подавляют самые простые забастовки. Желание войны с Советской Россией у них самое сильное, но, тем не менее, они все-таки предпочитают мир с нами исполнению условий Антанты. Мы видим, что империалистские державы господствуют над всем миром, но что в то же время они представляют собой ничтожную часть населения земли. И тот факт, что явилась страна, которая в течение трех лет сопротивляется всемирному империализму, значительно изменил международное положение во всем мире, и поэтому все мелкие державы, а они составляют большинство населения земли, тяготеют за мир с нами.

Громаднейший фактор, позволяющий нам существовать при этом сложном и совершенно исключительном положении, это тот фактор, что социалистическая страна вступает в торговые сношения со странами капиталистическими.

Мне случилось видеть, как один социал-шовинист американский, приближающийся к нашим правым эсерам и меньшевикам, один из деятелей II Интернационала, член Американской социалистической партии Спарго, нечто вроде американского Алексинского, который пишет целую кучу книг против большевиков, как он ставил нам в вину и в доказательство полного краха коммунизма то, что мы говорим о сделках с капиталистическими державами. Он писал лучшего доказательства полного краха коммунизма и провала его программы я не могу себе представить. Мне кажется, те, кто подумают над делом, ска-

жут обратное. Лучшего доказательства и материальной и моральной победы Российской Советской республики над капиталистами всего мира нельзя и подыскать, как то, что державы, ополчившиеся на нас войной, и за наш террор и за весь наш строй, вынуждены, вопреки желанию, вступить на путь торговых сношений, зная, что этим они укрепляют нас. Выставить это, как доказательство краха коммунизма, можно было бы, если бы мы обещали или мечтали силами одной России переделать весь мир. Но до такого сумасшествия мы никогда не доходили, а всегда говорили, что наша революция победит, когда ее поддержат рабочие всех стран. Вышло так, что они поддержали наполовину, ибо ослабили руку, поднимающуюся против нас, но все же и этим они оказали нам помощь.

Я не буду больше останавливаться на этом вопросе, только замечу, что на Кавказе сейчас сплетаются очень сложные условия, разобраться в которых в высшей степени нелегко, причем война может быть нам навязана даже со дня на день. Но эта война, при условии почти обеспеченного мира с Польшей и при полной ликвидации Врангеля, не может быть очень страшна, а если бы ее нам навязали, то она нам обещает еще большее усиление и укрепление нашего положения, чем прежде. Газетные сообщения о том, что делается в Армении, в Турции, дают вам некоторое представление об этом. Создается положение чрезвычайно запутанное, но я совершенно уверен, что из него мы выйдем, либо сохранив мир на основе теперешней и, конечно, очень для нас в некоторых отношениях выгодной, на основе, нас удовлетворяющей, дающей возможность хозяйственного существования. И к этому мы прилагаем все усилия. Но возможно, что обстоятельства прямо навяжут войну или косвенно подведут к ней. Мы можем смотреть на это совершенно спокойно — это будет война на далекой окраине, с полным перевесом сил на нашей стороне, обеспечивающим, вероятно, даже больший выигрыш, чем тот, который получился от польской войны. Польская война была войной на два фронта, с угрозой Врангеля, войной, которую нельзя было назвать крайней, потому что линия Пилсудского проходила не в очень далеком расстоянии от Москвы. На этом я заканчиваю обзор международного положения.

Теперь я перейду к положению внутреннему. В связи с крахом целого ряда попыток военного вмешательства, экономическое положение у нас улучшилось в очень значительных размерах. Основой того отчаянного положения, в котором мы были прежде, было то, что от нас, от центральной России, промышленной России, пролетарской России, Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска, отрезаны были все наиболее хлебные районы — Сибирь, юг, юго-восток, отрезан был один из главных источников топлива — Донецкий бассейн, отрезаны были источники нефти, и представлялось совершенно невероятным, чтобы в таком положении республика могла фактически продержаться. Вы знаете, какие отчаянные бедствия и какие громадные лишения, нужда в хлебе и голод обрушились на нас в связи с этой отрезанностью наиболее хлебных и наиболее важных экономических районов. И основой улучшения, которое сейчас наблюдается, в значительной степени является присоединение этих районов. Продовольственные заготовки дают нам теперь, благодаря возможности привлечь Сибирь, Кавказ и благодаря развивающемуся изменению в социальном отношении Украины в нашу пользу, то, что в ближайшую, предстоящую продовольственную кампанию мы не только выйдем уже без прямой дыры в мешке, как это было в текущем году, но с достаточным обеспечением всех промышленных рабочих в продовольственном отношении. Это — первая кампания, когда мы можем рассчитывать, благодаря несомненно наступающему улучшению в транспорте, что в руках государства будет такой продовольственный фонд, от 250 до 300 миллионов пудов хлеба, при котором о социалистическом строительстве мы будем не только говорить и ничтожное дело делать, как теперь, но действительно оперировать с настоящими трудовыми армиями, будем иметь возможность сотни тысяч промышленных рабочих или рабочих, исполняющих продовольственную работу для промышленности, действительно ставить на неотложную, насущную работу и улучшать эту работу подобно тому, как улучшение положения с топливом, которое мы получили, дало возможность восстановить мануфактурную промышленность. Иваново-Вознесенская губерния стала пускать свои фабрики в ход. Вначале работало не более $\frac{1}{4}$ миллиона веретен, в настоящее время работает

уже полмиллиона, до 600 000, к концу года мы рассчитываем развернуть до миллиона, а в будущем году думаем довести до 4 миллионов веретен. Из того состояния, когда мы с величайшим трудом вывертывались, расходуя старые запасы, мы только теперь начинаем переходить в условия, когда Россия берется за восстановление разрушенного производства и получит возможность, взяв с деревни хлеб, давать крестьянину соль, керосин и, хотя бы в небольших размерах, мануфактуру. Без этого о социалистическом строительстве не может быть и речи.

Если в международном отношении мы приобрели базу, покончив с целым рядом военных нашествий и вырвав мирные договоры с целым рядом государств, то в экономическом отношении мы только теперь получаем возможность иметь хлеб для нужд рабочих, занятых в промышленности, хлеб для промышленности, т. е. топливо, в таких размерах, чтобы начать социалистическое строительство. И тут наша главная задача, в этом самый гвоздь вопроса, тут переход, который мы несколько раз пытались сделать. Я помню, что в апреле 1918 года я перед собранием ВЦИК говорил о том, что военные задачи наши как будто кончаются, что мы Россию не только убедили, не только отвоевали ее от эксплуататоров для трудящихся, но мы теперь должны перейти к задачам, чтобы Россией управлять для хозяйственного строительства⁸⁵. Передышка, которую мы тогда имели, оказалась самой ничтожной. Война, которую нам навязали, начиная с чехословацкого восстания летом 1918 года, оказалась крайне свирепой. Но эту попытку мы делали несколько раз: и весной 1918 г. и, в более широком масштабе, весной нынешнего года, когда вопрос о трудовых армиях был практически поставлен. Теперь мы должны этот переход еще раз поставить во главу угла и напрячь все силы, чтобы его осуществить. Здесь в высшей степени важная задача всего социалистического переворота, взятого с международной точки зрения, с точки зрения победы над капитализмом вообще. Чтобы победить капитализм вообще, надо, во-первых, победить эксплуататоров и отстоять власть эксплуатируемых — задача свержения эксплуататоров революционными силами; во-вторых, задача созидательная — построить новые экономические отношения, показать пример того, как это делается. Эти две стороны задачи

осуществления социалистического переворота связаны неразрывно и отличают нашу революцию от всех предыдущих, в которых довольно было стороны разрушительной.

Если же мы второй задачи не решим, то никакие успехи, никакие победы в деле свержения эксплуататоров, в деле военного отпора международным империалистам ничего не дадут, и возврат к старому останется неизбежным. На этот счет в смысле теоретическом не может быть двух мнений. Переход здесь чрезвычайно резкий и трудный, требующий иных приемов, иного распределения и использования сил, иного устремления внимания, психологии и т. д. Вместо методов революционного свержения эксплуататоров и отпора насильникам, мы должны применить методы организаторства, строительства, мы должны проявить себя, отстоять себя перед всем миром не только, как сила, способная сопротивляться военному удушению, а как сила, способная показать пример. Всегда, во всех сочинениях крупнейших социалистических писателей, можно было найти указание на эти две стороны задачи социалистической революции, которые, как две стороны задачи, относятся и к внешнему миру, к тем государствам, которые остались в руках капиталистов, так и к непролетарским массам своей собственной страны. Мы убедили крестьянство, что пролетариат дает ему условия существования лучше, чем давала буржуазия, убедили на практике. Когда крестьянство, хотя и недовольное большевистским режимом, тем не менее сравнило его на практике с учредилковскими, колчаковскими и другими порядками, то пришло к выводу, что большевики обеспечили ему существование лучше и в военном отношении защитили его от насилия империалистов всего мира. А, между тем, половина крестьянства жила под условиями буржуазии по-буржуазному, иначе и не могла жить. Пролетариат теперь должен разрешить вторую задачу, показать крестьянину, что он может дать ему образец и практику таких экономических отношений, которые окажутся выше тех, где каждая крестьянская семья хозяйничает по-своему. До сих пор крестьянство только в этот старый порядок и верит, до сих пор его считает нормальным. Это не подлежит сомнению. Чтобы оно от нашей пропаганды переменило свое отношение к жизненным вопросам, к эконо-

мике, это — чистейшие пустяки. Оно в положении выжидательном, оно сделалось из нейтрально-враждебного нам нейтрально-сочувствующим нам. Оно предпочитает нас всякому другому правительству, видя, что рабочее, пролетарское государство, пролетарская диктатура; не есть грубое насилие, узурпация, как изображали, а есть лучший защитник крестьянства, чем колчаковцы, денкины и т. д.

Но этого мало, мы не сделали того главного, что нужно сделать — показать, что пролетариат восстановит крупное производство и общественное хозяйство так, чтобы перевести крестьянство на высший экономический строй. Мы должны, доказавши, что революционной организацией мы в состоянии дать отпор насилию по отношению к эксплуатируемым, то же самое доказать в другой области, создавши такой пример, который бы не убеждал словами, а показывал на деле всей громадной массе крестьян и мелкобуржуазным элементам, и остальным странам, что коммунистический строй, уклад, может быть создан пролетариатом, победившим в войне. Эта задача имеет всемирное значение. Для того, чтобы нам одержать вторую половину победы в международном смысле, нужно разрешить вторую половину задачи — в деле хозяйственного строительства. Об этом мы говорили на последней партийной конференции, так что мне кажется, что здесь детально останавливаться на отдельных сторонах нет надобности и возможности, эта задача охватывает все в деле хозяйственного строительства. Я кратко указал условия обеспечения хлебом рабочих, занятых в промышленности, и обеспечения промышленности топливом. Такие условия являются фундаментом, обеспечивающим возможность дальнейшей постройки. Я должен добавить, что на предстоящем съезде Советов, как вы видели из порядка дня, опубликованного в газетах, этот вопрос о хозяйственном строительстве должен явиться центральным вопросом. Весь порядок дня приспособлен к тому, чтобы все внимание и заботы всех съехавшихся делегатов, всей массы советских и партийных работников во всей республике сосредоточить на хозяйственной стороне, на восстановлении транспорта, промышленности, на том, что названо осторожно «помощью крестьянскому хозяйству», но что означает гораздо больше — целую систему,

обдуманый ряд мер для того, чтобы крестьянское хозяйство, которое будет существовать еще довольно долго, поднять на должную высоту.

В связи с этим на съезде Советов поставлен доклад по электрификации России для того, чтобы единый хозяйственный план восстановления народного хозяйства, о котором мы говорили, установить со стороны техники. Если не перевести Россию на иную технику, более высокую, чем прежде, не может быть речи о восстановлении народного хозяйства и о коммунизме. Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны, ибо без электрификации поднять промышленность невозможно. Эта задача длительная, не менее, как на 10 лет, при условии привлечения к этой работе массы техников, которые дадут съезду Советов целый ряд печатных документов, где разрабатывается детально этот план⁸⁶. Меньше, чем через 10 лет, мы не можем осуществить основы этого плана, создать 30 крупнейших районов электрических станций, которые дали бы возможность перевести всю промышленность на современные основания. Понятно, что без этой перестройки всей промышленности, с точки зрения условий крупного машинного производства, социалистическое строительство останется только суммой декретов, останется политической связью рабочего класса с крестьянством, останется спасением крестьянства от колчаковщины, деникинщины, останется примером для всех держав мира, но не будет иметь своей основы. Коммунизм предполагает Советскую власть, как политический орган, дающий возможность массе угнетенных вершить все дела, — без этого коммунизм невыносим. И во всем мире мы видим доказательство этого, потому что идея Советской власти, ее программа во всем мире одерживает безусловную победу. Это мы видим из каждого эпизода борьбы против II Интернационала, который держится помощью полиции, попов и старых буржуазных чиновников рабочего движения.

Этим обеспечена политическая сторона, но экономическая может быть обеспечена только тогда, когда действительно в русском пролетарском государстве будут сосредоточены все нити крупной промышленной машины, построенной на основах современной техники, а это значит — электрификация, а для этого нужно понимать

основные условия применения электричества и соответственно понимать и промышленность и земледелие. Задача громадная, срок для ее осуществления требуется гораздо более значительный, чем тот, в течение которого мы отстояли свое существование против военного нашествия. Но мы этого срока не боимся, мы считаем завоеванием то, что мы привлекли десятки и сотни инженеров и представителей науки, пропитанных буржуазными взглядами, дали им задание реорганизации всего хозяйства, промышленности и земледелия, вызвали в них интерес и получили множество материала, который сводится в целый ряд брошюр. Каждый район по электрификации освещен отдельной брошюрой. План электрификации Северного района готов, интересующиеся его могут получить. К съезду Советов будут изданы брошюры, посвященные каждому району и дающие весь план реорганизации. Задача в том, чтобы со всех концов, в каждой партийной ячейке, в каждом советском учреждении по этому единому плану, рассчитанному на долгий ряд лет, систематически велась работа, чтобы в недалеком будущем мы могли представить конкретно, насколько и как мы двигаемся вперед, не впадая ни в какой самообман и не скрывая трудностей, которые стоят перед нами. Эта задача единого хозяйственного плана, его осуществление во что бы то ни стало становится перед всей республикой. Коммунистической партией, в связи с этой задачей, должна быть поставлена вся агитация, вся пропаганда и партийная работа. Об этом не раз говорено теоретически, никто против этого не спорит, но сделана из этого едва ли сотая доля того, что сделать надо.

Естественное дело, мы привыкли к периоду политической войны, мы все закалялись в политически-военной борьбе, и потому сейчас то, что сделано теперешней Советской властью, это только подход к задаче, которая требует сейчас перевести поезд на другие рельсы, а этот поезд должен тащить десятки миллионов людей. Переход такой штучки на другие рельсы, когда местами и рельс нет, требует напряженного внимания, знания и очень много настойчивости. Ввиду того, что культурный уровень крестьян и рабочей массы не соответствовал задаче, и в то же время мы, чуть ли не на 99%, привыкли к военно-политическим задачам, у нас получилось возрождение

бюрократизма. Это всеми признано. Задача Советской власти в том, чтобы старый аппарат уничтожить целиком, как он был уничтожен в Октябре, и передать власть Советам, но мы уже в своей программе признаем, что у нас получилось возрождение бюрократизма, что экономических основ для действительного социалистического общества еще нет. Культурных условий, грамотности, вообще более высокой культуры в массе рабочих и крестьян нет. Это получилось потому, что военные задачи отвлекали все лучшее из пролетариата. Пролетариат гигантские жертвы принес для военных задач, на которые пришлось отдать десятки миллионов крестьян, и надо было привлекать к работе пропитанные буржуазными взглядами элементы, так как других никаких нет. Поэтому мы и должны были сказать в программе, в таком документе, как программа партии, что бюрократизм возродился и нужна систематическая борьба против него. Понятное дело, что возродившийся в советских учреждениях бюрократизм не мог не оказать тлетворного влияния и среди партийных организаций, так как верхушки партии являются верхушками советского аппарата: это одно и то же. Значит, если мы сознали зло — старый бюрократизм, который мог проявиться в партийном аппарате, — очевидно и естественно, что в партийных организациях и установлены все признаки этого зла. И если это так, то этот вопрос поставлен в порядок дня съезда Советов и занял большое внимание настоящей конференции, и законным образом занял потому, что партийная болезнь, признание которой выражено в резолюциях общепартийной конференции⁸⁷, есть не только в Москве, но она распространяется и на всю республику. Это связано с необходимостью вести военно-политическую работу, когда мы должны были увлечь крестьянские массы и когда мы не могли усилить требовательность в смысле более широкого плана, связанного с развитием уровня крестьянской экономики, уровня крестьянских масс.

Вы мне позволите в заключение сказать несколько слов о том положении внутри партии, о той борьбе, о том проявлении оппозиции, с которым прекрасно знакомы присутствующие и которое на Московской городской и губернской конференции отняло много сил и внимания, может быть, гораздо больше, чем было бы нам всем желательно.

Естественное дело, что громадный переход, сделанный сейчас при истощении сил, которые были взяты республикой у пролетариата и партии за три года борьбы, поставил нас в трудное положение перед задачей, которую точно учесть не под силу. Мы должны сознаться, что точного размера зла мы не знаем, что соотношений и точных группировок мы не можем определить. Главное значение партийной конференции в том, чтобы вопрос поставить, чтобы существующее зло не скрывать, обратить на него внимание партии и призвать всех членов партии к работе над тем, как от этого зла избавиться. Естественное дело, и с точки зрения Центрального Комитета, и, я думаю, с точки зрения громадного большинства партийных товарищей, не может подлежать сомнению (насколько я знаю взгляды, от которых никто не отказывается), что, в связи с кризисом в партии, в оппозиции, существующей не только в Москве, но и во всей России, проявляется очень много совершенно здорового, необходимого и неизбежного в моменты естественного роста партии и перехода от такого положения, когда все внимание было обращено на задачи политические и военные, к положению строительства и организации, когда мы должны охватить десятки бюрократических учреждений и когда культурный уровень большинства пролетариата и крестьян не соответствует задаче. Ведь, Рабоче-крестьянская инспекция существует больше, как пожелание, ее нельзя было пустить в ход потому, что лучшие рабочие были взяты на фронт, и потому, что культурный уровень крестьянских масс не мог выдвинуть работников в значительном масштабе.

Естественное дело, что оппозиция, которая ставит своим лозунгом переход наиболее быстрый, привлечение наибольшего количества свежих и молодых сил, привлечение рабочих на местах на более ответственные должности, имеет за собой чрезвычайно здоровые стремления, тенденцию и программу. Ни в ЦК, ни в кругах сколько-нибудь ответственных товарищей, насколько можно было судить по тому, как они высказывались, на этот счет нет двух мнений. Но нет также сомнения и в том, что наряду с этим здоровым, которое все объединяется на платформе осуществления решений конференции, есть и другие начала. На всех совещаниях, также и на

предварительных, которые имели состав более обычного числа настоящей конференции, вы не могли услышать двух мнений по этому вопросу. Общая программа наша должна быть осуществлена, — в этом нет сомнения, и предстоит теперь трудная работа. Конечно, здесь уже нельзя по существу дела ограничиться свержением этого противника и отпором этого противника. Ведь, тут перед нами та мелкобуржуазная стихия, которая в числе десятков миллионов нас окружает; нас меньше, нас очень мало по сравнению с этой мелкобуржуазной массой. Мы должны воспитывать эту массу, готовить ее, а, между тем, все подготовляющие, организованные силы мы должны были бросить на другое дело, очень интересное, тяжелое и очень рискованное, на дело, связанное с большими жертвами, на дело войны. Таков уже порядок этого военного дела, и от него избавиться нельзя.

И вот, в связи с этим положением, мы должны дать себе отчет в том — имеем ли мы здесь полное оздоровление партии, полную победу над бюрократизмом для постановки хозяйственного строительства на начале более правильном, для осуществления Рабоче-крестьянской инспекции не в декретном только смысле, но действительным притягиванием рабочих масс? Это дело трудное, и главная задача наша должна быть, если говорить о партийных задачах, в том, что мы должны добиться наиболее быстрой ликвидации так называемой линии оппозиции. Если говорить о различных взглядах, различном понимании происходящего, различных программах, хотя бы даже дальнейшей деятельности, то ЦК должен отнестись к этому вопросу с наибольшим вниманием на всех совещаниях Политбюро и на пленумах, где существуют взгляды с различными оттенками. Задачу эту обеспечит дружная работа среди всей партии. Мы считаем это чрезвычайно важным. Перед нами сейчас стоит хозяйственная работа, более трудная, чем военная, которую мы проделали энтузиазмом крестьян, потому что, несомненно, крестьяне предпочитали рабочее государство колчаковскому. Совсем не то теперь, когда нужно крестьянские массы перевести к строительству, для них совершенно чуждому, которое они не понимают и которому не могут верить. Эта задача требует большей систематичности, большего упорства, больших организаторских способностей, а по

части организаторских способностей российский человек, пожалуй, самый плохой человек. Это — самая наша слабая сторона; поэтому, если что-нибудь мешает этой работе, нам надо постараться поскорей это убрать. Оппозиция, представляющая собой переход, несомненно, несет в себе нечто здоровое, но когда она превращается в оппозицию для оппозиции, тогда нужно этому положить безусловно конец. Мы много потеряли времени на перепалки, перебранки и на склоки и должны сказать себе: «довольно!» и постараться на тех или иных условиях сделать работу здоровой. Сделать такие-то и такие-то уступки, лучше большие, чем меньшие, тем, кто недоволен, кто называет себя оппозицией, но добиться того, чтобы работа была дружной, ибо без этого существовать в таких условиях, когда мы окружены внешними и внутренними врагами, невозможно.

Несомненно, старой, мелкобуржуазной стихии, мелких хозяйчиков гораздо больше, чем нас. Они сильнее, чем социалистическое хозяйственное производство, объединенное на потребностях рабочих. Всякий, кто соприкасался с деревней и видел спекуляцию в городе, прекрасно понимает, что это общество, основанное на мелком хозяйственном строительстве, больше нас, поэтому тут нужна абсолютно дружная работа, и мы должны ее добиться во что бы то ни стало. Когда мне приходилось наблюдать споры и борьбу в московских организациях, приходилось наблюдать как много прений происходило на собраниях, как много было взаимных перепалок, перестрелок, то я пришел к заключению, что пора это кончить и объединиться всем на платформе конференции. Нужно сказать, что к этому мы пришли дорогой ценой. Печально было видеть, например, как на партийных собраниях часы уходили на перебранки по такому вопросу — пришел ли такой-то во-время на собрание, выявило ли себя такое лицо так-то и так-то. Разве для этого собираются на собрания? Для этого существует известная комиссия, обсуждающая, выявило ли себя лицо, представленное по списку, тем или другим образом. Но тут идет вопрос о содержании собрания. Например, возьмите такого опытного партийного товарища, как Бубнов. Я слышал его речь о платформе, выдвинутой конференцией. Эта платформа сводится к большей свободе критики. Но ведь конференции

была в сентябре, а теперь ноябрь. Свобода критики — прекрасная вещь, но после того, как мы все под ней подписались, не грех заняться вопросом и о содержании критики. Свободой критики нас долгое время пугали меньшевики, эсеры и прочие люди, но мы этого не испугались. Если свобода критики означает свободу защиты капитализма, то мы ее раздавим. Мы ушли вперед. Свобода критики провозглашена, но нужно подумать о содержании критики.

И тут приходится признать нечто печальное, что содержание критики не видать. Приходишь в район и думаешь — какое же содержание критики. Нельзя же при помощи партийных организаций победить старыми бюрократическими приемами безграмотность. Каким же иным способом можно прекратить бюрократизм, как не привлечением рабочих и крестьян? И на районных собраниях содержание критики касается мелочей, а о Рабоче-крестьянской инспекции я не слышал ни слова, ни звука. Я не слышал, чтобы тот или другой район привлекал к этому делу рабочих или крестьян. Работа настоящего строительства — это есть применение критики и ее содержание. А в Москве каждое хозяйство небольшого дома, каждая крупная фабрика, каждый завод должны иметь свой опыт. Если мы хотим бороться с бюрократизмом, то мы должны привлечь к этому низы. Мы должны знать, какой опыт был на такой-то фабрике или заводе, что ими сделано было, чтобы прогнать таких-то бюрократов, какой опыт был у квартального хозяйства, у потребительного общества. Нужна наибольшая быстрота обращения всего хозяйственного механизма, а, между тем, об этом не слышишь ни звука, а перебранок и склок сколько угодно. Конечно, такой гигантский переворот не мог обойтись без этого сора, без этой, не всегда отличающейся чистотой, пены. Нам пора поставить вопрос не только о свободе критики, но и о ее содержании. Пора сказать, что, учитывая наш опыт, мы должны сделать целый ряд уступок, мы должны сказать себе, что в дальнейшем мы не допустим больше ни малейшего уклонения в сторону склок. Нам нужно поставить на нашем прошлом крест и приняться за настоящее хозяйственное строительство, за переделку всей партийной работы, чтобы она руководила советским хозяйственным строительством и практическими

успехами, пропагандировала бы больше делом, чем словами. Ведь, теперь ни рабочего, ни крестьянина словами вы не убедите, убедить его можно только примером. Их нужно убедить в том, что они смогут улучшить свое хозяйство без капиталистов, что для устранения конфликтов им не нужно ни полицейской палки, ни капиталистического голода, а нужно руководство партийных людей. Вот, на эту точку зрения мы должны стать, и тогда в дальнейшем хозяйственном строительстве мы достигнем успеха, который в международном отношении доведет нашу победу уже до полного конца.

*Напечатано в 1920 г. в брошюре:
«Очередные вопросы текущей работы
партии». Изд. МК РКП(б)*

Печатается по тексту брошюры

РЕЧЬ НА МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РКП(б) ПО ВЫБОРАМ В МК 21 НОЯБРЯ 1920 г.

Товарищи, мне приходилось очень много, может быть слишком много, участвовать на выборах: и в партийных выборах после борьбы различных групп и течений, и даже фракций; и при самых ожесточенных формах борьбы, обставленных взаимным контролем до того, что ни на одной партийной ячейке ни одно голосование не считалось законным, если не присутствовали с записочками представители обеих фракций и не считали собранных голосов, — но никогда не осуществляли принципа пропорциональности при выборе руководящих органов — ПК или МК или ЦК. Когда на выборах борются две группы, два течения или фракции, то для того, чтобы собрать партийную конференцию, как решающий орган, или партийный съезд, пропорциональное представительство необходимо. Но пропорциональное представительство для того, чтобы создать орган исполнительный, ведущий практическую работу, никогда не применяли и едва ли это может быть признано правильным. Мне кажется, что предыдущий оратор в этом отношении уже сам отступил от принципа пропорциональности, когда вместе с Игнатовым заявлял, что достоинство предложенного ими списка состоит в проведении одиннадцати, как он сказал. Я не имею возможности проверить одиннадцать из 38, я думаю, что уступка должна была быть более, чем желало бы непосредственное большинство собрания или та группа, которая считала себя сторонниками МК. Мотивы этого взгляда я уже развивал, но главным должно быть то, чтобы обеспечить теперь подбор лиц. Мне большинство стоящих в списках товарищей неизвестно, но вам, имеющим решающие голоса

на этой конференции, конечно, известны все товарищи, и я думаю, что вы несомненно будете руководиться тем, чтобы подбором лично известных вам товарищей создать группу, которая способна была бы вести дружную работу, в которой бы каждое что-либо здоровое, заключающее в себе партийное течение, как оформившееся, так и не оформившееся или оставшееся еще в некоторых отношениях неопределенным, нашло свое выражение, но чтобы в целом это была группа, руководящая практической политикой, не представляющая пропорционально оттенков данного собрания, а ведущая боевую работу — борьбу против наших врагов внутренних и внешних в духе решения конференции, с таким расчетом, чтобы места неладам не осталось и неувязки не было. Вот почему решающим соображением должно быть знание вами, членами конференции, лично каждого кандидата и предпочтение группы, относительно которой есть речательство за дружную работу, а не тот принцип пропорциональности при выборах исполнительного органа, который никогда не применялся и едва ли правильно было бы применять и теперь.

Печатается впервые, по стенограмме

РЕЧЬ
НА КОНФЕРЕНЦИИ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ
КОМИТЕТОВ МОСКОВСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ПОЛИГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА
25 НОЯБРЯ 1920 г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

(С обширным докладом выступил товарищ Ленин, встреченный шумной овацней всей аудиторией.) Тов. Ленин указал на причины, помешавшие мировому империализму осуществить свое стремление — задуть пролетарскую республику, причины, которые, главным образом, кроются в разложении капиталистического строя и росте революционного движения среди рабочих всех стран. Язык нашей Красной Армии является самым убедительным и понятным языком для хищников и грабителей, и они вынуждены с нами заговаривать о торговле. Но победа Красной Армии не будет полной и прочной, если мы не справимся с следующей, более трудной, более гигантской задачей — поднятия промышленности и улучшения народного хозяйства.

Ленин коснулся вопроса об электрификации, без которой немисливо возрождение страны. Остановившись на вопросе о привлечении иностранного капитала, о концессиях, докладчик перешел к роли полиграфического производства в общем народном хозяйстве и закончил уверенностью, что рабочие и крестьяне России покажут блестящий пример победы на мирном фронте, как показали уже неоднократно на военных фронтах. (Долго не смолкаемые аплодисменты.)

«Правда» № 269, 30 ноября 1920 г.

Печатается по тексту
газеты «Правда»

РЕЧЬ НА СОБРАНИИ СЕКРЕТАРЕЙ ЯЧЕЕК МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РКП(б)

26 НОЯБРЯ 1920 г.

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

В первой записке товарищ спрашивает, правда ли, что все учреждения переезжают в Питер. Это неправильно. Слух этот возник из того, что в Московском Совете возникла мысль о переводе не необходимых учреждений из Москвы в Питер в связи с жилищным кризисом. Выяснилось, что Питер может принять до 10 000 советских служащих, которых в Москве 200 000. Для всестороннего выяснения этого вопроса создана комиссия, которая работает, и ее решения пройдут через большой Совнаком. Итак, вы видите, что слух в некоторых отношениях неточен.

Во второй и третьей записке говорится о концессиях. На этом позволите остановиться.

Американский социалист Спарго, нечто вроде нашего Алексинского, яростно ненавидящий большевиков, в одной своей книге говорит о концессиях, как о доказательстве краха коммунизма. То же говорят и наши меньшевики. Вызов брошен и мы готовы его принять. Рассмотрим вопрос с деловой точки зрения. Кто потерпел крах — мы или европейская буржуазия? Она три года на нас клеветала, считала узурпаторами и бандитами, старалась победить нас всеми способами и теперь вынуждена признать, что не поборола, и это для нас уже победа. Меньшевики говорят, будто мы одни брались победить мировую буржуазию. Но мы всегда говорили, что мы только одно звено в цепи мировой революции и никогда не ставили себе задачи победить одними своими силами. Мировая революция еще не настала, но и нас еще не победили. Милитаризм разлагается, а мы крепнем, и крах потерпели они, а не мы.

Теперь они хотят нас подчинить на почве договора. Пока революция не настала, буржуазный капитал нам выгоден. Когда мы в положении страны наиболее хозяйственно слабой, как можно ускорить развитие хозяйства? При помощи буржуазного капитала. Сейчас мы имеем два проекта концессии. Один проект договора о концессии на Камчатке на 10 лет. Здесь находился американский миллиардер, который очень откровенно говорил о мотивах договора, а именно, что Америка хочет иметь в Азии базу на случай войны с Японией. Этот миллиардер говорил, что если мы продадим Америке Камчатку, то он обещает нам такой энтузиазм населения Соединенных Штатов, что американское правительство сразу признает Советскую власть в России; если же мы сдадим только в аренду, то энтузиазм будет меньше. Теперь он едет в Америку сообщить, что Советская Россия совсем не то, что о ней думали.

Мы до сих пор побеждали мировую буржуазию потому, что она не умеет объединиться. И Брестский и Версальский договоры разъединяли их. Теперь растет бешеная вражда между Америкой и Японией. Мы используем это и предлагаем в аренду Камчатку вместо того, чтобы отдать ее даром: ведь взяла же у нас Япония путем военного захвата огромный кусок земли на Дальнем Востоке. И нам гораздо выгоднее не рпсковать, отдать Камчатку в аренду и получать оттуда часть продуктов, тем более, что фактически мы ею все равно не распоряжаемся и использовать не можем. Договор еще не подписан, а в Японии уже с бешеной злобой говорят об этом. Этим договором мы еще более углубили разногласия между нашими врагами.

Второй тип концессии — мы сдаем несколько миллионов десятин леса в Архангельской губернии, который при всех наших усилиях использовать не можем. Устанавливается шахматный порядок, так что рядом с арендными участками будут наши, которые мы можем разработать, наши рабочие могут учиться у них технике. Все это нам очень выгодно.

Теперь последняя сторона вопроса.

Концессии — это не мир, это тоже война, только в другой форме, более нам выгодной. Прежде война велась при помощи танков, пушек и т. п., которые мешали нам работать, теперь война пойдет на фронте хозяйственном.

Быть может, они будут стараться восстановить свободу торговли, но им не обойтись без нас. Затем они обязаны подчиняться всем нашим законам, наши рабочие могут у них учиться, а в случае войны — а к войне с буржуазией мы должны быть готовы всегда — все имущество остается нам по праву войны. Повторяю, концессии — это продолжение войны в хозяйственной плоскости, но здесь мы уже не разрушаем, а развиваем наши производительные силы. Несомненно, они будут пытаться обмануть нас и обойти наши законы, но у нас на это есть соответствующие учреждения: ВЧК, МЧК, Губчека и т. д., и мы уверены, что одержим победу.

Полтора года назад мы хотели подписать мир, по которому огромная часть земли оставалась Деникину и Колчаку. Они отказались от этого и потеряли все. Мы правильно наметили путь к международной революции, но путь этот не прямой, он идет зигзагами. Мы обессилили буржуазию, и военной силой она нас не возьмет. Прежде они запрещали нам вести коммунистическую пропаганду; теперь же это сошло на нет, требовать это смешно. У них идет разложение изнутри, и это укрепляет нас. Мы не воображаем одной военной силой победить мировую буржуазию, и меньшевики напрасно это нам приписывают.

Я не слышал здесь доклада тов. Каменева о конференции, но скажу, что она нам дает один урок: как бы ни прошла борьба, какие бы ни были воспоминания, надо полностью все кончить; надо помнить, что в сплочении сил самая главная и важная задача. Предстоит переход к задачам хозяйственного строительства. Он труден после шестилетней войны и надо идти сплоченно, на платформе резолюций Всероссийской конференции, которые необходимо провести на деле. Борьба с бюрократизмом, хозяйственная и административная работа требуют сплоченности. От нас ждут пропаганды примером: беспартийной массе надо показать пример. Осуществление резолюций трудно, и на этом надо сосредоточить силы и перейти к деловой работе, к чему я вас и призываю.

ДОКЛАД НА ОБЩЕМ СОБРАНИИ КОММУНИСТОВ ЗАМОСКВОРЕЧЬЯ

29 НОЯБРЯ 1920 г.⁸⁹

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Тов. Ленин довольно подробно остановился на вопросе о борьбе с бюрократизмом, который наша, так называемая, «оппозиция» выдвигает чуть ли не как принципиальный в своих разногласиях с большинством губернской конференции. Признав здоровым в «оппозиции» самый факт постановки на очередь данного вопроса, Ленин вместе с тем обрушился на оппозицию за легкомысленный подход к нему. Указав на причины возрождения бюрократизма в нашем Советском государстве и на корни, его питающие в настоящее время, Ленин весьма энергично предостерегал товарищей от мысли, что с этим злом можно бороться путем бумажных резолюций, путем голой критики без содержания. Ведь, и меньшевики и эсеры, желающие на этом вопросе капитал нажить, упрекают нас в том, что мы не сумеем побороть бюрократизма в нашем советском аппарате. В свое время эти господа говорили, что мы не сумеем отстоять своего Советского государства, а теперь они говорят: «отстоять-то отстояли, а вот бюрократизм в советских учреждениях остался, несмотря на то, что Ленин, мол, в такой-то книжке писал, что при власти Советов бюрократизм будет уничтожен».

А между тем, это вовсе не так.

Раньше всего должны быть улучшены общие условия жизни, чтобы рабочий не должен был бегать с мешком за хлебом, чтобы сотни тысяч и миллионы трудящихся прошли школу Рабоче-крестьянской инспекции и научились управлять государством (ведь, нас этому никто не учил), чтобы они могли заменить сотни тысяч буржуазных бюрократов.

Кстати о Рабоче-крестьянской инспекции. Этот орган создан около года тому назад, но пока мало себя проявил, как школа для подготовки к управлению государством. В этой области не мешало бы поработать и извлечь полезные уроки товарищам, которые, действительно, хотят ускорить дело борьбы с бюрократизмом.

Ленин отметил, что вопрос о борьбе с бюрократизмом особенно остро стоит именно в Москве потому, что здесь товарищам приходится иметь дело не только с московскими бюрократами, но и с общероссийскими, благодаря наличию здесь центральных учреждений. В Москве имеется 200 000 советских служащих, из коих в ближайшем будущем можно будет переселить в Питер вместе с соответствующими учреждениями только 10 000.

Бюрократизм советского аппарата не мог ве проникнуть в аппарат партийный, ибо эти аппараты переплетаются между собою тесным образом. Борьбу с этим злом в настоящее время можно и должно ставить в порядок дня, но ставить не в плоскости критики ради критики, а в плоскости деловых указаний методов этой борьбы, а еще лучше — в плоскости действительной борьбы в тех учреждениях, где критикующие товарищи работают, и сообщений о результатах и уроках этой борьбы.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В заключительном слове тов. Ленин в довольно резкой форме указал своим «оппонентам», что не к лицу коммунистам такая голословная критика, такие огульные обвинения против ЦК без приведения хотя бы единого факта, швыряние пменами хотя бы и спецов, сваливание их в одну кучу «буржуазных», без попытки узнать, кто они такие. Ленин назвал целый ряд фамилий рабочих, которые сумели себя проявить в совместной работе со спецами, поставить себя в надлежащие отношения к ним и извлечь из них то, что нужно. Такие рабочие на спецов не жалуются, брюзжат те, которые себя на работе не оправдали. Взять хотя бы Шляпникова (одного из оппонентов, отрекомендовавшего себя членом «рабочей оппозиции»), который из всех сил старается, как выразился

Ленин, «высидеть из-под себя разногласия», возражая против сказанного в докладе Лениным, что мы в долгу перед крестьянством, и указывая, что тут, мол, «оппозиция расходится с тов. Лениным». Или тот же Шляпников, который упорно закрывает глаза на свою псевдучную работу, а поездку в Архангельск непременно хочет изобразить как ссылку со стороны ЦК. Или тов. Бубнов, который столько говорил о борьбе с бюрократизмом и ничего не сообщил о том, как он борется с бюрократизмом хотя бы в своем Главтекстиле, где этого бюрократизма не меньше, а, пожалуй, больше, чем в других учреждениях. Поэтому, — предостерегал товарищей Замоскворечья Владимир Ильич, — когда вы слышите такую критику, критику без содержания, критику ради критики, будьте настороже, поищите, может быть, у критикующего товарища уязвлено чем-нибудь самолюбие, может быть, он чем-нибудь лично задет или раздражен, что и толкает его на оппозицию необоснованную, на оппозицию ради оппозиции.

В заключение тов. Ленин отвечал на поданные записки, подробнее остановившись на вопросе о концессиях.

«Правда» № 273, 4 декабря 1920 г.

*Печатается по тексту
газеты «Правда»*

**ТЕЛЕГРАММА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО КОМИТЕТА
АРМЕНИИ ⁸⁹**

Эривань. Председателю Революционного Военного
Комитета Армении т. Касьяну

Приветствую в лице вас освобожденную от гнета импе-
риализма трудовую Советскую Армению. Не сомневаюсь,
что вы приложите все усилия для установления братской
солидарности между трудящимися Армении, Турции,
Азербайджана.

Председатель Совета Народных Комиссаров

Ленин

Москва, 2 декабря 1920 г.

«Правда» № 273, 4 декабря 1920 г.

*Печатается по тексту,
написанному И. В. Сталиным*

**РЕЧЬ НА СОБРАНИИ АКТИВА
МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РКП(б)
6 ДЕКАБРЯ 1920 г.**

Товарищи, я с большим удовольствием, хотя, признаться, и с удивлением, увидел, что вопрос о концессиях вызывает огромный интерес. Отовсюду раздаются крики и, главным образом, они идут с низов. Спрашивают, как же это так: своих эксплуататоров прогнали, а чужих зовем?

Почему эти крики вызывают во мне удовольствие, это понятно. Очевидно, если с низов пошел крик опасения, как бы не вернули назад старых капиталистов, если этот крик пошел по поводу такого десятистепенного акта, каким является декрет о концессиях, значит очень и очень сильно еще сознание, насколько капитализм опасен и насколько велика опасность борьбы против него. Это, конечно, превосходно, и тем более превосходно, что опасения исходят, как я уже сказал, с низов.

Основным в вопросе о концессиях, с точки зрения политических соображений, — а здесь есть соображения политические и экономические, — основным в вопросе о концессиях, с точки зрения соображений политических, является то правило, которое мы себе не только теоретически усвоили, но и практически применяли, и которое для нас надолго, до окончательной победы социализма во всем мире, явится правилом основным, а именно: надо использовать противоположности и противоречия между двумя империализмами, между двумя группами капиталистических государств, натравливая их друг на друга. Пока мы не завоевали всего мира, пока мы остаемся, с точки зрения экономической и военной, слабее, чем остальной капиталистический мир, до тех пор надо держаться правила: надо уметь использовать противоречия

и противоположности между империалистами. Если бы мы этого правила не держались, мы давно, к удовольствию капиталистов, висели бы все на разных осинах. Основной опыт в этом отношении мы имели, когда заключали Брестский договор. Не следует делать вывода, что договоры могут быть такими, как Брест или Версаль. Это неверно. Может быть и третий договор, выгодный для нас.

Брест знаменателен тем, что в первый раз в масштабе гигантски-большом, среди трудностей необъятных мы сумели использовать противоречия между империалистами так, что выиграл в конечном счете социализм. Во время Бреста были две гигантски-сильных группы империалистских хищников: германо-австрийская и англо-американско-французская. Они были в бешеной борьбе, которая должна была разрешить на ближайшее время судьбы мира. Если мы продержались, будучи нулем в смысле военном, не имея ничего и идя сплошь по нисходящей линии в глубину развала в отношении экономическом, если мы продержались, то это чудо случилось только потому, что мы правильно использовали рознь германского и американского империализма. Мы сделали громадную уступку германскому империализму и, сделавши уступку одному империализму, мы заградили себя разом от преследования обоих империализмов. Германия не могла заняться душением Советской России ни экономически, ни политически, ей не до того было. Мы ей отдавали Украину, откуда, сколько хочешь, можно было взять хлеба и угля, конечно, если уметь взять, если обладать жизненной силой, чтобы взять. Англо-франко-американский империализм не мог наступать на нас, ибо мы сначала предложили ему мир. Сейчас в Америке выходит толстая книжка Робинса, который рассказывает, что с Лениным и с Троцким мы имели переговоры, и имели согласие на заключение мира. Хотя они помогали чехословакам и втягивали их в интервенцию, но, занятые своей войной, не могли вмешаться.

Получилось, могло показаться, что-то вроде блока первой социалистической республики с немецким империализмом против империализма другого. Но никакого блока мы не заключили, нигде грани, подрывающей или порочащей социалистическую власть, мы не перешли, а мы использовали рознь между двумя империализмами так,

что, в конце концов, оба проиграли. Германия ничего не взяла от Брестского мира, кроме нескольких миллионов пудов хлеба, а принесла в Германию большевистское разложение. Мы же выиграли время, в течение которого начала складываться Красная Армия. Даже гигантские бедствия на Украине оказались исцелимыми, хотя трудной и тяжелой ценой. Того, на что рассчитывали наши противники, быстрого краха Советской власти в России, не последовало. Как раз то время, которое дала нам история для передышки, мы использовали для того, чтобы укрепиться так, чтобы нас нельзя было взять военной силой. Мы выиграли темп, мы выиграли немножко времени и только отдали за это очень много пространства. Тогда, помнится, философствовали, что для того, чтобы выиграть время, надо отдать пространство. Как раз с теорией философов о времени и пространстве было поступлено практически и политически; пространства мы отдали много, но время выиграли такое, в течение которого можно было окрепнуть. После же этого, когда все империалисты захотели пойти на нас большой войной, оказалось — нельзя, для большой войны у них не было ни средств, ни сил. Мы тогда коренных интересов не отдали в жертву, мы отдали второстепенные и сохранили коренные.

Здесь, между прочим, встает вопрос об оппортунизме. Оппортунизм состоит в том, чтобы жертвовать коренными интересами, выгадывая временные частичные выгоды. Вот в чем гвоздь, если брать теоретическое определение оппортунизма. Тут многие сбивались. Мы именно на Брестском мире пожертвовали второстепенными, с точки зрения социализма, интересами России, как они понимаются в патриотическом смысле; мы приносили гигантские жертвы, но все же это были жертвы второстепенные. Немцы всей душой ненавидели Англию. Они также ненавидели и большевиков, но мы их поманили, они влезли. Они все время уверяли, что так далеко, как зашел Наполеон, они не пойдут, и, действительно, они до Москвы не дошли, но пошли на Украину и там провалились. Они думали, что многому научились от Наполеона, но на деле вышло иначе. Мы же выиграли очень много.

Пример Брестского мира научил нас многому. В настоящее время мы находимся между двумя врагами. Если их обоих нельзя победить, надо уметь поставить свои силы

так, чтобы они передрались между собой, так, как всегда, когда два вора дерутся, честный человек от этого выигрывает, но, как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот. Наши силы возрастают и притом очень быстро. Если по отношению к Брестскому миру это такой урок, которого мы никогда не забудем и который в смысле выводов богаче всяких пропаганд и проповедей, то теперь мы выиграли в том смысле, что стали на свои ноги. Мы окружены империалистскими государствами, которые всей душой ненавидят большевиков, которые тратят колоссальные деньги, идейные силы, силы печати и т. д. и которые, тем не менее, в военном отношении за три года побороť нас не могли, хотя в военно-экономическом отношении мы бесконечно слабы. У нас нет одной сотой той силы, какая налицо у соединенных империалистских государств, и тем не менее они не в состоянии нас задушить. Они не могут нас задушить потому, что их солдаты не слушают; их рабочие и крестьяне, утомленные войной, войны с Советской республикой не хотят. Таково положение сейчас, и из него падо исходить. Каким оно будет через несколько лет, неизвестно, так как с каждым годом западные державы от войны отдыхают.

Начиная с II конгресса III Интернационала, мы прочной ногой стали в империалистских странах не только идейно, но и организационно. Во всех странах имеются в настоящее время такие ядра, которые ведут самостоятельную работу и будут ее вести. Это дело сделано. Но быстрота, темп развития революции в капиталистических странах гораздо медленнее, чем у нас. Очевидно было, что, когда народы получают мир, неизбежно будет замедление революционного движения. Поэтому, не гадая насчет будущего, мы не можем в настоящее время ставить ставку на то, что темп этот переменится на быстрый. Наша задача решить, как нам быть в настоящее время. Люди живут в государстве, а каждое государство живет в системе государств, которые относительно друг друга находятся в системе известного политического равновесия.

Если принять во внимание, что капиталистами на всей земле закуплено громадное большинство богатейших источников сырого материала, или, если не закуплено,

то политически захвачено; раз равновесие существует на капиталистической основе, надо с этим уметь считаться, надо уметь это использовать. Вести войну против современной Антанты мы не можем. Дело нашей агитации сделано и делается великолепно, мы уверены в этом. Политически мы должны использовать разногласия между противниками, и только глубокие разногласия, объясняемые глубочайшими экономическими причинами. Если мы попытаемся использовать разногласия мелкие, случайные, мы попадем в положение мелкого политика и дешевого дипломата. Но на этом ничего серьезного сыграть нельзя. Дипломатов, играющих на этом, громадное количество, они играют несколько месяцев, делают себе карьеру, а потом летят.

Есть ли коренные противоположности в современном капиталистическом мире, которые надо использовать? Есть три основных, которые я бы хотел назвать. Первая, ближайшая к нам, это — отношения Японии и Америки. Война готовится между ними. Они не могут мирно ужиться на побережьях Тихого океана, хотя эти побережья разделяют 3 000 верст. Это соперничество неоспоримо вытекает из отношений их капитализмов. Существует гигантская литература, посвященная вопросу о будущей японо-американской войне. Что война готовится, что она неизбежна, это несомненно. Пацифисты стараются обойти этот вопрос, замазать его общими фразами, но для всякого, кто историю экономических отношений и дипломатии изучает, не может быть ни тени сомнения, что экономически война назрела и политически готовится. Нельзя взять ни одной книжки, посвященной этому вопросу, чтобы не видеть назревания войны. Земля поделена. Япония захватила колоний колоссальное количество. Япония имеет 50 миллионов людей и она сравнительно слаба экономически. Америка имеет 110 миллионов людей, у нее нет никаких колоний, хотя она во много раз богаче Японии. Япония захватила Китай, где 400 миллионов населения и запасы угля, богатейшие в мире. Как эту штуку удержать? Смешно думать, что капитализм более крепкий не отнимет у капитализма более слабого всего награбленного последним. При таком положении вещей разве можно американцам остаться равнодушными? Разве можно оставить капиталистов крепких рядом с капита-

листами слабыми и думать, что они не отнимут? На что же тогда они будут годны? Но при таком положении можем ли мы остаться равнодушными и только сказать, как коммунисты: «мы будем пропагандировать коммунизм внутри этих стран». Это правильно, но это не все. Практическая задача коммунистической политики есть задача использования этой вражды, стравливая их друг с другом. Тут получается новая обстановка. Если возьмете две империалистские страны: Японию и Америку — они хотят воевать, они будут воевать за первенство в мире, за право грабить. Япония будет воевать за то, чтобы ей продолжать грабить Корею, которую она грабит с неслыханным зверством, соединяющим все новейшие изобретения техники и пыток чисто азиатских. Недавно мы получили корейскую газету, рассказывающую, что делают японцы. Здесь соединение всех методов царизма, всех новейших усовершенствований техники, с чисто азиатской системой пыток, с неслыханным зверством. Но этот корейский лакомый кусок хотят вырвать американцы. Конечно, защита отечества в такой войне будет величайшим преступлением, будет изменой социализму. Конечно, поддержка одной страны против другой будет преступлением против коммунизма, но мы, коммунисты, должны использовать одну страну против другой. Не совершаем ли мы преступления против коммунизма? Нет, потому что мы делаем это, как социалистическое государство, ведущее коммунистическую пропаганду и вынужденное использовать каждый час, дарованный ему обстоятельствами, чтобы окрепнуть с максимальной быстротой. Мы начали крепнуть, но крепнем очень медленно. Америка и другие капиталистические страны растут в своей экономической и военной мощи дьявольски быстро. Как бы мы ни собирали свои силы, мы будем расти несравненно медленнее.

Мы должны использовать создавшееся положение: в этом вся суть концессий Камчатки. К нам приезжал Вандерлиц, дальний родственник известного мпплиардера, если ему верить, но, так как наша контрразведка в ВЧК, поставленная превосходно, к сожалению, не захватила еще Северных Штатов Америки, мы пока еще не установили сами родства этих Вандерлицов. Некоторые говорят, что никакого родства даже и нет. Я не берусь об этом судить: мои знания ограничиваются тем,

что я читал книжку Вандерлипа, не того, который был у нас и которого описывают, как такого вельможу, которого все короли и министры принимали с великими почестями, из чего нужно заключить, что мощна его набита очень туго, а он рассуждал с ними в тоне, в котором говорят люди между собой на собрании, вроде того, как наше, и где он спокойно говорил о том, как восстановить Европу. Если министры почтительно говорили с ним, это значит, что Вандерлип имеет связь с миллиардерами: его книжка показывает точку зрения дельца, который ничего больше не знает, который, наблюдая Европу, говорит: «Пожалуй, дело не выйдет, и все полетит к чорту». Эта книга полна ненависти к большевизму. Интереснейшая книжка и в смысле агитации, лучше, чем всякие другие коммунистические книжки, потому что окончательный вывод тот, что «я боюсь, что этого больного не вылечишь: хотя у нас и много денег и средств, чтобы лечить».

Вандерлип привез с собой письмо Совету Народных Комиссаров. Это письмо очень интересно, ибо он с чрезвычайной откровенностью, цинизмом и грубостью американского кулака говорит: «Мы очень сильны в 1920 году; наш флот будет в 1923 году еще сильнее, однако, нашей силе мешает Япония, и нам с ней придется воевать, а воевать нельзя без керосина и без нефти. Если вы нам продадите Камчатку, то я вам ручаюсь, что энтузиазм американского народа будет так велик, что мы вас признаем. Выборы нового президента в марте дадут нашей партии победу. Если же вы сдадите Камчатку в аренду, то я заявляю, что тогда такого энтузиазма не будет». Это почти буквальное содержание его письма. Перед нами совершенно нагой империализм, который не считает даже нужным облачить себя во что-нибудь, думая, что он и так великолепен. Когда было такое письмо получено, мы себе сказали: тут надо уцепиться обеими руками. Что он экономически прав, это доказывает, что республиканская партия в Америке накануне победы. Первый раз в истории Америки на юге нашлись люди, голосовавшие против демократов. Значит, ясно, что перед нами экономически правильное рассуждение империалиста. Камчатка принадлежит бывшей Российской империи. Это верно. Кому же она принадлежит в настоящее время — неизвестно. Как будто она является собственностью государства, которое

называется Дальневосточной республикой, но сами границы этого государства точно не установлены. Правда, некоторые документы по этому поводу пишутся, но, во-первых, они еще не написаны, а во-вторых, они еще не утверждены. На Дальнем Востоке господствует Япония, которая может делать там все, что хочет. Если мы Камчатку, которая юридически принадлежит нам, а фактически захвачена Японией, отдадим Америке, ясно, что мы выиграем. Вот основа моего политического рассуждения, и, опираясь на него, мы сразу решили непременно договор с Америкой заключить. Конечно, при этом надо торговаться, так как никакой купец не будет нас уважать, если мы не будем торговаться. Поэтому тов. Рыков принялся торговаться, и мы написали проект договора. Но когда дело дошло до подписи, то мы заявили: «Все знают, кто мы такие, а кто вы такой?». Оказалось, что Вандерлип нам не может дать гарантии, тогда мы сказали, что мы уступчивы. Ведь это только проект, а вы сами сказали, что он вступит в силу, когда ваша партия возьмет верх, а верх она еще не взяла, и поэтому мы подождем.

Проект договора ни к чему не обязывает, мы в любую минуту можем отказаться. В этом случае мы только потеряем время на разговоры с Вандерлипом и небольшое количество листов бумаги, а сейчас мы уже выиграли. Достаточно взять европейские сообщения, чтобы видеть, что мы выиграли. Из Японии нет ни одного известия, которое не говорило бы о величайшем беспокойстве из-за ожидаемых концессий. Япония заявляет: «Мы не потерпим этого, это нарушает наши интересы». — Пожалуйста, победите Америку, мы против этого возражать не будем. Мы уже Японию с Америкой сравнили, выражаясь грубо, и этим достигнута выгода. Мы выиграли и по отношению к американцам.

Кто такой Вандерлип? Мы не установили кто, но в капиталистическом мире доказано, — о простых гражданах не посылают по всему свету телеграмм. А когда он от нас выехал, телеграммы посыпались по всему свету. Так вот он рассказывал, что получил выгодную концессию, и принялся всюду хвалить Ленина. Это носит юмористический характер, но позвольте сказать, что в этой юмористике есть кусочек политики. Вандерлип, когда кончил здесь все разговоры, он пожелал иметь свидание со мной.

Я посоветовался с представителями соответствующих ведомств и спросил, следует ли его принимать. Говорят: «Пускай он поедет более довольный». Вандерлип приходит, мы беседуем обо всех этих делах, причем, когда он стал рассказывать, что он был в Сибири, что он знает Сибирь, что он родом из рабочих, как большинство американских миллиардеров и пр., что они ценят только практическое, что они, когда посмотрят, только тогда ценят, — я ему и отвечал: «Вот вы, люди практические, посмотрите, что такое советская система, и введете ее у себя». Он посмотрел на меня, удивляясь этому обороту разговора, и говорит мне по-русски (весь разговор шел по-английски): «Может быть». Я спрашиваю с удивлением, откуда это знание русского языка. — «Как же, я большую долю сибирских областей объехал верхом на лошади». Когда мы стали прощаться, он говорит: «Я должен буду в Америке сказать, что у мистера Ленина (мистер по-русски — господин), что у господина Ленина рогов нет». Я не сразу понял, так как вообще по-английски понимаю плохо. — «Что вы сказали? повторите». Он — живой старичок, жестом показывает на виски и говорит: «Рогов нет». Переводчик здесь был, говорит: «Да, именно так». В Америке все уверены, что тут должны быть рога, т. е. вся буржуазия говорит, что я помечен дьяволом. «А теперь я должен буду сказать, что рогов нет», сказал Вандерлип. Мы простились весьма любезно. Я выразил надежду, что на почве дружественных отношений между двумя государствами будет не только заключена концессия, но взаимная экономическая помощь будет развиваться нормально. Все в таком тоне. А потом пошли телеграммы о рассказах приехавшего из-за границы Вандерлипа. Вандерлип сравнивал Ленина с Вашингтоном и Линкольном. Вандерлип просил у меня портрет с надписью. Я отклонил, потому что, когда дашь портрет, пишешь: «Товарищу такому-то», а написать «товарищу Вандерлипу» нельзя. И тем не менее такого рода телеграммы пришли: отсюда ясно, что в империалистской политике вся эта история сыграла известную роль. Гардинг, — лицо, которое выбрано в президенты, но которое вступит в должность только в марте будущего года, — когда появились известия о концессиях Вандерлипа, выпустил официальное опровержение, что «я ничего не знаю, с большевиками в сношениях не состою, ни о ка-

ких концессиях не слышал». Это было во время выборов, а во время выборов признаться, что имеешь дело с большевиками, пожалуй, чего доброго, потеряешь голоса.

Вся эта сделка означает отвлечение империалистских сил от нас, — пока империалисты сидят и вздыхают и ждут, когда подойдет удобный момент, чтобы большевиков задушить, а мы этот момент отдаляем. Когда Япония втравливалась в корейскую авантюру, японцы говорили американцам: «Конечно, мы можем победить большевиков, но что вы нам дадите за это? Китай? Мы и так возьмем, а тут мы за десять тысяч верст пойдем бить большевиков, а американцы — у нас в тылу. Нет, так политики не ведут». Уже тогда японцы нас победили бы в несколько недель, если бы была двухколейная железная дорога и транспортная помощь Америки. Нас спасло то, что Япония, кушая Китай, не могла двигаться на запад, через всю Сибирь, имея в тылу Америку, и не хотела таскать каштанов из огня для Америки.

Еще больше нас спасло бы то обстоятельство, если бы империалистские державы оказались в войне. Если мы вынуждены терпеть таких негодяев, как капиталистические воры, из которых каждый точит нож против нас, прямая наша обязанность двинуть эти ножи друг против друга. Когда два вора дерутся, честные люди выигрывают. Выгода другая — чисто политическая, даже если этой концессии не будет, один проект концессии даст выгоду. Выгода экономическая: она даст часть продуктов. Если бы американцы стали получать часть продуктов, это было бы выгодно. На Камчатке нефти и руды такое количество, которое мы заведомо разработать не в состоянии.

Я указал вам одно империалистское противоречие, которое мы обязаны использовать, это между Японией и Америкой; другое — между Америкой и всем остальным капиталистическим миром. Почти весь капиталистический мир «победителей» вышел из войны с гигантской наживой. Америка сильна, ей теперь все должны, от нее все зависит, ее все больше ненавидят, она грабит всех, и она грабит очень оригинально. У нее нет колоний. Англия вышла из войны с гигантскими колониями, Франция тоже. Англия предлагала Америке мандат на одну из награбленных колоний — ныне выражаются таким языком, — но она не взяла. Очевидно, американские купцы рассуждают

как-то по-иному. Они видели, что война и по отношению к разорению и по отношению к настроению рабочих играет очень определенную роль, и пришли к выводу, что им нет выгоды принимать мандат. Но понятно, они не допустят, чтобы эту колонию использовали другие государства. Вся буржуазная литература свидетельствует о росте ненависти против Америки, а в Америке растут голоса за вступление в соглашение с Россией. Америка имела договор с Колчаком о признании Колчака и о его поддержке, но тут они уже раз нарвались и получили только убыток и срам. Таким образом, мы имеем перед собой величайшее в мире государство, которое к 1923-му году будет иметь флот сильнее английского, но это государство встречает все большую ненависть других капиталистических стран. Такое течение обстоятельств мы должны учесть. Америка не может помириться с остальной Европой, — это факт, доказанный историей. Никто не описал так хорошо Версальского договора, как это сделал в своей книжке Кейнс, представитель Англии в Версале. В книге этой он высмеял Вильсона и ту роль, которую он играл в Версальском договоре. Вильсон там оказался совершенным дурачком, которым Клемансо и Ллойд-Джордж вертели, как пешкой. Таким образом, все указывает на то, что Америка помириться с другими странами не может, потому что между ними глубочайшая экономическая рознь, потому что Америка богаче других.

Поэтому все вопросы о концессиях мы будем рассматривать под этим углом зрения. Америка неизбежно стоит в противоречии с колониями, а если она попробует их глубже тронуть, она вдесятеро поможет нам. В колониях возмущение кипит и, когда тронешь их, то хочешь ты или не хочешь, богат ты или не богат, — а чем богаче, тем лучше, но ты поможешь нам, и господа Вандерлипы полетят. Вот почему для нас основным соображением является эта рознь.

И третью рознь мы имеем между Антантой и Германией. Германия побеждена, подавлена Версальским договором, но она обладает гигантскими экономическими возможностями. Германия — вторая в мире страна по степени экономического развития, если первой считать Америку. Специалисты даже говорят, что в электрической промышленности она выше Америки, а вы знаете, что электри-

ческая промышленность имеет гигантское значение. По широте применения электричества Америка выше, но по техническому совершенству Германия стоит выше. И вот такой стране навязан Версальский договор, с которым она жить не может. Германия одна из самых сильных, передовых капиталистических стран, она Версальского договора не может вынести, и Германия должна искать союзника против всемирного империализма, будучи сама империалистской, но будучи задавленной.

Вот три переплета, которые и путают безысходно всю игру империалистов. Вот в чем вся соль. И вот почему с политической точки зрения надо всей душой, — или не нужно души, — а всем расчетом надо быть за концессии.

Теперь я перехожу к экономике. Когда мы затронули Германию, тут мы уже подошли к экономике. Германия экономически не может существовать после Версальского мира, и не только одна Германия, но и все побежденные страны, как Австро-Венгрия в бывших ее размерах, хотя часть из нее попала в победившие государства, но существовать при Версальском договоре она не может. В средней Европе это — крупнейшее объединение с гигантской экономической и технической мощью. С экономической точки зрения все они нужны для восстановления мирового хозяйства. Если внимательно прочитать и еще раз прочитать декрет от 23 ноября о концессиях, вы увидите, что мы подчеркиваем значение мирового хозяйства и делаем это умышленно. Это неоспоримо правильная точка зрения. Для восстановления всемирного хозяйства нужно использовать русское сырье. Без этого использования обойтись нельзя, это экономически верно. Это признает чистейший буржуа, изучающий экономику и смотрящий с чисто буржуазной точки зрения, это признает Кейнс, который написал книгу «Экономические последствия мира». И Вандерлиц, который объехал всю Европу, как финансовый магнат, и он признает, что нельзя возобновить хозяйство, потому что сырья оказалось мало во всем мире, так как его раскатила война. Он говорит, что надо опереться на Россию. И вот Россия выступает теперь на весь мир, она заявляет: мы беремся восстанавливать международное хозяйство — вот наш план. Это экономически правильно. Советская власть за это время окрепла и не только окрепла

сама, но выступает с планом восстановления всего мирового хозяйства. Связь международного хозяйства с планом электрификации поставлена научно правильно. Мы своим планом привлекаем наверняка не только сочувствие всех рабочих, но и разумных капиталистов, независимо от того, что для них «эти ужасные большевикитеррористы» и т. д.; поэтому наш экономический план верен, и вся мелкобуржуазная демократия, читая этот план, будет колебаться в нашу сторону, ибо империалисты уже передрались, а здесь выдвигается план, против которого техники и экономисты ничего не могут возразить. Мы переходим к области экономики и предлагаем положительную программу строительства перед всем миром.

Мы переносим вопрос в антикапиталистическую плоскость. Мы выступаем и говорим, — мы беремся весь мир построить на рациональных экономических основах, а что это правильно — нет сомнения. Нет сомнения, что, если как следует взяться работать с современными машинами, при помощи науки можно восстановить немедленно все мировое хозяйство.

Тут мы осуществляем своего рода производственную пропаганду, когда мы говорим хозяевам: «Вы никуда не годны, господа капиталисты; пока вы разоряетесь, мы по-своему строим, не пора ли, поэтому, господа, с нами согласиться». На что все капиталисты всего мира должны отвечать, хотя и почесываясь: «А, пожалуй, пора, давайте подписывать торговый договор».

Англичане написали уже один проект и прислали нам. Он обсуждается, и тут наступает новая пора. Они уже осеклись в войне и должны воевать теперь в области экономической. Нам это вполне понятно. Мы и не мечтали о том, что вот — мы повоевали, и наступит мир, и социалистический теленок рядом с капиталистическим волком обнимутся. Нет. То, что вы должны повоевать с нами в области экономики, это огромный прогресс. Мы выдвинули перед вами всемирную программу, рассматривая концессии с точки зрения мирового народного хозяйства. Это экономически бесспорно. Ни один инженер, ни один агроном, ставящий вопрос о народном хозяйстве, не сможет этого отвергнуть. И многие капиталисты говорят: «Без России не будет прочной системы капиталистиче-

ских государств», но мы выступаем с такой программой в качестве строителей всемирного хозяйства по другому плану. Это имеет огромное пропагандистское значение. Если даже ни одной концессии нам не дадут, — я это считаю вполне возможным, — если даже из всего этого шума о концессиях выйдет только некоторое количество партийных собраний, декретов, но не выйдет ни одной концессии, все-таки мы кое-что уже выиграли. Не говоря о том, что мы выдвинули план построения хозяйства, мы привлекаем на свою сторону все государства, которые разорены войной. На съезде III, Коммунистического Интернационала я говорил, что весь мир делится на угнетенные нации и господствующие нации. Угнетенных наций не меньше 70% всего населения земли. Версальский мир сотню или 150 миллионов людей прибавил к ним.

Мы, действительно, выступаем теперь не только как представители пролетариев всех стран, но и как представители угнетенных народов. Недавно вышел журнал Коммунистического Интернационала, под заглавием: «Народы Востока». Коммунистический Интернационал издал для народов Востока такой лозунг: «Пролетарии всех стран и угнетенные народы, соединяйтесь!». Кто-то из товарищей спрашивал: «Когда же Исполком распоряжался, чтобы менять лозунги». Я действительно этого не могу припомнить. Конечно, с точки зрения «Коммунистического Манифеста» это неверно, но «Коммунистический Манифест» писался при совершенно других условиях, но с точки зрения теперешней политики это верно. Отношения обострились. Вся Германия кипит, вся Азия кипит. Вы читали, как в Индии складывается революционное движение. В Китае бешеная ненависть к японцам, то же к американцам. В Германии такая клокочущая ненависть к Антанте, которая будет понятна только тогда, если посмотреть на ненависть германских рабочих к своим капиталистам; они сделали в результате из России прямого представителя всей массы угнетенного населения земли; народы приучаются ходом вещей смотреть на Россию, как на центр притяжения. Недавно меньшевистская газета в Грузии писала: «Есть две силы на земле: Антанта и Советская Россия». Что такое меньшевики? Это — люди, которые держат нос по ветру. Когда мы были в

международном отношении слабы, они кричали: «Долой большевиков». Когда мы начали усиливаться, они кричали: «Мы — нейтральны». Когда мы врагов отбили, они говорят: «Да, тут две силы».

В декрете о концессиях мы выступаем от имени всего человечества с экономически безупречной программой восстановления экономических сил мира на почве использования всего сырья, где бы оно ни было. Нам важно, чтобы голода нигде не было. Вы, капиталисты, устранить его не умеете, а мы умеем. Мы выступаем как представители 70% населения земли. Как бы дело с проектом ни сложилось, он остается экономически бесспорным. Экономическая сторона концессии имеет значение независимо от того даже, будет ли она заключена или нет.

Как видите, мне пришлось делать очень большое предисловие и доказывать выгоды концессий. Конечно, концессии важны нам и в смысле получения продуктов. Это бесспорно верно, но главная суть заключается в политических отношениях. К съезду Советов вы получите том, содержащий 600 страниц, это — план электрификации России. План этот продуман лучшими агрономами и инженерами. Ускорить проведение его в жизнь без помощи заграничного капитала и средств производства мы не можем. Но, чтобы получить помощь, надо заплатить. Мы до сих пор с капиталистами воевали, и они нам говорили: либо мы вас задушим, либо мы вас заставим уплатить 20 миллиардов. Но они нас задушить не в состоянии, и долгов мы им не заплатим. Пока что мы имеем некоторую отсрочку. Пока мы нуждаемся в экономической помощи, мы согласны вам платить, такова постановка вопроса и всякая другая будет экономически беспочвенна. Россия промышленно разорена, и, по сравнению с довоенным положением, оно ухудшилось до одной десятой, если не ниже. Если бы три года тому назад нам сказали, что мы три года будем воевать со всем капиталистическим миром, мы бы не поверили. Теперь же нам скажут: но восстановить экономически, имея одну десятую довоенного народного богатства, это еще более трудная задача. Действительно, это труднее, чем воевать. Воевать можно было при помощи воодушевления рабочих масс и крестьян, которые защищались от помещиков. Теперь же нет защиты от помещиков, теперь восстановление хозяйства на необычных для

крестьян условиях. Здесь победа не в увлечении, натиске, самопожертвовании, а в ежедневной, скучной, мелкой, будничной работе. Это дело неоспоримо более трудное. Откуда взять те средства производства, которые нужны. Для того чтобы привлечь американцев, им нужно заплатить: они люди торговые. А чем мы заплатим? Золотом? Но золото мы не можем разбрасывать. Давать сырьем нельзя, потому что мы своих еще не всех накормили. Когда в Совнарком встает вопрос, чтобы дать 100 000 пудов хлеба итальянцам, встает Наркомпрод и отказывает. Мы торгуемся из-за каждого поезда хлеба. Без хлеба нельзя развивать внешней торговли. Но что же мы дадим? Хлам? Хлама у них своего много. Говорят, давайте хлебом будем торговать, а мы хлеба дать не можем. Поэтому мы решаем задачу при помощи концессий.

Я перехожу к следующему пункту. Концессия порождает новые опасности. Я указываю на то, что сказал в начале своей речи, а именно, что слышится крик из низов, из рабочих масс: «Не давайте капиталистам, это народ умный, ловкий». Это приятно слышать, потому что видишь, как растет громадная масса, которая с капиталистами будет бороться до зубов. В статьях тов. Степанова, которые он рассчитал педагогически (сначала все доводы против концессий приведу, а потом скажу, что надо их принимать, но некоторые читатели, пока дойдут до хорошей части, как бы не бросили читать, убедившись, что концессии не нужны), есть верные мысли, но, когда он говорит, что не нужно концессий давать Англии, потому что приедет Локкарт, я не согласен. Мы сладили с ним тогда, когда ЧК была учреждением возникающим, не имеющим солидности, которую она имеет теперь. И, если после трех лет войны мы не сумеем поймать шпики, тогда надо сказать, что таким людям нечего браться управлять государством. Мы решаем задачи неизмеримо более трудные. Например, сейчас в Крыму 300 000 буржуазии. Это источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам. Но мы их не боимся. Мы говорим, что возьмем их, распределим, подчиним, переварим.

Говорить после этого, что иностранцы, которые будут приписаны к определенным концессиям, нам опасны, или чтобы мы не сумели уследить за ними, смешно. Незачем было огород городить, незачем было браться управлять

государством. Здесь — задача чисто организационная, на которой не стоит долго останавливаться.

Но, конечно, было бы величайшей ошибкой думать, что концессии означают мир. Ничего подобного. Концессии — это не что иное, как новая форма войны. Европа воевала с нами, и теперь война переходит в новую плоскость. Раньше война шла в той области, в которой империалисты были бесконечно сильнее, в области военной. Если подсчитать число пушек, пулеметов у них и у нас, число солдат, которое может мобилизовать наше правительство и их — мы безусловно должны были бы быть раздавлены в две недели. Однако, мы в этой области устояли, и мы беремся воевать дальше, переходим к войне экономической. У нас определенно говорится, что рядом с концессионным куском, с концессионным квадратом будет наш квадрат, потом опять их квадрат; мы будем учиться у них постановке образцовых предприятий, ставя рядом свое. Если мы не сумеем этого, тогда не приходится ни о чем говорить. Оборудование по последнему слову техники в настоящий момент — задача нелегкая, и нужно этому учиться, учиться на практике, ибо никакими школами, университетами, курсами этого не достигнуть, и поэтому мы даем концессии в шахматном порядке: приходите и учитесь здесь же.

Экономически для нас от концессий гигантская польза. Конечно, создавая поселки, они принесут с собой капиталистические привычки, будут разлагать крестьянство. Но надо следить, надо шаг за шагом противопоставлять свое коммунистическое воздействие. Это тоже своего рода война, военное состязание двух способов, двух формаций, двух хозяйств — коммунистического и капиталистического. Мы докажем, что мы сильнее. Нам говорят: «Ну, хорошо, вы устояли на внешнем фронте, начинайте строить, давайте строить и посмотрим, кто победит»... Конечно, задача трудная, но мы говорили и говорим: «Социализм имеет силу примера». Насилие имеет свою силу по отношению к тем, кто хочет восстановить свою власть. Но этим и исчерпывается значение насилия, а дальше уже имеет силу влияние и пример. Надо показать практически, на примере, значение коммунизма. У нас нет машин, война нас разорила, война отняла у России экономические ресурсы, но мы все-таки не боимся этого состяза-

ния, потому что оно будет выгодно для нас во всех отношениях.

Это будет война, во время которой тоже нельзя делать ни малейшей уступки. Эта война выгодна для нас во всех отношениях, выгоден и переход от старой войны к этой новой, не говоря уже о том, что имеется некоторая косвенная гарантия мира. Я говорил на том собрании, о котором так неудачно передано в «Правде», что мы сейчас перешли от войны к миру, но мы не забыли, что вернется опять война. Пока остались капитализм и социализм, они мирно жить не могут: либо тот, либо другой, в конце концов, победит; либо по Советской республике будут петь панихиды, либо — по мировому капитализму. Это — отсрочка в войне. Капиталисты будут искать поводов, чтобы воевать. Если они примут предложение и пойдут на концессии, им будет труднее. С одной стороны, в случае войны мы будем иметь наилучшие условия; с другой, не пойдут на концессии те, кто хочет воевать. Существование концессий есть экономический и политический довод против войны. Те государства, которые могли бы с нами воевать, воевать не смогут, если возьмут концессии, это связывает. С точки зрения опасности столкновения капитализма и большевизма надо сказать, что концессии есть продолжение войны, но на другом попреще. Придется следить за каждым шагом противника. Потребуется все средства управления, надзора, влияния, воздействия. Это то же самое есть война. Мы сражались в войне более крупной, а в этой войне мобилизуем на нее еще больше народу, чем на ту. На эту войну будет поголовно мобилизоваться всякий, кто трудится; ему будут говорить и пояснять: «Если капитализм делает то-то, вы, рабочие и крестьяне, свергнув капиталистов, должны делать не меньше их. Учитесь».

Я уверен, что Советская власть догонит и обгонит капиталистов, и что выигрыш окажется у нас не только чисто экономический. Мы получим науку, выучку: ничего не стоит никакая школа, никакой университет, если нет практического умения. Вы увидите из карты, которая приложена к брошюрке, которую покажет т. Милютин, что мы даем преимущественно концессии на окраинах. В Европейской России — северные леса — 70 миллионов десятин. Миллионов 17 десятин назначены под концессии. Наши лесные хозяйства размежеваны в шахматном порядке: леса —

в Западной Сибири, на дальнем севере. Мы ничего не можем потерять. Главные предприятия — в Западной Сибири, богатства которой необъятны. Мы не разовьем из них и одной сотой доли в десять лет. При помощи же капиталистов-иностранцев, отдавая им один рудник, мы получаем возможность разрабатывать свои рудники. Давая концессии, мы выбираем места.

Как поставить концессии с точки зрения надзора? Они попытаются разлагать нашу крестьянство, наши массы. Крестьянин, как мелкий хозяйчик, по природе своей склонен к свободной торговле, а мы считаем это дело преступлением. Тут — дело государственной борьбы. Тут-то мы и должны противопоставить два способа ведения хозяйства — социалистический и капиталистический. Тут тоже война, в которой мы и должны дать решительный бой. У нас гигантский неурожай, бескормица и падеж скота и шаряду с этим громадные площади земли лежат неразработанными. На-днях будет издан декрет, чтобы из всех сил добиться возможно полного засева и улучшения сельского хозяйства⁹⁰.

Далее у нас есть один миллион десятин целины, которой мы не поднимем, так как не имеем рабочего скота, не имеем необходимых орудий, а трактором эту землю можно подпять на любую глубину. Поэтому нам выгодно эту землю сдать в аренду. Если даже мы отдадим половину, даже три четверти продуктов, то и тогда мы будем в выигрыше. Вот та политика, которая направляет наши действия, и я могу сказать, что не только экономические соображения и конъюнктура мирового хозяйства, но и глубокие политические соображения должны лежать в основе действия. Всякий иной подход к делу будет близоруким. Если стоит вопрос об экономической выгоде или невыгоде концессий, то экономическая выгода бесспорна. Без концессий мы своей программы и электрификации страны выполнить не можем; без них в десять лет невозможно восстановить нашего хозяйства, а, когда мы его восстановим, мы будем непобедимы для капитала. Концессия — это не мир с капитализмом, а война в новой плоскости. Война оружием и танками заменяется войной экономической. Правда, и она таит в себе новые трудности и новые опасности. Но я уверен, что мы из них выйдем. Я убежден, что, при такой постановке вопроса о концессиях, мы ги-

гантское большинство партийных товарищей убедим легко, что концессии необходимы, а тот инстинктивный страх, о котором я говорил, есть полезный и здоровый страх, который мы превратим в движущую силу, которая даст нам более быструю победу в предстоящей экономической войне.

Впервые опубликовано в 1923 г.

Печатается по стенограмме

ПРИВЕТСТВИЕ ВСЕРОССИЙСКОМУ СОВЕЩАНИЮ ГУБЖЕНОТДЕЛОВ

ТЕЛЕФОНОГРАММА

Товарищи! Я глубоко сожалею, что мне не удалось посетить вашего съезда. Прошу передать участницам и участникам мои искренние приветствия и пожелания лучшего успеха.

Участие женщин в партийной и советской работе приобретает гигантское значение именно теперь, когда война кончилась, и мирная организаторская работа выдвинулась — надеюсь, на долгое время, — на первый план. А в этой работе женщины должны сыграть первую роль, и они, конечно, сыграют ее.

Председатель СНК *В. Ульянов (Ленин)*

6 декабря 1920 г.

«Правда» № 286, 19 декабря 1920 г.

Печатается по рукописи

VIII ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ⁹¹

22—29 ДЕКАБРЯ 1920 г.

Доклад о концессиях, речь на фракции РКП(б) 24 декабря и проекты резолюций съезда впервые напечатаны в 1930 г.; доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров и заключительное слово — в 1921 г., в книге: «Восьмой Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет».

Печатается: доклад о концессиях и речь на фракции РКП(б) — по стенограмме; доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров и заключительное слово — по тексту книги

1

ДОКЛАД О КОНЦЕССИЯХ НА ФРАКЦИИ РКП(б)
VIII СЪЕЗДА СОВЕТОВ
21 ДЕКАБРЯ

Товарищи, вопрос о концессиях вызвал повсюду, не только в партийных кругах и среди рабочих масс, но и среди широких масс крестьянства, по тем сведениям, которые мы имеем, немалое волнение, даже беспокойство. Все товарищи указывали, что после декрета 23 ноября текущего года на большинстве собраний, посвященных разным темам, чаще всего раздавались вопросы и подавались записки о концессиях, и общим тоном как этих записок, так и разговоров было опасение: своих капиталистов мы прогнали, а чужих хотим пускать. Я думаю, что эти опасения, этот широкий интерес к концессиям, который проявили далеко не одни только партийные товарищи, есть признак благоприятный, показывающий нам, что за три года неизмеримо тяжелой борьбы власть рабоче-крестьянская настолько укрепилась и опыт относительно капиталистов настолько упрочился, что широкие массы считают рабоче-крестьянскую власть достаточно прочной, чтобы обойтись без концессий, а себя достаточно проченными, чтобы без крайней надобности не идти на какие-либо сделки с капиталистами. Такого рода надзор снизу, такого рода опасения, исходящие из масс, такого рода волнения внепартийных кругов свидетельствуют о чрезвычайно пристальном внимании к отношениям между нами и капиталистами. Я думаю, что с этой стороны мы безусловно должны такие опасения, как признак настроения широких масс, приветствовать.

Тем не менее, я думаю, мы все же придем к убеждению, что руководствоваться по вопросу о концессиях только этим революционным инстинктом нельзя. Взвесив все

*

стороны вопроса, мы убедимся в правильности политики, которую приняли, — которая состоит в предложении концессий. Я коротко могу сказать, что главной темой моего доклада или, вернее сказать, повторения беседы, которая была не очень давно в Москве с несколькими сотнями ответственных работников⁹², ибо доклада я не готовил и представить его не могу, главной темой этой беседы является доказательство двух положений, именно, во-первых, что всякая война есть продолжение политики, бывшей при мире, только иными средствами, во-вторых, концессии, которые мы даем, которые мы вынуждены давать, являются продолжением войны в иной форме, другими средствами. Чтобы доказать эти два положения, или, вернее, только второе, потому что первое специально в доказательствах не нуждается, начну с политической стороны вопроса. Я остановлюсь на тех отношениях между современными империалистскими державами, которые существенны для понимания всей современной внешней политики. Это существенно для понимания того, почему мы пошли на эту политику.

Американец Вандерлиц обратился в СНК с письмом, в котором он говорил: «Мы, республиканцы, принадлежащие к партии республиканцев Америки, к партии крупнейшего финансового капитала, наименее связаны с воспоминанием о войне за освобождение с Южными Штатами, мы сейчас не у власти». Он это писал еще до выборов, которые имели место в ноябре: «Мы победим в ноябре на выборах (теперь они победили), и в марте президент будет наш. Наша политика не будет повторять те глупости, которые вязывали Америку в европейские дела, мы займемся своими интересами. Наши американские интересы приводят нас к столкновению с Японией, с Японией мы будем воевать. Может быть, вам небезинтересно знать, что в 1923 году наш флот будет сильнее английского. Чтобы воевать, нам надо иметь в своих руках нефть, без нефти мы вести современную войну не можем. Не только надо иметь нефть, но надо принять меры, чтобы противник не имел нефти. Япония в этом отношении находится в плохих условиях. Под боком около Камчатки есть какая-то губа (я забыл ее название), где есть источники нефти, и мы хотим, чтобы у японцев этой нефти не было. Если вы нам продадите эту землю, то я гарантирую, что в народе нашем

будет такой энтузиазм, что ваше правительство мы сейчас же признаем. Если не продадите, а дадите только концессии, я не могу сказать, чтобы мы отказались рассматривать этот проект, но такого энтузиазма, который гарантировал бы признание Советского правительства, я обещать не могу».

Письмо Вандерлипа совершенно откровенно, с неслыханной циничностью излагало точку зрения империалиста, который ясно видит, что война с Японией надвигается, и прямо, открыто ставит вопрос: войдите в сделку с нами, тогда вы получаете известные выгоды. Вопрос стоял таким образом: Дальний Восток, Камчатка и кусок Сибири фактически сейчас находятся в обладании Японии, поскольку ее военные силы там распоряжаются, поскольку, как вы знаете, обстоятельства принудили к созданию буферного государства — в виде Дальневосточной республики, поскольку мы прекрасно знаем, какие неимоверные бедствия терпят сибирские крестьяне от японского империализма, какое неслыханное количество зверств проделали японцы в Сибири. Это знают товарищи из Сибири: в их недавних изданиях подробно об этом рассказано. Но тем не менее вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна. И в то же время, отнимая от нас связь со всемирной торговлей через Тихий океан, Япония наносит нам колоссальный ущерб. При таких условиях, когда перед нами растущий конфликт, растущее столкновение Америки и Японии, — ибо из-за Тихого океана и обладания его побережьями уже многие десятилетия идет упорнейшая борьба между Японией и Америкой, и вся дипломатическая, экономическая, торговая история, касающаяся Тихого океана и его побережий, вся она полна совершенно определенных указаний на то, как это столкновение растет и делает войну между Америкой и Японией неизбежной, — мы становимся в то же положение, в котором были в течение трех лет: социалистическая республика, окруженная империалистскими странами, которые несравненно сильнее нас в военном отношении, которые все средства агитации и пропаганды пускают в ход, чтобы усилить ненависть к Советской республике, — и ни одного случая не упустят

для военного вмешательства, как они выражаются, т. е. для удушения Советской власти.

Если, памятуя это, мы бросим общий взгляд на прожитые три года, с точки зрения международного положения Советской республики, то станет ясно, что мы могли продержаться и могли победить неслыханно могущественный союз держав Антанты, поддерживаемый нашими белогвардейцами, только потому, что никакого единства между этими державами не было. Мы могли побеждать до сих пор только благодаря глубочайшим раздорам среди империалистских держав и только благодаря тому, что эти раздоры не были случайными партийными внутренними раздорами, а что это глубочайшая неискоренимая рознь экономических интересов между империалистскими странами, которые, стоя на почве частной собственности на землю и капитал, не могут не вести той хищнической политики, при которой попытки соединения их сил против Советской власти оказались пустыми. Если мы возьмем Японию, которая держала в своих руках почти всю Сибирь и которая, конечно, могла помочь во всякое время Колчаку, — основная причина, почему она этого не сделала, заключается в том, что ее интересы коренным образом расходятся с интересами Америки, что она не хотела таскать каштаны из огня для американского капитала. Зная такую слабость, мы естественно не могли вести какую-нибудь другую политику, кроме той, которая ставит себе задачей использовать эту рознь Америки и Японии таким образом, чтобы укрепить себя и оттянуть возможность соглашения Японии и Америки против нас, а что такое соглашение возможно, у нас уже имеется пример: в американских газетах был напечатан текст соглашения между всеми странами, которые обещали поддержку Колчаку⁹³.

Конечно, это соглашение распалось, но ничего нет невозможного в том, что они при первой возможности попытаются восстановить это соглашение. И, чем глубже, чем грознее будет расти коммунистическое движение, тем больше повторных попыток сделают они для удушения нашей республики. И отсюда наша политика — использовать рознь империалистских держав, чтобы затруднить соглашение или по возможности сделать его временно невозможным. Это — основная линия в течение трех лет нашей политики, которая вызвала необходимость подписания Брестского

мира, вызвала и необходимость подписания договора с Буллитом, — договора, крайне нам невыгодного, о мире и перемирии. Эта же линия определяется для нас сейчас таким образом, что мы за подобное предложение, как концессии, должны ухватиться обеими руками. Мы даем сейчас Америке Камчатку, которая по существу все равно не наша, ибо там находятся японские войска. Бороться с Японией мы в настоящий момент не в состоянии. Мы даем Америке такую территорию для экономической утилизации, где у нас абсолютно нет и куда мы не можем дать ни морских, ни военных сил. И, давая это, мы привлекаем американский империализм против японского и против ближайшей к нам японской буржуазии, которая до сих пор держит в руках Дальневосточную республику.

Так что главные интересы при переговорах о концессиях были у нас политические. И события последнего времени доказали с полнейшей очевидностью, что мы одними разговорами об этих концессиях уже выиграли. Мы концессий еще не дали и не можем дать до тех пор, пока американский президент не вступит в управление, а это будет не раньше марта месяца, и, кроме того, мы сохраняем возможность при детальной разработке договора отказаться от его подписания.

Значит, экономически этот вопрос совершенно второстепенный, и вся сущность его заключается в интересе политическом. А что мы выиграли, это доказывают все публикации в печати, которые мы получили. Вандерлип сам настаивал на том, что пока проект о концессиях должен быть оставлен в тайне. Он должен быть оставлен в тайне до тех пор, пока не победит республиканская партия. И мы согласились не опубликовывать как его письма, так и всего предварительного проекта. Но оказалось, что такого рода тайну скрыть долгое время нельзя. И как только Вандерлип приехал в Америку, так тотчас же начались разного рода разоблачения. До выборов в Америке кандидатом в президенты, который теперь уже победил, был Гардинг. Этот Гардинг поместил в газетах опровержение о том, что будто он ведет через Вандерлипа сношения с Советской властью. Его опровержение было очень категорическое, почти следующего характера: Вандерлипа не знаю и никаких сношений с Советской властью не признаю. Но совершенно понятно, чем было вызвано такое

опровержение. Накануне выборов в буржуазной Америке прослыть сторонником соглашения с Советской властью для Гардинга значило потерять, может быть, несколько сот тысяч голосов, и поэтому он поспешил опубликовать, что он никакого Вандерлипа не знает. Но, как только выборы окончились, мы начали получать из Америки сведения совершенно другого характера. Вандерлип в ряде газетных статей всячески рекомендует соглашение с Советской властью, и в одной газете написал даже, что он сравнивает Ленина с Вашингтоном. Получилось, таким образом, что мы имеем в буржуазных странах пропагандистов за соглашение с нами, и пропагандистов этих мы получили не в лице советского посла и не в среде каких-нибудь журналистов, а в среде представителей эксплуататоров худшего типа, каким является Вандерлип.

Когда мне на собрании ответственных работников пришлось рассказывать то, что я рассказываю сейчас, то один товарищ, вернувшийся из Америки, где он работал на заводах Вандерлипа, выражал нам свой ужас и говорил, что такой эксплуатации, какую он видел на заводах Вандерлипа, он нигде в другом месте не видел. И вот в лице такой акулы капитализма мы получили пропагандиста торговых сношений с Советской Россией, и если бы мы даже кроме предполагаемого договора о концессиях ничего не получили, то и тогда можно сказать, что мы выиграли. У нас есть целый ряд сообщений, конечно, тайных, что капиталистические страны не бросили намерения весной вновь начать войну с Советской Россией. У нас есть целый ряд сведений, что подготовительные шаги некоторыми капиталистическими державами делаются, а белогвардейщина, можно сказать, ведет подготовительную работу во всех державах. Поэтому наш главный интерес — добиться восстановления торговых отношений, а для этого надо иметь хоть некоторую часть капиталистов на своей стороне.

В Англии борьба идет давно. Мы выиграли уже тем, что получили от представителей злейшей капиталистической эксплуатации людей, которые стоят за политику восстановления торговых отношений с Россией. Договор с Англией, торговое соглашение с Англией еще не подписано. Красин ведет сейчас в Лондоне усиленные переговоры об этом. Английское правительство свой проект нам внесло, мы дали свой контрпроект, но все же мы видим, что англий-

ское правительство затягивает соглашение, что там успешно работает военная реакционная партия, которая до сих пор побеждала и которая мешает заключению торговых соглашений. Наш прямой интерес и наш прямой долг поддержать все то, что способно усилить партии и группы, стремящиеся к заключению с нами этого договора. В лице Вандерлипа мы получили такого сторонника, и это не только случайность, это нельзя объяснить только тем, что Вандерлип особенно предприимчив, или что Вандерлип очень хорошо знаком с Сибирью. Тут есть более глубокие причины, связанные с развитием интересов английского империализма, который владеет невероятным количеством колоний. Рознь между американским и английским империализмом тут глубока, и опереться на это — наш безусловный долг.

Я упомянул, что Вандерлип является особым знатоком Сибири. Когда наши разговоры стали подходить к концу, то товарищ Чичерин указал на то, что Вандерлипа следует принять потому, что это окажет прекрасное действие на дальнейшее его выступление в Западной Европе. И хотя, конечно, перспектива побеседовать с такой капиталистической акулой не принадлежит к числу приятных, но после того, как пришлось по должности беседовать весьма вежливо даже с покойным Мирбахом, меня, конечно, не мог испугать и разговор с Вандерлипом. Интересно, что, когда с Вандерлипом мы обменивались всякими любезностями и он стал шутя говорить о том, что американцы — народ чрезвычайно практический и никому не поверят, пока сами своими глазами не увидят, я ему также полушутя ответил: «Вот вы теперь посмотрите, как хорошо в Советской России, и в Америке у себя это введите». Он мне на это отвечал, но уже не по-английски, а по-русски: «Может быть». «Как, вы знаете даже по-русски?». Он говорит: «Я пять тысяч верст проехал по Сибири много лет тому назад, и Сибирь меня заинтересовала чрезвычайно». Такой шуточный обмен любезностями с Вандерлипом закончился тем, что Вандерлип, уходя, сказал: «Да, надо признаться, что у мистера Ленина рогов нет, и я должен буду это сказать всем своим знакомым в Америке». Было бы, конечно, не шуточным пустяком, если бы мы не получали дальнейших сообщений в европейской прессе, что Советская власть чудовище, что с ней нельзя вести сношений. Мы получили возможность

бросить в это болото камень, в лице Вандерлипа — сторонника восстановления торговых сношений с нами.

Было ли хотя бы одно сообщение из Японии, которое не говорило бы о чрезвычайных волнениях в торговых кругах Японии. Японское общественное мнение говорит, что оно никогда своими интересами не поступится, что оно против концессий с Советской властью. Одним словом, мы получили гигантское обострение вражды между Японией и Америкой и тем получили несомненное ослабление нажима Японии и Америки против нас.

На том собрании ответственных работников в Москве, где мне пришлось сообщать об этом факте, был задан во время дискуссии такого рода вопрос: «Выходит, — как писал один товарищ, — что мы втягиваем в войну Японию и Америку, но воевать будут рабочие и крестьяне. И хотя это империалистские державы, по нам, социалистам, разве пристало втягивать в войну две державы и приводить к пролитию крови рабочих?». Я на это ответил, что, если бы мы действительно втягивали в войну рабочих и крестьян, это было бы преступлением. Но вся наша политика и пропаганда направлена отнюдь не к тому, чтобы втягивать народы в войну, а чтобы доложить конец войне. И опыт достаточно показал, что единственно социалистическая революция является выходом из вечных войн. Таким образом, наша политика не состоит в натравливании в войну. Мы ничего не сделали такого, что оправдало бы войну, прямо или косвенно, между Японией и Америкой. Вся наша пропаганда и все газетные статьи полны выяснения той истины, что война между Америкой и Японией будет такой же империалистской войной, как была война английской группы с германской в 1914 году, что не о защите отечества надо будет думать социалистам, а о свержении власти капиталистов, о революции рабочих. Но, если мы, делающие все доступное нашим силам для ускорения этой революции, находимся в положении слабой социалистической республики, на которую нападают империалисты-разбойники, правильна ли наша политика использования розни между ними, чтобы затруднить для них соединение против нас? Конечно, такая политика правильна. Мы вели ее в течение четырех лет. И главным фактом проявления этой политики был Брестский договор. Пока германский империализм сопро-

тивлялся, мы, используя противоречия империалистов между собой, могли продержаться даже тогда, когда Красная Армия не была создана.

Вот положение, при котором сложилась наша концессионная политика по отношению к Камчатке. Этого рода концессия является довольно исключительной. Я дальше буду говорить о том, как складываются остальные объекты концессии. Сейчас я ограничусь политической стороной вопроса. Я хочу указать, что в отношениях между Японией и Америкой кроется объяснение того, почему предложение о концессиях или заманивание концессиями для нас выгодно. Концессия предполагает то или иное восстановление мирных соглашений, восстановление торговых отношений, предполагает возможность для нас открытия прямой широкой закупки необходимых для нас машин. И мы должны все усилия направить на то, чтобы это осуществить. Это еще не осуществлено.

Товарищ, который задает вопрос о восстановлении торговых отношений с Англией, спрашивает, почему задерживается подписание соглашения с Англией? Я отвечаю: задерживается потому, что английское правительство колеблется. Большинство буржуазии торговой и промышленной Англии стоит за восстановление сношений и ясно видит, что делать шаги, поддерживающие войну, это значит рисковать чрезвычайно и ускорить революцию. Вы помните, как во время нашего похода на Варшаву английское правительство пригрозило ультиматумом и сказала, что даст приказ флоту двинуться против Петрограда. Вы помните, как вся Англия покрылась «Комитетами действия», и меньшевистские вожди заявили, что они против войны, что они этой войны не допустят. С другой стороны, реакционная часть английской буржуазии и придворная военная клика стоят за продолжение войны. Нет сомнения, что их влиянию надо приписать, что подписание торгового соглашения задерживается. Отдельные перипетии этих торговых отношений с Англией, этого договора о торговых отношениях с Англией я рассказывать не стану, потому что это завело бы меня очень далеко. В Центральном Комитете партии приходилось этот щекотливый вопрос обсуждать в последнее время очень усердно. Мы возвращались к нему необыкновенно часто, причем наша политика здесь ясно определилась в сторону максимальной уступчивости.

Наша цель сейчас — получить торговое соглашение с Англией, чтобы начать товарообмен более правильно, чтобы для нашего широкого плана восстановления народного хозяйства получить возможность закупить необходимые машины возможно скорее. Чем скорее мы это сделаем, тем больше у нас будет основ для экономической независимости от капиталистических стран. Именно теперь, когда они ожглись на военном нашествии против России, немедленно думать о возобновлении войны они не могут; нам надо ловить момент и все силы направить на то, чтобы ценой хотя бы максимальных уступок добиться торговых сношений, ибо в прочие торговые сношения с империалистскими державами мы ни на секунду не верим: это будет временный перерыв. Опыт истории революций, крупных конфликтов учит тому, что войны, ряд войн неизбежен. Такой же вопрос, как существование Советской республики рядом с капиталистическими странами, — Советская республика, окруженная капиталистическими странами, — это такая недопустимая вещь для капитализма, что всякую возможность возобновления войны они ухватят. Сейчас народы устали от империалистской войны, они грозят возмущением при продолжении войны, но не исключена возможность, что по истечении небольшого числа лет капиталисты смогут возобновить ее. Вот почему мы должны направить все силы к тому, чтобы использовать возможность, поскольку она представляется, и заключить торговые договоры.

В июле, когда грозило полное поражение Польше, когда грозил разгром Польше Красной Армией, Англия предложила полный текст соглашения, в котором было сказано: принципиально вы должны заявить, что не будете вести официальной пропаганды и не предпринимать ничего против интересов Англии на Востоке. Это будет разработано дальнейшей политической конференцией, а сейчас мы заключаем торговое соглашение такое-то. Угодно вам подписать? Мы ответили: угодно. Мы говорим и сейчас, что это соглашение подписываем. Политической конференцией будут точнее определены интересы Англии на Востоке. Мы тоже имеем некоторые интересы на Востоке и, когда будет в этом надобность, мы их подробно изложим. Англия не может сказать прямо, что она отступает от своего июльского предложения. Поэтому она тянет и скрывает от своего

собственного народа правду относительно переговоров. Переговоры находятся в положении неопределенном, ручаться за то, что соглашение будет подписано, мы не можем. Сильнейшее влияние в Англии, придворное и военное, работает против этого соглашения. Но мы сейчас идем на максимальные уступки и думаем, что для нас интересно получить торговое соглашение и возможно быстро закупить кое-что из основного для восстановления транспорта, т. е. паровозы, для восстановления промышленности, для электрификации. Это — для нас важнее всего. Если мы это получим, то за несколько лет мы так укрепимся, что даже на худой конец, если через несколько лет будет военная интервенция, она сорвется, потому что мы будем сильнее, чем теперь. Наша политика в Центральном Комитете идет по линии максимальных уступок Англии. И если эти господа думают поймать нас на каких-либо обещаниях, то мы заявляем, что никакой официальной пропаганды наше правительство вести не будет, никаких интересов Англии на Востоке мы трогать не намерены. Если они надеются сшить себе на этом шубу, пусть попробуют, мы от этого не пострадаем.

Я подошел к вопросу об отношении Англии к Франции. Тут отношения запутанные. С одной стороны, Англия с Францией находятся в Лиге наций и обязаны действовать вместе, с другой стороны, при всяком обострении, они вместе не действуют. Когда тов. Каменев был в Лондоне и вел переговоры вместе с Красиным, это обнаружилось с ясностью. Франция была за то, чтобы поддержать Польшу и Врангеля, а английское правительство заявило: «Мы с Францией не пойдем». Концессии для Англии более приемлемы, чем для Франции, которая еще мечтает о получении долгов, а в Англии об этом перестали думать сколько-нибудь деловые капиталисты. И с этой стороны нам выгодно использовать рознь между Англией и Францией, а потому надо настаивать на политическом предложении концессий Англии. Сейчас мы имеем проект договора по отношению к лесным концессиям на дальнем севере. Мы находимся в таких условиях, когда благодаря тому, что политического единства между Англией и Францией нет, наша обязанность не отказываться даже и от известного риска, лишь бы достигнуть того, чтобы затруднить Англии и Франции военный союз против нас. Новая война,

которую Англия и Франция будут поддерживать против нас, принесет нам (даже при условии, что мы кончим ее вполне победоносно, так же, как кончили теперь с Врангелем) колоссальные тяготы, затруднит наше экономическо-хозяйственное развитие, ухудшит положение рабочих и крестьян. Поэтому мы должны идти на все, что принесет нам менее убытков. А что убытки от концессий — ничто, по сравнению с тем, чем оказалась бы задержка нашего хозяйственного строительства и гибель тысяч рабочих и крестьян, если не удастся противостоять союзу империалистов, — это ясно. И одним из таких средств противостоять их союзу есть переговоры с Англией о концессиях. Вот политическая сторона вопроса.

Наконец, возьмем отношение Англии и всей Антанты к Германии. Германия — самая передовая страна, за исключением Америки. По отношению к развитию электричества она по высоте техники стоит даже выше. И вот, эта страна, связанная Версальским договором, находится в условиях невозможных для существования. И при таком положении Германия, естественно, толкается на союз с Россией. Когда русские войска подходили к Варшаве, вся Германия кипела. Союз с Россией этой страны, которая задушена, которая имеет возможность пустить в ход гигантские производительные силы, — это толкало на то, что в Германии получилось политическое смешение: германские черносотенцы шли в сочувствии к русским большевикам со спартаковцами. И это вполне понятно, так как это вытекает из экономических причин, это составляет основу всего экономического положения и нашей внешней политики.

Наша внешняя политика, пока мы одиноки и капиталистический мир силен, с одной стороны, состоит в том, что мы должны использовать разногласия (победить все империалистские державы, это, конечно, было бы самое приятное, но мы довольно долго не в состоянии этого сделать). Существование наше зависит от того, что существует коренное расхождение империалистских держав, с одной стороны, а, с другой стороны, что победа Антанты и Версальский мир отбросили в положение невозможности жить гигантское большинство немецкой нации. Версальский мир создал такое положение, что Германия мечтает о переделке, мечтает о том, чтобы ее не грабили, чтобы у нее

не отнимали средств к жизни, чтобы не осуждали ее население на голодовку и вымирание, — мечтать об этом Германия не может, и естественно, что единственное для нее средство спасти себя — только в союзе с Советской Россией, куда она и направляет свой взгляд. Они бешено идут против Советской России, они ненавидят большевиков, они расстреливают своих коммунистов, как самые настоящие белогвардейцы. Немецкое буржуазное правительство бешено ненавидит большевиков, но интересы международного положения толкают его к миру с Советской Россией против его собственного желания. Это, товарищи, второй кит нашей международной, внешней, политики: доказать сознающим буржуазный гнет пародам, что им нет спасения вне Советской республики. И поскольку Советская республика устояла в течение трех лет против напора империалистов, то это говорит о том, что есть на свете одна страна, только одна страна, которая этот гнет империализма успешно отражает. Пусть это — страна «разбойников», «грабителей», «бандитов», большевиков и т. д., пусть так, а все-таки без этой страны экономического положения улучшить нельзя.

При таком положении вопрос о концессиях приобретает еще одну сторону. Вот эта брошюра, которая у меня находится в руках, это декрет от 23 ноября о концессиях. Она будет роздана всем членам съезда. Мы брошюру о концессиях намерены издать за границей на нескольких языках. Наша цель немедленно сделать все, чтобы заинтересовать в концессиях население наибольшего числа стран и именно тех стран, которые наиболее угнетены. Расхождение интересов Японии и Америки очень большое. Они не могут поделить между собой Китая, ряда островов и т. д. Расхождение интересов между Германией и Антантой другого рода. Существование Германии невозможно в силу тех условий, которые ей создала Антанта. Народ там умирает, так как Антанта берет двигатели и скот. Такое положение толкает Германию на сближение с Советской Россией. Я не знаю подробностей договора между Германией и Антантой, во всяком случае известно, что в этом договоре прямые торговые сношения между Германией и Советской Россией запрещены. Условия существования заставляют народ Германии в целом, не исключая германских черносоптенцев и капиталистов, искать сношения с Советской

Россией. Таким образом, ясно, что нам необходимо выдвигать концессии, как способ экономический, даже независимо от того, насколько проект удастся осуществить. Интерес к концессиям настолько ясен, что, если бы даже ни одной концессии нам предоставить не удалось, если бы даже ни один наш договор не был осуществлен (а это еще вполне возможно), если бы даже так оказалось, то все-таки мы выиграли бы, все-таки мы должны вести эту политику, потому что мы затрудняем этим поход империалистских стран против нас.

Независимо от этого, мы ко всем угнетенным народам в целом должны обращаться с указанием, — и это вытекает из Версальского договора, — что кучка стран душит другие народы, и эти народы обращаются к нашей помощи открыто или прикрыто, сознательно или бессознательно, но они привыкают сознавать экономическую необходимость союза с Советской Россией против международного империализма. Поэтому продовольственные концессии выходят из рамок старых буржуазных концессий, они уже не похожи на старые капиталистические концессии. Они остаются капиталистическими, поскольку мы говорим немецким капиталистам: привози столько-то тракторов, а мы тебе дадим целинную превосходную землю и хлеб. Мы привлекаем громадной прибылью капитал. В этом отношении концессия остается чисто капиталистическим предприятием, но она приобретает неизмеримо большее значение, поскольку Германии, как нации, Австрии и другим странам существовать нельзя, поскольку им продовольственная помощь необходима и поскольку весь народ, независимо от того, что капиталист наживает сто или двести процентов, поскольку весь народ видит, несмотря на предрассудки против большевизма, что большевики создают совершенно иные международные отношения, дающие возможность всем угнетенным народностям избавиться от империалистического гнета. Поэтому наш успех в течение прошлых трех лет будет еще большим успехом в течение ближайшего года в нашей внешней политике. Наша политика группирует вокруг Советской республики капиталистические страны, которые душит империализм. Вот почему это предложение концессий имеет значение не только капиталистическое, вот почему — это рука, протянутая не только германским капиталистам: «Привезите

нам сотни тракторов и берите хоть триста процентов на рубль», — а это рука, протянутая угнетенным народам, это союз угнетенных масс, который есть один из факторов грядущей пролетарской революции. Сомнения и опасения, которые еще существуют в передовых странах, которые говорят, что Россия могла рискнуть на социалистическую революцию потому, что она велика и имеет свои средства для жизни, а мы, промышленные страны Европы, не сможем этого предпринять, потому что у нас нет союзников, — неосновательны, и мы говорим: «У вас союзник уже есть — Советская Россия». И поскольку мы осуществим концессию, это будет тот союз, который упрочит союз против всемирного империализма. Это положение нельзя упускать из виду, оно оправдывает нашу политику концессий и указывает на необходимость заключения этих концессий.

Дальше несколько соображений чисто экономических. Я теперь перехожу к экономическим соображениям и прочту некоторые положения из закона, хотя я надеюсь, что товарищи, присутствующие здесь, этот закон от 23-го ноября читали. Но я кратко напомню его; он говорит о том, что концессионерам будет предоставляться вознаграждение долей продуктов, что, в случае особых технических усовершенствований, мы готовы дать торговые преимущества, что сроки концессий будут более или менее продолжительными в зависимости от объема и характера затрат. Мы гарантируем, что вложенное в предприятие имущество не конфискуется и не реквизируется.

Без этого, конечно, частный капитал и частный собственник в сношениях с нами быть не может. Но тут устранен вопрос о судах, который сначала был затронут в проекте договора. Потом мы увидели, что это невыгодно для нас. Таким образом, судебная власть на нашей территории остается в наших руках. В случае столкновения решать вопрос будут наши судьи. Это не будет реквизиция, а будет применение законных судебных прав наших судебных учреждений.

Пятый пункт говорит о кодексе законов о труде. С Вандерлином, по первоначальному проекту договора, было предусмотрено изъятие распространения кодекса законов о труде на местности, где живут, мы не знаем какие, слабо развитые племена. В этих местностях кодекс законов о труде невозможен. Изъятие будет состоять в том, что вместо

кодекса законов о труде будет заключен специальный договор о гарантиях рабочих.

Последний пункт, в котором мы гарантируем концессионеру недопустимость одностороннего изменения. Без этого, конечно, не может быть и речи о допущении концессий. А что значит не одностороннее изменение, этот вопрос оставлен открытым. Это зависит от текста договора относительно каждой концессии. Возможно третейское разбирательство из каких-либо нейтральных держав. Это — пункт, который может подать повод к разногласию и который оставляет известный простор при определении самих условий концессии. Надо указать на то, что, например, меньшевистские вожди рабочих считаются в капиталистическом мире людьми надежными. Они входят в буржуазные правительства, и буржуазным правительствам таких посредников или третейских судей, как меньшевики или социал-предатели европейских стран, отвести слишком трудно. Между тем, нам опыт показал, что при сколько-нибудь серьезных обострениях эти господа американские и европейские меньшевики не знают, как им вести себя, и вынуждены поддаваться напору революционных масс, оставаясь противниками революции. Это вопрос открытый. Мы его не предпрещаем.

Из этих условий, которые я вам прочитал, вы видите, что экономические отношения между концессионерами капиталистами и социалистической республикой далеки от прочности и устойчивости. Понятно, что капиталист, сохраняющий частную собственность и отношения эксплуатации, не может не быть в социалистической республике инородным телом. И отсюда вытекает то, что составляет один из главных предметов моего доклада: то, что концессия есть продолжение войны, только в иной форме. Я сейчас перейду к этому подробно, сначала я хочу изложить три главных вида или объекта концессий.

В этой брошюре мы написали перечень главных объектов концессий, и товарищи из ВСНХ, которые дали материал к этой брошюре и редактировали ее, приложили карты, наглядно показывающие эти объекты концессий. На этих картах видно, что объекты концессий разделяются на три главных вида: лесные концессии на дальнем севере — это раз, продовольственные концессии — это два, горные концессии в Сибири — три.

В лесных концессиях на дальнем севере Европейской России, где есть десятки, сотни миллионов десятин леса, который мы совершенно не в состоянии разработать за отсутствием путей сообщения, средств производства, за отсутствием возможности подвезти продовольствие для тамошних рабочих, где государству, обладающему сильным флотом, есть возможность правильно заготовить лесной товар и вывезти его в гигантских размерах, — интерес экономический для нас очевиден.

Если мы хотим товарообмена с заграницей, а мы его хотим, мы понимаем его необходимость, наш основной интерес — возможно скорее получить от капиталистических стран те средства производства (паровозы, машины, электрические аппараты), без которых восстановить нашу промышленность сколько-нибудь серьезно мы не сможем, а иногда и совсем не сможем, за недоступностью иметь для наших фабрик нужные машины. Надо подкупить капитализм сугубой прибылью. Он получит лишнюю прибыль, — бог с ней, с этой лишней прибылью, — мы получим то основное, при помощи чего мы укрепимся, станем окончательно на ноги и экономически его победим. Чтобы получить лучшие машины и пр., мы должны платить. Чем платить? Мы имеем несколько миллионов золотого фонда, который нам остался. Вы увидите в специальном плане по электрификации России, что этот план, рассчитанный на десятки лет, с дополнительной работой по восстановлению промышленности, вызовет необходимость расхода по приблизительному расчету до 17 миллиардов рублей золотом. Одна электрификация непосредственно будет стоить свыше миллиарда рублей золотом. Покрыть нашим золотым фондом мы этого не можем, вывозить продукты продовольствия для нас до последней степени нежелательно и опасно, потому что полного обеспечения продовольствием мы не имеем для своей промышленности, а покрыть надо. И здесь нет объекта более удобного для нас экономически, чем леса на дальнем севере, которые мы имеем в невероятном количестве, они там гниют, пропадают, потому что экономически мы не в силах их эксплуатировать. Между тем лес на международном рынке представляет гигантскую ценность. В этом отношении дальний север удобен нам и политически, потому, что это дальняя окраина. Эта концессия удобна нам и политически и экономически, и мы

на нее должны налегать больше всего. Милютин сообщал на совещании, которое было в Москве, о котором я вам говорил, что переговоры с Англией насчет этой концессии в северо-европейской России движутся. Там имеется несколько десятков миллионов десятин леса. Если мы три или пять миллионов десятин леса отдадим концессионерам в шахматном порядке, создавая для себя использование усовершенствованных предприятий, использование возможностей учиться, выговаривая возможность участия наших техников, мы выигрываем для себя многое и мы затрудняем для капиталистических держав, пошедших на сделку с нами, военные предприятия против нас, ибо война рвет все, при войне постройки, сооружения, пути сообщения достанутся нам. Предприятия новых возможных Колчаков, Деникиных и т. д. против нас не облегчаются.

Второй вид концессий — продовольственный. За исключением Западной Сибири, где есть громадная площадь первоклассной земли, недоступная для нас потому, что она находится далеко от путей сообщения, в одной Европейской России и по реке Уралу, — нашим Комиссариатом земледелия было дано соответственное задание и определено количество земель, которое мы не сможем обработать, не меньше, чем в 3 миллиона десятин по реке Уралу, оставленных казаками в результате победоносного окончания гражданской войны, — имеются превосходные земли, которые надо поднять, но которые при недостатке скота, при ослаблении производительных сил мы обработать не сможем.

В совхозах Донской области до 800 000 десятин, которые обработать мы не можем и для обработки которых нужно громадное количество скота либо целые тракторные отряды, которые пустить мы не можем, а некоторые капиталистические страны, в том числе нуждающиеся дозарезу в продовольствии — Австрия, Германия, Богемия, — могли бы пустить их в ход и получить превосходную пшеницу в летнюю кампанию. Насколько это нам удастся реализовать, мы не знаем. У нас сейчас работает два тракторных завода, в Москве и Петрограде, но при трудных условиях они не могут дать в большом количестве тракторов. Мы могли бы облегчить положение покупкой увеличенного количества тракторов. Тракторы — важнейшее средство для

радикальной ломки старого земледелия и для расширения запашек. Этими концессиями мы можем показать целому ряду стран, что мы можем развить мировое хозяйство в гигантских размерах.

Если бы наша пропаганда и наше предложение не увенчались успехом, если бы наше предложение оказалось непринятым, в нем остается не только политическая, но и социалистическая польза. То, что происходит в капиталистическом мире, есть не только расхищение богатства, а безумие и преступление, ибо в одних странах наблюдается избыток продовольствия, которое не может быть продано из-за валютных революций, потому что деньги обесценены в целом ряде стран, потерпевших поражение. Гниют громадные количества продовольствия, а в то же время десятки миллионов населения в таких странах, как Германия, прямо гибнут. Эти нелепости, это преступление капитализма становится очевидным для всех капиталистических стран и для маленьких стран, окружающих Россию. Выступает Советская республика и говорит: «У нас есть сотни тысяч превосходных земель, которые можно поднять тракторами, а у вас есть тракторы, у вас есть бензин и у вас есть обученные техники; и вот мы предлагаем всем народам, в том числе и народам капиталистических стран, сделать краеугольным камнем восстановление народного хозяйства и спасение всех народов от голода». Если капиталисты не понимают этого, это есть аргумент гнилости, безумия и преступности капиталистического порядка. Это будет иметь не только пропагандистское значение; это будет коммунистический призыв к революции, ибо показывает с несомненностью, которая внедряется в сознание всех народов все более, что капитализм разваливается, что он не может удовлетворить потребности. Ничтожное меньшинство империалистских стран наживается, а целый ряд других стран прямо находится на краю гибели. Мировое хозяйство требует реорганизации. И Советская республика с этим планом реорганизации, с этим совершенно деловым, бесспорным, осуществимым предложением выступает: «Вы умираете от голода при капитализме, несмотря на чудовищные богатства техники, — мы имеем возможность, соединяя вашу технику с нашим сырьем, разрешить кризис, но помехой являются капиталисты. Мы предлагаем им это сделать, а они тормозят,

срывают». Это — второй вид концессии, продовольственной или тракторной.

Третий вид концессий — горные. Они перечислены на карте Сибири, где подробно указана каждая местность, относительно которой идет речь в концессии. Горные богатства Сибири представляются совершенно необъятными, и мы даже, в лучшем случае, при большом успехе, в несколько лет не могли бы разработать одной сотой их доли. Они находятся в таких условиях, где требуется оборудование лучшими машинами. Здесь есть такие продукты, как медная руда, которая для капиталистических стран, для электрической промышленности необходима дозарезу, вследствие голода на эти продукты. Есть возможность восстановить мировое хозяйство и поднять всемирную технику, если вступить в правильные сношения с нами.

Эти концессии в отношении их осуществления, конечно, трудны, т. е. они представляют больше трудностей, чем концессии лесные, продовольственные. Там, в продовольственных концессиях, дело идет о тракторных кампаниях на короткое время. Лесные тоже не так трудны, тем более что это объект, недоступный для нас, но горные концессии находятся частью на недалеком расстоянии от железной дороги, частью в местах очень населенных, и здесь опасность большая, и мы будем более тщательно взвешивать, давать ли их, и будем ставить определенные условия, ибо нет никаких сомнений, что концессии — это новая война. Капиталисты приходят к нам на новую войну, самое существование капиталистов — уже война против социалистического мира. Экономически-капиталистические предприятия в социалистическом государстве — это война за свободную торговлю, против политики разверстки, война за частную собственность, против республики, отменившей эту собственность. И на этом экономическом корне вырастает целый ряд взаимоотношений (вроде как военные отношения между «сухарежкой»⁹⁴ и нашими учреждениями). Нам могут сказать, что вы «сухарежку» закрываете и открываете новый ряд «сухаревок», впуская капиталистов. Мы на это глаз не закрываем и говорим, что, если до сих пор мы победили, победили тогда, когда у наших врагов все средства были пущены в ход для срыва наших предприятий, когда этот срыв производился изнутри вместе со срывом извне, то неужели мы не сумеем на опре-

деленных участках, когда у нас будут определенные условия и отношения, справиться, проследить. У нас практический опыт борьбы с военным шпионажем, с капиталистическим саботажем имеется. Мы боролись, когда они прятались в наших собственных учреждениях, — неужели мы не сумеем сладить, когда у нас будут пущены капиталисты по определенным спискам, с определенными условиями? Конечно, мы знаем, что эти условия они будут нарушать, мы будем бороться против этих нарушений. Но, товарищи, это война — концессии с капиталистическими устоями. Пока мы не сбросили капитала в других странах, пока он гораздо сильнее нас, он сможет во всякое время направить против нас свои силы, опять выступить против нас в войне. И нам поэтому нужно сделаться сильнее, а для этого нужно развить крупную промышленность, нужно поднять транспорт. Мы, проводя это, идем на риск, тут снова военные отношения, снова борьба, и если они будут подрывать нашу политику, то мы будем восвать против них. Было бы большой ошибкой думать, что мирный договор о концессиях — мирный договор с капиталистами. Это — договор относительно войны, но договор менее опасный для нас, менее тяжелый и для рабочих и крестьян, менее тяжелый, чем в тот момент, когда против нас бросали лучшие танки и пушки, и поэтому мы должны применить все способы, придти к тому, чтобы ценой экономических уступок развить свои экономические силы, облегчать дело нашего экономического восстановления. Конечно, капиталисты не будут исполнять договоры, — говорят товарищи, боящиеся концессий. Само собой разумеется, обнадёживать себя, что капиталисты будут исполнять договор — абсолютно нельзя. Это будет война, и последний довод, который вообще остается доводом, входящим в отношения социалистической республики, — это война.

Эта война сейчас нам угрожает с часу на час. У нас ведутся мирные переговоры с Польшей, и мы имеем все шансы, что мир будет подписан или по крайней мере, чтобы быть точнее, огромное большинство шансов за заключение этого мира. Но что Савинковы и французские капиталисты работают за то, чтобы этот договор сорвать, это несомненно. Война не сегодня, так завтра для капиталистов возможна, и они охотно начали бы ее уже сейчас,

если бы только не были научены трёхлетним опытом. Концессии, это — известный риск; концессии, это — убыток; концессии, это — продолжение войны. Это — несомненно, но эта война нам выгоднее. Когда известный минимум средств производства, паровозов и машин мы получим, тогда мы экономически не будем тем, чем были до сих пор, и тогда империалистские страны будут еще менее нам опасны.

Нам говорили, что концессионеры создадут исключительные условия для своих рабочих, привезут для них лучшую одежду, лучшую обувь, лучшее продовольствие. Такова будет тогда их пропаганда среди наших рабочих, которые должны терпеть лишения и долгое время еще будут их терпеть. Получится — социалистическая республика, в которой рабочие бедствуют, а рядом капиталистический остров, где рабочие живут прекрасно. Такие опасения слышатся очень часто на наших партийных собраниях. Конечно, этого рода опасность остается и показывает, что концессия есть продолжение войны, а не мир, но если мы испытывали лишения гораздо большие и вместе с тем видели, что рабочие из капиталистических стран все-таки идут к нам, хотя и знают, что экономические условия, ожидающие их в России, гораздо хуже, то неужели здесь от такой пропаганды мы не сможем защититься нашей контрпропагандой, неужели мы не сможем доказать рабочим, что капитализм, конечно, может известным группам своих рабочих создать условия лучшие, но что от этого условия остальной массы рабочих не улучшаются? Наконец, почему от всех соприкосновений с буржуазной Европой и Америкой всегда выигрывали мы, а не они? Почему до сих пор боятся посылать делегации они к нам, а не мы к ним? До сих пор из делегаций, которые они присылали к нам, мы всегда откалывали на свою сторону хоть небольшую часть, несмотря на то, что делегации состояли главным образом из меньшевистского элемента, и это были люди, приезжавшие к нам на время. И мы будем бояться, что не сумеем разъяснить правды рабочим?! Мы были бы очень плохи, если бы этого боялись, если бы эти соображения поставили выше того прямого интереса, который в концессиях имеет наивысшее значение. Положение наших крестьян и рабочих остается тяжелым. Надо его улучшить. На этот счет у нас не может быть никаких сомнений.

Я думаю, что мы сойдемся на том, что политика концессий есть также политика продолжения войны, но наша задача удержать существование одинокой социалистической республики, окруженной капиталистическими врагами, сохранить республику, неизмеримо более слабую, чем капиталистические враги кругом ее, устранить этим возможность врагам создать союз между собой для борьбы против нас, помешать их политике, не дать им возможности одержать победу; наша задача обеспечить для России необходимые орудия и средства для восстановления хозяйства, ибо, когда мы это получим, тогда мы так прочно станем на ноги, что нам никакие капиталистические враги не будут страшны. Вот та точка зрения, которая руководила нами в нашей политике относительно концессий и которую я изложил.

2

ДОКЛАД О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
22 ДЕКАБРЯ

(Возгласы с мест: «Да здравствует товарищ Ленин!» Гром аплодисментов. Бурная овация.) Товарищи, мне предстоит сделать доклад о внешней и внутренней политике правительства. Я понимаю задачу своего доклада не так, чтобы дать вам перечень хотя бы крупнейших или важнейших законопроектов и мероприятий рабоче-крестьянской власти. Я думаю, что вас не интересовал бы также и не представлял бы существенного значения рассказ о событиях за это время. Мне думается, что надо попытаться обобщить главные уроки, которые мы получили за этот год, не менее богатый крутыми поворотами политики, чем предыдущие годы революции, и из обобщения уроков опыта за год вывести самые неотложные политические и хозяйственные задачи, которые перед нами стоят и на которые Советская власть и через свои законопроекты, внесенные на ваше усмотрение и утверждение, и через всю совокупность своих мер возлагает сейчас больше всего надежд, придает им больше всего значения и от выполнения их ждет серьезных успехов в деле нашего хозяйственного строительства. Поэтому позвольте мне ограничиться лишь краткими замечаниями о международном положении республики и о главных итогах минувшего года в области внешней политики.

Вы все знаете, конечно, как навязали нам польские помещики и капиталисты войну под давлением и натиском капиталистических стран Западной Европы, и не только одной Западной Европы. Вы знаете, как мы в апреле текущего года предлагали мир польскому правительству на условиях, несравненно более выгодных для него, чем тепе-

решение, и только под давлением крайней необходимости, после полных неуспехов наших переговоров о перемирии с Польшей, мы вынуждены были пойти на войну, которая, несмотря на крайне тяжелое поражение, понесенное нашими войсками под Варшавой в силу несомненного переутомления их войной, кончилась, однако, миром для нас более выгодным, чем тот, который мы предлагали Польше в апреле. Предварительный мир с Польшей подписан, и сейчас имеют место переговоры о подписании окончательного мира. Мы не скрываем от себя несколько той опасности, которая состоит в давлении некоторых из наиболее упорных капиталистических стран, а также в давлении определенных кругов русских белогвардейцев, с целью не дать этим переговорам окончиться миром. Но мы должны сказать, что политика Антанты, направленная на военное вмешательство и военное подавление Советской власти, терпит все более и более крах, и все большее и большее число государств, стоящих безусловно на враждебной, по отношению к Советской власти, платформе, мы перетягиваем на сторону нашей политики мира. Число государств, подписавших мирный договор, увеличивается, и есть большая вероятность, что в ближайшее время окончательный мирный договор с Польшей будет подписан, и таким образом будет нанесен еще один серьезнейший удар союзу капиталистических сил, пытающихся вырвать у нас власть военным путем.

Товарищи, вы знаете, конечно, также, что временные неуспехи наши в войне с Польшей и тяжесть нашего положения в некоторые моменты войны зависели от того, что мы должны были бороться против Врангеля, официально признанного одной империалистской державой⁸⁶ и получавшего колоссальные средства материальной, военной и иной помощи. И мы должны были, чтобы закончить войну как можно скорее, прибегнуть к быстрому сосредоточению войск, чтобы нанести Врангелю решительный удар. Вы знаете, конечно, какой необыкновенный героизм проявила Красная Армия, одолев такие препятствия и такие укрепления, которые даже военные специалисты и авторитеты считали неприступными. Одна из самых блестящих страниц в истории Красной Армии — есть та полная, решительная и замечательно быстрая победа, которая одержана над Врангелем. Таким образом, война, навязанная

нам белогвардейцами и империалистами, оказалась ликвидированной.

Мы можем теперь с гораздо большей уверенностью и твердостью взяться за близкое нам, необходимое и привлекающее нас к себе давно уже дело хозяйственного строительства, с уверенностью, что так легко сорвать эту работу, как прежде, капиталистическим хозяевам не удастся. Но, разумеется, мы должны быть начеку. Мы ни в коем случае не можем сказать, что от войны мы уже гарантированы. И этот недостаток гарантии состоит вовсе не в том, что у нас нет еще формальных мирных договоров. Мы прекрасно знаем, что остатки армии Врангеля не уничтожены, а спрятаны не очень далеко и находятся под опекой и под охраной и восстанавливаются при помощи капиталистических держав, что белогвардейские русские организации работают усиленно над тем, чтобы попытаться создать снова те или иные воинские части и вместе с силами, имеющимися у Врангеля, приготовить их в удобный момент для нового натиска на Россию.

Поэтому военную готовность мы должны сохранить во всяком случае. Не полагаясь на нанесенные уже империализму удары, мы свою Красную Армию во что бы то ни стало должны сохранить во всей боевой готовности и усилить ее боевую способность. Этому, конечно, не мешает освобождение известной части армии и быстрая ее демобилизация. Мы рассчитываем, что громадный опыт, который за время войны приобрела Красная Армия и ее руководители, поможет нам улучшить теперь ее качества. И мы добьемся того, что при сокращении армии мы сохраним такое основное ядро ее, которое не будет возлагать непомерной тяжести на республику в смысле содержания, и в то же время при уменьшенном количестве армии мы лучше, чем прежде, обеспечим возможность в случае нужды снова поставить на ноги и мобилизовать еще большую военную силу.

И мы уверены, что все соседние государства, которые много потеряли уже из-за поддержки против нас белогвардейских заговоров, достаточно учли непререкаемый урок опыта и оценили по-настоящему нашу примирительность, которую все толковали как нашу слабость. Они должны были убедиться после трех лет опыта, что, когда мы проявляем самое устойчивое и мирное настроение, мы в то

же время в военном отношении являемся готовыми. И всякая попытка войны против нас будет означать для государств, которые втянутся в такую войну, ухудшение тех условий, которые они могли бы иметь без войны и до войны, по сравнению с теми, которые они получают в результате и после войны. Это доказано по отношению к нескольким государствам. И это есть наше завоевание, от которого мы не откажемся и которого ни одна из окружающих нас или находящихся в политическом соприкосновении с Россией держав не забудет. Благодаря этому у нас непрерывно улучшаются отношения с соседними государствами. Вы знаете, что мир окончательно подписан с целым рядом находящихся на западных границах России государств, входивших прежде в состав бывшей Российской империи и получивших от Советской власти безоговорочное, согласно основным принципам нашей политики, признание их независимости, их суверенности. Мир на этих основах имеет все шансы быть более прочным, чем того желали бы капиталисты и некоторые из западноевропейских государств.

По отношению к латвийскому правительству я должен сказать, что одно время нам грозило как будто бы ухудшение отношений, доходившее даже до возможности возникновения мысли о прекращении дипломатических отношений. Но как раз последний доклад нашего представителя в Латвии указывает на то, что произошла уже перемена политики, устранены многие из недоразумений и законных поводов к недовольству. Есть серьезная надежда, что в ближайшее время мы будем в тесных экономических сношениях с Латвией, которая при товарообмене с Западной Европой, понятное дело, будет еще более полезна для нас, чем Эстония и другие граничащие с РСФСР государства.

Я должен также отметить, товарищи, что на Востоке наша политика за этот год одержала крупные успехи. Мы должны приветствовать образование и упрочение Советских республик, Бухарской, Азербайджанской и Армянской, восстановивших не только свою полную независимость, но и взявших власть в руки рабочих и крестьян. Эти республики являются доказательством и подтверждением того, что идеи и принципы Советской власти доступны и немедленно осуществимы не только в странах, в промышленном отношении развитых, не только с такой

социальной опорой, как пролетариат, но и с такой основой, как крестьянство. Идея крестьянских Советов победила. Власть в руках крестьян обеспечена; в их руках земля, средства производства. Дружественные отношения крестьянско-советских республик с Российской социалистической республикой уже закреплены практическими результатами нашей политики.

Мы можем приветствовать также предстоящее подписание договора с Персией, дружественные отношения с которой обеспечены в силу совпадения коренных интересов у всех народов, страдающих от гнета империализма.

Мы должны отметить также, что дружественные отношения у нас все более и более налаживаются и укрепляются с Афганистаном и еще более с Турцией. По отношению к последней державе страны Антанты делали все с их стороны для того, чтобы сделать невозможными сколько-нибудь нормальные отношения между Турцией и западно-европейскими странами. Это обстоятельство, в связи с упрочением Советской власти, все более и более обеспечивает то, что, несмотря на все противодействие и все интриги буржуазии, несмотря на сохранение буржуазных стран вокруг России, — союз и дружественные отношения России с угнетенными восточными нациями укрепляются, ибо главнейший во всей политике факт есть империалистическое насилие в отношении к народам, которые не имели счастья попасть в число победителей, и эта мировая политика империализма вызывает сближение, союз и дружбу всех угнетенных народов. И успех, которого мы достигли в этом отношении и на Западе по отношению к государствам более европеизированным, показывает, что настоящие основы нашей внешней политики правильны и что улучшение нашего международного положения стоит на прочной базе. Мы уверены, что при продолжении с нашей стороны политики миролюбия, при уступках, которые мы сделаем (а мы должны их делать, чтобы избежать войны), несмотря на все интриги и замыслы империалистов, которые, конечно, смогут всегда поспорить то или иное государство с нами, несмотря на все это, основная линия нашей политики и основные интересы, вытекающие из самой сущности империалистской политики, берут свое и все более и более заставляют теснее связываться РСФСР с растущим вокруг нее числом соседних государств.

А это — залог того, что мы делу хозяйственного строительства сможем отдаться коренным образом, сможем работать спокойно, твердо и уверенно более продолжительное время.

Я должен сказать также, что в настоящее время происходят переговоры с Англией о подписании торгового соглашения. К сожалению, эти переговоры затягиваются гораздо дольше, чем мы бы этого желали, но мы в этом отношении абсолютно неповинны. Еще в июле, когда английское правительство в момент наибольшего успеха советских войск официально нам предложило текст соглашения, обеспечивающего возможность торговых сношений, мы ответили полным согласием, но с тех пор борьба течений в английском правительстве и английском государстве затормозила это дело. Мы видим колебания английского правительства, угрозы порвать совсем с нами сношения, немедленно послать флот на Петроград. Мы это видели, но мы видели в то же время, как вся Англия покрывалась в ответ на эту угрозу «Комитетами действия». Мы видели, как наиболее крайние сторонники оппортунистического направления и их вожди под давлением рабочих должны были стать на этот путь совершенно «неконституционной» политики, которую они сами осуждали вчера. Оказалось, что сила давления и сознательности трудящихся масс, вопреки всем меньшевистским предрассудкам, до сих пор господствовавшим в английском профессиональном движении, настолько проложила себе дорогу, что обламывала острие у воинственной политики империалистов. И сейчас, продолжая мирную политику, мы стоим на почве того июльского проекта, который предложен английским правительством. Мы готовы подписать торговое соглашение немедленно, а если оно до сих пор не подписано, то вина исключительно на тех течениях и веяниях в английских правящих кругах, которые хотят сорвать торговое соглашение, которые хотят, вопреки воле большинства не только рабочих, но даже вопреки воле большинства английской буржуазии, еще раз иметь возможность с развязанными руками сделать нападение на Советскую Россию. Это их дело.

Чем дольше такая политика будет продолжаться в некоторых влиятельных кругах Англии, в кругах финансового капитала и империалистов, тем больше она обостряет

финансовое положение, тем больше она оттягивает полусоглашение, которое теперь необходимо между буржуазной Англией и Советской республикой, тем больше она приближает империалистов к тому, что они должны будут принять потом не полусоглашение, а полное соглашение.

Товарищи, я должен сказать, что в связи с этим торговым соглашением с Англией стоит вопрос, который является одним из крупнейших в нашей экономической политике, — это вопрос о концессиях. К числу важнейших законов, которые были приняты Советской властью за отчетное время, принадлежит закон 23 ноября текущего года — о концессиях. Вы все знакомы, конечно, с текстом этого закона. Вы все знаете, что мы теперь опубликовали дополнительные материалы, которые могли бы всем членам съезда Советов дать наибольшее осведомление по этому вопросу. Мы опубликовали отдельную брошюру не только с текстом этого декрета, но и перечень главнейших объектов концессий, именно — продовольственных, лесных и горных. Мы приняли меры к тому, чтобы опубликование текста этого декрета как можно скорее попало в западноевропейские государства, и мы надеемся, что наша политика концессий будет успешна и с практической стороны. Мы несколько от себя не скрываем опасностей, которые с этой политикой связаны в социалистической Советской республике, и притом в стране слабой и отсталой. Пока наша Советская республика останется одинокой окраиной всего капиталистического мира, до тех пор думать о полной нашей экономической независимости и об исчезновении тех или иных опасностей было бы совершенно смешным фантазерством и утопизмом. Конечно, пока такие коренные противоположности остались, — остаются и опасности, и от них никуда не убежишь. Нам надо только прочно стоять, чтобы их пережить, уметь отличать опасности большего значения от опасностей меньшего значения и предпочитать менее значительные большим.

Недавно нам было сообщено, что на Арзамасском уездном съезде Советов Нижегородской губ. один беспартийный крестьянин по поводу концессий заявил: «Товарищи, мы вас посылаем на Всероссийский съезд и заявляем, что мы, крестьяне, готовы еще три года голодать, холодать, нести повинности, только Россию-матушку на концессии

не продавайте». Я чрезвычайно рад приветствовать такого рода настроения, которые распространены очень и очень широко. Я думаю, что именно показательно для нас то, что среди беспартийной трудящейся массы, не только рабочих, но и крестьян, созрел за три года тот политический и хозяйственный опыт, который позволяет и заставляет выше всего ценить освобождение от капиталистов, который заставляет относиться с тройной зоркостью и с чрезвычайной подозрительностью ко всякому шагу, который несет за собой возможные новые опасности в смысле восстановления капитализма. Несомненно, к такого рода заявлениям мы прислушиваемся со всем вниманием, но мы должны сказать, что о продаже России капиталистам нет и речи, что речь идет о концессиях, причем каждый договор о концессиях обусловлен определенным сроком, определенным соглашением и обставлен всеми гарантиями, которые тщательно продуманы, которые еще не раз будут обдуманы и обсуждены вместе с вами на настоящем съезде и на всяких дальнейших совещаниях, и эти временные договоры не похожи на продажу. Они не имеют ничего общего с продажей России, но они представляют из себя известную экономическую уступку капиталистам с тем, чтобы таким путем получить нам возможность как можно скорее приобрести те необходимые машины и паровозы, без которых восстановление нашего хозяйства мы осуществить не можем. Мы не вправе пренебрегать ничем, что может хотя бы немного способствовать улучшению положения рабочих и крестьян.

Нужно сделать максимум того, что возможно для быстрого восстановления торговых отношений. И они, эти переговоры, идут сейчас полулегально. Мы заказываем паровозы, машины далеко не в достаточном числе, но мы начали их заказывать. Если мы будем вести переговоры легально, мы разовьем эти возможности в громадных размерах. При помощи промышленности мы добьемся многого, и притом в более короткий срок, но даже и при большом успехе этот срок измеряется годами, рядом лет. Надо помнить, что если мы сейчас одержали военную победу, получили мир, то, с другой стороны, история учит нас, что ни один крупный вопрос, ни одна революция не решались иначе, как в ряде войн. И этого урока мы не забудем. Сейчас мы целый ряд могучих держав отучили от войны

с нами, но надолго ли, мы ручаться не можем. Надо быть готовыми к тому, что при малейшем изменении положения империалистские хищники снова направятся на нас. Надо быть готовыми к этому. Поэтому прежде всего надо восстановить хозяйство, надо прочно поставить его на ноги. Без оборудования его, без машин из капиталистических стран сделать этого скоро нельзя. И не жалко при этом лишней прибыли для капиталистов, лишь бы добиться этого восстановления. Нужно, чтобы рабочие и крестьяне были настроены так, как те беспартийные крестьяне, которые сказали, что они не боятся жертв и лишений. Сознавая опасность капиталистического вмешательства, они не смотрят на концессии с точки зрения сентиментальной, а видят в них продолжение войны, с перенесением беспощадной борьбы лишь в другую плоскость, видят возможность новых попыток буржуазии восстановить старый капитализм. Это прекрасно, это дает нам гарантию, что надзор и охрана наших интересов будут делом не только органов Советской власти, а каждого рабочего и крестьянина. И тогда, мы уверены, мы сумеем поставить охрану наших интересов, даже при исполнении концессионных договоров, на такую базу, на которой о возвращении власти капиталистов не может быть и речи; и мы достигнем того, что эту опасность мы доведем до минимума, что она будет меньше, чем опасность войны, что это затруднит возобновление войны и облегчит нам возможность в более короткий срок, в меньшее число лет (речь идет о довольно долгом ряде лет) возродить и развить наше хозяйство.

Товарищи, хозяйственные задачи, хозяйственный фронт выдвигается перед нами теперь опять и опять, как самый главный и как основной. Рассматривая тот законодательный материал, о котором мне приходится делать отчет вам, я убедился, что громадное большинство мероприятий и постановлений и Совнаркома и Совета Обороны состоит сейчас в частных, детальных, сплошь и рядом совершенно мелких мероприятиях, связанных с этой хозяйственной деятельностью. Вы, конечно, не ждете от меня перечня этих мероприятий. Это было бы крайне скучно и совершенно неинтересно. Я хотел только напомнить, что мы уже далеко не первый раз возвращаемся к этому выдвиганию трудового фронта на первое место. Вспомним резолюцию,

которую вынес ВЦИК 29 апреля 1918 года⁹⁶. Это была пора, когда навязанный нам Брестский мир разрезал Россию экономически, и мы оказались поставленными в чрезвычайно тяжелые условия непомерно хищническим договором. Тогда выяснилась возможность рассчитывать на передышку, дающую нам условия для восстановления мирной хозяйственной деятельности, и сейчас же — хотя мы теперь знаем, что она была весьма кратковременна — ВЦИК в резолюции от 29 апреля все внимание перенес на это хозяйственное строительство. Эта резолюция, которая не отменена и которая остается нашим законом, дает нам правильные перспективы для оценки того, как мы к этой задаче подходили и на что теперь для нашей работы, для доведения ее до конца, надо обратить большее внимание.

Из рассмотрения этой резолюции ясно, что многие из вопросов, над которыми нам приходится трудиться сейчас, поставлены были совершенно определенно, твердо и достаточно решительно еще в апреле 1918 года. Вспоминая это, мы говорим: повторение есть мать учения. И мы не смущаемся тем, что эти основные истины хозяйственного строительства мы сейчас повторяем. Мы будем повторять их еще много раз, но посмотрите, какая разница между тем провозглашением отвлеченных принципов, которое сделано в 1918 году, и той хозяйственной работой, которая практически уже начата. И, несмотря на гигантские трудности и постоянный срыв наших работ, мы подходим все ближе и конкретнее к практической постановке хозяйственных задач. Повторяться мы будем еще много и много раз. Без громадного числа повторений, без некоторого возвращения назад, без проверки, без отдельных исправлений, без новых приемов, без напряжения сил для убеждения отсталых и неподготовленных обойтись в строительстве нельзя.

Сейчас весь гвоздь политического момента состоит в том, что мы переживаем как раз переломный, переходный период, некоторый зигзаг, — период, когда от войны мы переходим к строительству хозяйственному. Это бывало и прежде, но не бывало в таких широких размерах. Это должно еще и еще раз напомнить нам, каковы общеполитические задачи Советской власти, в чем состоит своеобразие этого перехода. Диктатура пролетариата была успешна,

потому что умела соединять принуждение и убеждение. Диктатура пролетариата не боится принуждения и резкого, решительного, беспощадного выражения государственного принуждения, ибо передовой класс, более всего угнетавшийся капитализмом, имеет право осуществлять это принуждение, ибо он осуществляет его во имя интересов всех трудящихся и эксплуатируемых и обладает такими средствами принуждения и убеждения, которыми не располагал ни один из прежних классов, хотя у них и была несравненно большая материальная возможность пропаганды и агитации, нежели у нас.

Если поставить вопрос об итоге нашего трехлетнего опыта (ибо трудно по некоторым коренным пунктам подводить итог одного года), если поставить себе вопрос, чем же в конечном счете объясняются наши победы над врагом, гораздо более сильным, то приходится ответить: тем, что в организации Красной Армии были великолепно осуществлены последовательность и твердость пролетарского руководства в союзе рабочих и трудящегося крестьянства против всех эксплуататоров. Каким образом это могло произойти? Почему громадная масса крестьянства так охотно на это пошла? Потому, что она была убеждена, будучи в подавляющей своей части беспартийной, что нет спасения иначе, как в поддержке Советской власти. И она убедилась в этом, конечно, не из книжек, не из пропаганды, а из опыта. Ее убедил опыт гражданской войны, в частности — союз наших меньшевиков и эсеров, более родственной известным основным чертам мелкого крестьянского хозяйства. Опыт союза этих мелкобуржуазных партий с помещиками и капиталистами, а также опыт Колчака и Деникина убедил крестьянскую массу, что ничто среднее невозможно, что политика советской прямолинейности верна, что железное руководство пролетариата есть единственное средство, которое спасает крестьянина от эксплуатации и насилия. И только потому, что мы могли убедить в этом крестьянина, только поэтому наша политика принуждения, основанная на этом прочном и безусловном убеждении, имела такой гигантский успех.

Теперь мы должны помнить, что, при переходе на трудовой фронт, та же задача ставится перед нами в новой обстановке, в более широком масштабе, но та же задача,

которую мы имели перед собой, когда вели войны с белогвардейцами, когда мы видели такой энтузиазм и такое напряжение энергии рабоче-крестьянских масс, которого в других государствах ни при каких войнах не было и быть не могло. Беспартийные крестьяне, подобно тому арзамасскому крестьянину, слова которого я недавно приводил, действительно, из наблюдения и знакомства с жизнью, вынесли убеждение в том, что эксплуататоры представляют из себя беспощадного врага и что нужна беспощадная власть, чтобы их подавить. И мы к сознательному отношению к войне и к активной помощи ей привлекли такую массу народа, как никогда раньше. Чтобы так поголовно сочувствовали войне, понимали ее партийные и беспартийные рабочие и беспартийные крестьяне (а крестьяне в массе своей беспартийны), этого ни при одном политическом режиме не было и в десятой доле, как при Советской власти. В этом были основы того, почему мы, в конце концов, сильного врага победили. Здесь оправдывается одно из самых глубоких положений марксизма, в то же время являющееся самым простым и понятным. Чем больше размах, чем больше широта исторических действий, тем больше число людей, которое в этих действиях участвует, и, наоборот, чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов. В последнем счете потому наша революция все остальные революции далеко оставила за собой, что она подняла через Советскую власть к активному участию в государственном строительстве десятки миллионов тех, которые раньше оставались незаинтересованными в этом строительстве. Теперь подойдем с этой стороны к вопросу о новых задачах, которые перед нами стали, которые в десятках и сотнях отдельных постановлений Советской власти за это время прошли перед вами, которые на девять десятых составляли работу Совета Труда и Оборона (об этом придется сказать дальше) и, вероятно, больше, чем половину работы Совнаркома, — к вопросу о хозяйственных задачах: о создании единого хозяйственного плана, реорганизации самых основ экономики России, самых основ мелкого крестьянского хозяйства. Это — задачи, требующие втягивания

поголовно всех членов профсоюзов в это совершенно новое дело, которое при капитализме было им чуждо. Поставьте теперь вопрос, есть ли здесь то условие быстрой безоговорочной победы, которое создано во время войны, то условие, которое состоит в вовлечении в работу масс. Убеждены ли они, члены профсоюзов и большинство беспартийных, в необходимости наших новых приемов, наших великих задач хозяйственного строительства, убеждены ли они по всем этом так же, как были убеждены в необходимости все дать для войны, всем пожертвовать ради победы на фронте войны? Если так поставить вопрос, то вы должны будете ответить: несомненно, нет. Они далеко в этом не убеждены настолько, насколько это требуется.

Война была делом, которое в течение сотен и тысяч лет было понятно и привычно. Старые акты помещичьего насилия и зверства стояли так наглядно, что убеждать было легко, и даже крестьянство наиболее хлебных окраин, наименее связанное с промышленностью, даже это крестьянство убедить было нетрудно в том, что мы ведем войну за интересы трудящихся, и таким образом вызвать почти поголовный энтузиазм. Труднее будет добиться того, чтобы крестьянские массы и члены профессиональных союзов поняли эти задачи сейчас, чтобы они поняли, что по-старому жить нельзя, что, как ни укоренилась десятилетиями капиталистическая эксплуатация, надо ее преодолеть. Надо добиться, чтобы все поняли, что нам принадлежит Россия, что мы, рабочие и крестьянские массы, своей деятельностью, своей строгой трудовой дисциплиной, только мы можем пересоздать старые экономические условия существования и провести в жизнь великий хозяйственный план. Вне этого спасения нет. Мы отстаем и мы будем отставать от капиталистических держав; мы будем побиты, если мы не добьемся восстановления нашего хозяйства. Вот почему старые истины, которые я вам только что напомнил, старые истины о важности организационных задач, о трудовой дисциплине, о неизмеримо огромной роли профессиональных союзов, которая совершенно исключительна в этом отношении, — ибо другой организации, объединяющей широкие массы, нет, — эти старые истины мы не только должны повторять, но мы должны со всей силой осознать, что наступил переход от военных задач к задачам хозяйственным.

Мы имели полный успех в военной области, и теперь мы должны подготовить такой же успех для задач более трудных, требующих энтузиазма и самоотверженности от огромного большинства рабочих и крестьян. Надо убедить в новых задачах сотни миллионов людей, живших из поколения в поколение в рабстве и угнетении, в подавлении всякой самодеятельности; миллионы рабочих, состоящих в профсоюзах, но несознательных еще политически, не привыкших видеть себя хозяевами; надо их организовать не для сопротивления власти, а для поддержки, для развития мероприятий своей рабочей власти, для проведения их до конца. Этот переход связан с трудностями, это не новая задача с точки зрения простой формулировки. Но это задача новая, поскольку хозяйственная задача ставится впервые в массовом масштабе, и мы должны сознать и помнить, что война на хозяйственном фронте будет более трудной и более долгой; чтобы победить на этом фронте, надо будет большее число рабочих и крестьян сделать самодеятельными, активными и преданными. И это можно сделать, — за это говорит опыт хозяйственного строительства, приобретенный нами, — потому что сознание бедствия, холода, голода и всяческих лишений, в связи с недостатком производительных сил, глубоко коренится в массе. Нам надо направить сейчас внимание на то, чтобы от интересов политических и военных всю агитацию и всю пропаганду перевести на рельсы хозяйственного строительства. Мы много раз это провозглашали, но еще недостаточно, и я думаю, что из числа тех мероприятий, которые за этот год Советская власть осуществила, особенно выделяется создание Центрального бюро производственной пропаганды при ВЦСПС, объединение его с работой Главполитпросвета, создание добавочных газет, построенных по производственному плану, не только с перенесением внимания на производственную пропаганду, но и организация ее в общегосударственном масштабе.

Необходимость организации ее в общегосударственном масштабе вытекает из всех особенностей политического момента. Необходимо это и для рабочего класса, и для профессиональных союзов, и для крестьянства; это есть самая громаднейшая необходимость нашего государственного аппарата, который нами использован далеко не достаточно

для этой цели. У нас знания того, как нужно вести промышленность, как нужно заинтересовывать массы, книжных знаний об этом в тысячу раз больше, чем применения этих знаний на практике. Нам нужно добиться того, чтобы поголовно все члены профсоюзов были заинтересованы в производстве и чтобы они помнили, что, только увеличивая производство, повышая производительность труда, Советская Россия в состоянии будет победить. И только таким путем Советская Россия на десять лет сократит те ужасные условия, в которых она находится, тот голод и холод, которые она теперь переживает. Не поняв этой задачи, мы можем погибнуть все, потому что при слабости нашего аппарата мы должны будем отступать, так как капиталисты в любое время могут возобновить войну после того, как они немного отдохнут, а мы не в состоянии будем тогда продолжать эту войну. Мы не в состоянии будем тогда проявить нажим наших миллионных масс, и в этой последней войне мы будем разбиты. Вопрос стоит именно так, — долгий ряд войн до сих пор решал судьбу всех революций, всех величайших революций. Такой величайшей революцией является и наша революция. Мы кончили одну полосу войн, мы должны готовиться ко второй; но когда она придет, мы не знаем, и нужно сделать так, чтобы тогда, когда она придет, мы могли быть на высоте. Вот почему мы не должны отказываться от мер принуждения не только потому, что мы сохраняем пролетарскую диктатуру, которую уже поняли и массы крестьянства и беспартийные рабочие, которые все знают о нашей диктатуре пролетариата, и она им не страшна, она их не пугает, они в ней видят опору и твердость, т. е. то, что они могут противопоставить помещикам и капиталистам и без чего победить нельзя.

Это сознание, это убеждение, которое уже внедрилось в плоть и кровь крестьянской массы по отношению к задачам военным и политическим, надо еще перевести на задачи хозяйственные. Этот переход сразу, может быть, не удастся. Оп, может быть, без некоторых колебаний и рецидивов старой расхлябанности и мелкобуржуазной идеологии не пройдет. Надо еще с большим напряжением и усердием за эту работу взяться, памятуя, что мы беспартийных крестьян и малосознательных членов профессио-

нальных союзов убедим, ибо правда на нашей стороне, ибо опровергнуть то, что во второй полосе войн мы своих врагов без восстановления хозяйственной жизни не победим, — нельзя; давайте только добьемся, чтобы многие миллионы сознательнее отнеслись к войне на хозяйственном фронте. В этом задача Центрального бюро производственной пропаганды, в этом задача ВЦСПС, в этом задача всех партийных работников, в этом задача всех и всяких аппаратов Советской власти, в этом задача всей нашей пропаганды, которой мы достигли наших мировых успехов, ибо наша пропаганда во всем мире всегда говорила и говорит рабочим и крестьянам правду, а всякая другая пропаганда говорит им ложь. Нашу пропаганду нам надо перевести теперь на то, что гораздо труднее, — на то, что касается повседневной работы рабочих в мастерской, как бы ни были тяжелы условия этой работы, и как бы ни были сильны воспоминания вчерашнего капиталистического строя, воспитывающего недоверие к власти со стороны рабочих и крестьян. Надо и рабочих и крестьян убедить в том, что без нового сочетания сил, без новых форм государственного объединения, без новых форм, связанных с этим принуждением, мы из того болота, из той пропасти хозяйственного развала, на краю которой мы стоим, — не выйдем, а мы из этого выходить уже начали.

Я перейду, товарищи, к некоторым данным нашей хозяйственной политики и к нашим хозяйственным задачам, которые, мне кажется, дают характеристику теперешнего политического момента и всего того перехода, который перед нами стоит. Я, прежде всего, должен назвать наш аграрный проект, законопроект Совета Народных Комиссаров об укреплении и развитии сельскохозяйственного производства и помощи крестьянскому хозяйству, — законопроект, который напечатан 14 декабря текущего года и об основах которого все местные работники оповещены были еще раньше специальным радио, освещавшим самую суть этого законопроекта.

Нужно сразу поставить дело так, чтобы этот законопроект, — исходя из местного опыта (а он из него исходит), на местах это уже почувствовали, — подвергнут был на съезде самому тщательному обсуждению, так же как и среди представителей местных исполкомов и отделов

исполкомов. Наверное, не встретится теперь уже ни одного товарища, который сомневался бы в необходимости специальных и особенно энергичных мер помощи не только в смысле поощрения, но и в смысле принуждения, чтобы земледельческое производство поднять.

Мы были и остались страной мелкокрестьянской, и переход к коммунизму нам неизмеримо труднее, чем при всяких других условиях. Для того, чтобы этот переход совершился, нужно участие самих крестьян в десять раз большее, чем в войне. Война могла и должна была требовать часть взрослого мужского населения. Но наша страна, крестьянская, истощенная и сейчас, должна мобилизовать поголовно все мужское и женское население рабочих и крестьян. Убедить нас, коммунистов, работников земотделов, в том, что нужна государственная повинность, — не трудно. В этом, я надеюсь, ни тени принципиальных разногласий здесь при обсуждении представленного на ваше рассмотрение законопроекта от 14 декабря не будет. Надо понять другую трудность: убедить беспартийных крестьян. Крестьяне социалистами не являются. И строить наши социалистические планы так, как если бы они были социалистами, значит строить на песке, значит не понимать наших задач, значит не научиться за три года соразмерять наши программы и проводить наши начинания в соответствии с той нищей, подчас убогой действительностью, в которой мы находимся. Тут надо ясно представлять задачи, которые пред нами стоят. Первая задача, это — объединить работников-коммунистов земельных отделов, обобщить их опыт, уловить то, что на месте сделано, и внести это в те законопроекты, которые будут издаваться в центре от имени государственных учреждений, от имени Всероссийского съезда Советов. И мы надеемся, что мы это с вами сделаем. Но это лишь первый шаг. А второй шаг — убедить беспартийных крестьян, именно беспартийных, потому что они масса, и потому что сделать то, что мы сделать в состоянии, можно только увеличением в этой массе, которая сама по себе активна, самодеятельна, сознания необходимости взяться за это дело. Нельзя жить крестьянскому хозяйству по-старому. Если мы из первой полосы войн могли выйти, то из второй полосы войн мы не выйдем так легко, и поэтому необходимо на эту сторону обратить особое внимание.

Надо, чтобы эту несомненную истину каждый беспартийный крестьянин понял, и мы уверены, что он ее поймет. Он пережил все эти шесть лет, мучительных и тяжелых, недаром. Он не похож на довоенного мужика. Он тяжело страдал, он много размышлял и много перенес таких политических и экономических тягот, которые заставили его забыть многое старое. Мне думается, что он сам уже понимает, что по-старому жить нельзя, что надо жить по-иному, и мы должны все наши средства пропаганды, все наши государственные возможности, все наше образование, все наши партийные средства и силы, все это ударным порядком направить на то, чтобы убедить беспартийного крестьянина, и только тогда под наш аграрный законопроект, — который вы, я надеюсь, единогласно примете, примете его, конечно, с надлежащими исправлениями и добавлениями, — нами будет подведена настоящая база. Он только тогда будет прочен, как прочна наша политика, когда мы большинство крестьян убедим и привлечем к этому делу, потому что, — как справедливо сказал т. Кураев в одной статье, на основании опыта Татарской республики, — трудящиеся середняк и бедняк — друзья Советской власти, лодыри же — ее враги. Вот настоящая истина, в которой нет ничего социалистического, но которая так бесспорна и очевидна, что на любом сельском сходе, на любом собрании беспартийных крестьян она пройдет в сознание и станет убеждением подавляющего большинства крестьянского трудящегося населения.

Товарищи, вот что мне хочется более всего подчеркнуть вам сейчас, когда мы от полосы войн повернули к хозяйственному строительству. В стране мелкого крестьянства наша главная и основная задача — суметь перейти к государственному принуждению, чтобы крестьянское хозяйство поднять, начиная с мер самых необходимых, неотложных, вполне доступных крестьянину, вполне ему понятных. И суметь достигнуть этого можно только тогда, когда мы сумеем убедить новые миллионы, к этому неподготовленные. На это надо двинуть все силы и позаботиться о том, чтобы аппарат принуждения, оживленный, укрепленный, был базирован и развернут для нового размаха убеждения, и тогда мы эту военную кампанию окончим победой. Сейчас начинается военная кампания против остатков косности, темноты и недоверия среди крестьянских

масс. Старыми мерами тут не победишь; мерами же пропаганды, агитации и организованного воздействия, которому мы научились, мы одержим победу и добьемся того, чтобы не только декреты были приняты, чтобы учреждения были созданы, чтобы бумага заработала, — этого мало, что приказы полетят, — но чтобы к весне все было засеяно лучше, чем прежде, чтобы было известное улучшение в хозяйстве мелкого крестьянина, пусть самое элементарное, — чем осторожнее, тем лучше, — но, во что бы то ни стало, оно в массовом размере должно быть проведено. Если задачу нашу мы правильно поймем и обратим на беспартийного крестьянина все внимание, сосредоточим на этом все искусство, весь опыт, приобретенный за три года, тогда мы победим. Без такой победы, без практического массового улучшения хозяйства мелкого крестьянства нам спасения нет: без этой базы невозможно никакое хозяйственное строительство, и какие бы то ни было великие планы — ничто. Пусть товарищи об этом помнят и внушают это крестьянам; пусть скажут арзамасским беспартийным крестьянам, имя которым десять, пятнадцать миллионов, что голодать и холодать бесконечно нельзя, ибо нас в следующей полосе войн свергнут. Это интерес государственный, интерес нашего государства. Кто проявляет здесь малейшую слабость, малейшую расхлябанность, тот — величайший преступник против рабоче-крестьянской власти, тот помогает помещику и капиталисту, а помещик и капиталист держат близко свою армию, она у них наготове, чтобы броситься на нас, как только заметят, что мы слабеем. И нет средств, чтобы усилиться, кроме как поднять нашу главную опору — земледелие и городскую промышленность, — а ее поднять иначе нельзя, как убедив в этом беспартийного крестьянина, мобилизуя все силы на помощь ему, оказав ему эту помощь на деле.

Мы признаем себя перед крестьянином должником. Мы брали у него хлеб за денежные знаки, мы брали у него в долг, мы должны этот долг вернуть, и мы его вернем, восстановив нашу промышленность. Но, чтобы ее восстановить, нужны излишки сельскохозяйственного производства. Вот почему наш аграрный законопроект имеет не только то значение, что нам надо добиться практических целей, а еще и то, что около него, как около фокуса, груп-

пируются сотни постановлений и законопроектов Советской власти.

Теперь я перейду к тому, как складывается у нас сейчас база для нашего промышленного строительства, для того, чтобы нам начать воссоздание хозяйственных сил России. И здесь я должен прежде всего обратить ваше внимание из той груды отчетов, которые вы получили или на-днях получите во всех комиссариатах, на одно место в отчете нашего Комиссариата продовольствия. Каждый комиссариат даст вам в ближайшие дни груды фактических отчетных материалов, которые в своей совокупности подавляют своим обилием, но надо из них выделить то, что наиболее существенно, для того, чтобы добиться успеха, как бы он ни был скромн, то, что является основным для проведения всего нашего хозяйственного плана, для того, чтобы восстановить наше народное хозяйство и нашу промышленность. И вот одна из таких баз, это — состояние наших продовольственных заготовок. В этой книжечке, которая вам роздана, — отчет за три года Компрода, — есть табличка, из которой я прочту только итоговые цифры, да и то с округлением, потому что цифры читать и особенно слушать трудно. Это — цифры итогов заготовок по годам. С 1 августа 1916 по 1 августа 1917 г. заготовлено 320 миллионов пудов, следующий год 50, потом 100 и 200 миллионов пудов. Эти цифры — 320, 50, 100 и 200 — дают основу хозяйственной истории Советской власти, работы Советской власти в хозяйственной области, подготовку того фундамента, овладев которым, мы начинаем настоящим образом наше строительство. 320 миллионов пудов до революции — вот приблизительный минимум, без которого строить нельзя. Первый год революции при 50 миллионах — голод, холод, нищета в сильной степени; второй год — 100 миллионов; третий год — 200 миллионов. Удвоение каждый год. По сведениям, которые вчера дал мне Свидерский, к 15-му декабря имеется 155 миллионов. Мы в первый раз становимся на ноги. Фондом приблизительно в 300 миллионов располагать мы будем, может быть, и больше, а без такого фонда невозможно восстановить промышленность страны, невозможно думать о возрождении транспорта, невозможно даже подходить к великим задачам электрификации России. Никакая социалистическая страна не возможна, как государство

рабоче-крестьянской власти, если она не может совместными усилиями рабочих и крестьян собрать такой продовольственный фонд, чтобы обеспечить пропитание рабочих, занятых промышленностью, чтобы иметь возможность десятки и сотни тысяч рабочих двинуть туда, куда надо Советской власти. Без этого будут только разговоры. Настоящие основы хозяйства — это продовольственный фонд. И здесь успех достигнут громадный. Исходя из этих успехов, имея этот фонд, мы можем приступить к восстановлению народного хозяйства. Мы знаем, что эти успехи достигнуты ценою громадных лишений, голода и бескормицы в крестьянстве, которые могут еще усилиться. Мы знаем, что засушливый год обострил бедствия и лишения крестьян неслыханно. Мы поэтому меры помощи, которые в законопроекте, мной указанном, изложены, выдвигаем на первую очередь. Мы рассматриваем этот продовольственный фонд, как фонд восстановления промышленности, как фонд помощи крестьянству. Не имея его, государственная власть — ничто. Без такого фонда социалистическая политика останется только пожеланием. !

И мы должны помнить, что к производственной пропаганде, которую мы твердо решили проводить, присоединяется еще способ воздействия иного рода — это премирование натурой⁹⁷. Одним из крупнейших декретов и постановлений Совнаркома и Совета Обороны был закон о натуральном премировании. Нам далеко не сразу удалось его издать. С апреля, если вы посмотрите, идет целая длинная цепь решений и постановлений, и только тогда он был издан, когда громадными усилиями нашего транспорта нам удалось создать полумиллионный продовольственный фонд. Полмиллиона пудов — очень скромная цифра. Те отчеты, которые вы вчера наверное прочитали в «Известиях», показывают, что из этих 500 000 пудов 170 000 уже израсходованы. Фонд, как вы видите, неприглядный и далеко не достаточный, но все-таки мы вступили на тот путь, по которому пойдем дальше. Это — доказательство того, что мы не только убеждением перейдем к новым приемам работы. Мало говорить крестьянам и рабочим: напрягайте трудовую дисциплину. Надо кроме того им помочь, надо вознаградить тех, которые после неизмеримых бедствий продолжают проявлять героизм на

трудоном фронте. Фонд у нас создан, но пускается он в дело еще далеко не удовлетворительно: у нас в Совнаркоме имеется целый ряд указаний, что на практике премирование патурой означает часто простую прибавку к заработной плате. Тут надо еще много подработать. И рядом с совещаниями и дополнительными проектами в центре должна идти самая важная работа, это — работа на местах и среди широких масс. Понять, что государство не только убеждает, но и вознаграждает хороших работников лучшими условиями жизни, не трудно, и, чтобы понять это, не нужно быть социалистом, и тут мы заранее обеспечены сочувствием беспартийных рабочих и крестьянских масс. Нам надо лишь шире эту мысль распространить и практичнее поставить на местах эту работу.

Если мы перейдем теперь к топливу, то из тезисов т. Рыкова вы увидите цифры, в которых выражается достигнутое улучшение, улучшение не только с дровами, но и с нефтью. Теперь, при громадном энтузиазме, который проявляют рабочие в Азербайджанской республике, при дружественных отношениях, которые у нас установились, при умелых руководителях, данных Совнархозом, дело с нефтью идет хорошо, и мы начинаем становиться на собственные ноги и с топливом. Получение донецкого угля с 25 миллионов пудов в месяц мы повышаем до 50 миллионов, благодаря работе полномочной комиссии, которая послана в Донбасс под председательством т. Троцкого и в которой было принято решение, чтобы ответственных и опытных работников направить туда на работу. Сейчас туда послан для руководства т. Пятаков.

Таким образом нами в отношении топлива, чтобы добиться успеха, предприняты некоторые меры. Донецкий бассейн, одна из крупнейших баз, уже в нашем распоряжении. Мы можем пойти в протоколах Совнаркома и Совета Обороны постановления, касающиеся Донбасса. В них речь идет о посылке на места высших авторитетных комиссий, которые объединяют представителей центральной власти и работников на местах. Нам необходимо добиться подтягивания работы на местах, и мне кажется, что вот этим комиссиям удастся этого подтягивания добиться. Вы увидите результаты работы этих комиссий, которые будут нами и в дальнейшем также организовываться.

Я должен сказать, что в области топлива мы имеем один из крупнейших успехов в виде гидравлического способа добывания торфа. Торф, это — то топливо, которого у нас очень и очень много, но использовать которое мы не могли в силу того, что нам приходилось до сих пор работать в невыносимых условиях. И вот этот новый способ поможет нам выйти из того топливного голода, который является одной из грозных опасностей на нашем хозяйственном фронте. Мы долгие годы не в состоянии будем выйти из этого тупика, если у нас останется старое хозяйничанье. Работники нашего торфяного комитета помогли двум русским инженерам довести до конца это новое изобретение, и они добились того, что этот новый способ скоро близок к довершению. Итак, мы накануне великой революции, которая даст нам в хозяйственном отношении большую опору. Не надо забывать, что мы имеем необъятные богатства торфа. Но мы не можем их использовать потому, что мы не можем посылать людей на эту каторжную работу. Капиталистический строй мог посылать людей на каторжные работы. При капиталистическом государстве люди шли туда работать из-за голода, а при социалистическом государстве на эти каторжные работы мы посылать не можем, а добровольно никто не пойдет. Капиталистический строй все делал для верхов. Он о низах не заботился.

Нужно всюду больше вводить машин, переходить к применению машинной техники возможно шире. Добывание торфа гидравлическим способом, которое так успешно двинуто вперед ВСНХ, открывает возможность добывания топлива в огромном количестве и устраняет необходимость привлечения обученных рабочих, так как при таком способе могут работать и необученные рабочие. Мы эти машины произвели, я лично советовал бы товарищам делегатам посмотреть кинематографическое изображение работ по добыванию торфа, которое в Москве было показано и может быть продемонстрировано для делегатов съезда. Оно даст конкретное представление о том, где одна из основ победы над топливным голодом. Мы изготовили машины, которые употребляются при новом способе, но изготовили их плохо. Командировки за границу при налаживающемся товарообмене с заграницей, при хотя бы полулегально существующих торговых сношениях, помогут нам эти же

машины, нашими изобретателями составленные, получить исполненными великолепно. И числом этих машин, успехом работы Главного торфяного комитета и ВСНХ в этой области будут измеряться все наши хозяйственные успехи, ибо без победы над топливным голодом победы на хозяйственном фронте одержать нельзя. С этим связаны также жизненнейшие успехи в области восстановления транспорта.

Вы видели уже, между прочим, из тезисов гг. Емшанова и Троцкого, что здесь в этой области мы имеем дело с настоящим планом, на много лет разработанным. Приказ № 1042 был рассчитан на пять лет, и в пять лет мы наш транспорт восстановить можем, число больных паровозов уменьшить можем, и, пожалуй, как самое трудное, я хотел бы подчеркнуть указание в 9-м тезисе на то, что мы этот срок уже сократили.

И вот, когда появляются большие планы, на много лет рассчитанные, находятся нередко скептики, которые говорят: где уж там нам на много лет рассчитывать, дай бог сделать и то, что нужно сейчас. Товарищи, нужно уметь соединять и то и другое; нельзя работать, не имея плана, рассчитанного на длительный период и на серьезный успех. Что это на деле так, показывает несомненное улучшение работы транспорта. Я обращаю ваше внимание на то место в 9 тезисе, где говорится, что срок был пять лет для восстановления транспорта, но он уже сокращен, потому что мы работаем выше нормы; срок определяется в три с половиной года. Так нужно работать и в остальных хозяйственных отраслях. И к этому все больше и больше сводится практическая, реальная задача Совета Труда и Оборона. Следя за опытами науки и практики, на местах нужно стремиться неуклонно к тому, чтобы план выполнялся скорее, чем он назначен, для того чтобы массы видели, что тот долгий период, который нас отделяет от полного восстановления промышленности, опыт может сократить. Это зависит от нас. Давайте в каждой мастерской, в каждом депо, в каждой области улучшать хозяйство, и тогда мы срок сократим. И мы его сокращаем. Не бойтесь планов, рассчитываемых на долгий ряд лет: без них хозяйственного возрождения не построишь, и давайте на местах налегать на их выполнение.

Необходимо, чтобы хозяйственные планы выполнялись по определенной программе, и чтобы рост выполнения этой программы отмечался и поощрялся: массы должны не только знать, но и чувствовать, что сокращение периода голода, холода и нищеты всецело зависит от скорейшего выполнения ими наших хозяйственных планов. Все планы отдельных отраслей производства должны быть строго координированы, связаны и вместе составлять тот единый хозяйственный план, в котором мы так нуждаемся.

В связи с этим пред нами стоит задача объединения экономических наркоматов в единый экономический центр. К этой задаче мы подошли, и мы внесли на ваше рассмотрение постановление Совнаркома и Совета Труда и Оборона о реорганизации последнего учреждения.

Вы рассмотрите этот проект, и я надеюсь, что он с необходимыми исправлениями будет принят единогласно. Он очень скромный по своему содержанию, но он имеет не малое значение, потому что нам нужен орган, более твердо знающий свое положение и объединяющий всю хозяйственную работу, выдвигаемую на первый план.

К этой же задаче подошел в предсъездовской литературе тов. Гусев в своей брошюре, которая, кстати сказать, не так удачна, как была удачна его предыдущая брошюра. В этой брошюре был размахистый план образования Совета Труда и Оборона с переходом туда многих видных работников, в том числе мы находим тут имена Троцкого и Рыкова. Я бы сказал, поменьше такого фантазерства. Выскочить из аппарата, который создан в течение трех лет, мы не можем. Мы знаем его громадные недостатки, мы подробно будем говорить о них на этом съезде. Этот вопрос поставлен в порядок дня, как один из главнейших вопросов. Я имею в виду вопрос об улучшении советского аппарата. Но мы должны работать сейчас с осторожностью, в меру необходимости, на основании практического опыта изменяя наш аппарат. Тов. Гусев высмеивает предлагаемый нами проект и говорит, что к Совету Труда и Оборона мы предлагаем прибавить Наркомзем. Правильно, мы такой проект и предлагаем. В проекте мы уделяем очень скромное место Совету Труда и Оборона, в виде Комиссии труда и оборона при Совнаркоме. До сих пор мы работали в Совете Труда и Оборона без всякой конституции. Рамки ведения Совнаркома и Совета Труда и Оборона были плохо определены;

иногда мы выходили за пределы и поступали, как законодательное учреждение. Но на этой почве яи разу не было конфликтов. Мы решали эти случаи немедленным перенесением их в Совнарком. Когда выяснилась необходимость из Совета Труда и Обороны создать орган, более объединяющий хозяйственную политику, то перед нами был поставлен вопрос, как в законодательном порядке определить эти отношения. Два плана стоят перед нами: во-первых, разграничение круга ведения Совнаркома и Совета Труда и Обороны. Но, чтобы провести это, надо занять много кодификаторских сил, извести массу бумаги, и все-таки это не даст гарантий, что мы избежим ошибки.

Пойдем иным путем. Совет Труда и Обороны считался чем-то чуть ли не равным Совнаркому. Откажемся от этой мысли. Пусть это будет комиссия при Совнаркоме. Мы устраним массу трений и выиграем близость фактического осуществления. Если не доволен какой-либо член Совнаркома, — подавайте в Совнарком, ведь его можно создать в несколько часов. Мы устраним этим трения между ведомствами и сделаем из Совета Труда и Обороны орган, работающий быстро. Это задача нелегкая. Она связана с действительным созданием единого хозяйственного плана. Задача, для которой мы все-таки немного поработали и которая в течение двух лет подготавливалась, заключается в том, чтобы достигнуть объединения экономических наркоматов. Вот почему я обращаю ваше внимание на этот законопроект о Совете Труда и Обороны, и я надеюсь, что с необходимыми дополнениями вы его утвердите, и тогда работа по объединению экономических наркоматов пойдет глаже, быстрее, тверже и решительнее.

Я остановлюсь на последнем пункте — на вопросе об электрификации, который поставлен в порядок дня съезда, как особый вопрос, и вам предстоит выслушать доклад по этому вопросу. Я думаю, что мы здесь присутствуем при весьма крупном переломе, который во всяком случае свидетельствует о начале больших успехов Советской власти. На трибуне Всероссийских съездов будут впредь появляться не только политики и администраторы, но и инженеры и агрономы. Это начало самой счастливой эпохи, когда политики будет становиться все меньше и меньше, о политике будут говорить реже и не так длинно, а больше будут говорить инженеры и агрономы. Чтобы настоящим

образом перейти к делу хозяйственного строительства, надо этот обычай начать с Всероссийского съезда Советов и провести сверху донизу по всем Советам и организациям, по всем газетам, по всем органам пропаганды и агитации, по всем учреждениям.

Политике мы, несомненно, научились, здесь нас не собьешь, тут у нас база имеется. А с хозяйством дело обстоит плохо. Самая лучшая политика отныне — поменьше политики. Двигайте больше инженеров и агрономов, у них учитесь, их работу проверяйте, превращайте съезды и совещания не в органы митингования, а в органы проверки хозяйственных успехов, в органы, где мы могли бы настоящим образом учиться хозяйственному строительству.

Вы услышите доклад Государственной комиссии по электрификации, которая создана постановлением ВЦИК от 7 февраля 1920 года. 21 февраля президиум ВСНХ подписал окончательное постановление о составе этой комиссии, и целый ряд лучших специалистов и работников ВСНХ в первую голову, в числе свыше ста, целиком отдались этому делу, с присоединением лучших сил Наркомпути и Наркомзема. Мы имеем перед собой результаты работ Государственной комиссии по электрификации России в виде этого томка, который всем вам сегодня или завтра будет роздан⁹⁹. Я надеюсь, что вы этого томика не испугаетесь. Я думаю, что мне не трудно будет убедить вас в особенном значении этого томика. На мой взгляд, это — наша вторая программа партии. У нас есть программа партии, превосходно разъясненная гг. Преображенским и Бухариным, в книжке менее толстой, но в высшей степени ценной. Это есть программа политическая, это есть перечень наших заданий, это есть разъяснение отношений между классами и массами. Но надо также помнить, что пора на эту дорогу вступить в действительности и измерить ее практические результаты. Наша программа партии не может оставаться только программой партии. Она должна превратиться в программу нашего хозяйственного строительства, иначе она негодна и как программа партии. Она должна дополниться второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники. Без плана электрификации мы перейти к действительному строительству не можем. Мы, говоря о восстановлении

земледелия, промышленности и транспорта, об их гармоническом соединении, не можем не говорить о широком хозяйственном плане. Мы должны придти к тому, чтобы принять известный план; конечно, это будет план, принятый только в порядке первого приближения. Эта программа партии не будет так неизменна, как наша настоящая программа, подлежащая изменению только на съездах партии. Нет, эта программа каждый день, в каждой мастерской, в каждой волости будет улучшаться, разрабатываться, совершенствоваться и видоизменяться. Она нам нужна, как первый набросок, который перед всей Россией встанет, как великий хозяйственный план, рассчитанный не меньше чем на десять лет и показывающий, как перевести Россию на настоящую хозяйственную базу, необходимую для коммунизма. Если мы боролись и успешно победили на фронте войны, то каков был один из мощных, побудительных толчков, удесятеривших наши силы, нашу энергию? Сознание опасности. Все спрашивали: могут ли вернуться в Россию помещики и капиталисты? И отвечали: могут. Поэтому мы напрягали силы в сто раз, мы напрягли их и мы победили.

Возьмите хозяйственный фронт и спросите: экономически может ли вернуться в Россию капитализм? Мы боролись с «сухаревкой». На-днях, к открытию Всероссийского съезда Советов, это мало приятное учреждение Московский Совет рабочих и красноармейских депутатов закрыл. (А плоды сменты.) «Сухаревка» закрыта, но страшна не та «сухаревка», которая закрыта. Закрыта бывшая «сухаревка» на Сухаревской площади, ее закрыть нетрудно. Страшна «сухаревка», которая живет в душе и действиях каждого мелкого хозяина. Эту «сухаревку» надо закрыть. Эта «сухаревка» есть основа капитализма. Пока она есть, капиталисты в Россию могут вернуться и могут стать более сильными, чем мы. Это надо ясно сознать. Это должно быть главным побудителем в нашей работе и условием, меркой наших действительных успехов. Пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить. Каждый, внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу, у внутреннего врага не подорвали.

Последний держится на мелком хозяйстве и чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество.

Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны. Иначе страна остается мелкокрестьянской, и надо, чтобы мы это ясно сознали. Мы более слабы, чем капитализм, не только в мировом масштабе, но и внутри страны. Всем это известно. Мы это сознали и мы доведем дело до того, чтобы хозяйственная база из мелкокрестьянской перешла в крупнопромышленную. Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно.

Нами уже разработан предварительный план электрификации страны, над этим планом работали двести наших лучших научных и технических сил. Разработан план, который на долгий период лет, не менее чем на десять лет, дает нам расчет материальный и финансовый. Этот план указывает, сколько миллионов бочек цемента и сколько миллионов кирпичей нужно нам для проведения электрификации. Чтобы осуществить задачи электрификации в финансовом отношении, расчет сделан на 1—1,2 миллиарда рублей золотом. Вы знаете, что мы нашим золотым фондом можем покрыть далеко не всю эту цифру. Невелик также у нас и продовольственный фонд. Поэтому мы должны эти расчеты покрыть концессиями по тому плану, о котором я говорил. Вы увидите расчет, как на этой основе планируется восстановление нашей промышленности и нашего транспорта.

Мне пришлось не очень давно быть на одном крестьянском празднике в отдаленной местности Московской губернии, в Волоколамском уезде, где у крестьян имеется электрическое освещение⁹⁹. На улице был устроен митинг, и вот один из крестьян вышел и стал говорить речь, в которой он приветствовал это новое событие в жизни крестьян. Он говорил, что мы, крестьяне, были темны, и вот теперь у нас появился свет, «неестественный свет, который будет освещать нашу крестьянскую темноту». Я лично не уди-

вился этим словам. Конечно, для беспартийной крестьянской массы электрический свет есть свет «неестественный», но для нас неестественно то, что сотни, тысячи лет могли жить крестьяне и рабочие в такой темноте, в нищете, в угнетении у помещиков и капиталистов. Из этой темноты скоро не выскочишь. Но нам надо добиться в настоящий момент, чтобы каждая электрическая станция, построенная нами, превращалась действительно в опору просвещения, чтобы она занималась, так сказать, электрическим образованием масс. У нас есть разработанный план электрификации, но выполнение этого плана рассчитано на годы. Мы во что бы то ни стало должны этот план осуществить и срок его выполнения сократить. Здесь должно быть то же самое, что произошло с одним из наших первых хозяйственных планов, с планом восстановления транспорта — приказом № 1042, который был рассчитан на пять лет, но уже теперь сокращен до трех с половиной лет, так как выполняется сверх нормы.

Но нужно знать и помнить, что провести электрификацию нельзя, когда у нас есть безграмотные. Мало того, что наша комиссия будет стараться ликвидировать безграмотность. Ею сделано много в сравнении с тем, что было, но мало в сравнении с тем, что нужно. Кроме грамоты нужны культурные, сознательные, образованные трудящиеся; нужно, чтобы большинство крестьян определенно представляло себе те задания, которые стоят перед нами. Эта программа партии должна стать основной книжкой, которая должна пойти во все школы. Вы получите в ней, рядом с общим планом проведения электрификации, специальные планы, написанные для каждого района России. И каждый товарищ, который поедет на места, будет иметь определенную разработку проведения электрификации в его районе, перехода из темноты к нормальному существованию. И, товарищи, можно и должно на месте сравнивать, разрабатывать, проверять данные вам положения, добиваясь того, чтобы в каждой школе, в каждой кружке на вопрос, что такое коммунизм, отвечали не только то, что написано в программе партии, а также говорили о том, как выйти из состояния темноты.

Лучшие работники, хозяйственники-специалисты исполнили данное им задание по выработке плана электрификации России и восстановления ее хозяйства. Теперь нужно

добиться того, чтобы рабочие и крестьяне знали, как велика и трудна эта задача, как к ней нужно приступить и как за нее взяться.

Надо добиться того, чтобы каждая фабрика, каждая электрическая станция превратилась в очаг просвещения, и если Россия покроется густою сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии. (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты.)

3

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ
О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
23 ДЕКАБРЯ

(Аплодисменты.) Товарищи, мне придется ограничиться небольшими замечаниями по поводу речей и деклараций, которые вы сейчас выслушали. Одна из записок, полученных мной, выражает недоумение и спрашивает, какая польза может быть съезду Советов от выслушивания таких деклараций и речей. Я думаю, что большинство из вас с этим мнением не согласится. Несомненно, напоминание о том, к чему ведут некоторые — может быть, теперь довольно популярные — словечки в нашей политической обстановке в изложении тех партий, части которых сейчас огласили свои декларации, напоминание об этом никогда не может быть бесполезным. Например, возьмите рассуждения представителя партии меньшевиков или, вернее, некоторой части этой партии. Не мы виноваты, что партии меньшевиков и эсеров, до сих пор сохраняя свое название, представляют такую группировку разношерстных частей, такой постоянный переход одной части к другой, который делает из них вольных или невольных, сознательных или бессознательных пособников международного империализма. Это видно из заслушанных съездом их деклараций и речей.

Меня упрекали, например, в том, что я выдвинул новую теорию о предстоящей новой полосе войн. Мне не нужно заходить далеко в историю, чтобы показать, на чем основаны были мои слова. Мы только что покончили с Врангелем, но войска Врангеля существуют где-то, не очень далеко от границ нашей республики, и чего-то ждут. Поэтому, кто забудет о постоянно грозящей нам опасности,

которая не прекратится, пока существует мировой империализм, — кто забудет об этом, тот забудет о нашей трудовой республике. Говорить же нам, что мы ведем тайную дипломатию, говорить нам, что мы должны вести войну только оборонительную, когда над нами до сих пор занесен нож, когда, вопреки сотням наших предложений и при неслыханных уступках, на которые мы идем, — до сих пор ни одна из крупных держав с нами мира не заключила, — говорить это нам — значит повторять старые, давно потерявшие смысл фразы мелкобуржуазного пацифизма. Если бы мы перед такими постоянно активно-враждебными нам силами должны были дать зарок, как нам это предлагают, что мы никогда не приступим к известным действиям, которые в военно-стратегическом отношении могут оказаться наступательными, то мы были бы не только глупцами, но и преступниками. Вот к чему нас ведут эти пацифистские фразы и резолюции. Они приводят к тому, что Советскую власть, окруженную врагами, хотят связать по рукам и по ногам и отдать на растерзание мировым империалистским хищникам.

Когда дальше говорят об единстве пролетариата, о том, что мы его нарушаем, то это трудно слушать без улыбки. Мы здесь у себя о единстве пролетариата слышали и теперь на деле увидели, что единство пролетариата в эпоху социальной революции может быть осуществлено только крайней революционной партией марксизма, только беспощадной борьбой против всех остальных партий. (Бурные аплодисменты.)

Нам говорят дальше о вооружении всего народа, повторяя зады старого буржуазного демократического лозунга, — когда в этом народе кипит самая решительная классовая борьба.

Я вчера имел удовольствие присутствовать на небольшом частном совещании беспартийных делегатов нашего съезда — крестьян и вынес чрезвычайно много из их дебатов по самым большим вопросам деревенской жизни, по вопросам продовольствия, разорения, нужды, которые вы все знаете. Из этих прений мне больше всего бросилось в глаза то, до какой степени глубока борьба между бедняком, действительно трудящимся, кулаком и лодырем. Величайшее значение нашей революции состоит в том, что мы помогли в самых низах деревни, в массе наименее поли-

тически сознательных, в массе беспартийного крестьянства этот коренной вопрос социальной революции поставить не только теоретически, а широко практически. Сейчас во всех деревнях и селах необъятной Советской России разбираются, спорят и убеждаются, кому приносят пользу наши политические и экономические мероприятия; везде в самых глухих закоулках разбираются в вопросе о трудовом крестьянстве и кулаке. Иногда обвиняют друг друга слишком горячо и страстно, но во всяком случае так или иначе разбираются и понимают, что необходимо и обязательно помочь и поставить на ноги трудового крестьянина и отпарировать все вылазки зарвавшегося кулака.

Классовая борьба стала действительностью в деревне, в гуще крестьянской массы, и мы все делаем и делаем для того, чтобы эта борьба была сознательной. И, когда после этого перед нами являются вожди некоторого особого «Интернационала» и говорят о вооружении народа, чувствуешь себя словно превращенным в ученика приготовительного класса в вопросах марксизма и социализма. Забыть классовую борьбу, которая кипит во всем мире, — значит цевольно помочь империалистам всего мира против борющегося пролетариата. Лозунгом наших врагов является вооружение народа, а мы стоим на базе классового вооружения, на ней мы побеждали и на ней будем побеждать всегда. (Бурные аплодисменты.)

Представители меньшевиков и эсеров нам здесь говорили о том, как мы можем допускать такую вещь, как концессии, без особого народного совещания, и спрашивали нас, почему мы в нашей экономической политике не ставим во главу угла трудового равенства (в резолюции эсеров это трудовое равенство было названо «трудовластием», а в резолюции меньшевиков перефразировано и названо равенством трудящихся города и деревни). Но что означают эти фразы о «трудовластии», как не агитацию за независимость профессиональных союзов от классовой пролетарской власти? Об этой «независимости» профессиональных союзов вместе с меньшевиками и эсерами печется и плачет вся западноевропейская буржуазная печать.

Когда Мартов появился на съезде независимых в Галле и говорил там, не стесненный неприятной ему диктатурой большевиков, обо всем, о чем ему хотелось, то что получилось? Получилось то, что через несколько дней речь

Мартова очутилась целиком, как лакомое блюдо, в самой реакционной и империалистической печати Англии. Эта печать благодарила гражданина Мартова за то, что он раскрыл замыслы большевиков. Когда такие речи говорятя в обстановке мировой борьбы против нас, то что они, как не кусочек политики Антанты? Вы, конечно, можете сказать, что это выражение вашей идеи о трудовластии и т. п. — мелкобуржуазный вздор, но на деле это, повторяю, не что иное, как кусочек политики Антанты. Завтра, если здесь есть посредник Антанты, эта ваша речь будет доставлена во все капиталистические страны и там будет печататься в миллионах экземпляров, чтобы вашей речью, гражданин Дан, обмануть и провести часть несознательных европейских рабочих.

У гражданина Дана вышло так, что я в своих словах о трудовой дисциплине защищаю только принуждение; представитель партии эсеров был более точен и сказал, что я защищаю принуждение на основании убеждения. Вся наша политика ясно отвечает на это. Мы вовсе не признаем, что ведем дело безошибочно, но, пожалуйста, покажите нам эти ошибки, покажите нам другие подходы, но этих других подходов мы здесь не слышали. Ни меньшевики, ни эсеры не говорят: «Вот нужда, вот нищета крестьян и рабочих, а вот путь, как выйти из этой нищеты». Нет, этого они не говорят. Они только говорят, что то, что мы делаем, это принуждение. Да, этого отрицать вельзя. Но мы спрашиваем у вас, гражданин Дан: вы поддерживаете это или нет? Вот в чем суть, вот в чем соль. Конкретно отвечайте: да или нет? «Ни да, ни нет». Они, видите ли, желают только поговорить о трудовластии, о том, что мы посягаем на свободу крестьян. А кто такие крестьяне? Разве в нашей Советской конституции не сказано, что крестьяне — это трудящиеся, люди труда? Таких крестьян мы уважаем и считаем их полноправными братьями рабочих. Без такого крестьянства мы бы не могли сделать ни одного шага в нашей советской политике. Между трудовым крестьянином и рабочим есть братский договор, заключенный в нашей Конституции. Но есть другой элемент крестьянства, это тот элемент, из которого состоит многомиллионная «сухаревка». Я надеюсь, что любое собрание, даже беспартийных, в этом сможет разобратся тщательным образом. Разве те крестьяне, которые

ведут спекуляцию, разве они являются представителями трудящихся? Вот в чем вся суть экономических вопросов деревни. Крестьяне, мелкие хозяева и рабочие — это разные классы, и разницу между ними мы уничтожим тогда, когда уничтожим основы мелкого хозяйства и создадим новые основы гигантского крупного машинного хозяйства, как мной уже было указано в докладе. Это является экономически неизбежным, а говорившие здесь меньшевики и эсеры бессильно лепечут о каком-то трудовом равенстве всех крестьян и рабочих. Но это ведь только слова, притом экономически неверные и отрицаемые научным марксизмом. Возьмите нашу революцию в Сибири, в Грузии, возьмите опыт международной революции, и вы воочию убедитесь, что эти громкие слова о трудовом равенстве являются ложью. Они — политика буржуазии против нас, и ничего иного в них больше нет.

Дан здесь говорил, будто в канцелярии ВЧК имеется бумажка о том, что меньшевики не подлежат октябрьской амнистии, и гражданин Дан делает отсюда вывод, что ВЧК учит и властвует над Президиумом ВЦИК. Мы, стоящие у власти, разве можем этому поверить? Разве находящиеся здесь 70—80% коммунистов не знают, что во главе ВЧК стоит член Центрального Исполнительного Комитета и Центрального Комитета партии тов. Дзержинский, а в Президиуме ВЦИК имеется шесть членов Центрального Комитета нашей партии? Думать, что при таких условиях президиум ВЧК или оперативное управление ВЧК учит и властвует над Президиумом Центрального Исполнительного Комитета, конечно, не приходится: это просто смехотворно. В этом, понятно, ничего интересного нет, и представитель партии меньшевиков здесь разыграл просто игру. Но я хотел бы, чтобы вы через несколько дней посмотрели какую-либо буржуазную газету в Западной Европе или Америке с тиражем в полмиллиона или миллион экземпляров, и вы увидите, что там будет напечатано громадными аршинными буквами, что гражданин Дан раскрыл, что ВЧК дает указания и властвует над Президиумом ВЦИК.

4

РЕЧЬ НА ФРАКЦИИ РКП(б) VIII СЪЕЗДА СОВЕТОВ
24 ДЕКАБРЯ¹⁰⁰

Товарищи, прежде всего я два слова скажу насчет неправильного толкования вопроса о насилии. Чтобы показать эту неправильность, я прочту три строки из протокола VIII съезда¹⁰¹.

Вся речь против насилия шла в связи с вопросом о коммуне. Я думаю, что малейшее насилие в этой области вредно. Пытаются истолковать эту речь, примененную к вопросу о коммуне, с указаниями на нелепость насилия в деле насаждения коммун, пытаются применить к вопросу об убеждении и принуждении вообще. Это явная натяжка и неправильность. По поводу нашего законопроекта и обмена мнений, который начался, я должен сказать, что мне кажется менее деловой та постановка вопроса, когда хотят придать больше левизны. Я не видел ничего конкретного и делового в предложении, которое делал тов. Ханов, называвший себя крайне левым. Я считал самым вредным совет, который дал тов. Шлихтер, не превращать этого законопроекта в закон, а пускай его примет следующая сессия ВЦИК. Мы старались в СНК скорее придать этому законопроекту формы наиболее подготовленные, чтобы съезд Советов, где более всего будет представителей с мест, успел принять окончательное решение. Нам грозит опасность опоздать провести эту кампанию на месте. Для этого надо иметь инструкции. Инструкции разрабатывать надо по меньшей мере две-три недели. Нет ничего более вредного, чем совет, который дал Шлихтер, говоривший по другому пункту порядка дня, о правах Губисполкома. Сущность законопроекта в том, чтобы сейчас придти к практическим мерам помощи крестьянскому единоличному

хозяйству, которое преобладает, такой помощи, которая состояла бы не только в поощрении, но и в принуждении.

Я должен сказать, что здесь в законопроекте указывается определенно, о каких мероприятиях мы говорим. Самая важная статья 11-ая говорит, что губпосевком под руководством и контролем Наркомзема может издавать «обязательные правила, касающиеся основных приемов механической обработки полей и улучшения лугов, производства посевов и способов сохранения естественного плодородия почвы». Откуда взять эти обязательные правила? Дальше говорится, что преимущественно применяемыми старательными земледельцами приемами. Какие приемы мы должны узаконять? Приемы известные, приемы улучшения сельского хозяйства должны узаконять и сделать известными. В конце мы читаем: «воспрещается вводить правила и требования: 1) вызывающие коренную ломку крестьянского хозяйства, если таковые вводятся не по предложению волостных съездов или если государство не обеспечивает данную местность улучшенными орудиями и средствами производства, 2) требования, трудно исполнимые для хозяйства среднего достатка, и 3) требования, связанные с риском».

Тут товарищ находим, что недостатком доклада тов. Осинского являются чрезмерно практичные, конкретные указания, — это противоречит правильной постановке вопроса. Наоборот, самое ценное было в докладе тов. Осинского то, что он прямо брал быка за рога, призывал нас приняться за обсуждение непосредственно деловых вопросов — как быть с семенами, надо не допустить, чтобы семена могли быть съедены. Как раз в Европейской России это будет много труднее, чем в богатейшем Алтайском крае, где, оказывается, так легко приказывать. Если легко там приказывать, приказанием добьетесь практических успехов. Тогда всякий губернский земельный отдел — Алтайский и другой — будет заслуживать величайшего поощрения.

Далеко не так обстоит дело, к сожалению, в гораздо более бедных губерниях Европейской России. Здесь вся задача настоящей кампании, точно так же, как вся задача нашего съезда, состоит в том, чтобы поставить вопрос дальше от всех рассуждений, имеющих общий характер,

к которым нас звали и Шлихтер и другие товарищи. Я бы хотел призвать к постановке вопросов гораздо более практической и деловой и приветствую то направление дела, которое дал Осинский. Давайте говорить о том, как быть с семенами. Их следят. Нужно их спасать. Как в этом случае поступить практичнее? Нужно их взять в общественный амбар, и нужно дать крестьянину обеспечение и уверенность, что эти семена не будут жертвой волокиты и неправильного распределения, но что наша цель состоит сейчас в том, чтобы количество семян, необходимое для полного обсеменения, взять под охрану государства. В этом среднего крестьянина мы убедим безусловно, потому что это самая очевидная потребность. Если будут возражать, что мы не можем работать на Цюрупу, и изображать его под видом одного из хищных зверей, мы скажем: «Оставьте ваши шутки, отвечайте на вопрос прямо, каким образом вы восстановите промышленность?». Дайте крестьянину сельскохозяйственные орудия и инвентарь. Если у государства будет полностью весь необходимый фонд на покрытие государственных надобностей и весь земледельческий и технический инвентарь, — для этого потребуются все растущий и растущий фонд, а мы едва-едва добираемся еще до той минуты, когда у нас такой фонд будет. Вот почему речи о том, что здесь запутывают задачи совхозов и колхозов, я считаю неправильными. Вопрос о колхозах не стоит как очередной. Я знаю, что колхозы еще настолько не налажены, в таком плачевном состоянии, что они оправдывают название богаделен. Я не против того, чтобы делегаты VIII Всероссийского съезда дали указание СНК или ВЦИК на необходимость специальных мер для поднятия работы Всероссийского союза работников земли и леса. В этом отношении этот союз является важнейшей опорой, лишь бы только он объединял в себе действительно полупролетарские элементы, способные помочь нам стать настоящими хозяевами. Я несколько не против этого.

Но задача, поставленная настоящим законопроектом, — иная. Состояние совхозов сейчас в громадном большинстве случаев ниже среднего. Надо опираться на единоличного крестьянина, он таков и в ближайшее время иным не будет, и мечтать о переходе к социализму и коллективизации не приходится. От общих рассуждений надо перейти к тому, как сделать первый практический шаг обязательно

этой весной и ни в коем случае не позже, и только такая постановка вопроса будет деловая. И для того, чтобы это осуществить, необходимо законопроект утвердить сейчас же, так как он подготовлен уже Совнаркомом, внести в него соответствующие исправления и изменения сейчас же, но никоим образом дела не затягивать.

Что касается обобществления инвентаря, то вам виднее, какие можно установить общеобязательные правила от имени государства. Я бы от этого предостерег. Закон, дающий право обобществлять инвентарь зажиточных крестьян, у нас есть¹⁰². На местах, где можно делать это с успехом, полнейшая свобода муниципализирования в этом отношении обеспечена наличностью этого закона. Но далеко не везде и не всегда являются вполне установленными приемы, каким образом это сделать; поэтому вносить это в закон, цель которого непосредственно иная, значит, создавать опасность, что мы разбросаемся, не сосредоточим своих сил на том, на что надо налечь в первую голову и где может быть необходим нажим. Давайте лучше все силы сосредоточим на абсолютно неотложном, на том, чтобы семена в достаточном количестве были собраны во что бы то ни стало, чтобы недосева быть не могло, чтобы улучшение сельского хозяйства, проверенное опытами, стало вводиться массовым образом в массовом размере там, где преобладающее число трудящихся — бедняки и середняки. В этом дело. Чем меньше сейчас таких мероприятий мы наметим, тем лучше, потому что, прочно осуществляя небольшое число мероприятий, мы поставим всю машину подъема земледелия на правильные рельсы и закрепим, упрочим у крестьян убеждение, что путь верен. Если же мы размахнемся шире, чем мы можем сделать, мы только скомпрометируем себя в глазах крестьян. Если есть такие губернии, которые в области приказа могут идти дальше, — запрещения нет. Там сказано: считайся со всем крестьянским опытом, считайся с тем, что ты в состоянии сделать в смысле собирания живого и мертвого инвентаря. Если в губернии остался инвентарь, необходимый в сельском хозяйстве, в хорошем состоянии, то там это будет иметь успех. Если же закон распространить на губернии, где положение в этом отношении более жалкое и крестьянин не в состоянии выполнить это, приказ останется на бумаге, он повиснет в воздухе, и крестьяне,

вместо того чтобы понять важность этого пути, будут разочарованы, и вот в будущем я этого боюсь больше всего, и поэтому нам необходимо начать прежде всего с того, что является абсолютно необходимым, т. е. с сохранения семян.

Теперь перейдем к тем мерам улучшения мелкого крестьянского единоличного хозяйства, которые вполне возможны и которые мы должны обсудить немедленно, обсудить детальным образом и здесь декретировать, узаконить обязательными правилами, с обязательным применением принуждения и требовательности, так чтобы то, что было решено, после многократных обсуждений, во что бы то ни стало было выполнено. Я бы предложил разбиться на секции именно сейчас же, не ожидая того времени, когда, после доклада на пленарном собрании съезда, можно будет образовать эти секции формально. От этой неформальной секции, которую можно образовать сейчас, или во всяком случае сегодня, можно будет перейти к образованию формальному, но неправильно будет, если мы это отложим на день или на полдня. Ведь мы имеем всего две с половиной тысячи делегатов, и я думаю, что из них десятая доля практически этот вопрос усвоила после нескольких лет работы, и, если мы имеем двести пятьдесят человек, т. е. больше чем двадцать пять человек на район, так как наша республика разбита на девять сельскохозяйственных районов, я думаю, что с этим количеством представителей мы можем приступить сейчас к обсуждению делового вопроса, к обсуждению тех конкретных мер, к которым мы должны перейти.

Какие именно меры по улучшению сельского хозяйства и в каком районе надо принять, узаконить? В одном районе можно, быть может, сделать шаги по отношению к обязательному обсеменению, в другом может быть подготовлена почва для более энергичного приказа, подобно тому, о котором говорил товарищ, только весной познакомившийся с Алтайской губ. В третьем районе возможны, может быть, меры, касающиеся более своевременной вспашки и бороньбы, с привлечением агрономов и беспартийных крестьян. Мне кажется, сейчас же нужно образовать секции с разделением областей на районы, ибо одинаковых мер в разных районах провести нельзя, и посвятить полдня или день обсуждению вопросов, которые в декрете

не упомянуты прямо, но которые составляют самое важное в законопроекте. Этот законопроект говорит: подготавливайте надлежащим образом убеждение беспартийных крестьян, и если мы в этом отношении отстали, то, опираясь на эту массовую агитацию, которую мы развиваем и разовьем в сто раз больше и сильнее, чем до сих пор, опираясь на нее, мы сможем выработать для каждого района и для каждой губернии те меры, успеха которых мы будем добиваться с громадным напряжением, с тем же и не меньшим напряжением, которого мы добивались в области проведения продовольственной политики. Там была задача не столь сложная, которая требовала от крестьян уступки известного количества продуктов, а здесь от крестьян требуется, чтобы они в своем собственном хозяйстве вносили те изменения, которые общегосударственная власть признала необходимыми...* не сделать ошибки в определении этих изменений. Вот что самое важное. То, что тов. Кураев выставил эти вопросы конкретно, в этом я вижу правильное направление, а переход от этих рассуждений и от общего плана коллективизации, от роли совхозов, которые играют иногда очень скверную роль, от марксистского метода подхода...* заготовки, это значит тянуть нас назад от непосредственного практического дела к общим рассуждениям, которые могут быть и полезны, но не на съезде Советов, имеющем издать государственный акт крупнейшей важности. Чтобы подготовить этот шаг, надо очень тщательно продумать, какова должна быть деятельность и роль сельских Советов. Надо очень обдумать, не является ли сейчас председатель сельского Совета лицом, по преимуществу проводящим в крестьянстве меры, по отношению к которым советоваться с ним мы можем? Будет ли полезно соединять в одном лице председателя сельского Совета с председателем комитета содействия? Я здесь ставлю знак вопроса. Я бы хотел, чтобы товарищи, знакомые с работой на местах, к этому вопросу отнеслись внимательно. Надо, чтобы комитеты содействия обсудили, какие меры надо узаконить. При этом обсуждении нечего бояться и беспартийных. Все их предложения мы взвесим и будем знать конкретно, кто за нас и кто против нас. Необходимо добиться того, чтобы в каждой

* В стенограмме пропуск. Ред.

волости, в каждом селении была достигнута ясность. А намеченные требования действительно исполнимы, и при известном напряжении они этой же весной могут быть осуществлены. Я бы предложил закончить совещание фракции. Когда вы признаете общие прения исчерпанными, — необходимо образовать секции по районам и немедленно приступить здесь же к обсуждению вопроса в секциях по отдельным районам, отличающимся теми или иными сельскохозяйственными особенностями. Практически это будет правильно и гарантирует успех законопроекта.

5

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ VIII СЪЕЗДА СОВЕТОВ
ПО ДОКЛАДУ ОБ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ

VIII Всероссийский съезд Советов, заслушав доклад председателя Государственной комиссии по электрификации, выражает благодарность в первую голову президиуму ВСНХ, затем Наркомзему и НКПС и в особенности Комиссии по электрификации России за разработку плана электрификации России.

Съезд поручает Всецику, Совнаркому, Совтрудобороне и президиуму ВСНХ, а равно другим наркоматам, довершить разработку этого плана и утвердить его, притом обязательно в кратчайший срок.

Съезд поручает далее правительству и просит ВЦСПС и Всероссийский съезд профсоюзов принять все меры к самой широкой пропаганде этого плана и ознакомлению с ним самых широких масс города и деревни. Изучение этого плана должно быть введено во всех без изъятия учебных заведениях республики; каждая электрическая станция и каждый сколько-нибудь сносно поставленный завод и совхоз должны стать центрами ознакомления с электричеством, с современной промышленностью и центрами пропаганды плана электрификации и систематического преподавания его. Все, обладающие достаточной подготовкой, научной или практической, должны быть поголовно мобилизованы для пропаганды плана электрификации и преподавания необходимых знаний для его понимания.

Съезд выражает непреклонную уверенность, что все советские учреждения, все Совдепы, все рабочие и трудящиеся крестьяне напрягут все свои силы и не остановятся ни перед какими жертвами для осуществления плана электрификации России во что бы то ни стало и вопреки всем препятствиям.

6

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ФРАКЦИИ РКП(б)
VIII СЪЕЗДА СОВЕТОВ

Обязать всех членов РКП к X съезду РКП (6/II 1921):

1) ознакомиться в максимально-доступной им степени с планом электрификации;

2) принять меры к возможно более широкому и детальному изучению на местах каждого районного плана;

3) подготовить к X съезду РКП практические предложения

как о способах более широкого ознакомления всех трудящихся с планом электрификации,

так и о способах немедленного приступа со всех концов к началу практического осуществления этого плана.

Печатается по рукописи

ПИСЬМО К РАБОЧИМ КРАСНОЙ ПРЕСНИ 25 ДЕКАБРЯ 1920 г.

Пятнадцать лет тому назад пролетариат Москвы поднял знамя восстания против царизма. Это был высший пункт развития первой рабочей революции против царизма. Рабочие потерпели поражение и Пресня обогрелась рабочей кровью. Незабвенный героизм московских рабочих дал образец борьбы всем трудящимся массам России. Но массы эти были тогда еще слишком неразвиты, слишком разрозненны и не поддержали пресненских и московских героев, с оружием в руках поднявшихся против царской, помещичьей монархии.

За поражением московских рабочих последовало поражение всей первой революции. Двенадцать долгих лет самой дикой помещичьей реакции терзали всех рабочих и крестьян, все народы России.

Подвиг пресненских рабочих не пропал даром. Их жертвы были не напрасны. В царской монархии была пробита первая брешь, которая медленно, но неуклонно расширялась и ослабляла старый, средневековый порядок.

В трудящиеся массы города и деревни подвиг московских рабочих внес глубокое брожение, следы которого уже не замирали, вопреки всяким преследованиям.

До вооруженного восстания в декабре 1905 г. народ в России оказывался неспособным на массовую, вооруженную борьбу с эксплуататорами.

После декабря это был уже не тот народ. Он переродился. Он получил боевое крещение. Он закалился в восстании. Он подготовил ряды бойцов, которые победили

в 1917 г. и которые теперь — через все невероятные трудности, побеждая муки голода и разрухи, созданные империалистской войной, — отстаивают дело всемирной победы социализма.

Да здравствуют рабочие Красной Пресни, передовой отряд Всемирной рабочей революции!

Н. Ленин.

*«Ежедневный бюллетень Восьмого
Всероссийского съезда Советов» № 5,
25 декабря 1920 г.*

Печатается по тексту «Бюллетеня»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Книга «*Детская болезнь «левизны» в коммунизме*» написана Лениным в апреле, дополнение к ней — 12 мая 1920 года; вышла из печати 8—10 июня на русском языке и, почти одновременно, в июле — на немецком, французском и английском языках. Ленин лично наблюдал за графиком набора и печатания книги, с тем чтобы она вышла из печати до начала работ II конгресса Коммунистического Интернационала. Книга была роздана всем делегатам II конгресса. В течение июля — ноября 1920 года книга была переведена на немецком языке в Лейпциге, на французском в Париже и на английском в Лондоне.

В рукописном тексте «Детской болезни «левизны» в коммунизме» имеется подзаголовок: «(Опыт популярной беседы о марксистской стратегии и тактике)». Во всех изданиях книги, вышедших при жизни Ленина, подзаголовков был снят. В настоящем издании Сочинений В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» публикуется по первому изданию книги, корректуру которой вел Ленин. — 1.

² *Лонгетизм* — центристское течение внутри Французской социалистической партии, возглавлявшееся Жаном Лонге.

Во время первой мировой войны лонгетисты занимали социал-пацифистскую позицию. После победы Великой Октябрьской социалистической революции в России лонгетисты на словах объявили себя сторонниками диктатуры пролетариата, на деле же оставались ее врагами. Они продолжали политику примирения с социал-шовинистами, поддерживали грабительский Версальский мир. В декабре 1920 года лонгетисты вместе с открытыми реформистами откололись от партии и примкнули к так называемому $2\frac{1}{2}$ Интернационалу, а после его распада вернулись во II Интернационал. — 13.

³ *Независимая рабочая партия Англии* (Independent Labour Party) основана в 1893 году. Во главе партии стояли Джеймс Кейр-Гарди, Р. Макдональд и др. Претендуя на политическую независимость от буржуазных партий, Независимая рабочая партия на самом деле была «независимой от социализма, но зависимой от либерализма» (Ленин). — 13.

- 4 *Фабианцы* — члены реформистского, крайне оппортунистического «Общества фабианцев», основанного группой буржуазной интеллигенции в Англии в 1884 году. Характеристику фабианцев см. в произведениях Ленина: «Предисловие к русскому переводу книги: «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.»» (Сочинения, 4 изд., том 12, стр. 330—331); «Аграрная программа социал-демократии в русской революции» (Сочинения, 4 изд., том 15, стр. 154); «Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории» (Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 234) и др. — 13.
- 5 *Независимая с.-д. партия Германии* — центристская партия, созданная в апреле 1917 года.
В октябре 1920 года на съезде Независимой социал-демократической партии в Галле произошел раскол. Значительная часть ее в декабре 1920 года объединилась с Коммунистической партией Германии. Правые элементы образовали отдельную партию и приняли старое название Независимой социал-демократической партии. В 1922 году «независимцы» вновь вошли в германскую с.-д. партию. — 14.
- 6 *Спартакковцы* — члены союза «Спартак», образовавшегося в период первой мировой войны в январе 1916 года под руководством К. Либкнехта, Р. Люксембург, Ф. Меринга, К. Цеткин и др. Спартакковцы вели революционную пропаганду в массах против империалистической войны, разоблачали захватническую политику германского империализма и предательство вождей социал-демократии. Но спартакковцы, германские левые, не освободились от полуменишевистских ошибок в важнейших вопросах теории и политики. Критика ошибок германских левых дана в произведениях В. И. Ленина: «О брошюре Юниуса» (см. Сочинения, 4 изд., том 22, стр. 291—305), «О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме» (см. Сочинения, 4 изд., том 23, стр. 16—64) и др. и в письме И. В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская Революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» (см. И. В. Сталин. «Вопросы ленинизма», 11 изд., стр. 350—361). В апреле 1917 года спартакковцы вошли в центристскую Независимую социал-демократическую партию Германии, сохранив в ней свою организационную самостоятельность. После ноябрьской революции 1918 года в Германии спартакковцы порвали с «независимцами» и в декабре того же года основали Коммунистическую партию Германии. — 17.
- 7 *«Лабуристами»* Ленин называет лейбористов, членов английской Рабочей партии (Labour Party). — 20.
- 8 *Голландскими «трибунистами»* Ленин называет членов голландской коммунистической партии. Первоначально трибунисты представляли собой левую группу голландской социал-демократической рабочей партии, организовавшую в 1907 году газету «Трибуна» («De Tribune»). В 1909 году трибунисты были исклю-

- ченны из социал-демократической рабочей партии и организовали самостоятельную партию (Социал-демократическую партию Голландии). Трибунисты представляли левое крыло рабочего движения Голландии, но они не были последовательно-революционной партией. В 1918 году трибунисты принимали участие в образовании Коммунистической партии Голландии. — 26.
- 9 *Хорнер* — А. Паннекук. — 26.
- 10 «*Коммунистическая Рабочая Газета*» («*Kommunistische Arbeiterzeitung*») — орган мелкобуржуазной, анархо-синдикалистской группы «левых» коммунистов, отколовшейся в 1919 году от Коммунистической партии Германии (спартаковцев). Газета издавалась с 1919 по 1927 год. Германские «левые» коммунисты не выполнили решение III конгресса Коминтерна, потребовавшего от них отказа от сектантской тактики и присоединения к коммунистической партии Германии, и были исключены из Коммунистического Интернационала. Верхушка «левых» коммунистов скатилась к контрреволюции. — 26.
- 11 Число членов партии, после февральской революции 1917 года и по 1919 год включительно, изменялось следующим образом: к Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) 1917 года насчитывалось — 80 000 членов партии; к Шестому съезду РСДРП(б) в июле — августе 1917 года — около 240 000; к Седьмому съезду РКП(б) в марте 1918 года — не менее 270 000; к Восьмому съезду РКП(б) в марте 1919 года — 313 766 членов партии. — 29.
- 12 См. В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 30, стр. 230—251. — 34.
- 13 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 105. — 35.
- 14 «*Промышленные рабочие мира*» («*Industrial Workers of the World*». I. W. W.) — организация американских рабочих, оформившаяся в 1905 году. В деятельности организации проявлялись ярко выраженные анархо-синдикалистские черты: она не признавала политической борьбы пролетариата; отрицала руководящую роль партии, необходимость вооруженного восстания для свержения капитализма и борьбу за диктатуру пролетариата; отказывалась вести работу среди рабочих профсоюзов, входящих в Американскую федерацию труда. Впоследствии «Промышленные рабочие мира» превратились в сектантскую анархо-синдикалистскую группу, не имевшую никакого влияния на рабочих. — 36.
- 15 *Итальянская социалистическая партия* была основана в 1892 году как «*Партия итальянских рабочих*»; в 1893 году она приняла название «*Итальянской социалистической партии*». После победы Великой Октябрьской социалистической революции

в России в рядах Итальянской социалистической партии усилилось левое крыло. В январе 1921 года на съезде партии в Ливорно левые порвали с социалистической партией, организовали свой съезд и основали Коммунистическую партию Италии.

В период фашистской диктатуры в Италии в социалистической партии вновь образовалось влиятельное левое крыло. В 1934 году Итальянская социалистическая партия заключила с Коммунистической партией Италии соглашение о единстве действий. Это соглашение послужило базой сотрудничества обеих партий во время второй мировой войны и в послевоенный период. В январе 1947 года из рядов Итальянской социалистической партии вышла группа правых во главе с агентом американского империализма Сарагатом и образовала так называемую «Социалистическую партию итальянских трудящихся». — 47.

¹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, 1935, стр. 229. — 48.

¹⁷ Ленин имеет в виду то место из письма Ф. Энгельса к Ф. А. Зорге от 29 ноября 1886 года, где Энгельс, критикуя немецких социал-демократов эмигрантов, живших в Америке, говорит, что для них теория «догма, а не руководство к действию» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 396). — 52.

¹⁸ См. Н. Г. Чернышевский. Избранные экономические произведения, т. II, 1948, стр. 550. — 52.

¹⁹ «Британская социалистическая партия» (British Socialist Party) была основана в 1911 году в Манчестере. Партия вела пропаганду и агитацию в марксистском духе и была партией «не оппортунистической, действительно независимой от либералов» (Ленин). Малочисленность и оторванность партии от масс придавали ей некоторый сектантский характер.

В период первой мировой войны в партии обозначились два течения: одно — открыто социал-шовинистическое во главе с Гайндманом и другое — интернационалистское во главе с А. Инкпином и др. В апреле 1916 года в партии произошел раскол. Гайндман и его сторонники оказались в меньшинстве и вышли из партии. С этого времени во главе Британской социалистической партии встали интернационалистские элементы. Британская социалистическая партия была инициатором создания Коммунистической партии Великобритании, оформившейся в 1920 году. — 58.

²⁰ «Социалистическая рабочая партия» организовалась в 1903 году из группы левых социал-демократов, отколовшихся от Социал-демократической федерации. «Южно-Уэльское социалистическое общество» — небольшая группа, состоявшая преимущественно из рабочих-углекопов Уэльса. «Рабочая социалистическая федерация» — немногочисленная организация, возникшая из «Общества защиты избирательных прав женщины» и состоявшая главным образом из женщин.

При образовании Коммунистической партии Великобритании (учредительный съезд состоялся 31 июля — 1 августа 1920 года), включившей в свою программу пункт об участии партии в парламентских выборах и вхождении в Рабочую партию, все «левые» организации не вошли в компартию. На съезде Коммунистической партии в январе 1921 года Южно-Уэльское социалистическое общество и Рабочая социалистическая федерация (принявшие к тому времени названия: Коммунистическая рабочая партия и Коммунистическая партия) объединились с Коммунистической партией Великобритании, которая приняла название Объединенной коммунистической партии Великобритании. Руководство Социалистической рабочей партии отказалось от объединения. — 58.

- 21 *«Советские» «правозащитники»* — коллегии правозащитников; были учреждены в феврале 1918 года при Советах рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. В октябре 1920 года коллегии правозащитников были упразднены. — 95.
- 22 *Речь к красноармейцам, отправляющимся на польский фронт*, была произнесена Лениным 5 мая 1920 года на Театральной площади (ныне площадь им. Свердлова), где происходил парад войск московского гарнизона. На параде присутствовали также отправлявшиеся на польский фронт коммунисты Петрограда. — 106.
- 23 *Соединенное заседание ВЦИК, Московского Совета, представителей профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов г. Москвы*, состоявшееся 5 мая 1920 года, было созвано в связи с наступлением белополяков на Советскую Россию. На заседании присутствовали также 300 петроградских коммунистов-рабочих, отправлявшихся на польский фронт. Заседание обсудило один вопрос — о положении на польском фронте. Единогласно была принята резолюция, призывавшая рабочих и крестьян к мобилизации всех усилий для разгрома буржуазно-помещичьей Польши. — 107.
- 24 Имеется в виду конференция держав Антанты, происходившая в Сан-Ремо (Италия) в апреле 1920 года. На конференции обсуждались вопросы: проект мирного договора с Турцией, о выполнении Германией Версальского договора и др. — 109.
- 25 В начале 1920 года некоторые части Красной Армии были переведены на положение трудовых армий для использования в области хозяйственного строительства. Война с буржуазно-помещичьей Польшей и Врангелем заставила перевести трудовые армии в боевое состояние. — 111.
- 26 Ленин имеет в виду приезд в Москву в марте 1919 года Буллита, по поручению президента США Вильсона и премьер-министра Англии Ллойд-Джорджа, с предложением Советскому правительству заключить мир с белогвардейскими правительствами, существовавшими в тот момент на территории России.

- Был выработан проект соглашения. Однако империалисты, надеясь на разгром Советской республики, в связи с временными успехами колчаковской армии, отказались от переговоров о мире. — 115.
- 27 Приветствие Ленина «Индийской революционной ассоциации» было переведено на английский язык и послано по радио в ответ на резолюцию, принятую 4 марта 1920 года на митинге индийских революционеров и присланную в Россию на имя Ленина. В резолюции индийских революционеров выражалась глубокая благодарность Советской России, ведущей великую борьбу за освобождение угнетенных классов и народов. — 116.
- 28 «Письмо к английским рабочим» в июне 1920 года было опубликовано в еженедельнике Британской социалистической партии «The Call» («Призыв»); в газете Рабочей партии Великобритании «The Daily Herald» («Ежедневный Вестник»); в буржуазной газете «The Manchester Guardian» («Страж Манчестера») и др. — 117.
- 29 «Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам» был послан В. И. Лениным И. В. Сталину, находившемуся в то время на Юго-Западном фронте. Свои замечания к тезисам И. В. Сталин изложил в письме В. И. Ленину от 12 июня 1920 года. Тезисы были опубликованы на II конгрессе Коммунистического Интернационала в июне 1920 года. — 122.
- 30 Г. Л. — Георгий Лукач, член Коммунистической партии Венгрии. — 142.
- 31 Б. К. — Бела Кун; был членом Коммунистической партии Венгрии, впоследствии разоблачен как предатель дела рабочего класса. — 142.
- 32 Второе Всероссийское совещание ответственных организаторов по работе в деревне, созванное ЦК РКП(б), происходило с 10 по 15 июня 1920 года. На нем присутствовали губернские, уездные и волостные организаторы по работе в деревне, всего свыше 300 делегатов от 61 губернии. Ленин произнес речь 12 июня. С приветствием от имени ВЦИК выступил М. И. Калинин.
- Совещание приняло воззвание «Ко всем рабочим мира», в котором приветствовало английских, венгерских, итальянских рабочих и рабочих других стран, принявших решение препятствовать отправке военного снаряжения и войск в помощь буржуазно-помещичьей Польше, ведшей войну против Советской России. — 145.
- 33 Ленин имеет в виду заявление Совета Народных Комиссаров РСФСР правительству Польши и польскому народу от 28 января 1920 года и обращение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета к польскому народу от 2 февраля 1920 года. — 145.

- 34 Ленин имеет в виду решение IX съезда РКП(б) «Об отношении к кооперации» (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 340—342). — 157.
- 35 «Проект (или тезисы) ответа от РКП на письмо Независимой с.-д. германской партии» см. В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 30, стр. 313—319. — 173.
- 36 *Туринская секция* обвиняла Итальянскую социалистическую партию, во главе которой были примиренцы, в том, что она — в условиях революционного подъема в Италии (1919—1920 гг.), создавшего возможность захвата политической власти пролетариатом — не дала правильного анализа событий; не провозгласила ни одного лозунга, приемлемого для революционных масс; не изгнала из своей среды реформистов. Секция выдвинула ряд практических предложений: изгнание из партии оппортунистов; создание на всех фабриках, в профсоюзах, кооперативах, казармах коммунистических групп; создание фабрично-заводских комитетов для организации контроля над производством в промышленности и сельском хозяйстве. Секция требовала немедленно начать подготовку народных масс к созданию Советов. — 175.
- 37 «*Ответ на письмо Соединенного временного комитета по образованию Коммунистической партии Великобритании*» был передан по радио и опубликован на английском языке в «The Call» («Призыв») № 224, 22 июля 1920 года — органе Британской социалистической партии. Ответ был зачитан также на съезде английских коммунистов, состоявшемся 31 июля — 1 августа 1920 года. — 178.
- 38 Речь идет о Парижской мирной конференции, созванной после мировой империалистической войны 1914—1918 гг., закончившейся подписанием Версальского мирного договора. На конференции, наряду с другими вопросами, обсуждался вопрос о границах Польши. Временные восточные границы Польши были произвольно определены постановлением Верховного совета союзников 8 декабря 1919 года. — 179.
- 39 Ответная телеграмма И. В. Сталина была послана В. И. Ленину 13 июля 1920 года из Харькова. В телеграмме И. В. Сталин, полностью соглашаясь с оценкой В. И. Лениным ноты Керзона от 12 июля, дал свои предложения для ответа Советского правительства на ноту Керзона. — 179.
- 40 Имеются в виду предложения Ленина по поводу ответа на ноту Керзона от 12 июля 1920 года, принятые пленумом ЦК 16 июля 1920 года. Предложения В. И. Ленина совпадали с предложениями И. В. Сталина, содержащимися в телеграмме от 13 июля 1920 года на имя В. И. Ленина. На основе ленинских предложений была составлена радиотелеграмма Народного комиссара по иностранным делам правительству Англии от 17 июля 1920 года. — 180.

⁴¹ «*Двадцатый пункт условий приема в Коммунистический Интернационал*» был внесен Лениным на заседание комиссии II конгресса Коминтерна 25 июля 1920 года при обсуждении его тезисов об условиях приема в Коммунистический Интернационал и был принят комиссией и конгрессом. Тезисы Ленина «Условия приема в Коммунистический Интернационал», опубликованные до начала работы конгресса, содержали девятнадцать условий. Конгресс принял двадцать одно условие. Двадцать первое условие гласило: «Члены партии, принципиально отвергающие обязательство и тезисы, выставленные Коммунистическим Интернационалом, должны исключаться из партии».

Это относится также и к делегатам экстремных партийных съездов». — 188.

⁴² *Второй конгресс Коммунистического Интернационала* состоялся 19 июля — 7 августа 1920 года. Открытие конгресса было в Петрограде; последующие заседания происходили в Москве. На II конгрессе присутствовало более 200 делегатов, представлявших рабочие организации 37 стран. Наряду с представителями от коммунистических партий и организаций (от 31 страны) в работах конгресса приняли участие представители: Независимой социал-демократической партии Германии; социалистических партий Италии и Франции; Индустриальных рабочих мира (Австралии, Англии, Ирландии); Национальной конфедерации труда Испании и других организаций.

Всей подготовительной работой по съезду конгресса руководил Ленин. На первом заседании конгресса Ленин выступил с докладом о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала. На конгрессе Ленин развернул беспощадную борьбу против оппортунистических, центристских партий, пытавшихся проникнуть в III Интернационал, и подверг резкой критике анархо-синдикалистские тенденции и «левое» сектанство в ряде коммунистических организаций; выступал с докладами и речами (см. настоящий том, стр. 189—238) и принял участие в работах комиссий: о международном положении и основных задачах Коминтерна, по национальному и колониальному вопросам, по аграрному вопросу, об условиях приема в Коммунистический Интернационал. Тезисы Ленина об основных задачах II конгресса Коммунистического Интернационала, по национальному и колониальному вопросам, по аграрному вопросу и условия приема в Коммунистический Интернационал были утверждены в качестве постановлений конгресса.

В. И. Ленин и И. В. Сталин были избраны делегацией РКП(б) в состав Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала.

II конгресс заложил основы программы, организационных принципов, стратегии и тактики Коммунистического Интернационала. — 189.

⁴³ См. настоящий том, стр. 174—175. — 211.

⁴⁴ См. настоящий том, стр. 69—70. — 211.

- 45 Комиссия по национальному и колониальному вопросам была образована II конгрессом Коммунистического Интернационала из представителей коммунистических партий следующих стран: России, Болгарии, Франции, Голландии, Германии, Венгрии, США, Британской Индии, Персии, Китая, Кореи, Англии и др. Комиссия работала под руководством Ленина. Тезисы Ленина по национальному и колониальному вопросам обсуждались на четвертом и пятом заседаниях конгресса и были приняты 28 июля. — 215.
- 46 Условия приема в Коммунистический Интернационал обсуждались предварительно в комиссии, избранной конгрессом. В комиссию вошли представители от коммунистических партий: России, Германии, Болгарии, США, Венгрии, Австрии, Голландии; от Индустриальных рабочих мира Ирландии; от левого крыла социалистической партии Швейцарии и от коммунистической группы Франции. В основу работы комиссии были положены тезисы Ленина «Условия приема в Коммунистический Интернационал». Ленин принимал непосредственное участие в работе комиссии. Условия приема в Коминтерн обсуждались на трех заседаниях конгресса 29 и 30 июля и были приняты конгрессом на заседании 6 августа. — 221.
- 47 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 20. — 222.
- 48 Вопрос о вхождении английской коммунистической партии в Рабочую партию решался при обсуждении тезисов Ленина об основных задачах Коммунистического Интернационала на последнем заседании конгресса 6 августа. После выступления Ленина конгресс большинством голосов (58 голосов против 24 при 2 воздержавшихся) высказался за присоединение коммунистической партии к Рабочей партии. Однако Рабочая партия отказалась принять английскую коммунистическую партию в состав своей организации. — 232.
- 49 В телеграмме от 4 августа 1920 года И. В. Сталин, отвечая на телеграмму В. И. Ленина, подробно освещает положение на Крымском фронте, дает сведения о количестве советских и врангелевских войск, их вооружении и резервах. И. В. Сталин поставил вопрос об усилении Крымского фронта и указывал в своем письме, что Троцкий запаздывал с выполнением обещаний о помощи фронту ровно настолько, насколько нужно Врангелю. Сообщая о перспективах на Крымском фронте, И. В. Сталин писал, что в ближайшие дни Врангель будет сбит с его позиции и, если для подкрепления советских войск будет переброшена кавалерия, этот фронт будет ликвидирован к началу осени. В середине ноября войска Врангеля были разбиты. — 239.
- 50 О причинах временных заминок в Первой конной армии И. В. Сталин писал В. И. Ленину в телеграммах от 4 и 5 августа 1920 года. В районе Броды белопольяни бросили против

Первой конной армии литовскую, лужскую и галицкую группы войск, чтобы не пропустить Красную Армию к Львову. Временно Первая конная армия от наступления перешла к обороне. — 240.

- 51 Телеграмма была послана И. В. Сталину, находившемуся в то время на Юго-Западном фронте. — 241.
- 52 «Письмо к австрийским коммунистам» было написано Лениным в связи с решением Коммунистической партии Австрии о бойкоте выборов в парламент. 1 сентября 1920 года была созвана общепартийная конференция, которая приняла решение об участии партии в парламентских выборах. На выборах Коммунистическая партия Австрии выступила под лозунгом революционного единства рабочего класса. — 242.
- 53 *Девятая Всероссийская конференция РКП(б)* состоялась в Москве 22—25 сентября 1920 года. На конференции участвовали 241 делегат (116 — с решающим голосом и 125 — с совещательным). В порядке дня конференции были вопросы: политический отчет ЦК, организационный отчет ЦК, об очередных задачах партийного строительства, доклад комиссии по изучению истории партии, отчет о II конгрессе Коминтерна. Был заслушан также доклад представителя польских коммунистов. Ленин открыл конференцию, выступил с политическим отчетом ЦК и с речью в прениях об очередных задачах партийного строительства. Вопрос о войне и мире с Польшей и об организации разгрома Врангеля был основным содержанием политического отчета ЦК. В прениях по политическому отчету ЦК выступил И. В. Сталин. Была единогласно принята резолюция об условиях заключения мира с Польшей. Конференция одобрила заявление ВЦИК о конкретных условиях мира с Польшей, составленное под непосредственным руководством Ленина и им отредактированное. В резолюции «Об очередных задачах партийного строительства» конференция выработала ряд практических мер по развёртыванию внутрипартийной демократии, укреплению единства партии и ее дисциплины, борьбы с бюрократизмом в советских и хозяйственных учреждениях и усилению работы по коммунистическому воспитанию молодых членов партии. Конференция признала необходимым создание Контрольной Комиссии, избираемой съездом партии, и партийных комиссий при губернских комитетах партии, избираемых на губернских конференциях. Конференция дала отпор антипартийной группе «демократического централизма», выступившей против партийной дисциплины и руководящей роли партии по отношению к Советам и профсоюзам. — 250.

- 54 Ленин имеет в виду «Комитет действия», созданный английскими рабочими в августе 1920 года в Лондоне на объединенной конференции представителей конгресса тред-юнионов, Исполнительного комитета и парламентской группы Рабочей партии. «Комитет действия» был создан с целью организации

борьбы рабочих против вступления Англии в войну с Советской Россией. — 252.

- 55 Письмо Ленина было опубликовано в органе Германской компартии «Die Rote Fahne» («Красное Знамя»), в органе Французской социалистической партии «L'Humanité» («Человечество») и в органе Коммунистической партии Великобритании «The Communist» («Коммунист») в сентябре — ноябре 1920 года. — 255.
- 56 III Всероссийский съезд Российского коммунистического союза молодежи происходил 2—10 октября 1920 года в Москве, на съезде присутствовало около 600 делегатов. Ленин произнес свою речь на первом заседании съезда, вечером 2 октября. — 258.
- 57 На Первом всероссийском съезде Пролеткульта, происходившем в Москве в первой половине октября 1920 года, Луначарский выступил за полную автономию Пролеткульта в системе Наркомпроса. По указанию Ленина была выработана для съезда резолюция в духе директив, наложенных Лениным в его проекте. Резолюция была принята съездом единогласно. — 291.
- 58 Ленин имеет в виду первый съезд народов Востока, происходивший 1—7 сентября 1920 года в Баку. На съезде присутствовали 1891 делегат, представлявшие 37 национальностей. Среди делегатов было 1273 коммуниста. Съезд высказал по национальному и колониальному вопросам свою солидарность с резолюцией II конгресса Коммунистического Интернационала. — 304.
- 59 См. В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 8, стр. 341—342. — 315.
- 60 См. В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 16, стр. 344—360, 361—386. — 315.
- 61 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VI, 1930, стр. 444. — 319.
- 62 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VI, 1930, стр. 123. — 319.
- 63 См. В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 9, стр. 109—111. — 320.
- 64 См. В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 191—192. — 321.
- 65 *Dampfersubvention* — субсидия пароходству. Речь идет о разногласиях в с.-д. фракции германского рейхстага по вопросу о субсидировании частных предпринимателей для устройства пароходных рейсов с Восточной Азией, Австралией и Африкой. Правое крыло с.-д. фракции поддерживало политику субсидирования, проводимую правительством Бисмарка. Энгельс в письме к Зорге от 31 декабря 1884 года осудил оппортунистическую позицию правых (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, 1935, стр. 443—445). — 331.

- 66 «*Молодые*» в германской социал-демократии — мелкобуржуазная полуанархическая группа; образовалась в 1890 году. Основное ядро группы составляли молодые литераторы (отсюда и название группы). Группа выступила с платформой, отрицавшей всякое участие социал-демократов в парламенте. Ф. Энгельс называл «молодых» героями «революционной фразы», стремившимися «склокой и интригами дезорганизовать партию». В октябре 1891 года, на Эрфуртском съезде германской социал-демократии, «молодые» были исключены из партии. — 331.
- 67 «*Северный Голос*» — ежедневная легальная газета, орган РСДРП; выходила в Петербурге с 6 (19) декабря 1905 года под объединенной редакцией большевиков и меньшевиков. На третьем номере 8 (21) декабря 1905 года газета была закрыта. — 331.
- 68 «*Начало*» — ежедневная легальная меньшевистская газета; выходила в Петербурге в ноябре — декабре 1905 года. — 332.
- 69 «*Новая Жизнь*» — первая легальная большевистская газета; выходила ежедневно с 27 октября (9 ноября) по 3 (16) декабря 1905 года в Петербурге. С приездом Ленина из эмиграции в Петербург, в начале ноября, газета стала выходить под его непосредственным руководством. «Новая Жизнь» являлась фактически Центральным Органом РСДРП. — 332.
- 70 «*Полярная Звезда*» — еженедельный журнал, орган правого крыла кадетской партии; выходил в Петербурге в 1905—1906 годах под редакцией П. Б. Струве.
«*Наша Жизнь*» — ежедневная газета, близкая к левому крылу партии кадетов; выходила с перерывами с 1904 по 1906 год в Петербурге. — 333.
- 71 См. В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 215—228. — 333.
- 72 Телеграмма В. И. Ленина являлась ответом на телеграмму И. В. Сталина от 26 октября 1920 года, в которой И. В. Сталин высказал предположение о возможности сдачи Батума Антанте меньшевистским правительством Грузии. — 337.
- 73 Проект резолюции «*Задачи профессиональных союзов и методы их осуществления*» был взят в основу резолюции фракции РКП(б) V Всероссийской конференции профессиональных союзов. Резолюция была принята на заседании фракции 8 ноября 1920 года. — 349.
- 74 См. настоящий том, стр. 255—257. — 353.
- 75 «*L'Humanité*» («*Человечество*») — ежедневная газета, основанная Ж. Жоресом в 1904 году как орган Французской социалистической партии. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) газета находилась в руках крайне правого крыла

Французской социалистической партии и занимала социал-шовинистическую позицию. Вскоре после раскола социалистической партии на конгрессе в декабре 1920 года и образования Коммунистической партии Франции газета стала ее органом; выходит в Париже и в настоящее время как Центральный Орган Коммунистической партии. — 356.

76 См. настоящий том, стр. 167. — 361.

77 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVII, 1937, стр. 195. — 365.

78 См. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1950, стр. 100—101. — 365.

79 *Чрезвычайный съезд Независимой социал-демократической партии Германии* состоялся в Галле 12—17 октября 1920 года. Основным вопросом съезда был вопрос об условиях приема в Коммунистический Интернационал. После ожесточенной борьбы партия «независимцев» раскололась: большинством 237 голосов против 156 съезд высказался за присоединение к Коминтерну. Правые организовали свой отдельный съезд и избрали Центральное правление, сохранив за собой старое название. Левая часть Независимой партии вместе с Коммунистической партией Германии (спартаковцы) образовала Объединенную коммунистическую партию Германии. — 371.

80 В телеграмме от 15 ноября 1920 года из Баку И. В. Сталин сообщил В. И. Ленину об успешной борьбе с бандами на Кавказе и о необходимости усиления подкреплений Кавказскому фронту для успешной обороны Баку от возможного нападения со стороны меньшевистской Грузии, бывшей фактически орудием Антанты. — 375.

81 Настоящие тезисы Ленина положены в основу проекта тезисов Главполитпросвета, опубликованных в «Правде» № 267 от 27 ноября 1920 года под названием «Производственная пропаганда. (Проект тезисов Главполитпросвета)». — 376.

82 «Беднота» — ежедневная газета, издание Центрального Комитета Коммунистической партии (большевиков); выходила в Москве с 27 марта 1918 года по 31 января 1931 года. С 1 февраля 1931 года «Беднота» слилась с газетой «Социалистическое Земледелие»; последняя выходит в настоящее время. — 377.

83 Публикуемый документ является ответом В. И. Ленина на запрос И. В. Сталина о директивах в связи с подготавливаемой Антантой, при посредстве меньшевистской Грузии, войны против Советского Азербайджана и об угрозе оккупации Армении турками. В это время И. В. Сталин находился во Владикавказе. Информацию о военных приготовлениях Антанты и меньшевистской Грузии И. В. Сталин получил от Г. К. Орджоникидзе. 20 ноября 1920 года И. В. Сталин выехал из Владикавказа в Москву. — 379.

- 84 *Московская губернская конференция РКП(б)* состоялась 20—22 ноября 1920 года; на конференции присутствовало 289 делегатов с решающим голосом и 89 с совещательным.
Речь «Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии» Ленин произнес на второй день конференции 21 ноября 1920 года. В том же году речь была опубликована отдельной брошюрой на русском, немецком и французском языках.
Во время выборов на конференцию и во время работы конференции против партийной линии выступили антипартийные группы «демократического централизма» и «рабочей оппозиции». Под руководством Ленина конференция дала отпор антипартийным вылазкам врагов партии. — 380.
- 85 См. В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 27, стр. 214. — 389.
- 86 Ленин имеет в виду сборник материалов по электрификации: «План электрификации РСФСР. Доклад 8-му съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России», Москва, 1920. — 392.
- 87 Ленин имеет в виду резолюции IX Всероссийской конференции РКП(б) (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 349—354). — 394.
- 88 На общем собрании членов партии Замоскворецкого района обсуждался вопрос об итогах работы Московской губернской партийной конференции; с докладом выступил В. И. Ленин. В прениях, с антипартийными выпадами против ЦК и линии партии, выступили представители «рабочей оппозиции» и группы «демократического централизма», отпор которым дал Ленин в своем заключительном слове. Ленин отвечал также на запiski членов партии, остановившись подробно на вопросе о концессиях. — 406.
- 89 Телеграмма была послана в ответ на приветствие Революционного военного комитета Армении Ленину по поводу установления Советской власти в Армении. Приветствие Революционного военного комитета было послано 30 ноября 1920 года. — 409.
- 90 Ленин имеет в виду законопроект, внесенный СНК в Президиум ВЦИК для утверждения на VIII съезде Советов, — «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства»; опубликован в «Известиях» № 281, 14 декабря 1920 года. — 428.
- 91 VIII Всероссийский съезд Советов происходил в Москве 22—29 декабря 1920 года. На съезде присутствовало 2 537 делегатов, из них 1728 с решающим голосом и 809 с совещательным.
По докладу Ленина о деятельности Совета Народных Комиссаров съезд единогласно принял революцию, одобряющую деятельность Советского правительства.

VIII съезд Советов принял выдвинутый Лениным план электрификации страны — план Гозэро (Государственной комиссии по электрификации России) — и резолюцию по докладу об электрификации, написанную Лениным (см. настоящий том, стр. 499). Во время работы съезда Ленин неоднократно выступал на заседаниях фракции РКП(б). На первом заседании фракции 21 декабря Ленин сделал доклад о концессиях. На заседании фракции 22 декабря Ленин произнес речь по вопросам внешней и внутренней политики.

На обсуждение съезда был предложен законопроект о мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства, принятый Советом Народных Комиссаров 14 декабря 1920 года. Основные положения законопроекта обсуждались с участием Ленина на совещании делегатов-крестьян 22 декабря 1920 года и на фракции РКП(б) съезда 24 и 27 декабря. Законопроект был принят съездом единогласно 28 декабря 1920 года.

VIII съезд Советов утвердил союзный договор между РСФСР и УССР. — 431.

- 92 Ленин имеет в виду «Речь на собрании актива Московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 года» (см. настоящий том, стр. 410—429). — 434.
- 93 Ленин имеет в виду ноту Верховного совета союзников Колчаку от 26 мая 1919 года, в которой правительство Франции, Англии, Италии, Америки и Японии заявили о готовности помочь Колчаку и признать его в качестве главы «всероссийского правительства». — 436.
- 94 «Сухареска» — рынок, находившийся на Сухаревой площади (ныне Колхозная площадь) в Москве. Слово «сухаревка» было синонимом спекуляции и мешочничества. Перед VIII Всероссийским съездом Советов сухаревский рынок был закрыт решением президиума Московского Совета от 13 декабря 1920 года. — 452.
- 95 10 августа 1920 года правительство Франции официально заявило о признании Врангеля правителем Юга России. — 457.
- 96 См. В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 27, стр. 282—285. — 465.
- 97 Декрет Совнаркома «Временное положение о натуральном премировании» был издан 23 октября 1920 года. — 476.
- 98 На первой сессии (2—7 февраля 1920 года) ВЦИК VII созыва вынес постановление: поручить ВСНХ совместно с Наркомземом разработать проект постройки сети электрических станций. 21 февраля 1920 года президиум ВСНХ, по соглашению с Наркомземом, утвердил Государственную комиссию по электрификации России (Гозэро). Комиссия приступила к работе 20 марта 1920 года и к началу VIII съезда Советов выработала общий план электрификации РСФСР. Государственная комиссия по электрификации была создана по инициативе и указаниям В. И. Ленина. — 482.

- 99 14 ноября 1920 года Ленин по приглашению крестьян присутствовал на открытии электростанции в деревне Кашино, Яропольской волости, Волоколамского уезда. На открытии Ленин беседовал с крестьянами, а затем выступил с речью о значении электрификации в народном хозяйстве. — 484.
- 100 Заседание фракции РКП(б) VIII съезда Советов, состоявшееся утром 24 декабря 1920 года, было посвящено обсуждению законопроекта СНК о мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства. — 492.
- 101 Ленин имеет в виду следующие слова из своего доклада о работе в деревне на VIII съезде РКП(б) 23 марта 1919 года: *«Насилие по отношению к среднему крестьянству представляет из себя величайший вред»* (см. Сочинения, 4 изд., том 29, стр. 187). — 492.
- 102 Имеется в виду закон о социализации земли, принятый 18 (31) января III Всероссийским съездом Советов (состоялся 10—18 (23—31) января 1918 года). В статье шестой закона сказано: *«Весь частновладельческий живой и мертвый сельскохозяйственный инвентарь переходит без всякого выкупа из нетрудовых хозяйств в распоряжение, в зависимости от их значения, земельных отделов: уездного, губернского, областного и федерального Советов».* — 495.
-

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. И. ЛЕНИНА

(Апрель — декабрь 1920 года)

1920

- Апрель, 27.* Ленин заканчивает работу над книгой «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».
- Ленин в письме к К. А. Тимирязеву дает высокую оценку его книги «Наука и демократия».
- Апрель, 29.* Ленин выступает на IV Всероссийском съезде рабочих стекло-фарфорового производства с речью о международном и внутреннем положении Советской Республики.
- Апрель, 29 — май, 2.* В. И. Ленин и И. В. Сталин принимают участие в разработке тезисов ЦК РКП(б) о постановке агитации в связи с войной против белополяков.
- Май, 1.* Ленин утром принимает участие в первомайском субботнике в Кремле.
- Ленин в 2 часа дня выступает с речью на закладке памятника К. Марксу на Театральной площади (ныне площадь им. Свердлова).
- Ленин в 3 часа дня выступает с речью на закладке памятника Освобожденному труду на набережной Москвы-реки; посещает выставку эскизов будущего памятника в Музее изящных искусств (ныне Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина).
- Ленин выступает с речами на митингах в Замоскворецком и Бауманском районах, на открытии рабочего дворца им. Загорского в Благоуше-Лефортовском районе и на митинге рабочих Прохоровской мануфактуры в Краснопресненском районе.

- Май, 2.* Статья Ленина «От первого субботника на Московско-Каванской железной дороге ко всероссийскому субботнику-маенке» публикуется в однодневной газете «Первомайский Субботник».
- Май, 4.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о помощи Западному фронту; об образовании Автономной Татарской Советской Социалистической Республики (внесено И. В. Сталиным); о приветственной телеграмме Азербайджанской Советской Республике (внесено В. И. Лениным) и др. И. В. Сталин назначается председателем комиссии по вопросу образования Автономной Татарской Советской Республики.
- Май, 4 или 5.* Ленин посылает телеграмму всем губисполкомам, горисполкомам Москвы и Петрограда и губревкомам с предписанием оказывать содействие Центральному статистическому управлению и его местным органам в проведении всероссийской переписи населения.
- Май, 5.* Ленин выступает с речью на Театральной площади на параде войск, отправляющихся на Польский фронт.
В. И. Ленин и И. В. Сталин посылают телеграмму Г. К. Орджоникидзе в Баку с директивой отвести советские войска из пределов Грузии к границе.
Ленин выступает на соединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, представителей профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов с речью о задачах обороны Советской республики в связи с наступлением буржуазно-помещичьей Польши.
Ленин посылает Советскому социалистическому правительству Азербайджана приветственную телеграмму по поводу образования независимой Советской республики Азербайджана.
Ленин пишет письмо М. Н. Покровскому о необходимости издания словаря современного русского языка.
- Май, 7.* Ленин пишет письмо тридцатому полку красных коммунаров Туркестанского фронта с благодарностью за присланные макароны и муку. Подарки были переданы детям Москвы.
- Май, 8.* В. И. Ленин и И. В. Сталин посылают телеграмму Л. Б. Красину и М. М. Литвинову в Копенгаген

с указаниями о подписании торговых договоров с металлообрабатывающими и паровозостроительными заводами в Швеции.

Май, 10.

Ленин руководит экстренным заседанием Совета Труда и Оборона, на котором обсуждаются вопросы: о снабжении армий Западного фронта вооружением, одеждой и обувью; о взрывах на артиллерийских складах Москвы; о пересмотре личного состава военных складов по всей России. Два последних вопроса внесены И. В. Сталиным. И. В. Сталин назначается председателем комиссии по снабжению армий Западного фронта одеждой.

Май, 12.

Ленин пишет «Добавление» к брошюре «Детская болезнь «левизаны» в коммунизме».

Ленин дает директиву Реввоенсовету Кавказского фронта о немедленной отправки дивизий на помощь Западному фронту.

Май, 13.

Ленин выступает на широкой рабоче-красноармейской конференции Рогожско-Симоновского района с речью о международном положении.

Май, 14.

Ленин руководит заседанием Совета Труда и Оборона, на котором обсуждаются вопросы: о снабжении армий Западного фронта одеждой (доклад И. В. Сталина); о продовольственном положении Донбасса; о состоянии производства патронов, винтовок и пулеметов и др.; вносит вопрос о постройке узкоколейных лесовозных железнодорожных линий. И. В. Сталин назначается председателем комиссии СТО по вопросу о снабжении армии патронами, винтовками и пулеметами и о мерах усиления работы патронных и оружейных заводов.

Май, 18.

Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о заготовке сырья для промышленности на 1920—1921 гг.; о хлебных ресурсах страны и др.; вносит предложения: о назначении И. В. Сталина членом Реввоенсовета республики, а также о включении в сферу деятельности совета трудовой армии Донской области всей территории советского Кавказа.

Май, 20.

Публикуется ответ Ленина «Индийской революционной ассоциации».

- Май, 21.* Ленин пишет письмо А. С. Серафимовичу, выражая соболезнование по поводу гибели его сына.
- Ленин руководит заседанием Совета Труда и Оборона, на котором обсуждаются вопросы: о снабжении армии патронами, винтовками и пулеметами (доклад И. В. Сталина); о мобилизации автомобилей для военного ведомства; о снабжении продовольствием рабочих Главкожи и нефтяных промыслов Баку и Астрахани; о снабжении топливом Петрограда и др.
- Май, 23.* Ленин пишет письмо «Шитерским товарищам» с указаниями относительно издания его брошюры «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».
- Май, 25.* Ленин пишет замечания на проект декрета о мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения.
- Май, 26.* Ленин пишет набросок постановления СНК о заготовках продовольствия.
- Ленин беседует с делегацией английских рабочих.
- Май, 27.* Ленин пишет замечания и дополнение к проекту постановления СНК о высших технических учебных заведениях.
- Май, 30.* Ленин пишет «Письмо к английским рабочим».
- Июнь, 1.* Ленин пишет план тезисов по национальному и колониальному вопросам для II конгресса Коминтерна.
- Июнь, 2.* В. И. Ленин посылает телеграмму И. В. Сталину в Кременчуг о тяжелом положении на Западном фронте и о необходимости послать туда просимые И. В. Сталиным для Юго-Западного фронта дивизии; дает указание продолжать начатое наступление.
- Июнь, 4.* Ленин принимает японского корреспондента газет «Осака Майници» и «Токио Ници-Ници» г. Фусе.
- Ленин пишет записку в Государственное издательство и ВСНХ с просьбой принять представителей из Киргизии и помочь им достать словолитню, типографию и бумагу.

- Июнь, 5.* Ленин пишет «Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам (Для Второго съезда Коммунистического Интернационала)».
- Начало июня.* Ленин пишет «Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу (Для Второго съезда Коммунистического Интернационала)».
- Июнь, 8—10.* Вышла из печати брошюра Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».
- Июнь, 12.* Ленин пишет рецензию на №№ 1—18 журнала «Коммунизм» (орган Коммунистического Интернационала для стран юго-восточной Европы, издававшийся в Вене на немецком языке).
Ленин выступает на втором Всероссийском совещании ответственных организаторов по работе в деревне с речью о международном положении Советской республики и очередных задачах партии в деревне.
- Июнь, 13.* Ленин пишет замечания и дополнения к проекту постановления ЦК РКП(б) о задачах РКП(б) в Туркестане.
- Июнь, 18.* Ленин руководит заседанием Совета Труда и Оборона, на котором обсуждаются вопросы: об организации обороны в связи с наступлением белополяков; о пересмотре списков милитаризованных предприятий и др.
- Июнь, 19.* Ленин выступает на заседании Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала с речью, в которой подвергает критике политику Французской социалистической партии и правого крыла Итальянской социалистической партии.
- Июнь, 20.* Ленин дает указание заместителю наркома по просвещению о помощи Пулковской обсерватории.
- Июнь, 29.* Ленин пишет записку в Секретариат ЦК РКП(б) с предложением: обязать Государственное издательство организовать перевод и издание новых экономических сочинений; издать ряд переводов книг материалистов XVII и XVIII вв.
- Июнь.* Ленин пишет «План резолюции о содержании понятия «диктатуры пролетариата» и о борьбе против «модного» искажения этого лозунга».

- Июль, 2.* Ленин пишет обращение «На помощь раненому красноармейцу!».
- Июль, 4.* Ленин пишет «Тезисы об основных задачах Второго конгресса Коммунистического Интернационала».
- Июль, 6.* Ленин пишет предисловие к французскому и немецкому изданиям своей книги «Империализм, как новейший этап капитализма».
- Июль, 8.* Ленин дает указания о проверке переводов брошюры «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» на английский, французский и немецкий языки.
- Июль, 11.* В. И. Ленин пишет резолюцию на письме И. В. Сталина (о присылке пополнений Крымскому фронту), предлагая заместителю предреввоенсовета республики сообщить ему лично о выполнении требований И. В. Сталина.
- Июль, 12
или 13.* В. И. Ленин телефонограммой сообщает И. В. Сталину в Харьков условия мира с Польшей, изложенные в ноте Керзона; запрашивает мнение И. В. Сталина по этому вопросу и просит ускорить наступление советских войск на Юго-Западном фронте.
- Июль, 17.* В. И. Ленин телеграммой сообщает И. В. Сталину в Харьков о принятии пленумом ЦК предложений Ленина по поводу ответа на ноту Керзона; просит сообщать два раза в неделю о ходе военных операций на Юго-Западном фронте.
- Июль, не
позднее 18.* Ленин в письме Исполкому Коминтерна излагает план тезисов о международном экономическом и политическом положении для II конгресса III Интернационала.
- Июль, 18.* Ленин выезжает в Петроград для участия в заседании II конгресса Коминтерна.
- Июль, 19—
август, 7.* II конгресс Коммунистического Интернационала. Ленин руководит работой конгресса.
- Июль, 19.* Ленин избирается в состав президиума на первом заседании конгресса; выступает с докладом о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала.

Ленин выступает с речью на митинге, посвященном закладке памятника Карлу Либкнехту и Розе Люксембург на площади им. Урицкого в Петрограде. На митинге приняли участие делегаты II конгресса Коминтерна.

Ленин вместе с делегатами II конгресса возлагает венки на могилы борцов за революцию на Марсовом поле в Петрограде.

- Июль, 20.* Ленин возвращается из Петрограда в Москву.
- Июль, 23.* Ленин председательствует на втором заседании II конгресса Коминтерна, перенесшего свои заседания в Москву; выступает с речью о роли коммунистической партии.
- Июль, после 23.* Ленин пишет письмо членам Совета Труда и Оборона, в котором излагает план использования войск, назначенных к передвижению с Кавказа на Западный фронт; для разработки мероприятий, намеченных в плане, предлагает создать комиссию под председательством И. В. Сталина.
- Июль, 24.* Ленин на третьем заседании конгресса избирается в комиссии: по вопросу о международном положении и основных задачах Коминтерна, по национальному и колониальному вопросам и по аграрному вопросу.
- Июль, 25.* Ленин руководит работой комиссии II конгресса по национальному и колониальному вопросам; выступает в комиссии с речью.
- Тезисы Ленина об условиях приема в Коммунистический Интернационал и его предложение по вопросу о формировании руководящих органов партий, желающих вступить в Коминтерн (двадцатый пункт условий приема в Коммунистический Интернационал), обсуждаются и принимаются на заседании комиссии II конгресса.
- Ленин пишет критические замечания к тезисам П. Леви по национальному и колониальному вопросам, разоблачая его националистическую позицию.
- Июль, 26.* Ленин руководит работой комиссий конгресса по вопросам: аграрному и об основных задачах Коминтерна; в комиссиях обсуждаются и принимаются его тезисы по этим вопросам.

Ленин выступает на четвертом заседании конгресса с докладом от комиссии по национальному и колониальному вопросам и вносит на утверждение написанные им и принятые комиссией тезисы.

Ленин на проекте письма ЦК РКП(б) «Ко всем партийным организациям», написанном И. В. Сталиным, делает надпись: «Я за *немедленную* рассылку, как бесспорной вещи». В проекте письма давались директивы об усилении борьбы против Врангеля и об организации отправки коммунистов на Крымский фронт. Письмо ЦК было разослано партийным организациям.

Июль, 23.

Тезисы Ленина по национальному и колониальному вопросам единогласно принимаются на пятом заседании II конгресса.

Июль, 30.

Ленин выступает на восьмом заседании конгресса в прениях по вопросу об условиях приема в Коммунистический Интернационал. Написанные Лениным тезисы принимаются конгрессом.

Июль.

Ленин пишет записку Д. И. Курскому, запрашивая, приняты ли меры к немедленному созданию Советской власти, к изгнанию помещиков и передаче их земель бедноте и Советам батраков в местностях, освобождаемых Красной Армией.

Ленин пишет критические замечания на заявление Французской социалистической партии II конгрессу Коминтерна.

Август, 2.

Ленин руководит заседанием Политбюро ЦК РКП(б), на котором принимается решение о выделении врангелевского фронта в самостоятельный фронт; Политбюро поручает И. В. Сталину сформировать Реввоенсовет фронта и сосредоточить все внимание на этом фронте.

В. И. Ленин посылает И. В. Сталину телеграмму о состоявшемся решении Политбюро с просьбой дать заключение о положении на врангелевском фронте.

Ленин выступает на десятом заседании конгресса Коминтерна в прениях по вопросу о парламентаризме.

Август, 4.

Тезисы Ленина по аграрному вопросу обсуждаются и единогласно принимаются на тринадцатом заседании II конгресса Коминтерна.

- В. И. Ленин пишет телеграмму И. В. Сталину, в которой просит прислать его заключение о военных перспективах на Юго-Западном и врангелевском фронтах.
- Август, не позднее 6.* В. И. Ленин и И. В. Сталин избираются делегацией РКП(б) II конгресса в состав Исполкома Коминтерна.
- Август, 6.* Ленин выступает на шестнадцатом заседании II конгресса Коминтерна с речью по вопросу о вхождении английской коммунистической партии в Рабочую партию (лейбористскую).
- Август, 7.* Ленин принимает участие на первом заседании Исполнительного Комитета Коминтерна нового состава.
- Август, 8.* Ленин пишет письмо в Государственное издательство, в котором предлагает использовать материалы советских газет, а также коммунистических и буржуазных газет разных стран для переводов их на иностранные языки и ежемесячного издания брошюр с целью разоблачения империалистической политики Антанты.
- Август, 11.* В. И. Ленин пишет телеграмму И. В. Сталину, в которой сообщает о ходе мирных переговоров с Польшей и дает указание усилить наступление на Крымском фронте, чтобы добить Врангеля и освободить весь Крым.
- Август, 15.* Ленин пишет «Письмо к австрийским коммунистам».
- Август, 18.* Ленин пишет телеграмму Реввоенсовету Западного фронта с указанием об усилении наступления на белополяков.
- Ленин направляет на рассмотрение Малого Совнаркома просьбу А. М. Горького об академических пайках для петроградских ученых, с предложением удовлетворить просьбу.
- Август, 19.* В. И. Ленин и И. В. Сталин по прямому проводу дают директивы Центральному Комитету КП(б) Украины и Кавказскому бюро ЦК РКП(б) о выделении лучших коммунистов на врангелевский фронт; Сибирскому бюро ЦК РКП(б) об организации помощи врангелевскому и польскому фронтам.
- Ленин посылает телеграмму Реввоенсовету Западного фронта с указанием о немедленном пополнении армий фронта белорусскими рабочими и крестьянами.

- Август, 20.* В. И. Ленин соглашается с предложением И. В. Сталина о выезде Г. К. Орджоникидзе из Баку в Ростов-на-Дону для работы в Реввоенсовете Кавказского фронта. Политбюро ЦК РКП(б) принимает предложение И. В. Сталина.
- Ленин руководит заседанием Совета Труда и Оборона, на котором обсуждаются вопросы: о Каширстрое; о специальных мерах при возможных отступлениях советских войск на врангелевском фронте (внесено И. В. Сталиным); о снабжении дрoвами Москвы и др.
- Август, 28.* Ленин заполняет личный листок всероссийской переписи населения.
- Сентябрь, 1.* Ленин в записке в библиотеку Румянцевского музея (ныне библиотека им. В. И. Ленина) просит выдать два лучших словаря греческого языка, с греческого на немецкий, французский, русский или английский; лучшие философские словари, словари философских терминов на немецком, французском, английском и русском языках; книги по истории греческой философии.
- Ленин выступает на II Всероссийском съезде Союза работников просвещения и социалистической культуры с докладом о текущем моменте.
- Сентябрь, 2.* Ленин пишет предисловие ко второму изданию книги «Материализм и эмпириокритицизм».
- Сентябрь, 3.* В. И. Ленин посылает на отзыв И. В. Сталину проект постановления СНК о Туркестанской Советской Республике.
- Сентябрь, 6.* Ленин пересылает Подольскому упродкому прошение крестьян деревни Богданово об уменьшении продразверстки и пишет телефонограмму с указанием немедленно рассмотреть прошение и по возможности уменьшить продразверстку.
- Сентябрь, 14.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о хлебной разверстке; об Автономной Туркестанской Советской Социалистической Республике и др.
- Сентябрь, 17.* Ленин принимает делегата крестьян из Сибири; во время беседы делает запись о мерах улучшения положения крестьян в Сибири.

- Сентябрь, 20.* Ленин руководит заседанием пленума ЦК РКП(б), на котором обсуждаются вопросы: о мирных переговорах с Польшей; о Всероссийской конференции РКП(б) и др.
- Сентябрь, 22—25.* Ленин руководит работой Девятой всероссийской конференции РКП(б).
- Сентябрь, 22.* Ленин открывает конференцию и избирается в состав президиума; выступает с политическим отчетом ЦК; вносит поправки к резолюции по польскому вопросу.
Ленин на вечернем заседании конференции выступает с заключительным словом по политическому отчету ЦК.
- Сентябрь, до 23.* Ленин редактирует проект заявления ВЦИК об условиях мира с Польшей.
- Сентябрь, 24.* Ленин пишет предложения к проекту резолюции «Об очередных задачах партийного строительства» для Всероссийской конференции РКП(б).
Ленин на вечернем заседании конференции выступает с речью в прениях по докладу об очередных задачах партийного строительства.
Ленин пишет «Письмо к немецким и французским рабочим. По поводу прений о Втором конгрессе Коммунистического Интернационала».
- Сентябрь, не позднее 28.* Ленин пишет письмо конгрессу коммунистической партии Чехословакии.
- Октябрь, 2.* Ленин выступает на III Всероссийском съезде РКСМ с речью о задачах союзов молодежи.
Ленин выступает на съезде рабочих и служащих кожевенного производства с речью о международном и внутреннем положении Советской республики.
Ленин пишет обращение «К незаможным селянам Украины».
- Октябрь, 8.* Ленин пишет проект резолюции для съезда Пролеткульта и вносит его на рассмотрение ЦК РКП(б).
- Октябрь, 12.* Ленин присутствует на похоронах Инессы Арманд на Красной площади.

- Середина октября.* Ленин принимает английского писателя Г. Уэлдса.
- Октябрь, 15.* Ленин выступает на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Советов Московской губернии с докладом о внешнем и внутреннем положении Советской республики.
- Октябрь, 16.* Ленин в телеграмме М. В. Фрунзе дает директиву о подготовке к взятию Крыма.
- Октябрь, 19.* Ленин пишет заметки об очередных задачах партии по окончании войны с Врангелем.
- Октябрь, 20.* Ленин пишет статью «К истории вопроса о диктатуре».
- Октябрь, 21.* Ленин в письме президиуму Петроградского Совета дает указания, чтобы при предоставлении квартир ученым выделялись помещения для кабинетов и лабораторий.
- Ленин принимает делегацию от ставропольских крестьян, привезшую хлеб детям Москвы; беседует о нуждах крестьян и пишет письмо в Наркомпрод с предложением дать ему к следующему дню заключение о возможности выполнения просьб крестьян.
- Октябрь, 24.* Ленин посылает телеграмму Реввоенсовету I Конной армии с директивой принять меры для ускорения разгрома Врангеля.
- Октябрь, 27.* Ленин беседует с делегацией от партийной конференции Александровского уезда, Владимирской губернии; узнав о злоупотреблениях на Троицком заводе, пишет письмо Владимирскому губкому партии и направляет делегацию в Центральную Контрольную комиссию к Ф. Э. Дзержинскому.
- Ленин присутствует на просмотре кинофильма о работе нового гидравлического торфососа инженера Р. Э. Классона, после чего руководит совещанием, на котором происходит обмен мнениями об изобретении.
- Октябрь, 28.* Ленин в телеграмме М. В. Фрунзе дает указания спешно обсудить способы подвоза тяжелой артиллерии к линии Крымского фронта для успешного развития операций по овладению Крымским полуостровом.

- Октябрь, 29.* В. И. Ленин посылает телеграмму И. В. Сталину в Баку, в которой предлагает спешно принять меры к укреплению подступов к Баку с суши и с моря.
- До 1 ноября.* Ленин пишет дополнения и поправки к проекту декрета о централизации библиотечного дела в РСФСР.
- Начало ноября.* Ленин пишет тезисы к резолюции «О задачах профессиональных союзов и методах их осуществления» и проект резолюции для фракции РКП(б) V Всероссийской конференции профессиональных союзов.
- Ноябрь, 3.* Ленин выступает на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования с речью об основных задачах Главполитпросвета и политпросветов на местах.
- Ноябрь, 4.* Ленин пишет статью «О борьбе внутри Итальянской социалистической партии».
- Ноябрь, 6.* Ленин пишет письмо Г. М. Кржижановскому о задачах Государственной комиссии по электрификации России.
Ленин выступает с речью на торжественном заседании пленума Московского Совета, МК РКП(б) и МГСПС, посвященном 3-й годовщине Октябрьской революции.
- Ноябрь, 7.* Ленин выступает с речью, посвященной 3-й годовщине Октябрьской революции на пленуме Сокольнического районного Совета с участием представителей от фабрично-заводских комитетов.
- Ноябрь, 9.* Ленин руководит заседанием пленума ЦК РКП(б), на котором обсуждается и принимается за основу проект тезисов о задачах профсоюзов, написанный Лениным.
- Ноябрь, 12.* Ленин посылает телеграмму Реввоенсовету Южфронта с указаниями об условиях капитуляции Врангеля.
- Ноябрь, 13.* В. И. Ленин телеграммой запрашивает И. В. Сталина о ходе борьбы с бандами на Кавказе и об укреплении подходов к Баку; просит его сообщить свое мнение о возможности мирного урегулирования отношений РСФСР с Грузией и Арменией.

Ленин принимает председателя группового комитета Грозненских нефтяных промыслов, прибывшего к нему с приветствием от рабочих.

Ноябрь, 14.

Ленин присутствует на открытии электрической станции в деревне Кашино Волоколамского уезда, Московской губернии; беседует с крестьянами, выступает с речью о значении электрификации в народном хозяйстве; вечером выступает на собрании крестьян в помещении народного дома в селе Ярополец.

Ноябрь, 16.

Ленин беседует с крестьянином, делегатом Мосальского уезда, Калужской губернии; во время беседы делает заметки о нуждах крестьян; направляет в Наркомпрод и Наркомзем письмо, в котором требует прислать ему справку о возможности удовлетворения крестьянских нужд.

Ноябрь, 18.

Ленин пишет «Тезисы о производственной пропаганде. (Черновой набросок)».

Ленин выступает с речью на собрании делегатов партийных организаций Бауманского района.

Ноябрь, 19.

Ленин руководит и выступает с речью на совещании делегатов Московской губернской партийной конференции, на котором обсуждаются кандидатуры в члены Московского комитета РКП(б).

*Ноябрь,
не позднее 20.*

В. И. Ленин ведет переговоры по прямому проводу с И. В. Сталиным, находившимся во Владикавказе.

Ноябрь, 20.

Ленин пишет заметки об электрификации Яропольской волости, Волоколамского уезда, Московской губернии.

Ноябрь, 20—22.

Ленин участвует в работе Московской губернской партийной конференции.

Ноябрь, 21.

Ленин выступает на Московской губернской партийной конференции с речью «Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии».

Ленин выступает на конференции с речью по выборам в МК РКП(б).

- Ноябрь, 25.* Ленин выступает на конференции фабрично-заводских комитетов московских предприятий полиграфического производства с речью о международном и внутреннем положении Советской республики.
- Ноябрь, 26.* Ленин выступает на собрании секретарей ячеек московской организации РКП(б) с речью по вопросу о концессиях.
- Ноябрь, 29.* Ленин пишет письмо А. В. Луначарскому о реорганизации аппарата Наркомпроса.
Ленин выступает на общем собрании коммунистов Замоскворецкого района с докладом об итогах работы Московской губернской партийной конференции и с заключительным словом по докладу.
- Декабрь, 2.* Ленин посылает телеграмму председателю Революционного военного комитета Армении с приветствием Советской Армении, освобожденной от гнета империализма.
- Декабрь, 6.* Ленин выступает на дискуссионном собрании актива московской организации РКП(б) с речью о концессиях.
Ленин пишет приветствие Всероссийскому совещанию губженотделов.
- Декабрь, 7.* Ленин руководит заседанием пленума ЦК РКП(б), на котором обсуждается конфликт водников с Центральным комитетом профсоюза железнодорожного и водного транспорта. Пленум принимает предложение Ленина о созыве X съезда РКП(б) на 6 февраля 1921 года.
- Декабрь, 8.* Ленин руководит заседанием пленума ЦК РКП(б), вносит тезисы о производственной пропаганде, пишет проект постановления ЦК «Положение о Наркомпросе».
- Декабрь, 11.* Ленин пишет послесловие «Фальшивые речи о свободе» к статье «О борьбе внутри Итальянской социалистической партии».
- Декабрь, 15.* Ленин выступает на собрании крестьян деревни Моденово, Богородской волости, Верейского уезда, Московской губернии с докладом о международном и внутреннем положении Советской республики.

- Декабрь, 18.* Ленин посылает телеграмму Владикавказскому ревкому с указанием срочно оказать помощь беженцам гражданской войны по устройству их на постоянное жительство.
- Между 19 и 21 декабря.* Ленин в Горках работает над планом доклада о деятельности Совета Народных Комиссаров для VIII Всероссийского съезда Советов.
В. И. Ленин в письме Г. М. Кржижановскому намечает план практических мероприятий по электрификации.
- Декабрь, 21.* Ленин выступает на фракции РКП(б) VIII Всероссийского съезда Советов с докладом о концессиях. После доклада отвечает на вопросы делегатов.
- Декабрь, 22—29.* VIII Всероссийский съезд Советов. Ленин руководит работой съезда.
- Декабрь, 22.* Ленин на первом заседании съезда Советов избирается в президиум съезда; выступает с докладом о деятельности Совета Народных Комиссаров.
Ленин выступает на фракции РКП(б) съезда Советов с речью по вопросам внешней и внутренней политики Советского правительства.
Ленин присутствует на совещании беспартийных крестьян делегатов VIII съезда Советов.
- Декабрь, 23.* Ленин на втором заседании съезда выступает с заключительным словом по докладу о деятельности Совета Народных Комиссаров.
- Декабрь, 24.* Ленин выступает с речью на фракции РКП(б) VIII съезда Советов.
- Декабрь, 26.* Ленин в письме Чембарскому уездному исполкому Пензенской губернии просит оказать помощь бедняку-крестьянину села Соболевки Дудкину Парфену и направить его сына в школу.
- Декабрь, 27.* Ленин выступает с речью на фракции РКП(б) VIII съезда Советов при обсуждении законопроекта о мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства и отвечает на записки делегатов.
- Декабрь, 29.* Написанная Лениным революция по докладу об электрификации принимается на седьмом заседании VIII съезда Советов.

- Ленин на седьмом заседании съезда избирается членом ВЦИК восьмого созыва.
- Декабрь, 30.* Ленин выступает на соединенном заседании членов РКП(б): делегатов VIII съезда Советов, членов ВЦСПС и МГСПС с речью о профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого.
- Декабрь, 31.* Ленин утверждается Председателем Совнаркома на первом пленарном заседании ВЦИК восьмого созыва.
- Декабрь.* Ленин пишет письмо Г. М. Кржижановскому о выработке плана освещения электричеством каждого дома РСФСР.
-

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие.....	VII
ДЕТСКАЯ ВОЛЕЗНЬ «ЛЕВИЗНЫ» В КОММУНИЗМЕ	1—97
I. В каком смысле можно говорить о международном значении русской революции?.....	5
II. Одно из основных условий успеха большевиков	7
III. Главные этапы в истории большевизма	10
IV. В борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм?	15
V. «Левый» коммунизм в Германии. Вожди — партия — класс — масса	22
VI. Следует ли революционерам работать в реакционных профсоюзах?	29
VII. Участвовать ли в буржуазных парламентах?	38
VIII. Никаких компромиссов?.....	42
IX. «Левый» коммунизм в Англии.....	58
X. Некоторые выводы	70
Добавление	85—97
I. Раскол германских коммунистов	87
II. Коммунисты и независимцы в Германии	88
III. Турати и К ^о в Италии	91
IV. Неправильные выводы из верных посылок	92
V.....	96
Письмо Вайнкопа	97
РЕЧЬ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ РАБОЧИХ СТЕКЛО-ФАРФОРОВОГО ПРОИЗВОДСТВА 29 АПРЕЛЯ 1920 г.....	98—101

ОТ ПЕРВОГО СУББОТНИКА НА МОСКОВСКО-КАЗАНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ КО ВСЕРОССИЙСКОМУ СУББОТНИКУ-МАЕВКЕ	102—104
РЕЧЬ НА МИТИНГЕ, ПОСВЯЩЕННОМ ЗАКЛАДКЕ ПАМЯТНИКА ОСВОБОЖДЕННОМУ ТРУДУ, 1 МАЯ 1920 г. <i>Газетный отчет</i>	105
РЕЧЬ К КРАСНОАРМЕЙЦАМ, ОТПРАВЛЯЮЩИМСЯ НА ПОЛЬСКИЙ ФРОНТ, 5 МАЯ 1920 г. <i>Газетный отчет</i>	106
РЕЧЬ НА СОЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ВЦИК, МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ 5 МАЯ 1920 г.	107—112
ТЕЛЕГРАММА СОВЕТСКОМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ АЗЕРБАЙДЖАНА	113
РЕЧЬ НА ШИРОКОЙ РАБОЧЕ-КРАСНОАРМЕЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В РОГОЖСКО-СИМОНОВСКОМ РАЙОНЕ 13 МАЯ 1920 г. <i>Газетный отчет</i>	114—115
ИНДИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АССОЦИАЦИИ	116
ПИСЬМО К АНГЛИЙСКИМ РАБОЧИМ	117—121
ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НАБРОСОК ТЕЗИСОВ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ И КОЛОНИАЛЬНОМУ ВОПРОСАМ (<i>Для Второго съезда Коммунистического Интернационала</i>)	122—128
ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НАБРОСОК ТЕЗИСОВ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ (<i>Для Второго съезда Коммунистического Интернационала</i>)	129—141
«КОММУНИЗМ». «Журнал Коммунистического Интернационала для стран юго-восточной Европы» (на немецком языке). Вена, тетради 1/2, от 1 февр. 1920 до 18-ой, от 8 мая 1920	142—144
РЕЧЬ НА 2-м ВСЕРОССИЙСКОМ СОВЕЩАНИИ ОТВЕТСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАТОРОВ ПО РАБОТЕ В ДЕРЕВНЕ 12 ИЮНЯ 1920 г.	145—156
ТЕЛЕФОНОГРАММА НА ИМЯ ПРЕЗИДИУМА ВСЕРОССИЙСКОГО СОВЕЩАНИЯ ПО ПРОДОВОЛЬСТВИЮ 1 ИЮЛЯ 1920 г.	157—158
НА ПОМОЩЬ РАНЕНОМУ КРАСНОАРМЕЙЦУ!	159

ТЕЗИСЫ ОБ ОСНОВНЫХ ЗАДАЧАХ ВТОРОГО КОНГРЕССА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА	160—177
I. Сущность диктатуры пролетариата и Советской власти	161
II. В чем должна состоять немедленная и повсе- местная подготовка к диктатуре пролетариата?	164
III. Исправление линии — частью также состава — партий, примыкающих и желающих примкнуть к Коммунистическому Интернационалу	173
ОТВЕТ НА ПИСЬМО СОЕДИНЕННОГО ВРЕМЕННОГО КОМИ- ТЕТА ПО ОБРАЗОВАНИЮ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ	178
ТЕЛЕФОНОГРАММА И. В. СТАЛИНУ 12 ИЛИ 13 ИЮЛЯ 1920 г.	179
ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНУ 17 ИЮЛЯ 1920 г.	180
УСЛОВИЯ ПРИЕМА В КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНА- ЦИОНАЛ	181—187
ДВАДЦАТЫЙ ПУНКТ УСЛОВИЙ ПРИЕМА В КОММУНИСТИ- ЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ	188
II КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА 19 июля — 7 августа 1920 г.	189—238
1. ДОКЛАД О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ И ОСНОВ- НЫХ ЗАДАЧАХ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНА- ЦИОНАЛА 19 ИЮЛЯ	191
2. РЕЧЬ О РОЛИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ 23 ИЮЛЯ	210
✓ 3. ДОКЛАД КОМИССИИ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ И КОЛО- НИАЛЬНОМУ ВОПРОСАМ 26 ИЮЛЯ	215
4. РЕЧЬ ОБ УСЛОВИЯХ ПРИЕМА В КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ 30 ИЮЛЯ	221
5. РЕЧЬ О ПАРЛАМЕНТАРИЗМЕ 2 АВГУСТА	228
6. РЕЧЬ О ВХОЖДЕНИИ В БРИТАНСКУЮ РАБОЧУЮ ПАРТИЮ 6 АВГУСТА	232
ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНУ 2 АВГУСТА 1920 г.	239
ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНУ 4 АВГУСТА 1920 г.	240
ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНУ 11 АВГУСТА 1920 г.	241

ПИСЬМО К АВСТРИЙСКИМ КОММУНИСТАМ.....	242—244
II КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА	245—247
ОТВЕТ КОРРЕСПОНДЕНТУ ГАЗЕТЫ «ДЕЙЛИ-НЬЮС» Г. СЕГРЮ.....	248—249
РЕЧЬ НА IX ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РКП(б) 22 СЕНТЯБРЯ 1920 г. <i>Газетный отчет</i>	250—254
ПИСЬМО К НЕМЕЦКИМ И ФРАНЦУЗСКИМ РАБОЧИМ. <i>По поводу прений о Втором конгрессе Коммунистического Интернационала</i>	255—257
ЗАДАЧИ СОЮЗОВ МОЛОДЕЖИ (<i>Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи</i>) 2 октября 1920 г.	258—275
РЕЧЬ НА СЪЕЗДЕ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ КОЖЕВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА 2 ОКТЯБРЯ 1920 г.	276—288
К НЕЗАМОЖНЫМ СЕЛЯНАМ УКРАИНЫ	289—290
О ПРОЛЕТАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ.....	291—292
Проект резолюции	291
РЕЧЬ НА СОВЕЩАНИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ УЕЗДНЫХ, ВО- ЛОСТНЫХ И СЕЛЬСКИХ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 15 ОКТЯБРЯ 1920 г.	293—308
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА СОВЕЩАНИИ ПРЕДСЕДАТЕ- ЛЕЙ УЕЗДНЫХ, ВОЛОСТНЫХ И СЕЛЬСКИХ ИСПОЛНИТЕЛЬ- НЫХ КОМИТЕТОВ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 15 ОКТЯБРЯ 1920 г.	309—312
ТЕЛЕГРАММА СОВЕТСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ И ШТАБУ ЮЖНОГО ФРОНТА.....	313
К ИСТОРИИ ВОПРОСА О ДИКТАТУРЕ (<i>Заметка</i>)	314—334
ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНУ 29 ОКТЯБРЯ 1920 г.	337
РЕЧЬ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СОВЕЩАНИИ ПОЛИТПРОСВЕТОВ ГУБЕРНСКИХ И УЕЗДНЫХ ОТДЕЛОВ НАРОДНОГО ОБРАЗО- ВАНИЯ 3 НОЯБРЯ 1920 г.	338—348
ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ «ЗАДАЧИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ И МЕТОДЫ ИХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ».....	349—350

О БОРЬБЕ ВНУТРИ ИТАЛЬЯНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.....	351—363
Фальшивые речи о свободе (<i>вместо послесловия</i>)	36½
РЕЧЬ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ПЛЕНУМА МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ, МК РКП(б) И МГСПС, ПОСВЯЩЕННОМ 3-ей ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, 6 НОЯБРЯ 1920 г.....	369—374
ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНУ 13 НОЯБРЯ 1920 г.....	375
ТЕЗИСЫ О ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРОПАГАНДЕ (<i>Черновой набросок</i>).....	376—378
ВЗ ПЕРЕГОВОРОВ ПО ПРИМОМУ ПРОВОДУ МЕЖДУ В. И. ЛЕНИНЫМ И И. В. СТАЛИНЫМ.....	379
НАШЕ ВНЕШНЕЕ И ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ ПАРТИИ (<i>Речь на Московской губернской конференции РКП(б) 21 ноября 1920 г.</i>).....	380—399
РЕЧЬ НА МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РКП(б) ПО ВЫБОРАМ В МК 21 НОЯБРЯ 1920 г.....	400—401
РЕЧЬ НА КОНФЕРЕНЦИИ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМПЕТЕТОВ МОСКОВСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ ПОЛИГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА 25 НОЯБРЯ 1920 г. <i>Краткий газетный отчет</i>	402
РЕЧЬ НА СОБРАНИИ СЕКРЕТАРЕЙ ЯЧЕЕК МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РКП(б) 26 НОЯБРЯ 1920 г. <i>Газетный отчет</i>	403—405
ДОКЛАД НА ОБЩЕМ СОБРАНИИ КОММУНИСТОВ ЗАМОСКВО-РЕЧЬЯ 29 НОЯБРЯ 1920 г. <i>Краткий газетный отчет</i>	406—408
Заключительное слово.....	407
ТЕЛЕГРАММА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО КОМИТЕТА АРМЕНИИ.....	409
РЕЧЬ НА СОБРАНИИ АКТИВА МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РКП(б) 6 ДЕКАБРЯ 1920 г.....	410—429
ПРИВЕТСТВИЕ ВСЕРОССИЙСКОМУ СОВЕЩАНИЮ ГУБЖЕПОТДЕЛОВ. <i>Телефонограмма</i>	430

VIII ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ 22—29 ДЕКАБРЯ	
1920 г.	431—500
1. ДОКЛАД О КОНЦЕССИЯХ НА ФРАКЦИИ РКП(б) VIII СЪЕЗДА СОВЕТОВ 21 ДЕКАБРЯ	433
2. ДОКЛАД О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА НАРОДНЫХ КО- МИССАРОВ 22 ДЕКАБРЯ	456
3. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ О ДЕЯТЕЛЬ- НОСТИ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ 23 ДЕКАБРЯ	487
4. РЕЧЬ НА ФРАКЦИИ РКП(б) VIII СЪЕЗДА СОВЕТОВ 24 ДЕКАБРЯ	492
5. ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ VIII СЪЕЗДА СОВЕТОВ ПО ДОКЛАДУ ОБ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ	499
6. ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ФРАКЦИИ РКП(б) VIII СЪЕЗДА СОВЕТОВ	500
ПИСЬМО К РАБОЧИМ КРАСНОЙ ПРЕСНИ 25 ДЕКАБРЯ 1920 г.	501—502
<i>Примечания</i>	503—520
<i>Даты жизни и деятельности В. И. Ленина</i>	521—539

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет В. И. Ленина. — Май 1920 г.	X—1
Начало первой страницы рукописи В. И. Ленина «Дет- ская болезнь «левизны» в коммунизме». — Апрель — май 1920 г.	3
Рукопись телеграммы В. И. Ленина И. В. Сталину. — 29 октября 1920 г.	335

Тираж 515 тыс. экз. (1—250 тыс.).
Подписано к печати 20/IX 1950 г.
Объем 34²/₈ печ. л. 29,35 уч.-изд. л.
Цена 6 р. 50 к.

★

2-я типография «Печатный Двор»
им. А. М. Горького Главполиграфиз-
дата при Совете Министров СССР.
Ленинград, Гатчинская, 26.